**ИНСТИТУТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Научно-теоретический журнал

НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск 4

**Пятигорск
2012**

Научные проблемы гуманитарных исследований № 4 2012 год

Основан в 2006 году

Зарегистрировано в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и СМК РФ. Рег. номер ПИ № ФС77-26508 от 4 декабря 2006 г.

Учредитель:
Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе

Главный редактор:
А. В. КАЗНАЧЕЕВ

Заместитель главного редактора:
Л. В. КРЮКОВА

Редколлегия:
Е. А. АБУЛОВА,
С. Н. АРТЕМОВ
О. А. АХВЕРДОВА,
Е. М. ДЖУРБИНА
Б. М. ЗУМАКУЛОВ,
М. А. КОРГОВА,
А. Н. ОВШИНОВ,
М. Л. ПРОХОРОВА,
Н. Ю. РУДЬ,
Г. Н. РЫКУН,
И. А. СВИНТОРЖИЦКАЯ,
Т. П. СКРИПКИНА,
М. Б. ТЛЕНКОПАЧЕВ,
С. Б. УЗДЕНОВА,
И. А. ХАПЧАЕВ

Адрес редакции:
357500,
Ставропольский край,
г. Пятигорск,
пр-т 40 лет Октября, 56
тел. 8(8793)33-51-84
E-mail: red-inst@mail.ru
www.npgi.ru
ISSN 2071-9175

Номер подписан в печать 20.04.2012

Журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК (решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6), в которых могут быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим специальностям: история, философия, социология, педагогика, психология, экономика, право.

Редакционный совет:
А. А. Горелов, Е. Е. Несмеянов,
В. А. Шаповалов, Г. Х. Шингаров

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

М.- П. Б. Абдусаламов, М. Г. Бучаев
Территория и население феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX века.....6

Т. А. Адаян
Сравнительно-исторический анализ положения городских и сельских женщин Турецкой Республики (современный период).....13

С. О. Жупанин
К вопросу о периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе в 1830–1853 гг.....22

М. М. Ибрагимов
Репрессивная политика в Чечено-Ингушетии в 1930-е гг.....27

М. М. Ибрагимов, А. Р. Балаева
Модернизация нефтяной промышленности Чечни в 1920–1930-е гг.....33

А. А. Илясова
Роль торговли в хозяйственном укладе народов Дагестана в первой половине XIX века.....40

А. Д. Койчуев
Исмаил Акбаев – просветитель, создатель первой письменности Карачая и Балкарии, автор и переводчик первых учебников.....50

В. Н. Ракачев
Особенности брачно-семейной структуры населения
Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.....57

Л. А. Труженикова
Трансформация высшей законодательной власти в Дагестане
во второй половине XX – начале XXI века.....68

Е. С. Шавлохова
Сущность и механизмы реализации государственного управления в Терской и
Кубанской областях на уровне округов (конец XIX века).....78

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Е. С. Авдеева
Организация темпа речи в структуре заикания подростков и взрослых.....92

С. С. Арзуманян
Формирование я-концепции как проблема педагогической психологии.....99

Ю. М. Баранова
Общение подростков в социальных интернет-сетях
как особый вид коммуникации.....105

Р. Р. Газизова
Профессиональная позиция психолога по отношению к клиенту.....110

Н. А. Дибцева
Повышение квалификации работников образования
в аспекте проблем профессионального развития.....116

Н. В. Доценко
Ценностные основания методической деятельности
в дополнительном образовании детей.....122

Е. Б. Маслов
Мотивы выбора и ценности профессии.....129

Е. Е. Панина
Формирование профессиональных компетенций
у будущих специалистов сферы гостеприимства.....135

С. Б. Калинковская
Использование технологии проблемного обучения при организации
интерактивного образовательного процесса на заочном отделении вуза.....145

З. О. Кекеева
Принцип самоорганизации – системообразующий элемент инновационной деятельности будущего учителя.....150

Т. А. Стародубцева
Структурно-содержательные и уровневые характеристики языковой компетенции курсантов авиационного вуза.....156

М. В. Шепелев
Организационно-педагогическая модель мониторинга одаренных учащихся на пропедевтическом этапе изучения химии.....162

Е. А. Эннс
Профессиональное самосознание и профессиональная идентичность как системообразующий фактор развития интегральной индивидуальности студентов помогающих профессий.....169

ПРАВО

К. Д. Ванян
Правовой популизм в политическом процессе.....175

А. П. Мазуренко, Ю. А. Титенко
Правовая политика России в сфере защиты прав несовершеннолетних.....180

СОЦИОЛОГИЯ

С. Н. Бочкарников
Ценностные основы предпринимательской идентификации студентов.....187

В. В. Ванина
Проблема межпоколенческих конфликтов как один из аспектов функционирования молодой семьи.....195

И. А. Васильева, Н. В. Степаненко, Н. А. Козлова
Геополитические факторы конфликта на Северном Кавказе.....200

А. В. Гребенюк, О. Н. Лящук
Сувенирная продукция как один из факторов формирования туристского имиджа СКФО.....206

Н. В. Чаплашкин
Современное состояние фриланса в России и его перспективы.....211

ФИЛОСОФИЯ

А. Б. Абаюкова, Н. В. Кильберг-Шахзадова
Социально-философский анализ семейных ценностей.....217

В. Н. Гончаров
Научно-информационная деятельность:
социально-культурологический аспект.....225

М. В. Гурин
Нарастание тенденций многополярности
в современном глобализирующемся мире.....239

Е. А. Дороднов
Онтологический аспект в научно-историческом
исследовании нереализованных возможностей.....246

Р. В. Икаева
Теоретические концепции социальной коммуникации.....253

А. А. Клещенко
Философия молодежи и философия для молодежи:
воспитательный потенциал философии.....261

О. Ю. Колосова
Трансформационные социальные процессы в контексте глобализации.....266

С. С. Православский
Социально-технологические перспективы социально-философских метафор
в информационном обществе.....271

В. Е. Черникова
Диалог культур как способ социокультурного
взаимодействия в условиях глобализации.....279

А. А. Чуприна
Экзистенциальные константы семьи как сферы социального бытия.....287

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.67)

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ДАГЕСТАНА В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

М.-П. Б. Абдусаламов, М. Г. Бучаев

TERRITORY AND POPULATION OF DAGESTAN FIEFS (FROM THE 18th TO THE 19th CENTURIES)

M.-P. B. Abdusalamov, M. G. Buchaev

В статье на основе глубокого анализа с привлечением обширной источниковой базы рассматривается территория и население феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX века. В исследуемый период Дагестан не представлял единого целого, здесь по-прежнему господствовала феодальная раздробленность. По мнению авторов, феодальные владения Дагестана имели внутреннюю автономию, таможенные границы и вели самостоятельную внешнюю политику.

In this paper, based on in-depth analysis involving extensive source, the territory and the population of Dagestan in the feudal estates of XVIII – early XIX century is considered. During this period Dagestan did not represent a single entity, it is still dominated by feudal disunity. According to the authors, fiefs of Dagestan had internal autonomy, the customs border and conducted an independent foreign policy.

Ключевые слова:
Дагестан, феодальные владения, раздробленность, резиденция, шамхал, уцмий, хан, нуцал, майсум.

Keywords:
Dagestan, fiefs, disunity, residence, shamkhal, utsmy, khan, nutsal, maysum.

В XVIII – начале XIX века политическая карта Дагестана выглядела весьма пестрой. Здесь сохранились десятки феодальных владений со своими таможенными границами, административно-политическим управлением и самостоятельной внешней ориентацией. В этот период наиболее крупными феодальными владениями были Тарковское шамхальство, Засулакские владения – Эндиреевское, Аксаевское и Костековское, Кайтагское уцмийство, Дербентское ханство, Аварское нуцальство, Казикумухское ханство, Табасаранское майсумство и др.

Среди феодальных образований Дагестана наиболее крупным по своему политическому влиянию и территории являлось Тарковское шамхальство. Территория шамхальства простиралась от Сулака вдоль Каспийского моря до границ

Кайтагского уцмийства и охватывала всю территорию Прикаспийской низменности и частично предгорную полосу [1]. «Народонаселение владения Тарковского не превышает 12, 000 домов, из которых, как полагают, шамхал может выставить более 11 т. воинов», – говорится в «Обозрении российских владений…» [2]. Только в резиденции шамхала – Тарках – было 10 тыс. жителей [3]. Кроме оседлых кумыков, на территории шамхальства насчитывалось 346 кибиток кочующих ногайцев [4].

«Шамхал Тарковский был первым лицом в Дагестане, – писал А. Неверовский, – и в случае каких-либо недоразумений, должно было прибегать к его посредничеству, а от того он и называется также Валием Дагестанским, т. е. верховным судьей (*правителем. – М.-П. А.*)…» [5].

Род кумыкских шамхалов был древний. Со времени арабского завоевания вплоть до XVI века шамхалы пользовались в Дагестане большим влиянием и являлись в этом крае крупными землевладельцами [6]. «Шамхалов величали также ,,Валиями Дагестана", то есть владыками гор», – писал М. Я. Ольшевский [7]. Кроме того, «они (*шамхалы. – М.-П. А.*) имели еще титул Владетеля Буйнакского, а некоторое время и Хана Дербентского» [8].

В более раннюю феодальную эпоху шамхалы действительно обладали всей Кумыкией и им принадлежала вся полнота власти не только в особенном владении, но и на территориях их вассалов-беков. Еще в XVIII веке за шамхалом, сидящим в Тарках, сохранилось старшинство и он считался первым из кумыкских владельцев. Однако титул его был уже сужен рамками одного шамхальства: теперь таковой именовался только шамхалом Тарковским [9].

Шамхал Тарковский на протяжении всего XVIII века стремился уничтожить ограничения, какими он был связан, и сделать свою власть наследственной. Этой политике противодействовали преемник шамхала, сидевший в Буйнаке, а затем и все остальные влиятельные кумыкские князья. Только со времени проникновения русского самодержавия на Кавказ власть шамхала стала наследственной [10].

Верховными правителями Тарковского владения были шамхалы. Передача шамхальского достоинства происходила не по прямой линии, а давалась старшему в роду [11].

Известно, что шамхала избирали на собрании знатных кумыкских биев, мурз, кадиев с участием акушинцев. Шамхалом избиралось старшее лицо из тарковского дома. На этом же собрании одновременно с шамхалом намечался его будущий преемник, называемый «крым-шамхалом», имевший свою резиденцию в Буйнаке [12]. После смерти шамхала он получал титул и власть шамхала Тарковского [13].

Мехтулинское ханство занимало небольшую территорию в Среднем Дагестане. Как отмечали М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, это владение было «смежно границами с Аварией, Акушою и шамхальским владением. Мехтулинцы живут в горах к юго-западу от Тарки по вершинам небольших речек, впадающих в Озень и Манас» [14]. Во главе Мехтулинского владения стоял наследственный хан, после смерти которого власть переходила к его старшему сыну. В изучаемое время правителями Мехтулинского ханства были Умма, Ахмед-хан, Гасан-бек. Следует отметить, что А. П. Ермолов за вооруженное выступление правителя ликвидировал в 1818 году Мехтулинское ханство, передав его управление шамхалу, а в начале 1820 года командующий Кавказским корпусом восстановил ханство [15]. В начале XIX века Мехтулинское ханство насчитывало 3 450 дворов и 15 932 жителя [16].

На территории Северного Дагестана, между реками Терек и Сулак, имелось три феодальных владения: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское.

Влиятельным владением являлось Эндиреевское владение с центром в с. Эндирей. По сведениям Я. Рейнеггса, Эндирей был крупным населенным пунктом, состоящим из 3 тыс. дворов [17]. А по данным А. М. Буцковского от 1812 года, здесь было 1 500 домов [18]. В начале XIX века, по информации А. И. Ахвердова, эндиреевцы могли собрать до 3 тыс. вооруженных людей [19].

По данным середины XVIII века Эндиреевским княжеством владели 4 княжеских фамилии (Хамзаевы, Чопановы, Казаналиповы и Чопан-Шамхаловы) [20]. По сведениям начала XIX века их было 5 (Казаналиповы, Темировы, Алишевы, Айдемировы, Муртазали-Аджиевы) [21].

Вторым по территории и статусу после Эндиреевского владения являлось Аксаевское княжество. Родоначальником аксаевских беков был внук Султан-Мута Алибек, у которого было двое сыновей – Ахматхан и Султан-Махмуд. От них пошли 5 фамилий – Алибековы, Капланов, Эльдаровы, Уцмиевы и Арсланбековы [22]. Старшим князем в 20-х годах XVIII века в Аксае был Султан-Махмуд, а в начале XIX века – Хасбулат Арсланбеков [23].

По данным Я. Рейнеггса, в конце XVIII века в Аксае было 1 200 дворов [24]. По сведениям начала XIX века здесь проживало 500 семей [25]. В 1812 году А. М. Буцковский отмечал, что в Аксае «не более 800 домов» [26]. В начале XIX века аксаевцы могли выставить до 1 500 вооруженных людей [27].

Третьим по значимости и размерам в Засулакской Кумыкии было Костековское владение. Согласно сведениям А. И. Ахвердова (начало XIX века), в нем проживало до 300 семей [28]. По сообщениям А. М. Буцковского (1812 год), в рассматриваемое время в нем насчитывалось до 650 дворов [29]. Правителями Костековского владения были Г. Муцалов, Гирей, Алиш Хамзаев (70-е годы), Хан-Мурза (80-е годы XVIII века). В начале XIX века владетелями Костековского княжества были 7 братьев Алишевых (старший князь Муртазали, Устархан, Адиль, Актула, Бамат-Мурза, Умахан и Хасай) [30]. В это время в случае войны костековцы могли выставить до 600 вооруженных людей [31].

Аварское ханство было одним из влиятельных феодальных владений Дагестана. Оно занимало земли, населенные аварцами, в междуречье Аварского и Андийского косу. Столицей нуцальства был Хунзах. Правитель Аварии носил титул «нуцал». Достаточно убедительного ответа о его значении пока нет, но большинство исследователей полагают, что термин происходит от иудейского слова «нуци» – ‘князь’.

До середины XVIII века аварским ханом был Нуцал-хан. При нем и его преемниках, особенно при Умма-хане (1776–1801 годы), ханство расширилось за счет присоединения к нему соседних владений и некоторых союзов сельских общин.

В 1806 году, после смерти Умма-хана, правителем Аварии стал мехтулинский Султан-Ахмед-хан. В 1818 году за антироссийские выступления он был лишен ханского престола. После Султан-Ахмед-хана владением до 1828 года фактически управляла Баху-бике [32].

Казикумухское ханство было расположено в центре Нагорного Дагестана. Это владение занимало земли, населенные преимущественно лакцами, сейчас охватывающие Лакский, Кулинский и части Агульского и Акушинского районов. Во

время правления Магомед-хана (середина XVIII века) и при его преемнике Сурхай-хане II была значительно расширена территория ханства. В этот период Казикумухское ханство представляло собой уже обширную территорию от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы [33]. В ханстве, разделенном на 8 магалов [34], вместе с присоединенными территориями было более 200 населенных пунктов.

Власть хана была наследственной. В военное время казикумухский хан мог собрать до 7 тыс. человек [35]. По сведениям П. Г. Буткова, в конце XVIII века хан мог выставить войско до 20 тыс. вооруженных людей [36]. А по данным А. И. Ахвердова, в начале XIX века казикумухский правитель мог собрать войско до 8 тыс. человек [37].

Кайтагское уцмийство занимало земли, преимущественно населенные даргинцами. В него также входили некоторые земли, населенные кумыками, табасаранцами, горскими евреями, теркеменцами, в пределах современных Кайтагского, Дахадаевского и части Дербентского и Табасаранского районов. Границы уцмийства протягивались от Дербента до Каякента и от Каспийского моря до Казикумухского ханства. Столицей Кайтагского уцмийства был Калакорейш. Значение термина «уцмий», как считают исследователи, происходит от еврейского слова «оцум», что означает ‘сильный, мощный’.

В рассматриваемый период Кайтагское уцмийство делилось на две части: Верхний Кайтаг и Нижний Кайтаг. В административном отношении уцмийство было разделено на магалы и бекства. Численность населения Кайтагского уцмийства в конце XVIII века достигала 75 тысяч [38]. Уцмий мог выставить в военное время от 5 до 16 тыс. человек [39].

Власть уцмия была наследственной и переходила к старшему в уцмиевской правящей фамилии. Однако уцмий должен был утвердиться всенародным собранием в торжественной обстановке в столице владения Башлы [40].

В рассматриваемое время уцмиями были Ахмед-хан, Амир-Гамза, Рустем-хан, Али-хан, Адиль-хан.

Территорию к югу от Кайтагского уцмийства до р. Чираг, протяженностью около 50 км, и от Дербента на северо-запад (около 70 км) занимал Табасаран.

В изучаемое время Табасаран был разделен на 2 самостоятельных владения: майсумство и владение кадия. В майсумстве было до 70 сел, с численностью населения до 21 тыс. человек [41]. Резиденцией майсума служило с. Чегрех.

К кадийству Табасарана относились магалы Махмуд-бека, Магомет-бека и Мурза-бека, с центром с. Ерси. Всего в этом владении было 20 сел [42].

Как и в других владениях Дагестана, в Табасаране не было регулярной армии. Однако в случае войны майсум и кадий собирали ополчение под своим руководством. Так, майсум, имея в своем владении 7 тыс. дворов (21 тыс. человек), мог собрать при необходимости 3-тысячное войско, а кадий, имея 10 666 дворов (31 998 человек), – почти 5,5 тыс. вооруженных людей [43].

В 1815 году в связи с участием в вооруженном выступлении оба табасаранских правителя – майсум Сухраб-бек и Рустам-кади – были отстранены от власти русскими властями, а управление оказалось возложено на дербентского коменданта. После 1823 года управление было поручено бекам Табасарана [44].

В рассматриваемое время известными и влиятельными правителями в Табасаране были Рустам-кадий, Муртузали-кадий, майсумы – Магомед, Муртузали, Навруз-бек, Ханум-бике и др.

Дербентское ханство занимало территорию к югу от города, доходя до границ Ширвана. На западе оно граничило с Табасараном и на севере с Кайтагским уцмийством.

Территория Дербентского ханства была незначительной по сравнению с другими феодальными государственными образованиями Дагестана. В начале XVIII века Дербент и окружающие его территории находились под властью Сефевидов. Во времена похода Петра I в Прикаспие Дербент был присоединен к России. В 1735 году, согласно Рештскому мирному договору между Россией и Ираном, Дербент подчинился власти Надир-шаха. После смерти Надир-шаха и изгнания с Южного Кавказа персидских войск образовалось Дербентское ханство. В зависимости от статуса Дербентского владения, которое оказывалось то под властью персов, то в статусе независимого, то присоединенным к России, это владение называли султанством, ханством или провинцией.

Правитель Дербентского владения имел неограниченную власть [45]. Согласно Ф. И. Соймонову, дербентский султан был «яко главный повелитель тамошнего места и окольных деревень» (*Улусского магала. – М.-П. А.*) [46].

Автор XVIII века И.-Г. Гербер отмечал, что из населения Дербентского владения набираются «около 600 человек конных и 1 000 человек пехоты, между теми одна рота конна, называемая курчи, над которой наиб сам капитаном или юзбаши, и можно курчи почесть яко гвардию шахову, ибо оные в великой чести и почтении бывали, и, кроме шахской воли, в курчи никто не мог написан быть» [47].

Дербентским ханством в начале XIX века управлял Ших Али-хан. С 1806 года здесь была создана новая администрация – русское командование назначило наибом Алпан-бека, который осуществлял управление под наблюдением дербентского коменданта. В 1812 году в Дербенте было учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинцией.

Кюринское ханство с XVIII до начала XIX века входило в состав Казикумухского ханства. В 1812 году кавказская администрация образовала Кюринское ханство во главе с правителем Аслан-ханом. В 1820 году оно вновь было объединено с Казикумухским под управлением Аслан-хана [48]. В состав Кюринского ханства входило более 140 сел. Кюринский хан имел неограниченную власть в своем владении, лично осуществлял управление, суд и расправу над ему подвластными.

В Южном Дагестане имелось небольшое владение Цахурское, известное как Елисуйское султанство. Оно занимало территорию по бассейну реки Самур. Резиденцией султанов был населенный пункт Цахур.

Как отмечал в 70-х годах XIX века И. Линевич, «Елисуйское султанство состояло из двух частей: Цахурского владения, впоследствии „Горный магал", входившего в состав дагестанских земель и заключавшего в своих пределах Цахур и окрестные селения, по долине р. Самура, и из собственно Елисуйского султанства, занимавшего пространство к югу от Цахурского владения (от которого отделялось главным хребтом), до Калычая, Алазани, Айри-чая и Кошка-чая.

В означенных пределах считалось 21 000 кв. верст и 21 тыс. душ мужского пола» [49].

По сведениям начала XIX века, собранным М. А. Коцебу, в Елисуйском султанстве было 39 сел [50].

В изучаемое время султан имел неограниченную власть. Следует, однако,

отметить, что когда султан был вассалом Джарского общества, то управление Елисуйским султанством контролировалось джамаатом Джара. В данный период правителями Елисуйского султанства были Али-султан, Ахмед-хан [51].

Таким образом, в рассматриваемое время на территории Дагестана существовали крупные государственные образования – шамхальство Тарковское, Засулакские владения, Кайтагское уцмийство, ханства Мехтулинское, Казикумухское, Дербентское и Кюринское, Аварское нуцальство, майсумство Табасаранское, Елисуйское султанство и другие небольшие владения-бийлики.

По сути, территориально Дагестан не представлял собой единого государственного образования. Здесь мы обнаруживаем наличие феодальной раздробленности. Причем следует вести речь о феодальных владениях со своими таможенными границами и самостоятельной внешней ориентацией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII в. Махачкала, 2008. С. 28.

2. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. 3. С. 188–189.

3. Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана: 1831 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 308.

4. Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Ист. журн. М., 1940. № 2. С. 65.

5. Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 3.

6. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 168.

7. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. СПб., 1893. С. 291.

8. Шамхалы Тарковские // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 53.

9. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 169.

10. Там же. С. 189.

11. ЦГА РД (Центр. гос. арх. Республики Дагестан). Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 124.

12. Гаджиев В. Г. Шамхальство (история образования и управления) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 37.

13. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН (Рук. фонд Ин-та истории, археологии и этнографии Дагест. науч. центра Рос. академии наук). Ф. 3. Оп. 1. Д. 500. Л. 4.

14. Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 308.

15. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 112.

16. Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 217.

17. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / сост. В. Г. Гаджиев. Махачкала, 1992. С. 253.

18. Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей: 1812 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 241.

19. Ахвердов А. И. Описание Дагестана: 1804 г. // Там же. С. 213.

20. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 159а. Л. 228.
21. Там же. Л. 213.
22. Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 214.
23. Там же.
24. Рейнеггс Я. Историко-топографическое описание Кавказа: 1796 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 252–253.
25. Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 214.
26. Буцковский А. И. Указ. соч. С. 242.
27. Ахвердов А. И. Указ. соч.
28. Там же.
29. Буцковский А. М. Указ. соч. С. 242.
30. Алиев Б. Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2006. С. 197–198.
31. Шихалиев Д.-М. М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 75–76.
32. История народов Северного Кавказа... С. 113.
33. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 281.
34. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3. С. 207.
35. Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 239.
36. Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях: 1796 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 210.
37. Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 225.
38. История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 324.
39. Дагестан в известиях... С. 184.
40. ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
41. Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана: 1796 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 152–153.
42. Там же. С. 154.
43. Алиев Б. Г. Указ. соч. С. 256.
44. История народов Северного Кавказа... С. 112.
45. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря: 1728 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 85.
46. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1763. С. 88.
47. Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 85–86.
48. История народов Северного Кавказа... С. 113.
49. Линевич И. Елисуйское султанство // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1.
50. Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях: 1826 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 264.
51. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI–XIX вв. Л., 1949. С. 40, 76.

УДК 94(560)-055.2

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД)

Т. А. Адаян

COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF THE SITUATION OF URBAN AND RURAL WOMEN OF THE REPUBLIC OF TURKEY (MODERN PERIOD)

T. A. Adayan

В статье дается сравнительно-исторический анализ положения турецких женщин, проживающих в городах и сельской местности. Автор анализирует городскую и сельскую среды, оказывающие влияние на женщин, и место, которое они занимают в общественно-экономической и политической структуре турецкого общества.

The article deals with the comparative historical analysis of Turkish women living in urban and rural areas. The author analyzes urban and rural environments that affect women and the place they occupy in the social, economic and political structure of Turkish society.

Ключевые слова:
Турецкая Республика, ислам, «женский вопрос», дискриминация по половому признаку, урбанизация, вестернизация, эмансипация, традиции, грамотность, профессиональная деятельность.

Keywords:
Turkish Republic, Islam, “the woman’s question”, gender discrimination, urbanization, westernization, emancipation, traditions, literacy, professional activity.

Ислам и женщина – это сложный вопрос, по-разному стоящий в различных странах мусульманского Востока.

Проблема положения, занимаемого женщиной в традиционном исламском обществе, обсуждается в политических кругах, в гендерологии, социологии. Сегодня, когда Запад и ислам находятся на новом витке конфронтации, актуальность этих дискуссий обостряется [1].

Имеет данная проблема свои особенности и в Турецкой Республике.

Еще в конце XIX – начале XX века турецкие женщины были безмолвными затворницами гаремов, вся их жизнь протекала в рамках семьи.

Все изменилось после прихода к власти первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка. С 1926 года в Турции введен новый гражданский кодекс, который стал регулировать вопросы брака, развода, наследства, отношений частной собственности. Он запретил многоженство и дал женщине равные с мужчиной права в вопросах развода и наследования имущества [2].

Кемалисты возлагали большие надежды на новое законодательство, но

оно во многом осталось на бумаге, турчанка получила лишь формальные права равенства с мужчиной. Например, даже к концу XX века (1980-е годы) за равный труд женщина получала меньшую плату, нежели мужчина; администрация обычно увольняла женщину, если она выходила замуж и т. д. Кроме того, женщина все еще скована пережитками исламских обычаев. В повседневной жизни она связана бесчисленными традиционными правилами поведения: обязана уступать дорогу мужчине, не имеет права обгонять его. Не принято в Турции также уступать женщине место в общественном транспорте. В мечетях женщины могут находиться только позади мужчин. Особенно строго все эти правила соблюдаются в провинции.

Эмансипация турецкой женщины, бесспорно, вызвала потрясение в мусульманском общественном мировоззрении. Уже с 1922 года Рашид Рида, видный религиозный и общественный деятель Египта, говорил о «заметном упадке нравов у мусульман», причиной которого он считал младотурок, разрешивших женщине снять чадру и свободно появляться в обществе мужчин. Р. Рида критиковал и Мустафу Кемаля Ататюрка за то, что тот женился на девушке, ведущей европейский образ жизни [3]. В целом турецкий опыт стал шоком для ортодоксальной суннитской морали.

Что касается М. К. Ататюрка, то основатель Турецкой Республики был приверженцем принципов равенства в отношении между мужчинами и женщинами, равных возможностей в области образования и противником односторонней зависимости в семейной жизни [4].

Реформы, проведенные кемалистами, сыграли важную роль в борьбе с невежеством, неграмотностью, феодальными пережитками, особенно в отношении женщин. Однако они не коснулись социально-экономической структуры общества как таковой и потому лишь частично изменили статус женщин.

Мусульманские обычаи, низкий уровень грамотности среди женщин препятствуют их активному включению в общественную жизнь. Все это отчасти связано с социально-экономическими отношениями, структурой всего турецкого общества.

Невозможно дать однозначную характеристику турецких женщин, т. к. они составляют весьма неоднородную категорию населения, сегменты которой имеют различные особенности и требуют раздельного изучения. Исследователи статуса женщин в Турции признают означенное многообразие [5]. Наглядно этот плюрализм проявляется при рассмотрении сходств и различий в положении городских и сельских женщин, у них много общего, но в то же время в некоторых сферах их статусы значительно отличаются.

В данной статье автор попытался провести сравнительно-исторический анализ положения женщин в городах и сельской местности. Прежде всего, необходимо выделить общие черты, связанные в основном с соблюдением норм морали.

Не только в деревнях женщины носят традиционные формы одежды. Но и в городах можно наблюдать парадоксальную картину сосуществования традиционного, патриархального и нового, западного образцов. Городские улицы пестрят разнообразием, на них можно встретить и женщин, полностью закутанных в длинные темные и широкие одежды, и, наоборот, девушек и женщин среднего возраста в шляпах на головах или джинсах. Даже представительницы одной семьи на улице будут отличаться друг от друга: бабушка, следующая традиционной моде,

ее дочь с непокрытой головой и внучка, следующая последним тенденциям западной моды [6].

В каком-нибудь небольшом турецком городе можно увидеть, как муж идет по улице на несколько шагов впереди своей жены и с таким выражением лица, будто следующая за ним женщина не имеет к нему никакого отношения. Если эта чета вдруг повстречает такую же, с которой знакома, то можно наблюдать еще одну любопытную сцену. Приветствиями обмениваются только мужчины. Дважды, по турецкому обычаю, обнявшись и облобызавшись, перекинувшись несколькими словами, они продолжают свой путь, а женщины, как тени, следуют за ними [7]. Бывает, что разговор мужчин затянется. Но женщины все время стоят поодаль, молча наблюдая.

В деревне, в провинциальных городках считается неприличным выказывать нежные чувства к своей жене прилюдно. Муж даже избегает говорить о супруге. И окружающие никогда не спрашивают его о ней.

Многие крестьянки никогда не покидают пределы своей деревни. Только некоторые из них изредка выезжают в город с мужем, отцом или старшим братом. Так проявляется в наши дни былое мусульманское затворничество женщин.

Сексуальная мораль в Турции, особенно в деревне, также очень строга. Добрачные связи – пятно бесчестия. Нарушение норм половой морали влечет за собой самосуд толпы. Например, в 1973 году в поезде, шедшем в Измир, произошел один трагический случай. Пассажирам показалось, будто один из попутчиков пристает к женщине в соседнем купе. Возмутившись, они выбросили «соблазнителя» из вагона на полном ходу [8]. Многие турецкие газеты тогда писали об этом происшествии как о поучительном факте, не видя никакой вины в самоуправстве блюстителей нравственности.

В турецких городах также существует особая полиция – полиция нравов, стоящая на страже половой морали. Поэтому в Турции никогда не увидишь целующуюся или обнявшуюся парочку.

В кинотеатрах провинциальных городов до сих пор имеются отдельные «семейные места», отгороженные от остальной части зала [9]. Эти места предназначены для женщин, девушек, детей. Мужчинам вход сюда запрещен. В крупных городах – Стамбуле, Анкаре, Измире – этого уже нет. Но все же в летних открытых кинотеатрах, где места не нумерованы, женщины тем не менее всегда занимают обособленные от мужчин места.

Другой пример. Когда в турецкий город приезжает популярный певец или певица, кроме обычных концертов «для всех», днем устраивают и «айле консери» – «семейный концерт» [10], на который вход разрешен только прекрасному полу. Единственные представители мужского пола на них – дети до 16 лет, пришедшие с матерями или сестрами.

В турецкой праздничной толпе, особенно вечером, также очень мало женщин и девушек. А если и есть представительницы прекрасного пола, то обычно в сопровождении родственника-мужчины.

Но в Стамбуле, Анкаре, Измире и других крупных городах эмансипация женщин зашла уже достаточно далеко. При этом она имеет и свои негативные стороны. Подобно тому, как вместе с достижениями западной цивилизации и культуры распространяется и так называемая антикультура – преступность,

алкоголизм, наркомания и другие социальные пороки, так и женская эмансипация в этих условиях нередко сопровождается падением нравов, ростом проституции. Турецкие женщины участвуют не только в таких невинных мероприятиях, как конкурсы красоты, но и поставляют кадры для увеселительных заведений – ночных клубов и баров, развлекательные программы которых ограничиваются не только традиционным танцем живота и стриптизом.

Анализируя существующее положение в стране, можно отметить, что наиболее характерно дифференциация между турецкими женщинами проявляется в трех сферах. Во-первых, это различия в семейно-брачных отношениях, особенно обрядовой части. Во-вторых, это уровень развития грамотности и доступ к высшему образованию. И, в-третьих, различия в профессиональной деятельности.

В турецкой деревне все еще тесно переплетаются и сохраняются полуфеодальные отношения, сказывающиеся на тяжелом социальном положении сельских женщин.

Как верно заметил турецкий этнограф Н. Эрдентуг, «корни многих социальных проблем государства следует искать в деревне» [11]. Действительно, во многих работах турецких исследователей прослеживается мысль о том, что сельские женщины особенно бесправны.

В селах, сохраняющих хозяйственную замкнутость, происходящие в стране события отражаются незначительно. Поэтому здесь основы традиционной крестьянской культуры до сих пор очень актуальны. В отсталых сельских районах статус женщин все еще остается традиционным и определяется количеством детей и возрастом.

Все эти пережитки мусульманских и патриархальных взглядов негативно влияют на развитие многих общественно важных сфер деятельности. По-прежнему многие изменения, принесенные еще кемалистами, не прижились в сельских районах страны.

Так, в деревнях и провинциальных городишках не придают особого значения гражданскому браку. Здесь наибольший вес имеет мусульманское бракосочетание, совершаемое имамом. Только брак, заключенный у имама, освящает создание семьи. Но такой брак турецким законодательством не признается. Дети от этого брака, как и во многих христианских странах – от церковного брака, также признаются незаконными. Тем не менее такие дети воспринимаются общественным мнением совершенно полноправными.

Кроме моногамии или полигамии, своего гражданского или религиозного оформления браки в Турции различаются и другими особенностями.

В деревне все еще преобладает покупной брак. Размер калыма достигает нередко очень больших сумм. Сумма выкупа зависит не только от красоты невесты, но и от ее нравственных добродетелей – трудолюбия, скромности.

Обычай уплаты калыма по-прежнему сохранился и в провинциальных городках. Например, в январе 1978 года турецкая газета «Джумхуриет» писала, что юноши города Бюньяна объявили своего рода забастовку: они дали обет безбрачия. На этот шаг их толкнули будущие тести, которые, следуя архаичным традициям, требуют от женихов непомерно большой калым. Но, как замечает та же газета, не все женихи впали в уныние. Наиболее предприимчивые из них с согласия своих невест устроили так называемое похищение последних, избавив таким образом себя от

необходимости выполнять требования будущих родственников. Только за два месяца в Бюньяне было «похищено» 19 девушек [12].

Кроме указанных выше особенностей, деревенская свадьба связана с бесчисленными традиционными обрядами и длится, как правило, несколько дней, начинаясь в понедельник и заканчиваясь в пятницу. До свадьбы же с момента сватовства может пройти иногда несколько лет: это время семья жениха копит деньги на калым.

В старой Турции, еще до кемалистских реформ, невеста и жених вплоть до дня свадьбы обычно даже не видели друг друга. Брак устраивали родители. Теперь же положение совсем иное: молодые турецкие девушки знакомятся со своими будущими мужьями еще до заключения брака.

Кроме того, в городе турецкая свадьба приобретает все больше черт, общих для городских свадеб во многих странах мира: обмен обручальными кольцами между женихом и невестой, торжественные костюмы новобрачных, свадебный кортеж из автомашин, но отдельные элементы придают и городской турецкой свадьбе национальный колорит.

В городе официальный брак совершается в мэрии или специальных «свадебных салонах» (эвленме салону), расположенных, как правило, в городских парках [13]. После зачтения соответствующих статей гражданского кодекса и подписания брачного свидетельства в салоне устраивают небольшое угощение для присутствующих на церемонии. Затем невеста с женихом едут к нему в дом, куда часто приглашают и имама, который составляет еще один акт о бракосочетании. Так гражданский брак дублируется религиозным. Но чаще религиозный брак заключается без невесты, которую представляет ее отец или другие родственники. Только после этого играется свадьба – дома или в ресторане.

Что касается второго аспекта, ярко показывающего дифференциацию турецких женщин, необходимо указать на то, что, несмотря на обязательность в Турции начального образования, большинство девушек, женщин в сельской местности по-прежнему неграмотны. Образование, полученное в первые пять лет обучения в школе, почти не меняет традиционно приниженного статуса сельских женщин в Турции [14]. В провинциальных районах, где проживает около 50 % всего населения, посещаемость школ все еще крайне низка. Турецкие исследователи объясняют подобное положение отчасти нехваткой школ и учителей, но в первую очередь, конечно, традиционным отношением родителей к образованию детей. В городах, например, очень много учительниц. А в деревнях их не хватает. Но послать женщину работать учительницей в деревню нельзя из-за отрицательного к ней отношения фанатичного сельского духовенства и крестьян, все еще находящихся в плену мусульманских предрассудков.

Университетское образование по-прежнему остается привязанным к крупным городам, хотя семейная подготовка женщин из среднего и высшего классов дает возможность многим девушкам из небольших селений и провинциальных городков попасть в вузы, что способствует повышению социальной мобильности турецкого общества и расширению образовательной базы для более широкого сегмента населения [15].

Таким образом, необходимо отметить, что образование в его нынешней форме, особенно в условиях турецкой деревни, не оказывает должного влияния на поднятие статуса женщин.

С самого рождения женщина в деревне считается существом низшим. Так, по словам польской журналистки Р. Познаньски, несколько лет прожившей в Турции, «рождение дочери для отца не только неприятно, но и позорно». Обычно на вопрос: «Кто родился?» – если это девочка, отвечают: «Никто не родился», потому что девочка не человек [16]. Если же отца спросить о количестве детей, то он перечислит только мальчиков.

Не менее характерные различия в положении сельских и городских женщин можно увидеть в сфере труда. Уровень и характер женской занятости в городских и сельских условиях весьма различны. И хотя по сравнению с другими мусульманскими странами в Турции велик удельный вес женщин, не только имеющих профессию, но и занятых в современном секторе, это, как правило, городские женщины. В сельском же хозяйстве свыше 90 % женской рабочей силы относится к неоплачиваемым семейным работницам [17]. Это свидетельствует о том, что сельские женщины находятся в особенно тяжелом и бесправном экономическом положении. В понятия «домашнее хозяйство», «семейный труд» входит труд от восхода до заката солнца на своем или арендованном участке земли. Причем, как правило, всю тяжелую, изнурительную сельскохозяйственную работу женщины выполняют вручную.

По данным национальной статистики, в восточной и южной Анатолии 90 % работающих женщин относится к категории «семейных работников», не имеющих никакого заработка, в Мраморноморском и Эгейском районах – более 70 %, Арракии – более 60 %. Лишь в отдельных районах западной Анатолии около 30 % женщин получают заработную плату как сельскохозяйственные работницы [18].

Совсем иную роль отводят городским женщинам. До 1960-х годов около 19 % горожанок принимало участие в общественно-производственной деятельности, остальные являлись домохозяйками. В последние годы женщины составляют более 30 % в государственных учреждениях, системе просвещения, более 25 % – в сфере туризма, более 20 % – в органах здравоохранения и менее 20 % – в социальном обеспечении [19].

Среди городских женщин Турции наиболее значительную степень трудового участия демонстрируют женщины с университетским образованием и сравнительно высоким социальным статусом. В Турции женское среднее образование ориентировано не только на поддержание традиционной роли жены и матери, но и одновременно на увеличение социальной мобильности за счет вступления в желательный брак.

И все же устаревшие взгляды на положение женщины в обществе отступают, хотя и в некоторых районах достаточно медленно. В современной Турции женщина все чаще имеет доступ к профессиям, которые раньше были мужской привилегией: в стране есть женщины – врачи, адвокаты, судьи. Турчанка может вести общественную деятельность, читать лекции в высших учебных заведениях, заниматься журналистикой. Однако доступ к этому имеет крайне незначительное число женщин, в основном представительницы городской элиты.

С 1950-х годов в Турции произошла переориентация с традиционных форм ведения хозяйства на ускоренное капиталистическое развитие с помощью промышленно развитых стран. Эта модель до сих пор остается основой развития страны. Но в сельской местности по-прежнему очень сильно влияние традиционного уклада жизни, поэтому в силу бытующих устаревших представлений и традиций положение женщин здесь меняется достаточно медленно. Турецкие женщины,

составляющие не менее 50% всей сельскохозяйственной рабочей силы страны, как правило, не имеют доступа к доходам от своего труда [20].

Тем не менее под влиянием механизации сельского хозяйства в деревне происходят важные социальные перемены. Крестьяне, согнанные с земли, уходят на заработки в город. Это, в свою очередь, меняет и статус деревенских женщин. Проникновение в сельские районы товарно-денежных отношений, а также влияние модернизации открыли для женщин новые возможности, несколько ослабили их зависимость от патриархальных традиций.

Но для миллионов анатолийских крестьянок дарованные Мустафой Кемалем Ататюрком права, уравнивающие их с мужчиной, по-прежнему остаются лишь на бумаге. Большинство женщин даже не знает о своих правах в силу того, что они неграмотны.

Еще сравнительно недавно, несколько десятилетий назад, в Турции по-прежнему оставался довольно высоким уровень неграмотных среди женщин, составлявший более 40 %, те же, кто считался грамотным, учились лишь 2 года [21]. Особенно низким был уровень грамотных женщин в сельской местности.

Особенностью миграции и урбанизации, в том числе в Турции, является преобладающее перемещение мужчин, которые забирали из деревень свои семьи лишь после того, как осваивались на новом месте. В результате этого в городах стало преобладать мужское население, а в деревнях – женское. Переехавшие в город женщины в большинстве своем остаются не занятыми в сфере производства.

Реформы, проведенные кемалистами, до сих пор не полностью изменили социальную структуру патриархального турецкого общества. Это особенно заметно при проведении сравнительного анализа положения сельских и городских женщин. Даже сейчас традиции и нормы оказывают большое влияние на сельские районы страны, особенно в укромных, скрытых от посторонних глаз маленьких деревнях и городках в юго-восточных районах Турции, где средства коммуникации слабо развиты.

Следует также заметить, что в силу своего невежества крестьянка позже, нежели горожанка, осознает всю унизительность своего положения и редко выражает протест. Именно поэтому женские религиозные общества легко внушают сельским женщинам мысль о том, что их тяжелая жизнь полностью соответствует предписанию Корана.

Так, например, в расчете на неграмотную и религиозную крестьянскую аудиторию строила свою пропаганду в 1970-е годы и правая пресса – газеты «Бабаалиде сабах», «Бугюн», «Терджюман», отличающиеся крайней фанатичностью и религиозностью [22].

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что реформы М. К. Ататюрка были наиболее эффективны именно в городской среде. Это связано с достаточно высоким уровнем образования, уровнем самосознания, степенью участия в избирательном процессе, доступом к профессиональной деятельности.

За годы своего существования Турецкая Республика накопила уникальный опыт трансформации традиционного общества в общество современного типа. Сейчас Турция с ее почти 75-миллионным населением, более половины которого проживает в городах, занимает подобающее место в мировом хозяйстве и в мировой политике [23].

Говоря о женской эмансипации, ряд турецких исследователей утверждает, что предоставление женщинам политических прав сделало их полностью равноправными членами общества, другие же отвергают подобное мнение, поскольку оно не учитывает зависимости статуса женщины от ее роли в социально-экономической жизни страны.

Анализируя положение турецких женщин, необходимо учитывать неоднородность их состава по происхождению, социально-экономическому положению, уровню образования, профессиональной деятельности и т. д. Различия позволяют выделить две основные группы [24]. Самую большую (70–80 % женщин старше 14 лет) составляют крестьянки и часть горожанок, еще пребывающих во власти традиций. Вторую группу образуют представительницы высших и средних слоев и часть работниц, для которых характерен более высокий уровень образования, самосознания, а также участие в общественной деятельности, следование современному образу жизни. По утверждению турецких социологов, численность второй группы и ее влияние на общество постоянно растут под воздействием двух факторов – усиления роли женщин в национальной экономике и системы образования.

Подводя итоги сравнительно-историческому анализу положения турецких женщин, следует, прежде всего, отметить, что не все представительницы женского пола Турецкой Республики могут воспользоваться дарованными им Мустафой Кемалем Ататюрком правами, несмотря на то, что за последние десятилетия с момента установления республиканской формы правления были достигнуты значительные результаты в области женской эмансипации. И сегодня большая часть женщин Турции, проживающих вне крупных городов, испытывают неравенство во всех сферах общественной и частной жизни. Говоря о горожанках, учитывая изложенные выше факты, также хочется подчеркнуть, что достижение равного с мужчинами статуса по-прежнему является насущной проблемой, хотя они и имеют более высокий социальный статус по отношения к крестьянкам и больше возможностей для реализации в профессиональной, общественной и других областях жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Балтанова Г. Р. Экономические и политико-правовые аспекты положения женщин в традиционных исламских странах. Казань: Изд-во КГЭУ, 2003. С. 17.

2. Dogramaci E. Ataturk and the Turkish women today. Ankara, 1991. P. 15.

3. Шахинлер М. Кемализм: зарождение, влияние, актуальность / пер. с фр. О. А. Власовой. М.: Моск. писатель, 1998. С. 136–137.

4. Dogramaci E. Op. cit. P. 29.

5. Kagitcibasi C. Status of women in Turkey: cross-cultural perspectives // Intern. j. of Middle East studies. L. – N. Y., 1986. Vol. 18. № 4. P. 487.

6. Turkish state, Turkish society / Ed. by A. Finkel, N. L. Sirman. N. Y.: Routledge, 1990. P. 9.

7. Еремеев Д. Е. На стыке Европы и Азии: очерки о Турции и турках. М.: Наука, 1980. С. 64.

8. Ибрагимова Н. Р. Роль женщины в социально-экономической, политической и культурной жизни Турции // Женщины зарубежного Востока и современность: сб. ст. Ташкент: ФАН, 1988. С. 167.

9. Ислам и женщины Востока (история и современность). Ташкент: ФАН, 1990. С. 163.

10. Ибрагимова Н. Р. Указ. соч. С. 164.

11. Там же. С. 120.

12. Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшие времена). М.: Наука, 1979. С. 117.

13. Nermin Abadan. Social change and Turkish women. Ankara, 1963. P. 267.

14. Gelisli Yu. Education of women from Ottoman Empire to modern Turkey // Bulg. hist. rev. = Rev. bulg. d'histoire. Sofia, 2005. Y. 33, № 1/2. P. 112.

15. Акар Ф. Женщины и университетское образование в Турции // Высшее образование в Европе. Бухарест, 1993. Т. 18. № 4. С. 89.

16. Ибрагимова Н. Р. Указ. соч. С. 125.

17. Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 79.

18. Ибрагимова Н. Р. Указ. соч. С. 132.

19. Там же. С. 123–124.

20. Киреев Н. Г. Светскость или шариат: раскол в турецком обществе на пороге XXI в. // Бл. Восток и современность. М., 1999. Вып. 6. С. 107.

21. Kagitcibasi C. Op. cit. P. 490.

22. Ислам и женщины Востока… С. 178.

23. Киреев Н. Г. Указ. соч. С. 75.

24. Ислам и женщины Востока… С. 180.

УДК 94(470. 62)«1830/1853»

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 1830–1853 ГГ.

С. О. Жупанин

TO THE QUESTION OF PERIODIZATION OF CAUCASIAN WAR IN THE NORTH-WEST CAUCASUS IN 1830–1853

S. O. Zhupanin

В статье рассматривается периодизация Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе, а также анализируется военно-политическая обстановка в Закубанье в 1830–1853 годах.

The article studies the periodization of Caucasian War in the North-West Caucasus, as well as analysis of the military-political situation in the Kuban Region in 1830–1853, respectively.

Ключевые слова:
Кавказская война, периодизация, военные коммуникации, кордонные линии, Закубанье.

Keywords:
Caucasian War, periodization, military communication, cordon lines, Kuban Region.

Кавказская война XIX века – явление сложное, боевые действия велись длительное время на значительном пространстве и не имели общего фронта. Все эти особенности вкупе с непростыми топографическими условиями горной местности оказывали значительное влияние на характер войны и ее деление на ряд обособленных театров боевых действий, одним из которых являлся Северо-Западный Кавказ. Ввиду того, что привести общую периодизацию всей Кавказской войны чрезвычайно трудно, исследователи чаще всего выявляют хронологию событий на отдельных театрах, что, в свою очередь, позволяет полнее и глубже изучить местные особенности.

В новейшей отечественной историографии периодизацией Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе занимались: А. Т. Керашев, А. Ю. Чирг, О. В. Матвеев, И. М. Скибицкая и К. В. Скиба [1]. Все указанные исследователи начало полномасштабной войны в этом регионе относят к 1830 году, когда Закубанье по условиям Адрианопольского мира присоединилось к России (согласно мнению К. В. Скибы, это начало так называемой Большой войны). А. Керашев и А. Чирг в качестве отдельного периода выделяют 1830–1853 годы, то есть время после Адрианопольского мира и до начала Крымской войны. О. Матвеев 1830 и 1853 годы также рассматривает в качестве переломных, но при этом делит этот период на два этапа: 1) 1830–1840 и 2) 1840–1853 годы. Первое десятилетие после Адрианопольского мира, согласно О. Матвееву, характеризовалось нарастанием борьбы горцев, подстрекаемых иностранными эмиссарами, пиком которой стало взятие в 1840 году береговых укреплений. А 40-е и начало 50-х годов XIX века на Северо-Западном

Кавказе – время «решительного выхода России с созданием Лабинской (Новой) линии в Закубанье» [2] и активной деятельности в Закубанье наибов Шамиля.

Однако данная схема не учитывает целый ряд важных аспектов. На наш взгляд, время между Адрианопольским миром и началом Крымской войны представляет собой целостный период, в котором целесообразно выделить ряд этапов:

1) 1830–1837:
- 1830–1834,
- 1834–1837;

2) 1837–1841;

3) 1842–1853:
- 1842–1849,
- 1849–1853.

Ниже приведем краткую характеристику каждого из них.

I. 1830–1837 годы:

1. Начало периода – переход территории Закубанья к Российской империи.

2. До 1834 года – активная разработка планов, стратегии покорения черкесских племен, предпринимались первые серьезные проникновения русских войск за Кубань со стороны Черноморской кордонной и Кубанской линий (экспедиция И. Паскевича 1830 года), строительство первых закубанских укреплений, разработка проектов создания кордонных линий в Закубанье. В 1834 году – выработка окончательной стратегии покорения горцев [3], которая в основных чертах осталась неизменной до 1864 года, а также заложила основу создания Черноморской береговой линии.

3. С 1834 по 1837 год – фаза активного воплощения этих планов, выразившаяся в первую очередь в создании А. Вельяминовым Геленджикской кордонной линии [4]. В это же время со стороны Кубанской линии действовал в Закубанье Г. Засс. Кроме того, с 1834 года среди черкесских племен началась активная деятельность иностранных эмиссаров, продолжавшаяся вплоть до 1840 года. Именно во второй половине 30-х годов XIX века европейские и турецкие агенты смогли достичь заметных успехов, дестабилизируя военно-политическую обстановку на Северо-Западном Кавказе [5].

4. В 1837 году, после летней экспедиции А. Вельяминова, стала очевидной бесперспективность занятия черноморского побережья с суши, было принято решение о необходимости сначала уничтожить контрабандную торговлю при помощи строительства цепи укреплений на восточном берегу Черного моря, а затем уже продолжить активное проникновение укрепленными линиями на территорию Закубанья [6].

5. Первый период в целом отличает особая иллюзорность относительно средств и времени, необходимых для покорения черкесов, почти полная неизученность топографических особенностей Закубанья и черноморского побережья, что значительно влияло на ход военных действий. Определяется и тесная взаимосвязь между Черноморской кордонной линией и береговыми укреплениями посредством создания военных коммуникаций.

II. 1837–1842 годы:

1. В этот период происходило изменение в стратегических планах покорения закубанских горцев, что было связано с достаточно неудачным опытом военных действий в Закубанье со стороны Черноморской линии в 1834–1837 годах, который показал несостоятельность Геленджикской кордонной линии и невозможность покорения горцев в короткие сроки. В это время происходили и кадровые изменения в военном руководстве: на должность командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории вместо умершего А. Вельяминова пришел П. Граббе, а начальником 1-го отделения Черноморской прибрежной линии был назначен Н. Раевский [7]. Последний стал автором ряда проектов, которые оказали существенное влияние на ход военных действий. Прежде всего, с именем Раевского связано возведение новой кордонной линии в Закубанье – Новороссийской, что кардинально поменяло статус закубанских укреплений Геленджикской линии, по существу оказавшихся невостребованными [8]. С этого времени создание новых военных коммуникаций в Закубанье стало тесно привязываться к топографическим особенностям местности. Кроме того, Н. Раевский, как известно, был сторонником мирных отношений с горцами, что нашло отражение в ряде его проектов, касающихся возведения укреплений на восточном берегу [9].

2. Со стороны Кубанской линии в этот период был совершен масштабный прорыв на территорию Закубанья – строительство Новой линии. Но при этом четко обозначилось обособление в военном отношении Правого фланга от Черномории. Несмотря на то, что по плану покорения горцев 1834 года действия со стороны Кубанской и Черноморской кордонных линий представляли собой единое целое [10], но фактически протекали независимо друг от друга, за исключением редких совместных экспедиций войск со стороны Усть-Лабинской крепости и 1-й части Черноморской линии. Серьезные попытки координации действий предпринимались лишь в 1830 году во время экспедиции И. Паскевича [11]. В то же время с устройством береговых укреплений остро встал вопрос, наметившийся еще в 1834–1837 годах, о необходимости их взаимодействия с Черноморией. В связи с этим была создана новая сеть военных коммуникаций (в том числе и Новороссийская линия), осуществлялись активные поиски возможностей прямого сообщения Черномории с восточным побережьем и частые разведки местности в низовьях Кубани военными топографами.

3. К 1841–1842 годам русскому военному командованию на Кавказе стала очевидна невозможность реализации всех намеченных проектов, касающихся береговой линии и создания военных сообщений в Закубанье. Этому способствовали события 1840 года, трения в военном руководстве на Северо-Западном Кавказе (к примеру, П. Х. Граббе подвергал резкой критике многие предложения Н. Н. Раевского) [12] и обострение обстановки в Чечне и Дагестане. С уходом в 1841 году Раевского многие проекты были приостановлены.

III. 1842–1853 годы:

1. С 1842 по 1849 год – время относительного затишья. Активные действия в данный период осуществлялись со стороны Лабинской кордонной линии, а также Л. Серебряковым, который продолжил дело Н. Раевского по созданию военных сообщений в Закубанье. В этот период основные силы были брошены на Северо-Восточный Кавказ [13], большинство же проектов по покорению черкесских племен, предусматривавших активные наступательные действия, были заморожены. В целом

военное руководство взяло курс на развитие мирных отношений с черкесами [14]. Черноморская кордонная и береговая линии находились в оборонительном положении, а деятельность Серебрякова по строительству военных дорог осуществлялась по его собственной инициативе и только при наличии свободных войск [15].

2. Период 1840-х годов – время распространения мюридизма среди черкесских племен. Но заметное влияние на военно-политическую обстановку в Закубанье оказала деятельность лишь Магомет-Амина в 1849–1853 годах. В целом же все реформы наибов на Северо-Западном Кавказе затронули главным образом аспекты внутренней жизни горских племен [16], практически не влияя на тактику и стратегию ведения боевых действий. Даже достигший наибольших успехов Магомет-Амин не смог оказать существенного воздействия на положение кордонных линий, его военные предприятия заключались в основном в попытках переселения покорных нам горских обществ [17]. И, несмотря на периодические тревоги в Закубанье в 1849–1853 годах, характер горских набегов, а также действий русских отрядов остались неизменными.

3. К началу 1850-х годов в среде высшего военного командования на Северо-Западном Кавказе, на наш взгляд, не осталось сомнений в бесперспективности попыток покорения черкесских племен имеющимися средствами. О провале планов создания кордонных линий и военных сообщений в Закубанье, со стороны Черноморской кордонной линии, в 1850 году писал сам Серебряков [18].

Подводя итог, отметим, что приведенная нами периодизация в своей основе строится на эволюции взглядов русского военного командования относительно покорения закубанских горцев, а также изменении военно-политического положения на Северо-Западном Кавказе. Но, как и любая периодизация, она достаточно условна. Корректировки в стратегическом планировании, как правило, были связаны с деятельностью конкретных людей – Г. Засса, Н. Раевского, А. Вельяминова, Л. Серебрякова, П. Граббе. Помимо личностного фактора, значительное влияние на ход военных действий оказывал фактор топографический, а также деятельность иностранных эмиссаров (особенно во второй половине 30-х годов) и обстановка на Северо-Восточном Кавказе – в Чечне и Дагестане. Появление же среди черкесских племен наибов Шамиля и распространение идеологии мюридизма в 1840-х годах хоть и оказывало воздействие на военно-политическую обстановку в Закубанье, но носило отнюдь не определяющий характер.

Необходимо также обратить внимание, что Северо-Западный Кавказ, как уже говорилось выше, не составлял единого фронта войны с горцами. Несмотря на то, что во взглядах военного командования территория Закубанья фигурировала в качестве единого театра, фактически же координация действий со стороны Кубанской, Черноморской и береговой кордонных линий была крайне затруднена. Причины этого в первую очередь кроются в неоднородности природно-географических условий Закубанья, оказывавших значительное влияние на тактику ведения боевых действий. Так, к примеру, даже на протяжении одной Черноморской кордонной линии характер берегов Кубани и прибрежной местности заставлял соответствующим образом выстраивать цепь постов и пикетов, превращая одни части кордона в практически безопасные участки, где в силу отсутствия удобных переправ почти не совершались набеги, а другие же – в постоянно тревожимые.

В связи с этим, несмотря на формальную целостность плана по покорению

закубанских горцев, реальные военные действия со стороны Черномории, Правого фланга и береговой линии в 1830–1853 годах были достаточно обособлены, чему способствовала и острая нехватка сил, постоянно перебрасываемых в Чечню и Дагестан. И лишь на завершающем этапе Кавказской войны, в 1860–1864 годах, основные положения 1834 года по покорению черкесских племен были воплощены в жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Керашев А. Т., Чирг А. Ю. История Адыгеи (с древнейших времен до XIX в.). Майкоп, 1991. С. 140; Матвеев О. В. К проблеме терминологии и периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 137–141; Скиба К. В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Армавир, 2004; Скибицкая И. М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты: автореф. дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2011; Чирг А. Ю. Закрепление России на Черноморском побережье Кавказа и меры борьбы против контрабандной торговли в 1829–1864 гг. // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Майкоп, 1985. С. 65–96.

2. Матвеев О. В. Указ. соч. С. 140.

3. Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сб. Т. 7. Тифлис, 1883. С. 1–155.

4. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе: 1819–1846. Правый фланг, Персия, Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 126–127.

5. Блиев М. Черкесия и черкесы XIX в.: краткий очерк истории. М., 2011. С. 54.

6. ГАКК (Гос. арх. Краснодарского края). Ф. 260. Оп. 1. Д. 11. Л. 22–24.

7. Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до 1917 г. Краснодар, 1997. С. 127, 373.

8. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 9–12-об.; Там же. Д. 17. Л. 15-об.; Там же. Д. 293. Л. 3–3-об.

9. Там же. Д. 1а.

10. Акты Кавказской археографический комиссии. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 633.

11. Письмо егерского офицера из-за Кубани, писанное в ноябре месяце 1830 г. // Сев. пчела. СПб., 1831. № 27. С. 4; Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Эмануеля // Кавказский сб. Т. 19. Тифлис, 1898. С. 212–213.

12. Толстой В. С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. Т. 7. М., 1996. С. 202–244.

13. Фадеев Р. А. Кавказская война. М., 2003. С. 141.

14. Блиев М. Указ. соч. С. 77.

15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 656. Л. 59, 91, 91-об.

16. Магомеддадаев А. М. Магомет-Амин – наиб Шамиля в Черкесии // Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 9; Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 г. // Кавказский сб. Т. 10. Тифлис, 1886. С. 497–584; Там же // Кавказский сб. Т. 11. Тифлис, 1887. С. 465–497.

17. Дроздов И. Указ. соч. Т. 10. Тифлис, 1886. С. 542.

18. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1309. Л. 3–3-об.

УДК 94(470.6)

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В 1930-Е ГГ.

М. М. Ибрагимов

REPRESSIVE POLICY IN THE CHECHEN-INGUSH REPUBLIC IN 1930-TH YEARS

M. M. Ibragimov

В статье анализируется репрессивная политика в Чечено-Ингушетии в 1930-е годы. Автор уделяет особое внимание репрессивной деятельности НКВД в отношении партийных и хозяйственных работников, национальной интеллектуальной элиты; дает характеристику репрессивной законодательной практики государства в сфере трудовых отношений.

The article is analyzed the repressive policies in the Chechen-Ingush Republic in 1930-th years. The author pays particular attention to the repressive activities of the NKVD against the party and economic workers, national intellectual elite. He gives characteristic of repressive practices of the state legislature in the sphere of labor relations.

Ключевые слова и фразы:
репрессии, советское государство, партийная чистка, «вредители», раскулачивание, дезорганизаторы производства.

Keywords:
repression, the Soviet state, party cleaning, “pests”, dispossession, disorganizers of production.

К середине 1930-х годов в СССР сложилась система тоталитарного государства, важнейшим признаком которого является абсолютный контроль государства над всеми сферами общественной, политической, экономической, социальной жизни, закрепился культ личности Сталина. Такой порядок установился в результате целенаправленной деятельности Сталина по нейтрализации, изоляции, а затем и ликвидации всех своих политических противников и конкурентов.

Сложившаяся в 1930-е годы политическая система отрицательно сказывалась на жизни народов. В Чечено-Ингушетии, как и во всей советской стране, проходил процесс «чистки» советского и партийного аппаратов, деятелей культуры, литературы, науки и т. д. Аппарат насилия заработал в полную силу. Репрессии в республике приобрели тотальный характер. Их пик пришелся на период 1937–1939 годов. Как свидетельствует А. Авторханов, только лишь в ходе одной операции по «изъятию антисоветских элементов» летом 1937 года в Чечено-Ингушетии было арестовано до 14 тысяч человек [1].

После того как в газете «Правда» появилась статья под названием «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии», репрессиям подверглись и высшие партийные, и советские руководители республики. В октябре 1937 года было

арестовано 30 из 76 членов и кандидатов в члены Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), в их числе все чеченцы и ингуши по национальности, 20 из 28 секретарей райкомов партии, 77 членов райкомов партии, 192 руководящих работника сельских районов, а также руководители крупнейших промышленных предприятий Грозного [2].

Арестовали и А. Авторханова, в то время являвшегося партийным и советским работником Чечено-Ингушетии. Окончив Грозненский рабфак в 1920-х годах, он руководил Грозненским педагогическим техникумом, был заведующим Чеченским областным отделом народного образования, работал в Чеченском обкоме партии. Получив высшее образование в Институте красной профессуры, А. Авторханов работал и в аппарате ЦК ВКП (б). В 1930-е годы он опубликовал работы по истории Чечни, в их числе и брошюру «Революция и контрреволюция». В 1937 году А. Авторханов был арестован по делу о «чеченском буржуазно-националистическом центре», несмотря на то, что в то время не жил в Чечено-Ингушетии, а работал преподавателем Московского педагогического института имени А. Бубнова.

Однако А. Авторханов был оправдан Верховным судом ЧИАССР. Бывший Председатель Верховного суда ЧИАССР З. Г. Мусаев, аварец по национальности, впоследствии писал, что в «физическом уничтожении этого способного и редкого в то время в ЧИАССР человека были заинтересованы не только органы НКВД, но и обком партии, где были рекомендации об избрании его первым секретарем после окончания Института Красной Профессуры и получения ученой степени кандидата исторических наук» [3].

По делу о «чеченском буржуазно-националистическом центре» была репрессирована и значительная часть чеченской и ингушской интеллигенции. Из 12 членов республиканского Союза писателей были репрессированы 9; 7 человек из них были осуждены, причем четверо – С. Бадуев, А. Дудаев, Ш. Айсханов и С. Озиев – расстреляны [4].

Многие чеченские писатели первого поколения, осужденные по делу о «чеченском буржуазно-националистическом центре», провели в лагерях и тюрьмах длительные сроки: Х. Ошаев – 13 лет, А. Мамакаев – 14 лет, М. Мамакаев – 19 лет. Следует отметить, что репрессиям подверглись и представители других национальностей. В 1937 году были осуждены 54 ведущих специалиста-нефтяника Чечено-Ингушетии – русские, евреи, армяне [5].

Падение добычи нефти в республике к концу 1937 года привело к увеличению поставки сырой нефти из Баку на переработку в Грозный. Однако перебои с ее поставкой лихорадили работу нефтеперерабатывающих заводов, что и стало причиной нескольких аварий на них в феврале 1937 года. В связи с этим появилось постановление Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), обвинившее руководство ряда заводов во «вредительской деятельности». К лету 1937 года НКВД ЧИАССР арестовало более 90 нефтяников, оголив тем самым нефтеперерабатывающую промышленность и нанеся вред ее дальнейшему развитию [6].

Из состава партийных и советских органов без всякого основания исключались «социально чуждые элементы». Проводилась «чистка» аппарата ВКП (б) и Совнаркома. В пленуме Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) 8–10 октября 1937 года принимал участие секретарь ЦК ВКП (б) М. Ф. Шкирятов. Он сообщил о решении ЦК партии освободить от работы ряд руководящих работников республики, в том числе первого секретаря обкома партии Егорова, за «притупление бдительности» [7].

Обвинены были как «враги народа» некоторые члены обкома партии. Ответственного секретаря газеты «Техника нефти» А. В. Скороходова обвинили в «шпионаже» в связи с тем, что он выслал обменные экземпляры газеты в США и Англию [8].

В конце 1930-х годов карательные органы усиленно боролись с «враждебными и отсталыми элементами», которые якобы «пытались дискредитировать и задержать стахановское движение». В отчете Верховного суда СССР отмечалось, что «в ряде мест дезорганизаторам стахановского движения был нанесен суровый удар. Однако, наряду с этим, обнаружено много случаев... недостаточно эффективной репрессии к прямым врагам стахановского движения». Во второй половине 1930-х годов НКВД провел ряд операций по выявлению «вредителей народного хозяйства» в различных отраслях промышленности. Борьба с «вредителями» наносила огромный урон народному хозяйству. Этого не могли не видеть руководители промышленности. Но страх заставлял большинство из них молчать.

В июле 1940 года Президиум Верховного Совета СССР определил выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции как противогосударственное преступление, равносильное вредительству, и установил за него меру наказания – лишение свободы на срок от 5 до 8 лет. После выхода в свет данного закона Верховный суд РСФСР рассмотрел громкое дело о руководстве завода «Красная Этна», поставлявшего недоброкачественную продукцию для Горьковского автомобильного завода. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговорила директора завода и начальника ОТК к тюремному заключению на восемь лет.

Подобные репрессивные меры были характерны не только для Чечено-Ингушетии, но и для всей страны в целом. Только во второй половине 1940 года по указу от 10 июля 1940 года было осуждено 156 директоров предприятий, 25 главных инженеров, 18 начальников ОТК и так далее (всего 391 человек). Количество осужденных было не так уж велико. Это связано с тем, что суды часто оправдывали лиц, ответственных за выпуск продукции низкого качества, учитывая объективные обстоятельства.

Жертвами жестоких репрессий стали и крестьяне. Тридцатого июня 1937 года был издан приказ НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Под его действие попало большое число лиц, уже отбывших наказание «за контрреволюционную деятельность», и просто «раскулаченных» крестьян. Под репрессии попали также и члены запрещенных партий меньшевиков, эсеров и ранее амнистированные рядовые участники антисоветских восстаний. Все лица, подлежавшие аресту, согласно этому приказу, делились на две категории: отнесенные к первой категории подлежали немедленному аресту и «…по рассмотрению их дел на тройках – расстрелу». Лица второй категории подлежали заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. По спискам НКВД, в Чечено-Ингушетии к первой категории было отнесено 6 500 человек, ко второй – 1 500. Был утвержден также состав «троек»: в Чечено-Ингушетии в ее состав вошли Деметьев (председатель), Петров и Вахаев (члены) [9].

Правда, жертвами репрессий вскоре оказались и те работники, которые проводили аресты и судили «врагов народа». В их числе оказались второй секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) Х. Вахаев, председатель Совнаркома республики А. И. Горчханов, которые были арестованы в ноябре 1937 года [10]. Тогда же был расстрелян глава НКВД ЧИАССР Г. Г. Крафт, отличавшийся особой жестокостью

по отношению к безвинно репрессированным людям. В 1937–1940 годах были расстреляны два бывших наркома внутренних дел ЧИАССР Раев и Иванов. Несколько сотрудников НКВД были осуждены [11]. Руководители НКВД ЧИАССР контролировали деятельность обкома ВКП (б), Совнаркома республики. Как и во всей стране, в Чечено-Ингушетии царила атмосфера настороженности и взаимного недоверия. Никто не был гарантирован от ареста, репрессий.

Причины и ход арестов в ЧИАССР никогда не были предметом специального исторического исследования. До сих пор не установлено точное число репрессированных жителей Чечено-Ингушетии. В связи с тем, что архивы бывших МВД, КГБ ЧИАССР были уничтожены в результате военных действий 1994–2000 годов, установить точное число жертв репрессивной политики Сталина и его команды не представляется возможным. В ранее опубликованных работах приводятся противоречивые данные об этом. Так, в книге «Живая память: о жертвах сталинских репрессий», изданной в 1991 году, отмечается, что с конца 20-х и на протяжении 30-х годов было репрессировано 50 тысяч чеченцев, 10 тысяч ингушей и многие тысячи людей других национальностей [12]. По другим данным, только с середины 1936 года и до конца 1938 года было арестовано до 80 тысяч человек в Чечено-Ингушетии [13].

Несмотря на суровые законы, направленные против «вредителей» народного хозяйства, бракоделов, административный хозяйственный механизм оказался беспомощным при решении проблем эффективности производства, порождал непомерную расточительность. Запущенность социальной сферы, отсутствие эффективных форм организации и стимулирования труда снижали его производительность, способствовали ухудшению производственной дисциплины. Для укрепления трудовой дисциплины руководство страны использовало ставшие уже привычными административно-репрессивные методы, сфера применения которых расширилась в предвоенные годы до предела. В декабре 1938 года вышло в свет совместное постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле». Девятого января 1939 года в центральных газетах были опубликованы «Разъяснения СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС о взысканиях за опоздание на работу».

В соответствии с постановлением от 28 декабря 1938 года и «Разъяснениями...» увольняющийся должен был после подачи заявления об уходе с предприятия отработать месяц. В случае совершения рабочими и служащими трех проступков или опозданий на работу, совершенных в течение месяца, они увольнялись и затем в десятидневный срок выселялись из ведомственных квартир. Для укрепления дисциплины с 1939 года вводились трудовые книжки. После принятия постановления «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины...» периодическая печать повела «поход» за укрепление трудовой дисциплины. Газеты сообщали о либеральном отношении к «дезорганизаторам производства, покровителям прогульщиков и т. д.». В то же время говорилось о том, что некоторые руководители предприятий «приклеивали ярлык прогульщика» добросовестным работникам, с целью увольнения их с работы для устройства на работу своих знакомых и родственников.

Политическое руководство страны в конце 1930-х – начале 1940-х годов должно было осознать, что административные меры не всемогущи, что нужно искать другие пути решения проблем и повышения эффективности производства, и

дисциплины труда, и текучести кадров. Но инерция мышления, верность идеалам «государственной собственности», уже созданный монолит административно-командной системы не позволили начать поиск решения социально-экономических проблем в других направлениях. Угроза войны, которая нависла над страной, ускорила принятие советским руководством мер, укрепляющих административно-репрессивные методы управления экономикой.

В 1940 году появилось несколько указов Президиума Верховного Совета СССР, ужесточающих и без того жесткие методы укрепления трудовой дисциплины и борьбы с текучестью кадров. Головным из них являлся указ от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Указ, наряду с увеличением количества рабочего времени, предусматривал жестокие наказания за прогулы и одновременно прикреплял работника к предприятию. За самовольный уход с предприятий и учреждений рабочие и служащие подвергались тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев. Прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %. Народные суды должны были рассматривать все эти дела в пятидневный срок, а приговоры приводились в исполнение немедленно. Рабочие и служащие могли уволиться только с разрешения руководителя предприятия, причем в рамках строго оговоренных условий: при болезни, выходе на пенсию, зачислении на учебу. Руководители за уклонение от предания суду виновных и за принятие на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и учреждений, в соответствии с указом тоже привлекались к судебной ответственности.

В октябре 1940 года наркоматам давалось право направлять рабочих, инженеров, служащих с одного предприятия на другое (как крепостных, перевозили из одной деревни в другую, не спрашивая на то их желания). Так, Народный комиссариат нефтяной промышленности СССР перед войной направил из Грозного в Башкирию около 2 тыс. строителей – каменщиков, плотников, электриков. Лица, виновные в невыполнении данного указа, считались самовольно ушедшими с предприятий и учреждений со всеми вытекающими последствиями в соответствии с указом от 26 июня 1940 года.

Массовые репрессии 1930-х – начала 1940-х годов оставили неизгладимый след в истории всей страны, в том числе и Чечено-Ингушетии. Они породили атмосферу настороженности и взаимного недоверия. В тридцатые годы формировалась самая причудливая идеология в истории страны: в ней «социализм», «советская власть» в традиционной сталинской трактовке уживались со столь же агрессивным неприятием справедливости, уважения к человеку, народам.

Сталин, Ягода, Ежов, Берия были изобретателями этой идеологии. Они разработали программу усиления жестокого режима в СССР и осуществляли ее с методичной безжалостностью. И политическая ситуация в мире и Советском Союзе благоприятствовала им в воплощении всех их коварных замыслов, связанных со стремлением укрепить собственную диктатуру и удержаться у власти. Они совершили роковую и непростительную ошибку, предопределившую исход всей кампании строительства социализма на крови и страданиях миллионов безвинных людей. Правительство СССР не пыталось создать государство свободы и благополучия для

народа, а запустило механизм грандиозной, тоталитарной государственной системы, порочащей идеи социализма и советскую власть.

Чтобы скрыть свои преступления, Сталин и его команда делали видимость недовольства допускаемыми органами НКВД актами насилия и репрессий над коммунистами и беспартийными. Пленум ЦК ВКП (б) в январе 1938 года обсудил вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляции исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков» и принял специальное решение. В нем осуждалось допускавшееся ранее огульное исключение из партии и выражалось требование привлекать к строгой партийной ответственности лиц, виновных в клевете на честных людей. Однако это решение не изменило хода репрессивной политики в стране. Репрессии продолжались вплоть до смерти Сталина в начале марта 1953 и ареста Берии в июне того же года.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. М., 1991. С. 47.
2. Объединяет правда: круглый стол «Грозненского рабочего» // Грознен. рабочий. 1989. 28 янв.
3. Письмо З. Г. Мусаева // Справедливость. 1990. № 5–6
4. Живая память: о жертвах сталинских репрессий. Грозный, 1991. С. 7.
5. Межаков И. А. Ленинским традициям верны: интервью с председателем КГБ ЧИАССР // Грознен. рабочий. 1989. 3 февр.
6. ГАЧР (Гос. арх. Чеченской Республики). Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 19.
7. Там же.
8. Ерещенко Г. Тот страшный тридцать седьмой год // Грознен. рабочий. 1989. 9 февр.
9. Импичмент: позиция ЯБЛОКА. М., 1999. С. 53–57
10. ГАЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 263. Л. 18.
11. Межаков И. А. Указ. соч.
12. Живая память…
13. Геноцид длиною в столетия // Справедливость. 1994. № 4.

УДК 94(470.6)

МОДЕРНИЗАЦИЯ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕЧНИ В 1920–1930-Е ГГ.

М. М. Ибрагимов, А. Р. Балаева

MODERNIZATION OF THE OIL INDUSTRY IN THE CHECHNYA 1920–1930-ies

M. M. Ibragimov, A. R. Balayeva

Статья посвящена анализу процесса модернизации нефтяной промышленности Чечни в 1920–1930-е годы. Авторы рассматривают организаторскую деятельность партийных, советских органов и общественности по реконструкции промышленности Чечни, направленную на рационализацию промышленного производства, освоение техники механизированной добычи нефти и вторичных методов эксплуатации нефтяных месторождений, и приходят к выводу, что ускоренное развитие грозненской нефтяной промышленности явилось основой преобразования всей социально-экономической сферы Чечни.

This article analyzes the process of modernization of Chechnya's oil industry in 1920–1930-ies. The authors consider the organizational activities of Party, government agencies and the public on the reconstruction of Chechnya's industry, aimed at rationalizing the industrial production, the development of mechanized equipment and secondary oil recovery methods for the exploitation of oil deposits. The authors conclude that the accelerated development of the Grozny oil industry was the basis for the transformation of all economic and social sphere of Chechnya.

Ключевые слова:
модернизация, рационализация, нефтяная промышленность, нефтяное оборудование, Чечня, Грознефть.

Keywords:
modernization, rationalization, the oil industry, the oil equipment, Chechnya, Grozneft.

В начале 90-х годов XX века Россия оказалась на пороге коренных политических и социально-экономических преобразований. Это сопровождалось переоценкой ценностей и опыта исторического развития народов страны в недавнем прошлом. В обществе начали действовать деструктивные силы, нацеленные на ослабление единства и дружбы народов, игнорирующие исторический опыт и необходимость их тесного сотрудничества и взаимопонимания в экономическом и духовном возрождении Российского государства. В этой связи важнейшей задачей науки, исследующей общественные отношения, становится обобщение исторического опыта взаимодействия федеральных и региональных органов власти в процессе экономического, социального и духовного развития советского государства. Ярким примером такого рода сотрудничества является процесс модернизации экономики Чечни в 1920–1930-е годы.

К началу 1920-х годов перед советской страной стояли сложнейшие

социально-экономические задачи. Требовалось в кратчайшие сроки преодолеть последствия кризиса, активизировать работу отечественной промышленности. Объемы промышленного производства Чечни, существовавшие в дореволюционный период, не могли удовлетворять постоянно растущие потребности советской экономики. Перед руководством области стояла задача не только полностью восстановить экономику, но и существенно увеличить объем промышленного и сельскохозяйственного производства. В первую очередь речь шла о нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, поскольку потребности в топливе в России и за рубежом неуклонно возрастали.

Огромное значение придавалось также и достижению быстрых темпов развития машиностроения. К началу 1920-х годов в Грозном располагалось несколько крупных промышленных предприятий. Одним из них был завод «Красный молот», который входил в состав «Грознефти», являясь ее основной ремонтной базой. Руководствуясь директивами XVI съезда партии, партком завода в сентябре 1930 года рассмотрел увеличенный план выпуска продукции и предложил руководству ускорить темпы реконструкции механосборочного и строительства чугунолитейного цехов [1]. Выполнение этих задач осложнялось сокращением капитальных затрат.

Пятнадцатого ноября 1930 года ЦК ВКП (б) принял постановление «О положении в нефтяной промышленности», в котором вскрыл причины, тормозящие дальнейшее развитие таковой. Главную из них ЦК ВКП (б) усматривал в недопустимо медленных темпах развития нефтяного машиностроения. Вот почему в качестве первоочередной задачи была поставлена задача ускорения производства бурового и промышленного оборудования, а также нефтеперегонной аппаратуры [2]. В свою очередь Чеченский обком партии 24 января 1931 года рассмотрел вопрос «О перспективах развития завода „Красный молот”» и предложил партийной организации и руководству разработать перспективный план, направленный на ускорение реконструкции и освоение новой продукции для нефтяной промышленности [3]. План был принят и успешно выполнен. Была закончена реконструкция основных цехов, введены в эксплуатацию чугунолитейный, формовочный, механосборочный, кузнечный, трубопрокатный цехи общей площадью 10 539 кв. м [4]. Быстрое освоение производственных мощностей позволило коллективу завода выполнить пятилетний план за три года и один месяц и дать стране дополнительную продукцию [5]. В 1932 году выпуск валовой продукции на заводе достиг 7 100 тыс. рублей [6]. К концу пятилетки завод «Красный молот» превратился в крупный машиностроительный завод по производству оборудования для нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и других отраслей промышленности.

Весной 1928 года комиссия ЦК РКИ изучила коэффициент использования импортного оборудования в «Грознефти» и резко осудила бытовавшую в управлении производственного объединения практику его широкого использования [7]. В 1928–1929 годах коллектив завода «Красный молот» освоил и начал выпускать отечественное оборудование для трубчатых установок. С этого времени началось постепенное сокращение импортного оборудования.

Коллектив разработал план сокращения импортных заявок. Три бригады импортного заслона, в которые вошло 35 инженерно-технических работников и 25 рабочих [8], приступили к освоению выпуска новых видов продукции, ранее ввозимой из-за границы. Если в 1931 году коллектив завода «Красный молот»

выпустил продукции, ранее ввозимой из-за границы, на сумму 3 185 тыс. рублей, то в 1932 году – уже на 4 млн рублей [9]. Освоение и выпуск нефтяного оборудования и аппаратуры для нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности ускорили технический прогресс и рационализацию нефтяной промышленности Грозного и других районов страны, укрепили экономическую независимость и позволили начать борьбу за постепенный переход на выпуск отечественного оборудования и аппаратуры для нефтяной промышленности СССР. Вскоре приступили к строительству отечественных нефтеперегонных заводов. В 1928–1929 годах в Грозном были построены первые трубчатки отечественного производства, в 1933 году уже вступили в эксплуатацию две крекинг-установки, 96 % оборудования для которых было изготовлено на советских машиностроительных заводах [10].

В ноябре 1928 года состоялся пленум ЦК ВКП (б), который рассмотрел вопрос о контрольных цифрах развития народного хозяйств и принял очередной хозяйственный план на 1928–1929 годы. Пленум предложил фабрикам и заводам шире развернуть борьбу за механизацию производства, специализацию заводов, рационализацию теплосилового хозяйства, механизацию и улучшение внутризаводского транспорта. ЦК ВКП (б) указал на необходимость изжития волокиты в процессе реализации рабочих изобретений и дал целый ряд других важных указаний по вопросам рационализации производства [11].

Пятая Северо-Кавказская партийная конференция (февраль 1929 года), разработав программу дальнейшего развития промышленности, указала на необходимость более быстрых темпов развития нефтяной промышленности, подчеркнув при этом, что главная роль в решении данных задач принадлежит рационализации. Партийная конференция обязала партийные организации мобилизовать коммунистов и широкие массы трудящихся на решение задач социалистической реконструкции [12]. Пятнадцатого февраля 1929 года бюро Чеченского обкома партии обсудило вопрос «О ходе выполнения производственной программы „Грознефти”» и предложило райкомам партии принять участие в составлении планов реконструкции промышленности, обсудив их в первичных партийных организациях. Предлагалось предусмотреть такие мероприятия, как сокращение числа рабочих в буровых бригадах за счет дальнейшей механизации и электрификации буровых работ, усиление технического руководства, совершенствование учета и контроля на предприятиях и т. д. [13].

Политика партии в деле дальнейшей реконструкции промышленности нашла свое выражение в ряде организационных мероприятий, проведенных в 1928–1929 годах председателем ВСНХ СССР В. В. Куйбышевым. Директивы ВСНХ об улучшении рационализаторской работы в промышленности, о создании бюро рационализации в главных управлениях и комитетах ВСНХ, трестах и на предприятиях легли в основу реорганизации технического управления «Грознефти». На его базе в управлении «Грознефти» в ноябре 1929 года было создано бюро рационализации, которое начало осуществлять плановое руководство реконструкцией промышленности, оказывать помощь рационализаторам. Эти новые органы получили широкую возможность и прочную материально-техническую базу для своей деятельности и позволили принять участие в работе ряда конференций по рационализации нефтяной промышленности [14].

В апреле 1930 года в Баку состоялась первая Всесоюзная конференция по

рационализации нефтяной промышленности. В ней активное участие приняли инженерно-технические работники «Грознефти». Конференция подвела итоги рационализации нефтяной промышленности «Грознефти» и наметила мероприятия по ее развитию. Большое внимание было уделено дальнейшему совершенствованию органов рационализации и развитию массовых форм рационализаторского движения [15]. В ноябре 1930 года по указанию обкома партии руководство «Грознефти» провело реорганизацию органов рационализации: на промыслах и в конторах таковыми являлись отделы, а на заводах – бюро, укомплектованные высококвалифицированными кадрами. В состав управления рационализации вошло 38 инженеров, техников, экономистов. Они осуществляли контроль над внедрением планов рационализации в производство, проводили консультации для инженерно-технических работников предприятий по вопросам науки и техники, оказывали помощь в разработке и внедрении рационализаторских предложений. Например, только за первое полугодие 1931 года руководство «Грознефти» осуществило 550 рационализаторских предложений [16].

В годы первой пятилетки продолжала увеличиваться фонтанная добыча нефти, которая к концу 1930 года достигла 81,8 % [17]. Недостаточное внимание руководства «Грознефти» в эти годы к методу искусственного поддержания пластовых давлений, увлечение фонтанами и нерациональное их использование, при высоких отборах нефти вело к быстрому падению давления в пласте, в результате чего высокий дебит скважин резко падал, добыча нефти сокращалась. В 1931 году на промыслах «Грознефти» началось резкое падение фонтанной добычи, которое продолжалось до конца пятилетки. В 1932 году удельный вес фонтанной добычи нефти сократился до 31,9 % [18]. Кроме того, в 1931 году добыча нефти началась с более глубоких горизонтов. Все это поставило перед руководством «Грознефти» ряд новых, довольно сложных задач.

Необходимо было в кратчайший срок освоить газлифт и вторичные методы эксплуатации. В октябре 1929 года в Старопромысловском районе, в Соленой балке, начались опыты по применению газлифта, которые дали положительные результаты. В марте 1930 года Старопромысловский райком партии провел совещание партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций, на котором было принято решение начать подготовительные работы по широкому применению газлифта и вторичных методов эксплуатации скважин в Старопромысловском районе [19]. Однако, несмотря на решение райкома партии, газлифт и вторичные методы не внедрялись в производство. Главной причиной, тормозящей освоение и внедрение новых прогрессивных методов в производство (газлифта и вторичных методов эксплуатации), явилось то, что часть работников нефтяной промышленности придерживались консервативной «теории», в которой пытались обосновать утверждение, что реконструкция нефтяных скважин закончилась, а осталась только «большая» и «малая» рационализация. Этих же взглядов придерживалось и руководство «Грознефти». Данная «теория» тормозила внедрение в эксплуатацию новой техники и технологии. Исправление этих недостатков имело исключительно важное значение для дальнейшего развития нефтяной промышленности, поэтому ЦК ВКП (б) в своем решении от 15 ноября 1930 года отверг означенную «теорию» и наметил пути дальнейшего развития техники и технологии добычи нефти. Опираясь на решение ЦК партии, Чеченский обком партии принял ряд постановлений, в которых предложил руководству «Грознефти» расширить новые

методы эксплуатации нефти (газлифт и вторичные методы), повысив тем самым отдачу пластов, обеспечив их кадрами, оборудованием, кредитом, и перевести на газлифт в 1931 году все затухающие фонтаны и скважины [20]. Постановление ЦК и решения обкома партии оживили деятельность органов рационализации. В 1931 году в Грозном было проведено 8 партийно-технических конференций по различным отраслям промышленности (эксплуатации, бурению, переработке, машиностроению, местной промышленности и т. д.) [21].

Четвертого – пятого февраля 1931 года в Грозном прошла первая областная партийно-техническая конференция по эксплуатации нефти. В ее работе активное участие принял инженерно-технический состав. Конференция рассмотрела вопросы освоения и дальнейшего развития техники и технологии фонтанной и газлифтной добычи нефти, а также вторичных методов эксплуатации, наметила пути дальнейшей реконструкции и рационализации газлифтного хозяйства, овладения техникой фонтанной эксплуатации и освоения вторичных методов.

На пути выполнения этого решения встретились определенные трудности; больших усилий стоило руководству «Грознефти» получить несколько старых компрессоров в Баку и Туркмении и ввести в эксплуатацию компрессорные станции, позволив этим ускорить процесс внедрения газлифта в добычу нефти. За 1931 год добыча этим способом увеличилась в 19 раз по сравнению с 1930 годом [22].

Третья Чеченская областная партийная конференция (январь 1932 года) обязала руководство «Грознефти» разработать мероприятия, направленные на полное освоение техники механизированной добычи нефти (особенно газлифтной), и обеспечить дальнейшее ее расширение, а также приступить к изучению возможностей получения нефти из Старопромысловского района путем вторичных методов разработки нефтяных месторождений [23]. Чеченский обком создал специальную комиссию. Одновременно райкомам партии и редакции газеты «Грозненский рабочий» было предложено обсудить в районах и на страницах газеты вопросы дальнейшей рационализации нефтедобычи [24].

Вторая областная партийно-техническая конференция по эксплуатации 4 февраля 1932 года подвела итоги работы по внедрению новой техники и технологии за период, прошедший после первой партийно-технической конференции, и наметила пути дальнейшей реконструкции газлифтной и насосной эксплуатации, а также развития и освоения вторичных методов разработки истощенных месторождений. Конференция подчеркнула, что основной задачей технической реконструкции в добыче нефти является полная реконструкция не только всех методов и способов эксплуатации скважин, но и месторождений в целом, в целях максимального извлечения содержащейся в пласте нефти [25]. Выполняя решения второй партийно-технической конференции, руководство «Грознефти» провело ряд мероприятий по ускорению процесса внедрения механизированных методов добычи нефти. Важную роль в выполнении этих задач сыграл организованный руководством «Грознефти» в начале 1932 года комитет по вторичным методам эксплуатации. В него вошли 15 ведущих специалистов «Грознефти» во главе с заместителем управляющего трестом А. П. Чубаровым. Проведенные комитетом мероприятия ускорили освоение и внедрение вторичных методов эксплуатации и способствовали дальнейшему развитию газлифтного хозяйства [26].

В годы первой пятилетки в бурении широкое применение получило долото

лопастного типа. Однако оно не могло полностью удовлетворить непрерывно возрастающие требования к качеству долот. Поэтому была поставлена задача создать более совершенные типы долот, которые позволили бы не только увеличить скорость проходки, но и бурить скважины в твердых породах. С особой остротой данная задача была поставлена в решении ЦК ВКП (б) от 15 ноября 1930 года по докладу Союзнефти. Это решение обязывало нефтяников довести в 1933 году коммерческую скорость бурения в грозненской нефтяной промышленности до 300 м на 1 станок в месяц [27]. Означенная задача не могла быть решена без более совершенного типа долот. В 1930 году в работу начали вводиться фасонные долота, но их производство и освоение шло медленно. Опираясь на решение ЦК ВКП (б) от 15 ноября 1930 года, Чеченский обком партии поставил перед руководством «Грознефти» ряд задач: «…усилить внедрение в бурение высококачественных долот, увеличить коэффициент их работы, довести пребывание долот в забое до 8 часов» [28]. Для обобщения опыта работы долот в Старопромысловском районе был введен карточный учет долот на забое, что позволило установить наилучший вариант работы долот в разных условиях и найти пути дальнейшего развития заправки и наварки долот.

Семнадцатого марта 1931 года бюро Чечобкома ВКП (б) заслушало вопрос о досрочном (в 2,5 года) выполнении «Грознефтью» первого пятилетнего плана. По темпам роста среднемесячной добычи нефти пятилетка была выполнена еще в мае 1930 года. По отбору светлых нефтепродуктов задание 5 лет выполнили за 1 год 11 месяцев. Первое апреля было объявлено днем победы трудящихся масс Чеченской автономной области [29]. Газета «Правда» назвала их подвиг «величайшей победой рабочего класса СССР, нагляднейшим свидетельством победы генеральной линии партии, блестящим успехом планового хозяйства» [30]. Тридцать первого марта ЦИК СССР принял постановление о награждении орденом Ленина «Азнефти», «Грознефти» и их наиболее отличившихся работников (соответственно 54 и 35 человек) [31]. Летом того же года по решению президиума ВЦСПС на теплоходе «Украина» из Ленинграда в Одессу вокруг Европы были отправлены 300 лучших ударников Советского Союза (в том числе 6 рабочих-грозненцев), премированных загранпоездкой за успехи в труде на производстве [32].

Двадцать третьего декабря 1931 года Старопромысловский райком партии, обобщив работу по совершенствованию долотного хозяйства, предложил работникам «Грознефти» созвать областную партийно-техническую конференцию по совершенствованию долот. Двадцать седьмого декабря 1931 года эта инициатива была одобрена, а для проведения конференции была создана комиссия в составе Гинсбурга, Еркина, Короткова, Миронова, Берзина и др. [33]. Второго января 1932 года она начала работу. В ее ходе были установлены стандартные режимы технологических процессов заправки долот и нормы их проходки по отдельным районам и пластам [34]. Применение более совершенных типов долот (фасонных, дисковых, трехлопастных, многолопастных и так далее) из твердых сплавов, дальнейшая рационализация их наварки и заправки, нахождение оптимального времени пребывания долот в разных породах способствовали подъему производительного труда. Так, средняя проходка на долото в мягких породах возросла с 3,5 м в 1930 году до 8 м в 1932 году, а время его пребывания в забое увеличилось за этот же период с 2–3 часов до 8–10 (в Старопромысловском районе – до 14 часов) [35]. В целом по СССР среднее пребывание долот на забое к концу пятилетки достигло 6,3 часа. Модернизация

долотного хозяйства, проведенная по рекомендации конференции, дала экономию в один миллион рублей [36].

Успешное проведение модернизации нефтяной промышленности, освоение новой техники и технологии улучшило производственные показатели предприятий и привело к экономии средств. В результате роста производительности труда пятилетний план по добыче нефти и газа грозненскими трудящимися был выполнен уже в 1929–1930 годах [37].

К концу первой пятилетки доля грозненцев в отечественном экспорте нефти составляла 50 %, а в экспорте нефтепродуктов еще больше: 75 % бензина и 100 % парафина [38]. Быстрое развитие грозненской нефтяной промышленности ускорило преобразование экономической и социальной сферы не только Чечни, но и других национальных областей Северного Кавказа. Опыт модернизации нефтяной промышленности Чечни на рубеже 1920-х – 1930-х годов убедительно показывает, что успешное решение социально-экономических проблем развития кризисных регионов страны возможно только на основе взаимодействия федеральных и региональных органов власти.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Грозненский рабочий. 1930. 5 сент.
2. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 163. Д. 885. Л. 17–20.
3. ЦГА ЧИАССР (Центр. гос. арх. Чечено-Ингушской АССР).
4. Там же. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 159.
5. Грозненский рабочий. 1931. 12 нояб.
6. История индустриализации Северного Кавказа (1926–1932 гг.) Т. 1 / под ред. В. И. Филькина. Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1971. С. 447.
7. ЦГА ЧИАССР. Ф. 646. Оп. 1. Д. 29. Л. 17.
8. Гудько Н. А. Народный контроль в первой пятилетке. Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1968. С. 7.
9. Ударник. 1932. № 11–12. С. 26.
10. ЦГА ЧИАССР. Ф. 162. Оп. 1. Д. 241. Л. 46; Грозненский рабочий. 1933. 16 янв.
11. За большевистскую партийность в технике. 1933. 7 нояб.
12. Правда. 1928. 24 нояб.
13. Молот. 1929. 10 марта.
14. ЦГА ЧИАССР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.
15. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2: История Чечни XX и начала XXI в. / рук. авт. коллектива М. М. Ибрагимов. Грозный: Кн. изд-во, 2008. С. 335.
16. Там же. С. 335–336.
17. Грозненский нефтяник. 1931. № 2–3. С. 34.
18. Там же.
19. Ударник. 1931. № 1. С. 9.
20. ЦГА ЧИАССР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 182.
21. Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 24. Л. 48.
22. Ерещенко Г. А. Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по развитию нефтеперерабатывающей промышленности в годы первой пятилетки //

Великий Октябрь и социалистические преобразования в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1987. С. 141.

23. ЦГА ЧИАССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1196. Л. 236.
24. Там же. Л. 238.
25. Правда. 1928. 24 нояб.
26. Ерещенко Г. А. Указ. соч. С. 143.
27. Грозненский нефтяник. 1932. № 3–4. С. 10.
28. ЦГА ЧИАССР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 55. Л. 11–14.
29. История Чечни с древнейших времен до наших дней… С. 333.
30. Правда. 1931. 27 марта.
31. Грозненский государственный нефтяной институт имени акад. М. Д. Миллионщикова: 1920–1985. Грозный, 2005. С. 36.
32. Ударник. 1930. № 17–19. С. 11–13.
33. ЦГА ЧИАССР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 63. Л. 49.
34. Грозненский нефтяник. 1931. № 11–12. С. 96.
35. Там же. 1932. № 1–2. С. 19.
36. Лисичкин С. М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 6.
37. ЦГА ЧИАССР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 459. Л. 10.
38. История Чечни с древнейших времен до наших дней… С. 336.

УДК 94(470.6)«17»

РОЛЬ ТОРГОВЛИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. А. Илясова

TRADE ROLE IN ECONOMIC LIFE OF DAGESTAN PEOPLE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

A. A. Ilyasova

Статья посвящена роли торговли в хозяйственном укладе народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX столетия. Автор отмечает, что, занимаясь преимущественно сельскохозяйственной деятельностью, местное население испытывало нехватку в промышленных товарах, которые могло получить благодаря торговому обмену. Торговыми партнерами горского населения выступали Российская империя, Оттоманская Порта, Персия и Грузия. Многие горцы предпочитали пользоваться услугами армянских купцов, занимавших прочные позиции в главных торговых центрах региона.

This article is devoted to the trade role of economic life of the North-East Caucasus people in the first half of the XIX century. The author notes that, being engaged in agricultural activity, the local population was lack of industrial goods which they could receive only due to trading exchange.

The trade partners of the highlanders were: Russian Empire, Ottoman Port, Persia and Georgia. Many highlanders preferred to deal with Armenian merchants who had strong positions in the main trade centers of the region.

Ключевые слова:
горцы, горные аулы, товары, рынок, караваны, центры международной торговли, армянские купцы.

Keywords:
highlanders, settlements of highlanders, goods, market, caravans, the international trade centers, Armenian merchants.

Торговля имела регулярный характер у многих народов Дагестана. Она, по словам М.-С. К. Умаханова, «позволяла решать серьезные экономические вопросы, вытекавшие из неравномерности социально-экономического развития отдельных частей Дагестана в силу их естественно-географических особенностей» [1]. Здесь имелись свои центры, куда свозился товар не только из окрестных селений, но и приезжали иноземные купцы. Товар был представлен продукцией земледелия, животноводства, минеральным сырьем.

Торговля производилась путем развоза, на ярмарках и даже была стационарной, т. е. через лавки. Последние действовали на постоянной основе в Кизляре, Дербенте, Эндери. Регулярные ярмарки собирались в селениях Кубачи, Кумухе, Аксае, Анди, Чох, Рутул, Ругуджа, не говоря уже об упомянутых равнинных городах и селениях [2].

Ряд населенных пунктов, таких как Тарки, Эндери, Дербент, Кизляр, являлись важными центрами международной торговли, т. к. через них проходил участок волжско-каспийского торгового пути. Конечно, они не были конечным пунктом назначения, но получали массу экономических бонусов от посреднических функций. Караваны, шедшие из Персии и Закавказья в Россию и Европу, оставляли часть товара на местных рынках и закупали предлагаемые местными купцами вещи [3]. Трасса проходила либо сухим путем, либо морем, на расстоянии прямой видимости побережья [4].

Роль древнейшего центра торговли, безусловно, принадлежала Дербенту, чье расположение было весьма удобным и выгодным с точки зрения коммерческого интереса. К нему устремлялись не только жители окрестных селений, но и приходили горцы, чьи аулы находились вдали от города. Сюда свозились продукты животноводства и земледелия, ремесленные изделия, которые обменивались на ткани, красители, соль, рис, шафран и т. п. [5]. Известные своим мастерством кубачинские ювелиры большую часть своей продукции реализовывали на дербентских базарах. Сюда же привозились знаменитые андийские бурки [6].

До закрепления России на Северо-Восточном Кавказе Дербент оставался крупнейшим региональным рынком рабов. По словам одного из пленников, Я. Я. Стрейса, который не понаслышке знал о местных реалиях, здесь «ведут крупную торговлю награбленным в Дагестане добром, которое татары привозят суда на рынок… главная торговля других жителей состоит в купле и продаже невольников, которых доставляют сюда помянутые людокрады для перепродажи через персов в другие места» [7].

В дальнейшем ситуация на местных рынках поменялась. Ушли в прошлое скупка и продажа товаров, взятых во время грабительских набегов, прекратился торг людьми, но торговая активность в городе не уменьшилась. Современники отмечали большое количество караван-сараев, лавок и даже монетный двор [8]. Идеализировать ситуацию, конечно, нельзя. Караван-сарай по своим удобствам оставлял желать лучшего и нередко представлял собой развалины, в которых могла пастись скотина [9]. Это лишний раз демонстрирует, с какими трудностями приходилось сталкиваться купцам, чье благосостояние зарабатывалось немалыми рисками.

Как отмечал в 1804 году А. И. Ахвердов, большая часть местных жителей «в купеческом промысле». Их деятельность проходит «в покупке и продаже из разных мест привозимых к ним персидских товаров, с коими в небольшом количестве продают произведения и своих шелковых и бумажных фабрик, имеющихся в городе». Регулярные торговые сношения поддерживаются «с Кизляром и с пограничными кумыцкими деревнями: Андреевского, Аксаевского, Костековского, Тарковского, Карабудагского, Губденского, Бойнакского, старокаменскими, табасаранскими, казыкумыцкими и прочими мелкими деревнями» [10]. Но, как уже отмечалось выше, на дербентский базар приезжали и жители отдаленных селений нагорного Дагестана, привозившие сюда съестные припасы, бурки, сукно и т. п. [11].

Конкурентом Дербенту выступали Тарки, довольно крупное по местным меркам равнинное селение, насчитывавшее в конце XVIII столетия до полутора тысяч домов. Здесь торговали зерном, хлопчатобумажной тканью, ювелирными изделиями, солью и невольниками. Заслуживает внимание тот факт, что некоторые жители Тарков уезжали торговать в российские и иранские города [12].

Тарки также были задействованы в транзитной торговле по волжско-каспийскому пути, и здесь тоже имелись постоялые дворы, как и в Дербенте. Но их внешний вид вряд ли отличался в лучшую сторону. Сказывалось, очевидно, то, что частые войны не способствовали нормальному процессу торгового обмена и нередко наступали длительные перерывы, когда ни один караван не проходил через селение, а потому поддерживать караван-сараи в должном порядке считали излишним [13]. В Тарках постоянно проживали армяне, которые занимались торговой деятельностью [14].

Постоянным спросом у местных жителей пользовалась соль. Это с выгодой для себя использовал местный владетель, т. к. «в 15 верстах от Тарку находятся соленые озера, из коих за некоторую плату позволяется брать соль дагестанцам, кумыкам, чеченцам, как для собственного продовольствия, так и для продажи. Сия продажа соли и выгодное положение Шамхальского владения по берегу морскому, заключающее обилие паствы в низинах, для него весьма важны», – писал С. Броневский [15].

Среди тех, кто регулярно появлялся на рынке в Тарках, были выходцы из различных даргинских селений, покупавшие здесь металлические изделия, ткани, нефть, соль, сахар и т. п. [16]. М.-С. К. Умаханов отмечал, что «акушинцы также поддерживали тесные связи с тарками по пути Акуша – Цудахар – Тарки – Дербент и Акуша – Губден – Тарки», т. е. действовали давние отработанные и освоенные маршруты [17].

Еще один крупный рынок находился в ауле Эндери, или Андрей-ауле. Он получил печальную известность как крупнейший региональный рабовладельческий

рынок. По сведениям С. Броневского, «Андреевская деревня по местоположению своему, будучи, так сказать, воротами между горами и долинами, соделалась сборным местом и главною в сей стороне ярмаркою, для торга пленниками, высылаемыми из Дагестана и Лезгистана.

Поелику правительство не могло запретить сей торг действительным образом, то признано за нужное сделать в пользу пленных христиан некоторые постановления. Андреевские жители, перекупая пленников у чеченцев и лезгинцев, продают их кизлярским жителям на месте или привозят их для продажи в Кизляр на следующем основании, которому подлежит выкуп всяких пленных, иноверцев или христиан, лишь бы они не были российские подданные. <…> Грузины, армяне, мингрельцы составляют большее число сих пленников, однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в баранту, или продаваемые своими родителями от бедности. Поелику цена за простых пленников не велика и заключается между 150 и 200 рублями, то чрез шесть или семь лет обыкновенно пленники получают свободу. Таким промыслом андреевцы получают знатную прибыль. Не менее выгоден сей торг и для кизлярских жителей…» [18].

Завершил эту практику генерал А. П. Ермолов. Как отмечал А. С. Грибоедов, в Эндери «на базаре, где прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, – ныне самих продавцов вешают» [19].

Впрочем, только этим торговля не ограничивалась. По словам А. М. Буцковского, здесь армяне производили «торг всем для горцев потребным привлекая в селение Андреевское всегдашнее стечение соседственных горцев» [20]. Сюда приезжали салатавцы, которые очень редко выбирались из родных мест и ограничивались преимущественно только этим селением.

По соседству с Эндери имелся регулярный базар в селении Аксай. Сюда, помимо жителей горного Дагестана, приезжали выходцы из Чечни. Отмечается, что торговля примиряла даже тех, кто нередко враждовал друг с другом в иное время [21].

Таким образом, перечисленные торговые центры «играли огромную роль в торгово-экономических контактах жителей гор с жителями плоскостных селений» [22].

Нельзя сбрасывать со счетов и те горные аулы, которые в силу своего расположения не могли претендовать на роль перевалочных пунктов в транзитной торговле, но притягивали на свои базары жителей окрестных селений. Здесь заслуживают внимание селения Ахты, Кубачи, Казикумух и др. В Ахтах базар собирался каждую неделю. На нем можно было приобрести лезгинские ковры, одежду, гончарные и деревянные изделия, не считая хлеба, фруктов, мясо-молочных продуктов, скота [23].

Неверно представлять, что только горцы спускались на равнины с торговыми целями. Например, в Казикумух приезжали жители равнинных селений. Кумыки доставляли сюда арбузы и виноград, аварцы – строительный лес, мясо, яйца, масло, даргинцы – кожи и сукна, а сами казикумухцы продавали войлоки, бурки, сыр, оружие, изделия из серебра [24]. Агульцы и рутульцы фактически пользовались только предложениями казикумухского базара [25]. На нем местные жители могли решить традиционную для них нехватку хлеба, от экспорта которого они зависели [26].

Тесные связи были у Казикумуха с рынком в селении Цудахар. Здесь имелись два постоялых двора, что говорит о его популярности. Вызывает интерес и

тот факт, что о начале работы рынка отправлялись сообщения в селения Гергебиль, Могох и т. д. [27]. Здесь собирались даргинцы, аварцы, лакцы, кумыки, что в условиях присущего Дагестану изоляционизма играло важную роль в формировании общегорского самосознания. Эта сторона торговой деятельности должна учитываться при анализе роли торговли в жизни народов региона.

Отмечается, что «крупные базары у даргинцев собирались также в Акуша, Губдене, Хулелаая, Харбуке, где также собирались представители других народов Дагестана. На базар в Урахах собирались торговые люди Дербента, Кумуха, Тарки, Балхара.

Большой известностью пользовались базары в Араканах, Чохе, Согратле, и Анди, Хунзахе, Унцукуле, Карадахе, Дылыме, Агвали. Важным торговым центром для своей зоны являлось село Анди. Предметом торговли в нем были лошади, оружие из Кубачи, бурки. Велась в Анди торговля и невольниками. Андийцы и дидойцы имели тесные торговые связи со всей Аварией. Базар у кулецминского моста собирал жителей окрестных сел. Там можно было приобрести глиняную посуду из Балхара, медную посуду из Кумуха, ковры из Урмы, паласы из Кутиша, фрукты из горных аварских селений.

Дылымский базар служил связующим пунктом в торговле между аварцами, кумыками и чеченцами. На нем можно было купить ногайский скот, зерно из Кумыкии, фрукты из Гергебиля, Араканы, Унцукуля, ковры, бурки, кожевенные изделия салатавцев» [28].

Обычно базары действовали по пятницам. Как писал О. В. Маргграф, «в каждом пятом или десятом селении Дагестана еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары». Сюда устремляются многочисленные желающие принять участие в торге, «из земледельческих и садовых округов привозят семена на посеву, фрукты, пеньковые изделия; женщины выносят свои сукна, ковры, полсти – готовые черкески, а другие – шелковые и металлические ленты; медники сидят со своей посудой; оружейники разложили кинжалы, шашки, винтовки, пистолеты; овцеводы пригнали на продажу стада овец. Все меняют, покупают, продают» [29].

Но если несколько близлежащих селений устраивали торговлю, то тогда дни чередовались. Например, в Мекеги торг проходил в понедельник, а в Урари во вторник, четверг собирал покупателей и продавцов в Куппе, пятница – в Цудахаре, а суббота – в Уллуая, воскресенье было базарным днем в Акуше [30]. Таким образом, каждый мог выбрать для себя наиболее удобное время и населенный пункт.

До присоединения региона к России торговля здесь имела преимущественно меновой характер. В качестве эквивалента стоимости выступали овцы, материя, медные котлы [31]. Это не значит, что местное население полностью игнорировало деньги. У горцев ходили персидские, турецкие и русские денежные единицы. Своей единой денежной системы в Дагестане не было, т. к. политическая раздробленность препятствовала ее созданию.

Отмечается, что «экономическая необходимость вынуждала народы Дагестана искать способы удовлетворения своих хозяйственно-бытовых потребностей через меновую торговлю. Определенную роль при этом играла и так называемая разъездная торговля, когда в поисках покупателей владельцы товаров отправлялись в селения, где базары не собирались, ходили по дворам, предлагали свои товары в обмен на нужные им» [32].

Преувеличивать торговую активность местного населения представляется неверным. При наличии полунатурального типа хозяйства, слаборазвитых товарно-денежных отношений, бездорожья у горцев не сложился купеческий слой, который профессионально занимался бы таким видом деятельности. Как правило, торговля находилась в руках армян и евреев, которые перемещались с мелочным товаром по селениям. Такой вывод можно сделать, анализируя жизнь и быт табасаранцев, и вполне обоснованно экстраполировать его на другие народы Дагестана [33]. Подобные наблюдения сохранились в воспоминаниях путешественников, описывающих кумыков. Они, по словам А. М. Буцковского, «любящие праздность и воинские занятия, не занимаются торговлею, коя вся в руках армян…» [34].

Что касается торговой деятельности самих табасаранцев, то о ней в первой трети XIX столетия сообщал П. Ф. Колоколов, отмечавший, что «табасаранцы ведут торговлю большей частью с Дербентом, с вольными народами Каракайтах и Кубачи. Они сбывают нарушну (*так в тексте. – А. И.*), паласы, ковры, также баранов, масло, сыр и мед. Из Дербента получают соль и бумажные ткани. Из владения Каракайтаг получают вещи, приобретенные хищничеством, из Кубачи – огнестрельное и холодное оружие. Торговля сия производится большей частью сменою. Собственных денег табасаранцы никогда не имели…» [35].

Примечательно, что имам Шамиль поощрял занятие торговлей на подконтрольных ему территориях. Он освобождал торговцев от воинской повинности, выдавал им охранные грамоты. Некоторые из местных купцов в итоге смогли собрать капитал, торговый оборот которого достигал одной тысячи рублей в год. Это была крупная по местным меркам сумма. Шамилем предпринимались шаги по привлечению к торговле в имамате иноземных купцов [36].

Особое внимание имам уделял безопасности на дорогах и наказывал наибов, если на их территории происходило нападение на караван. Известен случай, когда за непрестанные нападения на караваны Шамиль приказал выселить жителей аула Хорочой (Хорочай): «Немирная Чечня, как Большая, так и Малая, всегда играла роль житницы в отношении немирного Дагестана. Для караванов было две дороги те, которые, выходя из северной части Дагестана, вели через Салатау и Ичкерию в Веден. Но затруднения, представляемые на этом пути природою, побуждали людей, менее способных к риску, избегать этой дороги. <…> Впрочем, встречаемые здесь затруднения не столько происходили от природных условий, сколько со стороны жителей Хорочая, постоянно грабивших те караваны, которые не в состоянии были им сопротивляться. По словам Шамиля, все хорочаевцы, от первого до последнего, неисправимые разбойники, которых даже общественное мнение заклеймило. <…> На этих людей не действовали ни угрозы, ни близкое соседство с резиденциею имама, ни денежные взыскания и заключения в яму, ни даже смертная казнь, лишившая деревню многих ее обитателей. Наконец, наскучив беспрестанными жалобами на разбои и убедившись, что никакая строгость не прекратит их до тех пор, пока Хорочай будет обитаем своим разбойничьим населением, – Шамиль решился принять последнюю меру, которая и в самом деле оказалась действительною, он выселил хорочайских жителей в разные места Дагестана, – и с тех пор разбои совсем прекратились». Однако на смену одной проблемы пришла другая, т. к. «на всем пространстве от Черного хребта до Веденя не было ни одного жилого места, необходимого путешественникам для отдыха. Хорочай представлял в этом отношении много удобства, вследствие чего

почти все дагестанские общества обратились к Шамилю с просьбой о заселении этого пункта вновь» [37].

Как уже отмечалось выше, значительная часть торговли была сконцентрирована в руках армянских купцов. Занимаясь региональной и международной торговлей, они вносили важный позитивный вклад в укрепление торгово-экономических связей, сближавших народы, способствовали созданию общего северокавказского рынка [38].

Исследователи данной проблемы подчеркивают, что «особенно велика была роль армянских купцов во внутренней торговле Дагестана и в транзитной торговле между Россией и станами Востока» [39]. Будучи посредниками в торговых операциях между горцами и российским государством, армяне на первых порах сглаживали конфликтные ситуации, которых хватало в процессе вхождения региона в состав империи. Они находили общий язык и понимание как с российской властью, так и с теми автохтонами, которые ее не признавали [40].

Успешной торговле способствовало то, что армяне прочно адаптировались к местным условиям, неплохо понимали менталитет народов Северного Кавказа. Они имели покровителей-кунаков в тех землях, где им приходилось заниматься торговлей, а главное, овладели языком тех племен, куда направлялись со своим товаром. Это было важной, обязательной составляющей их деятельности, ибо, как отмечал побывавший на Кавказе в 30-х годах XVIII столетия И. Я. Лерх, «…сие заслуживает внимания, что наши купцы, кои разумели татарский язык, одни могли ездить с товарами далеко в горы без всякой опасности. Сперва свели они знакомство с татарами, кои в Кизляр приезжают для торговли, и называются конаками, то есть братьями, когда они токмо сведут дружество, то и могут с таковым ехать даже до его деревни, и когда пожелают ехать далее, то сей дает другого конака, коему он может поверить» [41].

Это, впрочем, не являлось гарантией полной безопасности для армянских купцов. Сохранились сведения о драматичном событии, произошедшем с купцом Богдановым, который лишился жизни во время своей деятельности. Из донесения коменданту Кизляра А. Ступишину мы узнаем, что в 1762 году к нему обратился армянин Н. Богданов, «который просил содействия в деле, связанном с возвратом денег и товара его брата, убитого в Дагестане. Оказалось, что двоюродный брат Н. Богданова с племянником несколько лет прожили в Андреевской деревне, занимаясь купечеством. Брат совершал челночные коммерческие рейсы в Царьград (Стамбул) и Шемаху, а привезенный товар продавал в Дагестане. У него были кунаки не только в Андреевской деревне, но и в Чиркейской, где на майдане родственник его кунака Юнуса нечаянно убил племянника Гаврилу. Брат испугался возможной расправы и решил уехать в Буртунай, но жена Юнуса сказала ему, чтобы он не ехал один, а взял ее братьев для сопровождения. В дороге брат пропал без вести. Кунак Юнус приехал к армянским купцам, торговавшим в Андреевской деревне, и сообщил, что весь товар армянских купцов (брата и племянника) и долги у разных людей в целости и просил передать родственникам, чтобы они приехали для принятия наследства. Н. Богданов просил, чтобы ему оказали содействие, так как он сам опасался ехать в Чиркей и Буртунай» [42]. Это были неизбежные профессиональные риски, которыми сопровождалась торговля в столь неспокойном регионе. Ситуация осложнялась еще и тем, что армяне, будучи приверженцами христианства, оставались для местных народов, исповедующих ислам, чужаками. Ограбление купца-армянина могло

интерпретироваться как «богоугодное дело», а это также не способствовало успехам в торговле, которая нуждалась в стабильной и предсказуемой обстановке.

Многие армяне держали свои склады в Кизляре, который сделался крупнейшим торговым центром Предкавказья. Здесь действовали представители Персидской и Джульфинской (армянской) торговых компаний. Через них северокавказские товары попадали на ярмарки далеко за пределами региона. Армянские купцы были регулярными участниками Макарьевской (Нижегородской) ярмарки. Оптом приобретая льняные, суконные, шелковые и хлопчатые ткани, железные изделия и прочие товары, они привозили их в Кизляр, Моздок, горские селения и реализовывали в розницу [43].

Благодаря сохранившимся таможенным документам Кизляра, стали известны некоторые подробности повседневных будней купцов. Так, в этих материалах упоминается «армянин Амиран Ревазов из Эндирея, привезший ,,шелку-серцу 2 полутайка"; грузинский князь Семен Лазарев, привезший из Эндирея кореня марены четыре с половиной харала; армянин Баяндур Григорьев и с ним товару ,,кореня марены семнадцать харалов". При Каргинском форпосте был задержан армянин Степан Савельев, житель Эндирея, привезший ,,чихиря тавлинского две бочки". Алиш Хамзин сообщал в октябре 1749 г., что прибывшего из Кизляра армянина Губчу с товарищами на двух арбах для купечества он отправил в деревню Чиркей, ,,а ис той поехали в владения шефхала Хасбулата в деревню Карнаеву…"». В письме аксаевского владельца Каплан-Гирея и прочих знатных жителей к кизлярскому коменданту А. П. Девицу содержалась просьба отпустить посланного ими «для купечества» армянина, ложно обвиненного в краже серебряной ложки. Шамхал Муртузали жаловался на армянского купца, который взял у него «,,на несколько сумму товара", а денег не привез» [44].

В некоторых городах, например в Темир-Хан-Шуре, армяне имели своих представителей в городском управлении, которые следили за сбором налогов [45].

С начала XVIII столетия лавки армянских, грузинских и русских купцов стали обычным явлением в Тарках. Осознав выгоды от такой торговли, шамхал начал оказывать им поддержку, в частности предоставлял подводы для перевозки товара. Известен случай, когда армянский негоциант прибыл в Астрахань на судне, нанятом в Тарках [46]. От имени шамхала армянские купцы совершали торговые операции в Астрахани и Кизляре. Владетель Казикумуха Магомед-хан охотно ссужал им деньги, т. к. получал за это неплохой процент [47].

В уже упоминавшемся селении Эндери, по словам неизвестного автора начала XIX столетия, «живут армяне, жиды и имеют торг со всеми горцами» [48]. Благодаря их деятельности в селение стекались горцы из разных аулов. Как писал А. М. Буцковский, «производимый же армянами в оном торг всем для горцев потребным привлекает в селение Андреевское всегдашнее стечение собственных горцев…» [49]. Армянские купцы из Эндери регулярно посещали Гумбет, Анди, Салатавию, Ботлих и т. д.

В своих воспоминаниях об Аксае Я. Рейнегс упоминал «рынок со множеством лавок для армянских купцов, в великом множестве здесь торгующих» [50]. На местном базаре был хорошо известен купец-армянин из Кизляра Ефремов, который продавал холст, бязь, сукно, иглы, медные наперстки, замки и т. п. [51]. На постоянной основе торговали армяне в Костеках, Брагунах, Старом Юрте.

На основании приведенных фактов можно утверждать, что торговля играла важную роль в хозяйственном укладе народов Северо-Восточного Кавказа. Занимаясь преимущественно сельскохозяйственной деятельностью, местное население испытывало нехватку в промышленных товарах, которые могло получить при обмене или продаже. В этой связи роль внешней торговли была весьма важна. Среди торговых партнеров выступала Российская империя, Оттоманская Порта, Персия, Грузия. Появлялись на местном рынке и изделия западноевропейского производства, но, как правило, они попадали сюда через посредников. Имела место и региональная торговля. Она отличалась зональным характером. Жители равнин обменивались с населением горной части Северного Кавказа. Существовали устоявшиеся торговые маршруты, регулярно действовали базары и ярмарки. Испытывая определенное предубеждение против торговой деятельности, многие горцы предпочитали пользоваться услугами армянских, еврейских и греческих купцов. Они занимались этим на профессиональной основе. Хорошо ориентируясь в местных условиях, заручившись поддержкой кунаков, эти купцы являлись главным связующим звеном между российской властью и местными народами в торговой сфере. Среди факторов, которые осложняли торговую деятельность в регионе, была политическая нестабильность, отсутствие в горах обустроенных путей сообщения и тому подобные трудности. Тем не менее торговля играла важную роль в формировании единого экономического северокавказского пространства и позволяла, наряду с другими факторами, добиться умиротворения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Умаханов М.-С. К. Торговые центры Дагестана XVII–XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: темат. сб. Махачкала, 1991. С. 9.

2. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 380.

3. История Дагестана: в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 315.

4. Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Вост. лит., 1958. С. 30–35, 65–72.

5. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 113–114.

6. Ахвердов А. И. Описание Дагестана: 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.: архив. материалы под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. М.: Вост. лит., 1958. С. 217, 226.

7. Цит. по: Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 10.

8. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря: 1728 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 86.

9. Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан: 1718 // Там же. С. 9.

10. Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 219.

11. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 381.

12. Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 71.

13. Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 11.

14. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 304.

15. Там же. С. 305–306.

16. Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972. С. 81.
17. Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 12.
18. Броневский С. Указ. соч. С. 197–199.
19. Грибоедов А. С. Горе от ума, письма и записки. Баку, 1989. С. 208.
20. Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей: 1812 г. // История, география и этнография Дагестана... С. 243.
21. Там же. С. 244.
22. Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 13.
23. Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 133.
24. Воронов Н. И. Путешествие по Дагестану // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 38–39.
25. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 144.
26. Булатов А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 78.
27. Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 15.
28. Там же. С. 15–16.
29. Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 35–36.
30. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 261–281.
31. Омаров А. Как живут лаки // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 16.
32. Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 17.
33. Булатов Б. Б., Гашимов М. Ф., Сефербеков Р. И. Быт и культура табасаранцев в XIX–XX вв. / отв. ред. М. О. Османов. Махачкала, 2004. С. 53.
34. Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей: 1812 // История, география и этнография Дагестана... С. 244.
35. Колоколов П. Ф. Описание Табасарана: 1831 г. // Там же. С. 316.
36. Гаджиев В. Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. С. 128.
37. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866–1904 Т. 12. С. 1445.
38. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / док. подобрал, подготовил к печати и предпослал им исслед. В. Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968. С. 68–71.
39. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007. С. 186.
40. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический архив). Ф. ВУА. Д. 18570. Л. 82-об., 89.
41. Цит. по: Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Указ. соч. С. 192.
42. Там же. С. 193–194.
43. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18570. Л. 82.
44. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Указ. соч. С. 190–191.
45. Козубский Е. И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Дагестанский сб. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. 2. С. 168.
46. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 307.
47. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Указ. соч. С. 192.
48. Краткая записка о горских народах // Северный архив. 1826. Т. 22. № 13. С. 29.

49. Буцковский А. М. Указ. соч. С. 242.
50. Цит. по: Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Указ. соч. С. 191.
51. Там же. С. 191.

УДК 94(47)08

ИСМАИЛ АКБАЕВ – ПРОСВЕТИТЕЛЬ, СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ, АВТОР И ПЕРЕВОДЧИК ПЕРВЫХ УЧЕБНИКОВ

А. Д. Койчуев

ISMAIL AKBAEV IS AN ENLIGHTENER, THE CREATOR OF THE FIRST WRITING OF KARACHAY AND BALKARIA, THE AUTHOR AND THE TRANSLATOR OF THE FIRST TEXTBOOKS

A. D. Koychuev

В статье автор показывает Исмаила Акбаева как создателя новой письменности Карачая и Балкарии, переводчика с русского на карачаево-балкарский язык ряда школьных учебников; рассматривает его жизненный путь, становление как просветителя, одного из самых образованных людей того времени; анализирует роль И. Акбаева в развитии женского образования в Карачае и Балкарии, изменении хозяйственного уклада жизни карачаевцев.

In the article the author shows Ismail Akbaev as the creator of the new writing of Karachay and Balkaria, the translator of a number of school textbooks from Russian into the Karachay-Balkar language; examines his road in life, formation as an enlightener, one of the most educated people of that time; examines Akbaev's role in the development of female education in Karachay and Balkaria, in the change of the household way of life of the Karachays.

Ключевые слова:
алфавит, просветитель, родная речь, женское образование, первые учебники, переводчик, арабская графика, латинский шрифт, издательство, публицист, репрессии, реабилитация, русская литература.

Keywords:
alphabet, enlightener, native speech, female education, the first textbooks, translator, Arabic script, Latin type, publishing house, publicist, repressions, rehabilitation, Russian literature.

Исмаил Ахьяевич Акбаев (1874–1937) родился в ауле Верхняя Теберда в зажиточной семье. Первоначальное образование он получил в начальной школе родного аула, затем продолжил свое образование в Балкарии в Верхнем Баксане у родственников матери – Эфендиевых. Здесь Исмаил Акбаев постигал азы мусульманской грамоты, учился в известной Урусбиевской школе. Видя большие способности сына, отец Ахъя, известный религиозный и общественный деятель

Карачая, отправил его на учебу в г. Казань – центр мусульманского богословия тогдашней России. После окончания медресе в Казани Исмаил учился в знаменитой школе известного тюркофила Измаила Гаспринского в Крыму, затем в Тифлисской учительской семинарии. Несколько лет он совершенствовал свое духовное образование в Баку, а затем в Стамбуле.

Исмаил Акбаев вернулся на родину, близко познакомившись с жизнью, бытом и культурой многих народов, получив основательное образование в мусульманских и научных центрах России и Турции. В те годы в Карачае и Балкарии не было равных ему в знании мусульманской теологии. Он владел, наряду с карачаевским и арабским языками, еще турецким, русским, черкесским. Исмаил Акбаев по природе своей был человеком одаренным, открытым и хорошим собеседником, обладал прекрасным голосом, превосходно пел, танцевал, декламировал свои стихи и произведения других авторов. Он сам сочинял слова и музыку, сам же исполнял многие песни.

Исмаил Акбаев посвятил свою жизнь распространению образования в Карачае. Учительскую деятельность он начал в мезерте (в школе для взрослых) аула Верхняя Теберда, затем был законоучителем Верхнетебердинского трехклассного училища. Исмаил Яхьяевич, работая в школе, искал пути реформирования сложившейся к этому времени системы образования, неустанно пропагандировал и применял в своей педагогической практике новые методы обучения и постижения мусульманской религии, пытался очистить школу от схоластики и догм. Верный идеям своих учителей, Исмаил Акбаев ввел в программу начального образования естествознание, математику, географию; знакомил учащихся с русской литературой. Ему одинаково близки и дороги были классическая литература Востока, России и Запада, он зачитывался трактатами мыслителей и философов, прививал своим ученикам такое же бережное и трепетное отношение к демократической литературе русских писателей.

Исмаилу Акбаеву принадлежит особая заслуга в распространении просвещения в Карачае. Он внес неоценимый вклад в просвещение карачаево-балкарского народа.

Исмаила Ахьяевича Акбаева также глубоко волновало улучшение условий жизни родного народа, и он для этого сделал многое. Построил кирпичный мини-завод, продукция которого помогала населению возводить жилые дома. Им впервые была внедрена в Карачае побелка зданий известью. Он открыл заводы по изготовлению извести, лимонада и соков из плодов дикорастущих фруктовых деревьев, построил небольшую хлебопекарню, которая снабжала хлебом население Теберды, держал скот.

Будучи старшим эфенди аула Теберда, Исмаил Ахьяевич Акбаев сразу по возвращении на родину после учебы начал отменять сопровождавшиеся большими материальными затратами религиозные обычаи, которые не регламентировались Кораном и Китабом, но имели широкое распространение среди народа. Он без устали боролся с теми эфенди, кто поощрял непомерные размеры исхата, разорявшего малоимущие семьи [1].

Созданием письменности на карачаевском языке занимались почти все просветители Карачая. Однако попытки предшественников Исмаила Акбаева по созданию алфавита были безуспешны из-за отсутствия типографской базы и финансовых средств, издание букварей, как правило, заканчивалось неудачей.

В этом смысле судьба Исмаила Акбаева была более удачливой. Ему сопутствовал успех, потому что он имел по тем временам неплохое состояние. В Теберде И. А. Акбаеву принадлежал лесопильный завод, два магазина, курортная дача. Он имел дома в Теберде и Баталпашинске. Кроме того, Исмаил и его братья владели пастбищами, сенокосными и пахотными угодьями, большим количеством скота. Доходы от собственности давали ему возможность оказывать материальную помощь школам, покупать и дарить учебники, помогать студентам, обучающимся в высших и средних учебных заведениях за пределами Карачая. Тогда выпускники школ учились в учительской семинарии г. Екатеринодара, а окончившие Ставропольскую гимназию – в Санкт-Петербургском государственном университете или в других вузах России.

Главное, И. А. Акбаев мог издавать книги: учебники, учебные пособия, переводную литературу, в которых остро нуждались учащиеся медресе и светских школ Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Исмаил Акбаев в 1910 году издал в Темир-Хан-Шуре (Дагестан), в типографии В. Мавраева, «Учебное пособие для первоначального обучения детей письму и чтению» на карачаево-балкарском языке. Через два года с помощью дагестанского арабиста Джамалутдина Султана в той же типографии он издал перевод «Имам Ислама» под названием «О вероучении ислама» на карачаевском языке [2].

И. А. Акбаев много сил, энергии и времени отдавал издательской деятельности. Не раз ездил в Кисловодск, Тифлис, Петербург, Ростов-на-Дону, изучал типографское дело, издательство, знакомился с издателями.

Поэтому в 1915 году Исмаилу Акбаеву комиссией учителей духовных и светских школ Карачая была поручена работа по созданию национальной письменности. В том же году, в июле, он завершил работу над составлением азбуки на карачаевском языке, написал учебник «Ана тил» («Родная речь»), а в 1916 году в г. Тифлисе издал типографическим способом тиражом 2 тыс. экземпляров. Учебник был написан на карачаевском языке арабским шрифтом. Он открывался словами: «Безъязычный народ исчезает без следа. Ни один народ, не уважающий свой язык, долго не просуществует. Родная письменность необходима для будущего каждой нации» [3]. К этому времени, кроме кумыков, подобного учебника не имел ни один народ Северного Кавказа [4].

При разработке письменности карачаево-балкарцев И. А. Акбаев опирался на достижения передовой педагогической мысли начала XX века. «Родная речь», помимо дидактического, содержала большой литературный материал. Автор включил в книгу фольклорные произведения, переводы из произведений русских писателей, стихи Ислама Крымшамхалова, свои стихи и небольшие рассказы.

О значении учебника Исмаила Акбаева «Ана тил» свидетельствует то, что появление этой книги дало возможность начать обучение детей карачаевцев и балкарцев на родном языке. Об этом также говорит письмо – представление инспектора народных училищ Баталпашинского отдела Г. С. Меденик, написанное в феврале 1917 года попечителю Кавказского учебного округа, о целесообразности в аульских школах изучать родной язык. В этом письме он пишет: «Население следующих аулов Терской области говорят на карачаевском языке: Урусбиевского, Кенделен, Чегем, Хасау, Халам и Балкарское общество. Доводя об этом до сведения вашего превосходительства, прошу, если признаете целесообразным, предложить

учащимся названных аулов приобрести книгу Акбаева ,,Ана тил" и приступить к обучению на родном языке» [5].

По учебнику Исмаила Акбаева обучались грамоте на протяжении ряда лет учащиеся в Карачае и Балкарии, до разработки в 1924 году нового алфавита на основе латинской графики.

Он считал, что знание является основным средством ликвидации невежества и бескультурья народа, был поборником женского образования, связанного с жизнью, с семьей, получения светского образования, обучения населения на родном языке.

Исмаил Акбаев выступал за дружбу с русскими и другими народами Кавказа, старался приобщить горцев через русский язык к русской и мировой культуре. Им были переведены на родной язык статьи ведущих садоводов и агрономов того времени. На их основе он сам составлял памятки для крестьян по выращиванию новых сортов овощей и фруктов, по уходу за домашними растениями. Исмаил Акбаев сделал переводы на карачаевский язык произведений ряда русских писателей, басен И. Крылова [6]. Его по праву можно считать пионером в приобщении карачаевцев к русской литературе.

Не все книги, написанные и изданные им в досоветский период, дошли до нас, многие нам не известны. О том, что Исмаил Акбаев издал немало книг, переводил на карачаевский язык ряд работ, свидетельствует корреспонденция «Начало карачаевской письменности», опубликованная 11 сентября 1916 года в газете «Кубанский курьер»:

«Комиссией вероучителей-карачаевцев и учителей министерских школ – карачаевцев составлены алфавит карачаевского языка и первый сборник в виде хрестоматии, куда входило много лучших литературных переводных произведений. Кроме этого, старшим эфенди Тебердинского аула Исмаилом Акбаевым при ближайшем участии инспектора (народных училищ Кубанской области) Г. Меденика, составлен букварь, первая и вторая книги для чтения после букваря на карачаевском языке с целью начать образование карачаевцев на своем языке. Попечитель Кавказского учебного округа распорядился выдать эфенди Исмаилу Акбаеву 300 рублей в вознаграждение за его в высшей степени ценный труд.

Таким образом, Исмаилом Акбаевым и Г. Меденикомбыло положено начало письменности карачаевского народа. У карачаевцев к настоящему времени имеются 5 школ для девочек, близко к осуществлению у них также открытие высшего начального училища» [7].

Из приведенного выше документа видно, что еще до создания «Родной речи» И. Акбаевым были изданы типографским способом не менее четырех книг. Он являлся автором учебника по природоведению, который не был издан в типографии. Такая же участь постигла составленный им «Карачаево-русский словарь» на 12 тысяч слов – «Тылмач». Исмаил Акбаев поехал в Санкт-Петербург, где рассчитывал выпустить свои книги, но революция помешала этому. Рецензенты эмигрировали за границу, не вернув его рукописи. Уже после установления советской власти Исмаил Акбаев составил и опубликовал новый вариант «Русско-карачаевского словаря».

В годы советской власти Исмаил Акбаев активно поддерживал мероприятия советского правительства. Принимал деятельное участие в ликвидации безграмотности в аулах Карачая. Он добровольно сдал все свое имущество государству.

В 1920 году Исмаил Акбаев снова вернулся к вопросу о создании алфавита. Он и балкарец Исмаил Абаев внесли на обсуждение созданный ими усовершенствованный алфавит карачаево-балкарского языка на основе арабской графики [8].

В 1922 году, переехав жить в Баталпашинск (ныне г. Черкесск), Исмаил Акбаев занимался педагогической и литературной деятельностью. Он не раз ездил в Москву, Баку и Тифлис, достал и привез в Баталпашинск типографское оборудование. В 1923 году из Тифлиса пригласил мастера типографского дела Алаверди Расулова, который наладил типографское оборудование, обучил типографскому мастерству первых карачаевских печатников. Таким образом, Исмаил Акбаев является основателем первой типографии Карачаево-Черкесской автономной области. В 1923 году в этой типографии начала выходить первая карачаевская газета «Таулу джашау» («Горская жизнь»). Благодаря неустанным заботам Исмаила Акбаева, Умара Алиева, выдающегося партийного и государственного деятеля, Ислама Хубиева (Къарачайлы), видного журналиста, литературного и кинокритика, в этой типографии издавались другие газеты и учебники. В 1923 году Исмаил Акбаев представил Горской секции научно-методической комиссии при Карачаево-Черкесском областном отделе народного образования проект азбуки карачаевского языка. Этот проект тоже был одобрен 17 октября того же года. В 1924 году азбука «Ана тил» вышла в свет в городе Баталпашинске [9]. Книга включала обширный лексический материал, снабженный многочисленными иллюстрациями. На основе данной азбуки стали выходить первые газеты, издаваться книги, печататься учебники для школ. Новый букварь карачаево-балкарского языка теперь уже был написан на латинской графической основе [10]. Начиная с этого года Исмаил Акбаев работал в редакциях газет, в книжных издательствах, продолжая оставаться подвижником идеи просвещения народных масс.

В 1926 году в Москве Исмаил Акбаев совместно с Исмаилом Абаевым, балкарским просветителем, издал один из первых советских учебников на карачаево-балкарском языке «Наша сила – в нашей земле». В том же году он издал в Баталпашинске «Краткий русско-карачаевский словарь».

К началу 1926/1927 учебного года при его участии были изданы следующие книги: «Ана тил» – азбука для детей и отдельно для взрослых (авторы – Акбаев и Батайлак); «Арифметический задачник» Ланкова (переработка Акбаева, Кулакова и Байрана); «Книжка политической грамоты» (перевод Акбаева, Байрана); «Учебник географии» (Акбаев, Байрамкулов) [11].

Просветительская деятельность, прогрессивное мировоззрение Исмаила Акбаева нашли понимание и одобрение среди всех слоев населения Карачая и Балкарии. Многие его ученики и воспитанники в годы советской власти стали деятелями науки, культуры и образования, партийными и советскими работниками. Старожилы Карачая и Балкарии до сих пор вспоминают просветительскую работу и другие добрые дела Исмаила Акдаева-Чокуна-эфенди, так любовно в народе называли его современники.

Являясь одним из ведущих арабистов своего времени, большим знатоком живого разговорного карачаево-балкарского языка, он перевел с арабского на карачаевский несколько произведений духовного содержания, в том числе и «Маулут китаб», который в переиздании популярен и в настоящее время.

Среди друзей и знакомых Исмаила Акбаева были яркие деятели культуры того времени: И. В. Мушкетов, профессор; А. А. Алябьев и С. И. Танеев, композиторы; Ислам Крымшамхалов, художник и поэт; Коста Хетагуров, писатель и художник; братья Хызыр и Сайд Халиловы, просветители; Асхат Биджиев, Петр Баскаев, первые

врачи Карачая, и другие. В этот период Николай Ярошенко написал большой портрет Исмаила Акбаева, который висел в доме просветителя, на стене гостиной комнаты.

Исмаил Акбаев также был знаком и дружил со многими передовыми и прогрессивными деятелями культуры Дагестана, Татарии и Крыма. Особенно были близки, делили с ним радость и горе ногайцы Мухамет Санглиев и Абдул-Хамид Джанибеков, черкес Ибрагим Ботаев, осетин Александр Баскаев, чех Богумил Долечек. С Исмаилом Абаевым, сыном Мисоста Абаева, первого карачаево-балкарского историка, Исмаила Акбаева связывала многолетняя дружба и творческое сотрудничество.

Несмотря на заслуги перед народом Карачая, в 1928 году просветитель был лишен избирательных прав «как бывший дачевладелец и состоящий в списках явно кулацких хозяйств». И хотя избирательная комиссия крайисполкома после нескольких отказов в марте 1930 года восстановила его в правах, Акбаев понимал, что советской властью он, как бывший мулла и состоятельный предприниматель, из списка «враждебных чуждых элементов» исключен не будет. Создатель национального алфавита и единственный автор дореволюционной печати карачаевцев, лишившись в начале 30-х годов возможности заниматься издательской и публицистической деятельностью, переехал из областного центра в родной аул, где служил бригадиром-садоводом колхоза им. Ленина вплоть до своего ареста в августе 1937 года.

Исмаил Акбаев в связи с арестом написал заявление в президиум облисполкома. Из этого письма мы получили ценные сведения о его жизни, о том, как он работал в должности главного эфенди аула Верхняя Теберда. Он писал:

«...я, когда служа эфендием, в течение всего этого времени, не занимался теми делами, присущими вообще духовенству, как-то: одурманиванием народа в смысле отталкивания его от просвещения, взиманием шариатских отчислений и т. п.

В первом случае, наоборот, все свое знание и энергию я употреблял к тому, чтобы всемерно распространять просвещение не только среди мужчин, но и женщин, выступая в единственном числе и борясь для этой цели на духовных съездах за необходимость просвещения, как мужчин, так и женщин, для чего мною в 1915 году была составлена впервые азбука на карачаевском языке под названием ,,Ана тил" – ,,Родная речь", являющийся предметом широкого потребления в школах первой ступени карачаевской области, и еще ряд книг. До этого времени в Карачае не было своей письменности, а Карачай изучал арабский язык, далеко не поддающийся нашему пониманию...» [12].

Несмотря на все заслуги, репрессии 30-х годов не обошли стороной и Исмаила Акбаева. Хотя он активно поддерживал мероприятия советской власти, добровольно сдал свою частную собственность государству, приложил много усилий для просвещения рядовых тружеников, Исмаил Акбаев был отстранен от педагогической и издательской деятельности, значительная часть его трудов, подготовленных к печати, была запрещена к изданию.

Многие друзья и товарищи Исмаила Акбаева были арестованы и расстреляны. Такая же угроза нависла и над ним. Опасаясь быть арестованным, он покинул столицу автономной области Баталпашинск и перебрался в Теберду. В книге «Карачаево-Балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX века: избранное», во II томе, допущена неточность. Написано: «Вскоре после переезда в Теберду И. Акбаев скончался – не выдержало сердце» [13]. В действительности в 1937 году Исмаил

Акбаев был арестован, а 14 августа того же года постановлением тройки УНКВД Орджоникидзевского края осужден к расстрелу.

Постановлением президиума Ставропольского краевого суда от 21 октября 1959 года постановление тройки было «,,отменено с прекращением дела производством за недоказанностью обвинения". Таким образом, И. А. Акбаев реабилитирован» (сведения взяты из документов домашнего архива племянницы И. А. Акбаева).

Большая часть его литературного наследия, к сожалению, до наших дней не сохранилась. Она утеряна в годы сталинского произвола – депортации карачаевского народа. Не удалось пока еще разыскать, собрать и издать даже опубликованные в печати произведения Исмаила Акбаева.

В заключение можно сделать вполне логичный вывод о том, что Исмаил Ахьяевич Акбаев был для своего времени не только самым подготовленным арабистом, но и светски образованным, всесторонне развитым представителем карачаево-балкарской интеллигенции. Он был человеком, который еще до победы советской власти (в 1916 году) создал новую карачаево-балкарскую письменность, написал и напечатал первый учебник «Ана тил» и ряд других учебников и учебных пособий, по которым учились на родном языке учащиеся школ в Карачае и Балкарии с 1916 по 1924 год. Благодаря учебникам и книгам Исмаила Акбаева появилась возможность обучать карачаевцев и балкарцев на родном языке. Он стал первым человеком, который написал и издал около десятка книг на карачаево-балкарском языке.

Исмаил Ахьяевич Акбаев был учителем-новатором, который стремился очистить школу от схоластики и догм, ввел преподавание естествознания, математики и географии, добивался связи обучения в школе с жизнью народа. Он являлся первым карачаевским поэтом, который опубликовал свои стихи на карачаевском языке, напечатал стихотворение Ислама Крымшамхалова и перевод басни И. Крылова. Исмаил Акбаев был организатором первой в Карачаево-Черкесии типографии, где печаталась первая газета на карачаевском языке «Таулу джашау» и газеты на родных языках других народов Карачаево-Черкесской автономной области.

Исмаил Ахьяевич Акбаев являлся истинным патриотом, первым человеком, который не только защищал интересы карачаево-балкарского народа, но и сделал многое практически для улучшения его социально-экономического положения.

Исмаил Ахьяевич Акбаев был настоящим интернационалистом, сделавшим многое для приобщения карачаево-балкарского народа к прогрессивной культуре русского народа, народов Кавказа, Востока и Запада.

К сожалению, имя создателя письменности незаслуженно забыто. Например, о нем лишь вскользь упоминается в I томе «Очерков истории Карачаево-Черкесии» (1967), вовсе не упоминается в историко-этнографическом очерке «Карачаевцы» (1978), во II томе «Истории народов Северного Кавказа», в учебном пособии для 10–11 классов общеобразовательных учреждений «Народы Карачаево-Черкесии: история и культура» (1998). Хотя достаточно подробно написано о творческом и жизненном пути И. А. Акбаева в трудах известных ученых С. Б. Узденовой (1994) и Т. Ш. Биттировой (1996), А. Д. Койчуева (2002) и других авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Биттирова Т. М. Духовно-культурные основы карачаево-балкарской литературы. Махачкала, 1990. С. 136.
2. Биттирова Т. М. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. // Биттирова Т. М. Избр. Т. 1. С. 74.
3. ГИАКК (Гос. ист. арх. Краснодарского края). Ф. 422. Оп. 640. Д. 3. Л. 18.
4. Биттирова Т. М. Духовно-культурные основы… С. 87.
5. ГАКЧР (Гос. арх. Карачаево-Черкесской Республики). Ф. 2. Оп. 26. Д. 5. Л. 11.
6. Узденова С. Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до окт. 1917). Пятигорск, 1994. С. 107.
7. Хапаева С. М. Из истории создания карачаево-балкарской письменности // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1993. С. 143.
8. Акбаев И. А. Ана тили. Баталпашинск, 1924.
9. Хапаева С. М. Указ. соч. С. 144.
10. Койчуев А. Д. Первый среди первых // Къарачай. 2002. 25 нояб.
11. ГАКЧР. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1856. Л. 38.
12. Там же. Ф. 2. Оп. 26. Д. 5. Л. 11.
13. Биттирова Т. М. Карачаево-балкарские деятели... Т. 2. С. 76.

УДК 397:351.755:316.24(470.6)

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В 1930–1950-е ГГ.

В. Н. Ракачев

FEATURES OF FAMILY-MARRIAGE STRUCTURE OF KUBAN AND STAVROPOL TERRITORY POPULATION DURING THE PERIOD OF 1930–1950

V. N. Rakachev

В статье на основе архивных статистико-демографических данных осуществлен анализ особенностей семейно-брачной структуры двух южнороссийских регионов – Кубани и Ставрополья – в 1930–1950-е годы. Автором рассмотрена динамика брачных показателей, изменявшихся под влиянием целого комплекса социально-политических факторов, на основе сравнительного анализа показана их локальная специфика.

The article is given the analysis of features of family-marriage structure of two Southern Russian territories, Kuban and Stavropol territory, during the period of 1930–1950s which are based on the archival demographic statistics. The author gave the dynamics of marriage indices that were changing under the influence of the whole complex of socio-political factors; their local specific was shown on the basis of comparative analysis.

Ключевые слова:
брачно-семейная структура, демография, Кубань, Ставрополье, население.

Keywords:
family-marriage structure, demography, Kuban, Stavropol Territory, population.

Важным индикатором и одновременно условием благополучного развития общества является семейно-брачная структура. Брачно-семейные отношения, как форма общественных отношений, определяются социально-экономическими условиями, сложившимся законодательством и многими другими факторами. В исследуемых регионах в рассматриваемый период в значительной степени характеристики брачно-семейной структуры складывались и трансформировались под воздействием целого ряда экстремальных событий: голода начала 1930-х годов, коллективизации и сопровождавшего ее процесса раскулачивания, репрессий (политических и национальных) накануне и во время Великой Отечественной войны, военных событий (мобилизации, эвакуации, оккупации, вывоза в Германию на работы), послевоенного голода и миграций и т. п. Собственно весь комплекс социально-политических факторов не столько напрямую, сколько косвенно, но при этом весьма существенно, через деформации в половозрастной структуре оказывал влияние на процессы брачности и брачно-семейную структуру населения Кубани (Краснодарский край) и Ставрополья (Орджоникидзевский край).

Основным условием, определяющим характер и интенсивность брачности, выступает половозрастная структура. Анализ половозрастной структуры населения Кубани и Ставрополья в 1930-е годы показывает значительную диспропорцию в соотношении полов. Причины такой ситуации кроются в первых десятилетиях XX века, когда войны, революции нарушили соотношение полов в пользу женщин, преимущественно в молодых возрастных группах [1].

Оценивая состояние половозрастной структуры населения по материалам всесоюзной переписи 1939 года и сравнивая ее в региональном аспекте, можно отметить, что Ставрополье имело более благоприятную половую структуру по сравнению с Кубанью. Население Кубани значительно пострадало в период коллективизации и раскулачивания, в результате чего мужское население в активных возрастах заметно сократилось.

Если в возрастной группе 15–19 лет соотношение полов было практически 1:1, то уже в следующей группе – 20–24 лет – перевес женщин составлял примерно 30 %. Несколько сглаживается дисбаланс в возрастном диапазоне 25–35 лет, но потом снова усиливается. Значительным образом нарушенным оказалось равновесие полов среди лиц в возрасте старше 55 лет, особенно в сельской местности, где доля женщин составляла свыше 70 %. В целом в городах ситуация в плане половозрастной структуры была более благоприятна, чем в сельской местности.

Дисбаланс полов неизбежно ведет к сокращению числа браков. Причем в наиболее перспективной с точки зрения брака возрастной группе 20–24-летних, где диспропорция проявлялся сильнее всего, уровень брачности был достаточно низким (табл. 1–2).

Таблица 1

Население Краснодарского края в возрасте старше 15 лет по состоянию в браке на 1 000 человек данного пола и возраста, 1939 г. [2]

Возраст	Город			Село		
	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин	Оба пола
Всего	692	590	637	725	613	662
15–19	11	95	55	22	109	66
20–24	320	618	488	427	663	557
25–29	716	781	750	846	814	829
30–34	879	790	834	938	834	884
35–39	924	764	835	952	800	867
40–44	860	719	818	949	739	831
45–49	934	648	781	961	642	777
50–54	928	551	729	977	531	717
55–59	921	452	659	917	431	604
60–64	869	355	570	875	354	546
65–69	815	238	463	805	261	452
70 и старше	638	118	281	645	136	297

В то же время можно заметить, что при значимом нарушении в соотношении полов в возрастной группе от 20 до 24 лет как в городе, так и в селе брачность среди женщин вдвое выше, чем среди мужчин. Что собственно закономерно, поскольку женщины, как правило, вступают в брак с мужчинами из старших возрастных групп. Максимальные показатели брачности характерны для возрастов 25–44 лет, в следующих возрастных группах они заметно снижаются.

Таблица 2

Население Орджоникидзевского (Ставропольского) края в возрасте старше 15 лет по состоянию в браке на 1 000 человек данного пола и возраста, 1939 г. [3]

Возраст	Город			Село		
	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин	Оба пола
Всего	709	641	672	710	629	666
15–19	32	153	94	28	139	85
20–24	441	718	589	419	700	570
25–29	752	845	800	752	832	793
30–34	948	860	903	938	844	890
35–39	964	830	891	958	817	881
40–44	966	780	865	961	767	857
45–49	956	701	814	952	691	810
50–54	944	601	750	943	591	750
55–59	710	490	650	924	483	655
60–64	887	414	598	885	399	590
65–69	813	297	489	816	284	483
70 и старше	675	176	351	675	162	338

Более благоприятная половозрастная структура населения Ставрополья по сравнению с Кубанью создавала лучшие условия для брачности как в городе, так и на селе. В то же время можно заметить, что показатели брачности среди городского населения выше на Ставрополье. Тогда как на Кубани, при более благоприятной половой структуре в городе, уровень брачности здесь меньше, чем в сельской местности, особенно в активных брачных возрастах. Вероятно, это последствие активной миграции в город мужского неженатого населения на работу. Кубань в 1939 году в целом имела большую долю городского населения, чем Ставрополье (24,7 % и 19,9 % соответственно), более развитую городскую инфраструктуру, широкое производство.

В связи с началом Великой Отечественной войны наблюдалось резкое сокращение уровня брачности в большинстве регионов страны, в том числе на Кубани и Ставрополье. Так, число заключенных в мае 1942 года браков на Кубани было вдвое меньше, чем в том же месяце предыдущего года. Причем показатели брачности в городе и селе имели разницу в 13,5 %. Но в селе было меньше разводов, и в целом

с началом войны разводов стало меньше. Падение же числа регистрируемых браков продолжалось и в последующие годы войны, по мере нарастания диспропорций в соотношении полов (табл. 3).

Таблица 3

Динамика брачности и разводимости в Краснодарском крае в 1941–1942 гг. [4]

Год	Браки			Разводы		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
Май 1941 г.	748	1018	1766	121	89	210
Май 1942 г.	433	452	885	99	63	162
% от показателя 1941 г.	57,9	44,4	50,1	81,8	70,8	77,1

Дисбаланс полов, низкий уровень брачности, вследствие военного времени и мобилизации мужского населения, неизменно сказывались на прочих демографических показателях и общей демографической ситуации в регионах.

Состояние семейно-брачной структуры в послевоенный период в первую очередь определялось значительными потерями мужского населения в результате войны, оставившими многих женщин вдовами и незамужними и в еще большей степени изменившими соотношение численности мужчин и женщин. Не имея достаточно полных сведений о состоянии половой структуры населения Кубани и Ставрополья в послевоенный период, обратимся для оценки сложившейся ситуации к данным переписи населения 1959 года. Значительный период времени, прошедший с момента окончания войны до момента проведения переписи, естественно в некоторой степени сгладил сложившуюся к концу войны диспропорцию полов. Тем не менее ее эхо было еще весьма заметно [5].

Как показывают данные переписи, наибольшие потери наблюдались в возрастной группе 35–49 лет. Это те, кто родился в 1910–1924 годах и вступил в войну в возрасте 17–30 лет. Причем стоит учесть и то, что само это поколение было немногочисленным, поскольку годы его рождения пришлись на Первую мировую и Гражданскую войны, революцию. Сократилась доля мужчин и в более старших возрастных группах – среди 59–69-летних, испытавших на себе последствия не только Отечественной, но и Первой мировой и Гражданской войн. В результате по окончании войн соотношение полов было сильно нарушено в пользу женщин. В возрастных группах 35–39 лет количество женщины почти вдвое превышало численность мужчин. Доля мужчин этого возраста на Кубани в городе составляла 39,3 %, женщин – 60,7 %; в селе – 40,2 % и 59,8 % соответственно. На Ставрополье это соотношение было примерно таким же: 40,2 % и 59,8 % в городах; 39,3 % и 60,7 % в селах. Еще сильнее дисбаланс полов проявлялся в следующих возрастных

группах и в основном в селе. На Кубани доля мужчин в возрасте 40–44 лет в селе составляла 37 %, на Ставрополье – 36,9 %. Так, в возрастной группе 55–59 лет доля мужчин в сельской местности в обоих регионах снижалась до 30 %.

Все это неизбежно отражалось на семейно-брачной структуре общества послевоенного периода. Помимо причин демографического характера, определенное влияние на процессы брачности оказали изменения в семейно-брачном законодательстве. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 года было установлено, что только зарегистрированный в государственных органах брак порождает права и обязанности супругов, предусмотренные Кодексом законов о браке, семье и опеке [6]. В результате число регистрируемых браков несколько возросло.

Кроме того, шел активный процесс включения женщин в систему общественного труда. Предоставление ей равных с мужчинами прав, в том числе права на труд, привело к тому, что наличие у нее самостоятельных источников средств существования отразилось на увеличении доли не состоящих в браке женщин и снижении удельного веса состоящих в браке.

Действительно, перепись 1959 года зафиксировала на обеих территориях – Кубани и Ставрополье – увеличение доли состоящих в браке мужчин и одновременное уменьшение доли состоящих в браке женщин (табл. 4).

Таблица 4

Доля лиц, состоящих в браке, в возрасте старше 15 лет среди населения Краснодарского края, 1959 г., % [7]

Возраст	Город		Село	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
15–19	1,9	7,5	3,0	13,8
20–24	26,4	47,9	30,6	57,9
25–29	80,6	77,5	87,0	78,7
30–34	91,5	79,4	94,5	78,4
35–39	95,0	76,1	96,3	71,5
40–44	96,2	67,2	97,3	59,0
45–49	96,2	60,0	97,4	52,1
50–54	96,1	52,6	97,4	33,6
55–59	94,7	45,3	96,4	42,1
60–64	93,6	39,0	94,9	40,9
65–69	90,7	31,8	92,9	46,6

70–74	85,6	21,5	87,7	25,4
75–79	76,8	13,4	80,3	17,1
80 лет и старше	59,2	6,8	62,9	7,4

По стране в целом в 1959 году удельный вес мужчин, состоящих в браке, в городской местности был ниже, чем в сельской [8]. На Кубани и Ставрополье доля состоящих в браке мужчин в сельской местности также была выше, чем в городе, во всех возрастных группах (табл. 4, 5). В то же время если рассматривать показатели брачности среди женщин по возрастным группам, то в ранних возрастах (15–19, 20–24 года) удельный вес женщин, состоящих в браке, в сельских поселениях был выше, чем в городских. В группах 25–29- и 30–34-летних показатели выравниваются, а с 35 до 59 лет преобладание состоящих в браке было на стороне городских женщин. В старших возрастных группах (старше 60 лет) вновь доля сельских женщин, состоящих в браке, превышает аналогичные показатели у женщин в городе.

Наибольшая разница между долями женщин, состоящих в браке в городской и сельской местности на Кубани, приходится на группу 50–54-летних. Это категория женщин, которым в годы Великой Отечественной войны было 32–36 лет, они уже успели выйти замуж перед войной. Многие из них остались вдовами, чем и объясняется низкий уровень брачности в данной возрастной группе. Сравнительно высоким числом состоящих в браке отличались женщины в возрасте от 25 до 39 лет и в городе, и в селе. Это рожденные перед войной и вышедшие замуж в послевоенное время.

Таблица 5

Доля лиц, состоящих в браке, в возрасте старше 15 лет среди населения Ставропольского края, 1959 г., % [9]

Возраст	**Город**		**Село**	
	Мужчин	**Женщин**	**Мужчин**	**Женщин**
15–19	2,0	8,1	3,2	14,5
20–24	25,3	46,3	33,2	59,5
25–29	80,8	77,2	86,1	78,9
30–34	91,9	78,4	94,5	77,6
35–39	95,3	74,3	96,3	69,6
40–44	96,2	65,3	96,7	58,5
45–49	96,4	58,3	97,1	52,2
50–54	96,1	52,4	97,1	47,7

55–59	95,3	46,3	96,5	43,0
60–64	93,0	40,8	95,3	43,6
65–69	91,6	33,6	92,8	37,8
70–74	86,0	22,9	86,8	27,9
75–79	78,7	14,7	78,5	18,8
80 лет и старше	61,8	6,7	62,5	8,7

Если сравнить количество мужчин и женщин, состоящих в браке, по возрастным группам, то можно заметить, что в возрасте 16–24 лет, независимо от категории поселений, доля состоящих в браке женщин выше, чем мужчин. Эти доли сближаются в возрасте 25–39 лет. Например, в возрасте 25–29 лет они наиболее близки. И, наконец, начиная с возраста 40–44 лет и далее происходит нарастание количественного разрыва среди состоящих в браке мужчин и женщин. Максимальный разрыв приходится на возрастную группу 80 лет и старше.

При сравнении уровня брачности населения Кубани и Ставрополья за 1939 и 1959 годы можно заметить, что общий уровень брачности за межпереписной период увеличился, хотя и незначительно. При этом уровень брачности среди женщин вырос мало, а в некоторых возрастных группах даже снизился. Кроме того, сравнивая показатели брачности у мужчин и женщин, видим, что в возрастах 15–24 лет показатели брачности мужского населения обоих регионов снизились, тогда как женского в диапазоне 15–19 лет, наоборот, выросли. Но в следующих возрастных группах у мужчин наблюдается практически всеобщая брачность, у женщин показатели брачности достигают максимума в возрастах 25–39 лет, а затем резко снижаются. У мужчин максимальные показатели брачности приходятся на возраст 40–54 года. В целом к 1959 году региональные различия в уровне брачности между Кубанью и Ставрополем заметно стираются (табл. 6).

Таблица 6

Население Краснодарского и Ставропольского краев в возрасте старше 15 лет по состоянию в браке на 1 000 человек данного пола и возраста в 1939 г. и 1959 г. [10]

Год	Краснодарский край				Ставропольский край			
	1939		1959		1939		1959	
Возраст (лет)	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
15–19	19	106	28	127	12	89	29	128
20–24	400	651	291	537	330	630	309	553
25–29	810	805	844	782	750	784	845	784
30–34	922	822	932	788	904	793	936	779
35–39	944	790	957	736	938	777	959	714
40–44	946	734	968	624	945	729	965	609
45–49	952	643	969	552	941	657	968	543
50–54	960	537	968	415	939	560	967	494
55–59	919	437	957	434	924	456	960	441
60–69	873	354	931	400	877	340	945	427
70 и старше	561	111	560	85	673	112	785	175

Одновременно со снижением уровня брачности происходят изменения в структуре и размерах семьи. Общероссийские тенденции здесь были таковы, что уменьшался средний размер семьи вследствие уменьшения числа детей, роста неполных семей, а также выделения молодых семей и усиления процесса нуклеаризации семей. Самой распространенной, по переписи 1959 года, явилась семья, состоящая из 2-х и 3 человек.

Изменилось распределение семей по их количественному составу. Если в 1939 году в сельской местности РСФСР чуть более половины всех семей насчитывали от 2-х до 4 человек (58,1 %), то в 1959 году преобладание семей с таким численным составом уже стало решающим (70,1 %) [11].

Мужчины были членами полных семей, причем в большинстве случаев –

главами семей. Женщины, особенно в возрасте 50 лет и старше, наоборот, часто являлись одиночками или членами неполных семей [12].

Тенденция к снижению средней величины сельской семьи нашла конкретное выражение в заметном росте удельного веса самых малочисленных семей – из 2 человек. Одновременно больше стало и семей из 3 человек: отмечалось увеличение с 19,8 % до 23,6 %. Суммарно доля семей из 2–3 человек за 20 лет возросла на 12,7 %.

В отличие от села в городских поселениях доля малых семей практически не изменилась, что может свидетельствовать о некоторой стабилизации к этому времени в городе процесса нуклеаризации семей. Одновременно в селе уменьшился процент крупных семей, насчитывавших 5 и более членов. В городах доля крупных семей за эти годы сократилась незначительно [13].

Аналогичные изменения в структуре и численности семей наблюдались в послевоенное время на Кубани и Ставрополье. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 года, от общего количества семей Краснодарского края доля семей из 2 человек составляла 30,6 %; из 3-х – 26,9 %; 4-х – 21,9 %; 5-ти – 12,1 %; 6-ти – 5,4 %; 7-ми – 2,0 %; 8-ми – 0,7 %; 9-ти – 0,3 %; 10 и более – 0,1 %.

Среди сельских семей Краснодарского края семьи численностью в два человека составляли 29,3 %; семьи в три человека – 25,2 %; четыре – 21,7 %; пять – 13,4 %; шесть – 6,5 %; семь – 2,5 %; восемь – 0,9 %; девять – 0,3 %; десять и более человек – 0,25 %.

В Ставропольском крае доля семей из 2 человек составляла 28,9 % от общей численности семей; из 3-х – 26,2 %; 4-х – 22,2 %; 5-ти – 12,8 %; 6-ти – 6,0 %; 7-ми – 2,3 %; 8-ми – 0,9 %; 9-ти – 0,3 %; 10 и более – 0,2 %. В селе из 2-х – 27,3 %; 3-х – 24,9 %; 4-х – 22,2 %; 5-ти – 13,9 %; 6-ти – 7,0 %; 7-ми – 2,8 %; 8-ми – 1,1 %; 9-ти – 0,4 %; 10 и более – 0,2 % [14].

Средний размер сельской семьи и на Кубани, и на Ставрополье, по данным переписи, определялся в 3,5 человека, средний размер городской семьи также был одинаков – 3,3 человека, что свидетельствует о большей унификации семейно-брачных форм в городской среде. В селе семьи были большими по размерам, причем в Краснодарском крае средний размер сельской семьи составлял 3,6 человека, на Ставрополье – 3,7 человека (преимущественно за счет национальной автономии). Средний размер семьи в обоих регионах был несколько ниже, чем в целом по РСФСР (3,8 человека), и соответствовал размеру семей в центральных промышленных областях России [15].

Таким образом, для сельского населения Кубани была характерна малая отдельная семья численностью в три-четыре человека из двух, реже трех поколений. Подавляющее большинство семей были полными (72,9 %) [16]. В то же время, по данным переписи 1959 года, 68,6 % всех семей сельского населения Краснодарского края возглавлялись мужчинами и 31,4 % женщинами. В городах края семьи, возглавляемые мужчинами, составили 74,2 %; женщинами – 25,8 %. В целом по Краснодарскому краю доля семей, где главой был мужчина, составила 70,8 %; семей, где главой являлась женщина, насчитывалось 29,2 %.

На Ставрополье доля семей во главе с мужчиной составила 72,4 % и в 27,4 % семей главой была записана женщина. Среди городского населения Ставрополья доля семей, возглавляемых мужчинами, была выше и составляла 74,5 % от количества всех семей, но еще выше доля таких семей была в сельской местности – 79,6 %. Здесь

также сказываются этнокультурные особенности, проявлявшиеся за счет Карачаево-Черкесской автономии [17].

Учитывая тот факт, что женщины записывались главой преимущественно в неполных семьях, т. е. состоящих из матери (вдов или разведенных) и несовершеннолетних или взрослых неженатых детей, можно говорить о том, что на Кубани доля неполных семей была выше, чем на Ставрополье, при этом на Кубани таких семей было больше в сельской местности, а на Ставрополье, напротив, в городах и городских поселениях. В целом можно отметить, что сельская семья в исследуемые годы развивалась в менее благоприятных условиях, чем городская, на фоне значительно более осложненного развития демографических процессов. По этой причине в сельской местности больше, чем в городских поселениях, стало неполных семей, где из родителей была лишь мать-вдова, с 1–2 детьми, а также семей, состоявших из пожилой супружеской четы, дети которой выросли и отделились.

Параллельно с изменением в количественном составе сельских семей произошло и перераспределение их по демографическому типу: вырос удельный вес нуклеарных (т. е. состоявших лишь из родителей и их детей). Доля сложных семей, включавших, кроме супружеской пары, семьи взрослых детей и других родственников, постоянно снижалась.

Семьи из 2–3 человек, как правило, включали представителей двух поколений (родители или только мать и 1–2 несовершеннолетних ребенка) либо трех поколений (1 пожилой родитель + взрослые дети + внук). Доля крупных семей, напротив, снизилась – в основном это были многодетные семьи или семьи из трех поколений, которых в селе всегда было больше.

В центральных районах благодаря значительному влиянию урбанизации средние размеры семьи были меньше, но на окраинных территориях, и в частности на Кубани и Ставрополье, семьи в целом были несколько крупнее. При этом в них больше было мужчин, детей и стариков [18]. Однако доля таких семей была не велика.

Таким образом, брачно-семейная структура в послевоенный период претерпевает определенные трансформации. Основной линией этих изменений становится модернизация брачно-семейных характеристик (понижение уровня брачности, сокращение среднего размера семьи, усиление процессов нуклеаризации семей и тому подобное), а также стирание региональных различий. Отдельные локальные особенности в брачно-семейных показателях (размер семьи, повозрастные коэффициенты брачности) еще сохраняются в сельской местности, тогда как в городе наблюдается процесс унификации семейно-брачных форм.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Табл. 11: Возрастной состав населения // РГАЭ (Рос. гос. архив экономики). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607.

2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Табл. 12: Грамотность, образование и обучение по возрастным группам, число состоящих в браке // Там же. Д. 641–643.

3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Табл. 11.

4. К вопросу о естественном движении населения на май месяц 1942 г. по Краснодарскому краю // ГАКК (Гос. арх. Краснодарского края). Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 25/27. Л. 11.

5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М., 1963. С. 68–69.

6. Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.
7. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Табл. 2, 5: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту. М., 1961.
8. Население России в XX в.: ист. очерки. Т. 2. М., 2001. С. 219.
9. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Табл. 2, 5.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Табл. 12; Всесоюзная перепись населения 1959 г. Табл. 2, 5.
11. Население России в XX в. С. 270.
12. Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. «Демографическое эхо» войны [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_1260.html (дата обращения: 17.02.2012).
13. Население России в XX в. С. 270.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения… С. 442–443.
15. Там же. С. 442–443, 450.
16. Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 204.
17. Итоги Всесоюзной переписи населения… С. 442–443.
18. Население России в XX в. С. 270–271.

УДК 94(470.67)«19/20»:342.52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Л. А. Труженикова

TRANSFORMATION OF THE SUPREME LEGISLATIVE POWER IN DAGHESTAN IN THE SECOND HALF OF XX – EARLY XXI CENTURIES

L. A. Trujenikova

В статье автор проводит сравнительно-исторический анализ полномочий, функций и компетенций органов законодательной и представительной власти Дагестана – Верховного Совета Дагестанской АССР и Народного Собрания Республики Дагестан – согласно основным положениям конституций ДАССР 1937 и 1978 годов и конституций Республики Дагестан 1994 и 2003 годов.

The author of the article gives comparative-historical analysis of powers, functions and jurisdiction of the legislative and representative bodies of Daghestan – the Supreme Soviet of Daghestan Autonomous Republic of the USSR and the People's Assembly of Daghestan Republic according to the basic provisions of DASSR Constitutions of 1937 and 1978 and DR Constitutions of 1994 and 2003.

Ключевые слова:
орган законодательной и представительной власти, Конституция, Верховный Совет ДАССР, Народное Собрание Республики Дагестан, полномочия и функции органа государственной власти.

Keywords:
the body of legislative and representative power, Constitution, the Supreme Soviet of DASSR, the People's Assembly of Daghestan Republic, jurisdiction and functions of state power.

В современном обществе в связи с укреплением вертикали высшей государственной власти и структуры местного самоуправления, а также в связи со все возрастающей ролью институтов государства при разработке стратегии создания действенной системы власти обозначилась потребность в пристальном изучении истории создания и функционирования органов государственной власти. В этом плане особая роль отводится органам законодательной власти как самой Российской Федерации, так и ее субъектов.

В Республике Дагестан функциями законодательного органа власти в настоящее время наделено Народное собрание, строящее свою деятельность в соответствии с основными положениями Конституции Дагестана 2003 года и законами республики. Предшественниками Народного собрания в качестве законодательных и представительных органов власти республики выступали: согласно конституциям Дагестана 1921 и 1927 годов – Вседагестанский съезд Советов и Дагестанский центральный исполнительный комитет; согласно конституциям 1937 и 1978 годов – Верховный Совет ДАССР; затем, в течение 1989–1991 годов, – Съезд народных депутатов ДАССР.

С 1938 по 1995 год, то есть более 50 лет, высшую власть в республике осуществлял Верховный Совет Дагестанской АССР. Его функции и полномочия были закреплены в Конституции Дагестана, принятой 12 июня 1937 года чрезвычайным XI Вседагестанским съездом Советов.

Как высший орган государственной власти, Верховный Совет ДАССР кроме законодательной функции осуществлял все права, присвоенные ДАССР согласно статьям 13 и 18 Конституции республики 1937 года. Представительный характер Верховного Совета ДАССР обеспечивался порядком его образования (он избирался гражданами республики по избирательным округам на основе всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на четыре года), а также качественным составом депутатов (рабочие, колхозники, трудовая интеллигенция).

Выборы в Верховный Совет ДАССР были проведены 26 июня 1938 года. На свою первую сессию Верховный Совет собрался через месяц – 26 июля. Из 113 избранных депутатов 43 являлись рабочими, 46 – крестьянами, 24 – служащими и представителями интеллигенции; 70 человек были членами партии. В числе 113 депутатов было 30 женщин. Сессию открыл старейший депутат, 65-летний слесарь Махачкалинского морского порта Н. К. Максимов. На ней был решен ряд организационных вопросов. Были избраны: председатель Верховного Совета и два его заместителя, мандатная комиссия для проверки полномочий депутатов, постоянные комиссии Верховного Совета (бюджетная и законодательная). Первая сессия Верховного Совета избрала президиум в составе председателя, двух его

заместителей, секретаря и 14 членов; было также образовано правительство – Совет народных комиссаров ДАССР. Первым Председателем Президиума Верховного Совета ДАССР был избран Анварбек Тахтаров. Свою работу первая сессия Верховного Совета завершила 29 июля 1938 года [1].

В системе государственных органов республики Верховный Совет занимал особое место. В его компетенцию входило право решать любой вопрос, относившийся в соответствии с Конституцией ДАССР 1937 года к предметам ведения республики, который не мог быть рассмотрен никаким другим государственным органом ДАССР. Однако необходимо отметить, что Верховный Совет Дагестанской АССР, как и подобные органы других автономных республик, являясь высшим органом власти республики, осуществлял свою власть на автономных началах, то есть совместно с РСФСР. Это обстоятельство накладывало определенный отпечаток на компетенцию Верховного Совета, позволявшую ему решать окончательно только часть из числа находившихся в его ведении вопросов. При этом бóльшая часть его решений нуждалась в последующем утверждении Верховным Советом РСФСР или должна была исходить из уже принятых высшими органами власти РСФСР нормативных актов [2].

Анализ деятельности Верховного Совета ДАССР на протяжении всего периода функционирования такового позволяет подразделить его полномочия на три группы: 1) полномочия, необходимые для конституирования Верховного Совета; 2) полномочия по формированию органов государственной власти республики и органов Верховного Совета и контролю за их деятельностью; 3) полномочия по решению вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Согласно Конституции ДАССР 1937 года на Верховный Совет было возложено формирование ряда высших государственных органов. В компетенцию Верховного Совета входило образование правительства республики и избрание высшего судебного органа – Верховного суда ДАССР. Верховный Совет избирал свой президиум, председателя президиума, его заместителей и секретаря, а также членов президиума.

Безусловно, важное значение имело осуществление Верховным Советом полномочий в области хозяйственного и социально-культурного строительства. Так, Верховный Совет утверждал государственный план развития народного хозяйства и государственный бюджет республики, рассматривал отчеты об их исполнении; решал конкретные вопросы, связанные с осуществлением руководства промышленными и сельскохозяйственными предприятиями и организациями республиканского подчинения, а также с руководством местной промышленностью, жилищным и коммунальным хозяйством, жилищным строительством и благоустройством городов и населенных пунктов, дорожным строительством, делами здравоохранения, начального и среднего образования, культурно-просветительными организациями и учреждениями.

Для осуществления указанных функций Верховный Совет принимал законы, посредством которых решались наиболее важные вопросы жизни республики. Весь спектр принимаемых им законов можно разделить на четыре основные группы: 1) законы, вносившие изменения в Конституцию республики (они касались главным образом вопросов административно-территориального устройства, а

также системы государственных органов Дагестана; 2) законы об утверждении народнохозяйственных планов и государственных бюджетов; 3) законы, посвященные регулированию общественных отношений в отдельных областях жизни республики; 4) законы, посвященные советам, действующим на территории республики, их органам и депутатам (законы о сельских, поселковых, районных, городских советах, положения о постоянных комиссиях Верховного Совета и т. д.).

Необходимо отметить, что если объем законодательной работы Верховного Совета был относительно невелик, то его верховное управление распространялось практически на все наиболее важные стороны государственной, хозяйственной, социальной и культурной жизни республики. По всем указанным аспектам Верховным Советом принимались развернутые постановления, содержащие подробный анализ состояния дел, и давались конкретные поручения государственным органам республики с целью дальнейшего совершенствования их работы. Необходимо также констатировать, что во все периоды деятельности Верховного Совета важное место в его работе занимали вопросы, связанные с контролем за деятельностью государственных органов и учреждений республики, и осуществление регулярного контроля за деятельностью своих структурных подразделений. Большую работу проводил Верховный Совет и по осуществлению контроля за выполнением наказов избирателей.

В Конституции республики 1978 года полномочия Верховного Совета как высшего органа государственной власти были подтверждены и расширены. Теперь он избирался гражданами республики сроком не на четыре года, а на пять лет и был правомочен решать все вопросы, подлежащие ведению ДАССР (согласно конституциям СССР, РСФСР и ДАССР).

Следует отметить, что в Конституции ДАССР 1937 года конкретного закрепления всей совокупности полномочий Верховного Совета не было. Новая Конституция давала более точное определение его полномочий. Кроме того, конституции РСФСР и ДАССР 1978 года четко закрепили и исполнительные полномочия Верховного Совета. Согласно статье 131 Конституции РСФСР и статье 92 Конституции ДАССР к исключительной компетенции Верховного Совета были отнесены: а) принятие конституции и внесение в нее изменений; б) утверждение государственных планов экономического и социального развития ДАССР, государственных бюджетов республики и отчетов об их исполнении; в) образование подотчетных Верховному Совету органов [3].

Таким образом, можно отметить, что Верховный Совет ДАССР как высший орган государственной власти теперь непосредственно решал все важнейшие вопросы, подлежащие ведению республики: возглавлял всю систему государственных органов; определял основы правового положения государственных органов и осуществлял высший контроль за их деятельностью; обладал правом издавать законы, т. е. строил свою деятельность в соответствии с потребностями социально-экономического, политического и культурного развития Дагестана. Несмотря на имевший место зачастую заорганизованный характер работы, Верховный Совет тем не менее в период своей деятельности планомерно проводил мероприятия по совершенствованию системы государственного управления и обеспечению осуществления функций всеми ветвями власти в республике. То есть Верховный Совет последовательно выполнял все функции, закрепленные за ним в Конституции ДАССР, при этом важнейшей из таковых оставалась функция законодательная.

Произошедшие в стране во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов политические преобразования и экономические реформы обусловили изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни и Дагестана. Кардинальные изменения в стране продиктовали необходимость начала и конституционных преобразований. Принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации явилось знаковой вехой в развитии российской государственности. Конституция знаменовала принципиальные изменения в социальной, политической и идеологической природе российского государства, декларировала важнейшие принципы, в соответствии с которыми должна была строиться жизнедеятельность как самого государства и его институтов, так и всего общества в целом [4].

В Дагестане вопрос о разработке новой конституции был поставлен Президиумом Верховного Совета ДАССР еще в конце 1991 года. Работа над проектом Основного Закона активизировалась после принятия российской Конституции. Подготовленный проект был рассмотрен на XXV сессии Верховного Совета и опубликован в республиканской печати для всенародного обсуждения. Десятого июня 1994 года доработанный проект был представлен на рассмотрение Верховного Совета, где получил единодушную поддержку.

В тот же день Верховный Совет принял закон «О Конституционном Собрании Республики Дагестан». Фактически это был новый институт в практике органов государственной власти Дагестана. Конституционное собрание созывалось исключительно с целью принятия новой Конституции, а также с целью избрания Государственного Совета Республики Дагестан и его председателя. На Конституционное собрание – представительный орган, формируемый из числа депутатов дагестанского парламента и выборщиков, избираемых представительными органами местного самоуправления пропорционально числу депутатов республиканского парламента от данной местности, – возлагались также вопросы отрешения от должности председателя или членов Государственного Совета Республики Дагестан [5].

Двадцать шестого июля 1994 года Конституционное Собрание Республики Дагестан приняло пятую в истории республики Конституцию. Согласно Конституции государственную власть в Дагестане были призваны осуществлять Народное собрание, Государственный совет, правительство, суды Республики Дагестан. Таким образом, на смену Верховному Совету как высшему законодательному органу власти пришло Народное собрание, которое, однако, согласно Конституции не было наделено функциями высшего органа власти республики.

Необходимо отметить, что согласно Конституции 1994 года в Дагестане появился новый орган власти – Государственный совет, который возглавил исполнительную власть и был призван обеспечивать взаимодействие органов государственной власти Республики Дагестан. Государственный совет являлся фактически коллегиальным главой республики.

Выступая 24 февраля 1995 года на XXXI заключительной сессии Верховного Совета республики и давая оценку всей его многогранной почти полувековой деятельности, его председатель М. Г. Алиев отметил: «Главный итог и урок деятельности этого верховного органа власти республики состоит в том, что под его руководством и при его непосредственном участии был разработан, всенародно обсужден и принят Основной Закон Дагестана – Конституция 1994 года, которая

соответствует требованиям правового государства, ориентирующегося на приоритет общечеловеческих ценностей, прав и свобод гражданина, на единство Дагестана, свободное развитие его народов, разделение трех ветвей государственной власти. Одним из главных уроков деятельности Верховного Совета является то, что мы научились находить пути выхода из кризисных ситуаций, смогли предупредить опасное сползание Дагестана в межнациональный и общегражданский кризис. Мы научились находить взаимопонимание, проявлять терпение, постигли искусство согласования разнонаправленных интересов. Сохранить мир и единство Дагестана, не дать возможности экстремистским силам увлечь его на путь авантюристических акций, ведущих к непредсказуемым последствиям, – священный долг всех честных людей нашей республики и первейшая задача нового дагестанского парламента. Это один из главных итогов и важнейших уроков деятельности Верховного Совета» [6]. Таким образом, в своем обращении к депутатам М. Г. Алиев проанализировал и подвел итоги деятельности Верховного Совета, который функционировал в Дагестане с 1938 года и выполнял функции высшего органа государственной власти республики.

Пятого марта 1995 года состоялись выборы в Народное Собрание Республики Дагестан первого созыва. На первой сессии Народного собрания первого созыва, проходившей 18 апреля 1995 года, председателем Народного собрания был избран М. Г. Алиев. Его заместителями избрали А. Алиева и Г. Балатова. На сессии были сформированы пять комитетов Народного собрания и утверждены их председатели: Комитет по законодательству, законности, государственному устройству и местному самоуправлению; Комитет по бюджету, финансам и налогам; Комитет по межнациональным отношениям, внешним связям и делам общественных объединений; Комитет по социальной политике; Комитет по экономической политике [7].

Народное собрание – парламент республики – как орган власти, впервые учрежденный Конституцией 1994 года, является представительным и законодательным органом государственной власти Дагестана. Его представительность обеспечивается тем, что оно выбирается путем всеобщего народного голосования, осуществляет государственную власть от имени всего многонационального дагестанского народа, выражая его волю, а также тем, что в нем представлены различные слои населения, все нации и народности Дагестана [8]. Порядок избрания депутатов и механизм обеспечения такого представительства устанавливались законом. Народное собрание избиралось сроком на четыре года, то есть срок его полномочий по сравнению со сроком деятельности Верховного Совета сократился на один год. Депутатом парламента мог быть избран гражданин Республики Дагестан, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах.

Основная деятельность Народного собрания – законотворчество. Это его исключительная компетенция, так как ни один другой орган государственной власти республики не вправе издавать законы Республики Дагестан.

К ведению и полномочиям Народного собрания по Конституции 1994 года относились: внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Дагестан (за исключением глав 1, 2, 10); принятие законов республики и внесение в них изменений; определение совместно с Государственным Советом Республики Дагестан основных направлений внутренней и внешней политики республики; решение вопросов административно-территориального деления республики; дача

согласия на назначение на должность Председателя Правительства Республики Дагестан; назначение на должность и освобождение от должности судей всех уровней; утверждение государственного бюджета республики и отчета о его исполнении; рассмотрение вопросов национального развития и межнациональных отношений народов Дагестана; созыв Конституционного собрания; официальное толкование законов Республики Дагестан; ратификация и депонирование договоров и соглашений, заключенных от имени республики, и другие полномочия и функции, возложенные на Народное собрание Конституцией Республики Дагестан.

Таким образом, можно отметить, что в компетенцию Народного собрания входил достаточно широкий круг полномочий. Однако по важнейшим вопросам государственного строительства круг его полномочий несколько сузился по сравнению с тем, каким он был у Верховного Совета ДАССР. Здесь необходимо уточнить, что определенная часть полномочий по осуществлению государственной власти теперь была делегирована Государственному совету республики с целью расширения возможностей Народного собрания для законотворческой деятельности.

Полномочия Народного собрания хотя и были связаны с решением вопросов государственного и социально-культурного строительства, назначением и освобождением от должности государственных управленческих кадров, решением вопросов внешних сношений, однако Народное собрание первого созыва уже не осуществляло высшую государственную власть в той мере, как ее осуществлял Верховный Совет ДАССР, а позже – Съезд народных депутатов ДАССР. Так, в частности, в отличие от Верховного Совета Народное собрание не имело полномочий принимать и изменять всю Конституцию республики (за исключением некоторых статей). Право изменять главы 1, 2 и 10 или принимать новую Конституцию было дано Конституционному Собранию Республики Дагестан.

Восемнадцатого апреля 1995 года, выступая перед депутатским корпусом на первой сессии Народного собрания первого созыва, М. Г. Алиев отмечал: «Время, в которое нам предстоит работать, непростое. Оно характеризуется серьезными коллизиями, новыми и сложными обстоятельствами. В этих условиях нам надо осознавать, что наши решения всегда должны быть итогом нашего согласия. Важнейшая функция Народного собрания – подготовка и принятие законов, по которым будет жить общество и будут действовать органы исполнительной и законодательной власти. Конституция республики наделяет парламент также функциями принятия республиканского бюджета и контроля за его исполнением, тем самым нам предстоит держать руку на пульсе экономической жизни республики. Одной из главных функций Народного собрания является также защита прав человека и контроль за тем, чтобы неотъемлемые права и свободы человека и гражданина органами власти не нарушались» [9].

Позже, оценивая деятельность Народного собрания первого созыва, М. Г. Алиев констатировал: «Главный итог деятельности Народного собрания Республики Дагестан заключается в том, что дагестанский парламент как законодательный орган государственной власти состоялся. Он твердо стал на ноги, занял свое место как самостоятельная ветвь власти. Парламент республики показал своей деятельностью, что является важнейшим институтом политической системы дагестанского общества, средоточием того баланса сил, без которого Дагестан не выдержит напряжения современной жизни» [10].

Со времени принятия Основного Закона 1994 года прошло несколько знаковых для республики лет. В политической, экономической и духовной жизни общества произошли кардинальные перемены. К 2003 году сложились политические, социальные и юридические предпосылки для принятия новой Конституции. Десятого июля 2003 года была принята шестая в истории республики Конституция, вступившая в действие с момента ее опубликования – 26 июля 2003 года [11]. Раскрывая значимость ныне действующей Конституции, министр юстиции республики А. Т. Рагимов писал: «Принятие Конституции 2003 года – это еще один важный этап в развитии государственности Дагестана, в формировании гражданского общества и правового государства. Принципиально новыми политико-правовыми положениями Конституции стали введение поста Президента Республики Дагестан – высшего должностного лица республики, возглавляющего исполнительную власть, и изменение порядка формирования законодательного органа республики» [12].

В главе 4 Конституции 2003 года закрепляются основные положения, касающиеся деятельности Народного собрания, многие из которых были зафиксированы еще в Конституции 1994 года. Согласно новой Конституции Народное собрание – парламент Республики Дагестан – является постоянно действующим законодательным (представительным) органом государственной власти республики. Народное собрание избирается сроком на четыре года. Депутатом Народного собрания может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах.

К ведению Народного собрания относятся вопросы, касающиеся внесения изменений и дополнений в Конституцию республики (за исключением глав 1, 2 и 10), а также: принятие законов, внесение в них изменений и дополнений; утверждение соглашения об изменении границ Республики Дагестан; решение вопросов ее административно-территориального устройства. Народное собрание дает согласие на назначение на должность председателя правительства республики; назначает на должность и освобождает от должности судей Конституционного суда, мировых судей; решает вопрос о доверии (недоверии) Президенту Республики Дагестан; назначает выборы президента; назначает выборы в Народное собрание; назначает референдум в республике; утверждает республиканский бюджет и отчет о его исполнении.

К ведению Народного собрания также относятся: созыв Конституционного собрания; официальное толкование законов Республики Дагестан; осуществление контроля за соблюдением и исполнением законов Республики Дагестан; осуществление иных полномочий, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами Республики Дагестан, и ряд других вопросов. Народное собрание принимает законы и контролирует их исполнение [13]. Таким образом, полномочия Народного собрания по Конституции 2003 года несколько расширились.

Изменился и порядок формирования Народного собрания, которое согласно прежней Конституции 1994 года формировалось на основе выборов по избирательным округам. Политические партии и объединения в то время были фактически лишены возможности участия в избирательном процессе. По Закону Республики Дагестан «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан», принятому Народным собранием 26 октября 2006 года, депутаты Народного Собрания Республики Дагестан

теперь стали избираться по смешанной системе: 50 % – по партийным спискам и 50 % – по избирательным округам. К тому же число депутатов Народного собрания по Конституции 2003 года уменьшилось и составило 72 человека вместо 121-го, как это было ранее [14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что функции и компетенции Народного собрания по новой Конституции 2003 года оказались за некоторыми исключениями в основном схожими с полномочиями, которые были предоставлены Народному собранию как законодательному органу республики по Конституции 1994 года.

Давая оценку роли Народного собрания и его месту в системе органов государственной власти Дагестана, Председатель Государственного Совета Республики Дагестан М. М. Магомедов отмечал: «Создание Народного Собрания стало крупным шагом по пути реализации важнейшего принципа разделения ветвей власти, одной из значимых вех в процессе становления новой демократической государственности Дагестана в составе обновленной России. Можно сказать, что за годы работы Народное Собрание Республики Дагестан заняло достойное место в политической системе Дагестана, стало авторитетным органом государственной власти республики, играющим значительную роль в общественно-политической и духовной жизни дагестанского общества. Народное Собрание воплотило в себе все самое лучшее, что было в работе Верховного Совета Дагестана всех созывов, и успешно продолжает лучшие традиции дагестанского парламентаризма» [15].

Необходимо отметить, что правовой статус Народного собрания сегодня отличается от правового статуса предыдущих представительных и законодательных органов государственной власти ДАССР, так как все они – и Вседагестанский съезд Советов, и Дагестанский центральный исполнительный комитет, и Верховный Совет ДАССР, и Съезд народных депутатов ДАССР – являлись высшими органами государственной власти. Во время существования Съезда народных депутатов (1989–1991 годы) Верховный Совет ДАССР был постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти республики и также выступал в качестве высшего органа государственной власти Дагестана. Народное собрание согласно Конституции 2003 года является органом государственной власти, осуществляющим законодательные и представительные функции. Высшим должностным лицом республики сегодня является Президент Республики Дагестан, который в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Конституцией Республики Дагестан и законами республики определяет основные направления развития Республики Дагестан.

С целью дальнейшего укрепления системы исполнительной и законодательной власти по инициативе президента России Д. А. Медведева в декабре 2008 года в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, согласно которым срок полномочий Государственной Думы был увеличен до пяти лет. Двадцать девятого января 2009 года Народным собранием был принят закон «О внесении изменений в Конституцию Республики Дагестан», согласно которому Народное собрание республики избирается сроком на пять лет [16].

Таким образом, внесенные в Конституцию 2003 года поправки отразили начало нового – в реалиях XXI века – этапа государственного строительства в Республике Дагестан в рамках единой российской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Первая сессия Верховного Совета Дагестанской АССР: стеногр. отчет. Махачкала, 1938. С. 38–39.

2. Конституция (Основной Закон) ДАССР 1937 г. // Дагест. правда. 1937. 14 июня.

3. Конституция (Основной Закон) ДАССР 1978 г. Махачкала, 1978. С. 25.

4. Мартышин О. В. Идейно-политические основы современной российской государственности // Государство и право. 2006. № 10. С. 31.

5. Ризванов Р. З. Государственный Совет Республики Дагестан: очерки деятельности. Махачкала, 2002. С. 19.

6. Об основных итогах и уроках деятельности Верховного Совета РД за пятилетний период (март 1990 – март 1995 г.): доклад Председателя Верховного Совета РД М. Г. Алиева на XXXI сессии Верховного Совета РД 24 февр. 1995 г. // Дагест. правда. 1995. 25 февр.

7. Цит. по: Алиев М. Г. В поисках согласия. М., 2002. С. 203.

8. Халилов А. М., Магомедов Ш. Б., Гамзатов Я. Б. Конституция Республики Дагестан: науч.-практ. и ист.-правовой коммент. Махачкала, 2001. С. 304.

9. Алиев М. Г. Осознаем ответственность за судьбу Дагестана: выступление на первой сессии Народного Собрания РД первого созыва 18 апр. 1995 г. // Дагест. правда. 1995. 19 апр.

10. Алиев М. Г. Об итогах деятельности Народного Собрания РД первого созыва (март 1995 – февраль 1999 гг.): доклад на XXXX сессии Народного Собрания РД первого созыва 25 февраля 1999 г. // Дагест. правда. 1999. 26 февр.

11. Дагестанская правда. 2003. 11 июля.

12. Рагимов А. Т. По пути гражданского общества и правового государства // Дагест. правда. 2006. 22 июля.

13. Конституция (Основной Закон) Республики Дагестан 2003 г. Махачкала, 2007. С. 30–33.

14. Закон Республики Дагестан «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан»: принят Народным Собранием Республики Дагестан 26 окт. 2006 г. // Дагест. правда. 2006. 2 нояб.

15. Магомедов М. М. Парламенту Дагестана – 10 лет: выступление на XXIII сессии Народного Собрания Республики Дагестан третьего созыва 28 апр. 2005 г. // Там же. 2005. 29 апр.

16. Закон РД «О внесении изменений в Конституцию Республики Дагестан»: принят Народным Собранием Республики Дагестан 29 янв. 2009 г. // СЗ РД. 2009. № 3. Ст. 74.

УДК 94(47).08

СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРСКОЙ И КУБАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ НА УРОВНЕ ОКРУГОВ (КОНЕЦ XIX ВЕКА)

Е. С. Шавлохова

ESSENCE AND MECHANISMS OF CARRYING OUT STATE ADMINISTRATION IN TERSKAY AND KUBAN REGIONS ON DISTRICT'S LEVEL (the end of XIX century)

E. S. Shavlohova

В статье рассматриваются сущность и механизмы реализации государственного управления в Терской и Кубанской областях на уровне округов в конце XIX века. Автор анализирует выработку единой политической линии в сфере обустройства административно-территориальных образований среднего уровня.

The article examines the essence and the mechanisms of carrying out state administration in Terskay and Kuban regions on the level of districts. The author analyses the creating of the united political approach in the sphere of developing administrative regions of the average level.

Ключевые слова:
северокавказские народы, государственное управление, Кубанская область, административная правовая структура, административно-территориальная единица.

Keywords:
North Caucasian peoples, state administration, Kuban region, administrative legal structure, administrative and territorial unit.

На каждом этапе исторического развития общества формируются собственные критерии оценки таких понятий, как консерватизм или либерализм. Попросту говоря, все, что опирается на опыт прошлого, характеризуется консервативными чертами; процессы, ориентированные на улучшение настоящего для блага будущего, как правило, приобретают в массовом сознании позитивные характеристики. В этом смысле кавказская политика самодержавия, направленная на преодоление социально-экономической и политической раздробленности народов Северного Кавказа, придание региону статуса целостного административно-территориального образования, построенного на основе унифицированной нормативно-правовой базы, без сомнения, имела прогрессивное значение. В то же время правительство продекларировало принцип соблюдения и учета исторических традиций в области саморегуляции общественных отношений, сформировавшихся у горских народов на протяжении их многовековой истории. Казалось бы, что налицо явное противоречие между установленными целями и избранными средствами их достижения. В этом смысле нельзя забывать о том, что уровень развития той или иной локальной этнической группы или групп во многом определяется степенью их интеграции в

мировое сообщество народов. С одной стороны, изоляция жизнедеятельности в пределах ограниченного пространства никогда и никому не давала возможностей успешного развития, с другой – она способствовала выработке специфических мотивов и средств самовыражения и самоидентификации на основе опыта, передававшегося из поколения в поколение. Поэтому в рассматриваемом плане стремление к сохранению элементов этнической самобытности вряд ли следует относить к безнадежно устаревшим явлениям, а тем более утверждать о невозможности их использования для дальнейшего развития.

Сказанное, с одной стороны, свидетельствует, как уже отмечалось, о противоречивости политической стратегии России в национальных регионах, в том числе на Северном Кавказе, с другой стороны, указывает на дифференцированный учет особенностей малых народов для придания процессам их интеграции в имперскую социальную, административную и правовую структуру целенаправленного характера. Особенно отчетливо все положительные и отрицательные составляющие этого процесса в этнических регионах проявлялись на примерах становления и реорганизации структуры управления среднего уровня в округах и участках.

Эти административно-территориальные единицы появились на Северном Кавказе на рубеже 1860-х – 1870-х годов, когда в правительственных кругах был подготовлен, а затем и утвержден проект нового административного устройства Терской и Кубанской областей. Его содержание базировалось на предложениях, поступивших в столицу от руководства кавказской администрации и областных начальников, которые настаивали на необходимости скорейшего сближения административного устройства центральной части страны и отдаленных районов. Собственно говоря, данный документ подводил итоги почти десятилетнего управления названными территориями на военно-народных принципах, когда казачье, крестьянское и горское население подчинялось отдельным административным органам, которые возглавлялись военными начальниками областного уровня. Если брать во внимание то обстоятельство, что вовлечение народов Северного Кавказа в административно-правовое пространство империи проводилось поэтапно, то передача власти гражданскому правлению являлась вторым этапом реформ. Теперь его полномочия распространялись на все население области во всем его социальном и этническом многообразии [1]. Горские округа так же стали неотъемлемой составной частью области, как крестьянские и казачьи земли.

В соответствии с новым административно-территориальным делением Терская область была поделена на семь округов: Аргунский, Веденский, Владикавказский, Георгиевский, Грозненский, Кизлярский и Хасавюртовский. Здесь хотелось бы заметить, что названное разделение не имело устойчивого характера, власти то и дело корректировали устройство региона, переподчиняя города с близлежащими населенными пунктами и целые округа то Терской области, то Ставропольской губернии. Еще во время подготовки проекта положения в распоряжение Терского областного правления были переданы города Моздок, Кизляр, Георгиевск. После его утверждения сюда же перешел и Пятигорск вместе с другими курортами и двумя железнодорожными станциями: Мин. Воды и Прохладная [2].

Имели место изменения и внутри Терской области. Так, Георгиевский и Кабардинский округа были объединены в одну административно-территориальную единицу с центром в Нальчике. Динамика распределения территорий между

округами сохранялась в течение двадцати лет вплоть до 1880-х годов, когда окружное деление приобрело более или менее устойчивый вид. К этому времени каждый округ был поделен на участки, во главе которых стоял пристав. Участковые правления по характеру их деятельности и возложенным на них задачам довольно сложно назвать административными органами управления. Для выполнения таких функций для них не был предусмотрен и необходимый штат: помимо помощника пристава, в него входил только делопроизводитель, отвечавший за переписку с областным и ведомственным начальством. Скорее всего, эта инстанция выполняла посреднические функции между правлением области и аульными администрациями, что существенно сближало структуру управления в центральной России и на Северном Кавказе [3]. Соседняя Ставропольская губерния, например, в этом отношении была в большей мере приведена в соответствие с российскими стандартами. Она состояла из уездов, которые, в свою очередь, делились на волости. В составе губернии находились Караногайское, Туркменское и Ачикулакское приставства, а также Большедербетовский и Малодербетовский улусы. Караногайское приставство в конце 1880-х годов вошло в состав Терской области.

Несмотря на отсутствие широких управленческих возможностей, участки состояли из довольно большого количества населенных пунктов. Достаточно сказать, что вся территория Георгиевского округа распределялась между четырьмя участками: Баксанским, Горячеводским, Малокабардинским, Черекским. Но все же основные полномочия по осуществлению управления на местах сосредотачивались в руках окружных начальников, которые принадлежали к числу российских военных чинов. Они назначались на должность распоряжением областного правления и непосредственно подчинялись начальнику области. Одновременно с назначением руководитель округа получал фактически неограниченные административные права в пределах его ответственности, в том числе и контроль над деятельностью сыска и полиции.

Согласно установившемуся штатному расписанию, начальник округа имел двух помощников: один из них выполнял функции заместителя и заменял начальника во время его отсутствия, другой отвечал за работу канцелярии областного правления и возглавлял окружной суд. На эти должности, как правило, также подбирались армейские офицеры, в ряде случаев их замещали высокопоставленные представителя местного казачества. К работе окружных правлений в исследуемый период выходцы из горской среды не привлекались. Это было связано в первую очередь с их функциональным предназначением, которое заключалось в контроле над деятельностью всех механизмов административной системы округа, а также в своевременном принятии мер по поддержанию стабильности и порядка в местах расселения горцев. При этом полицейско-охранительные функции со временем стали приобретать оттенок политического воздействия на сознание и мировоззрение местных жителей.

Начальник округа руководил не только подчиненным ему аппаратом. Большое внимание с его стороны уделялось работе с участковыми правлениями, а также выборными лицами административно-правовых институтов на местах. Многочисленные должностные инструкции предусматривали его непосредственную ответственность за положение дел в судах всех уровней. Это было действительно важное направление, поскольку в то время судебные приговоры в полной мере

отражали характер административного управления, а порой заменяли решения управленческих инстанций. Через суды не только улаживались имущественные споры, но и регулировались общественные, экономические, сословные и другие отношения.

Немаловажная роль в деятельности окружных начальников отводилась выполнению распоряжений и директив вышестоящих органов управления и должностных лиц. Их анализ показывает, что главная цель всей властной иерархии на Кавказе заключалась в окончательном «усмирении» местного населения, формировании у него верноподданнических настроений, достижении осознанной преданности самодержавной власти. Для этого кроме отрядов полиции, обладавших высокой мобильностью, в распоряжении правления округа находились постоянно действующие милицейские сотни, к руководству которыми привлекались атаманы казачьих отделов. Их численность не везде была одинаковой и зависела от обстановки в том или ином районе. Например, в Нальчикском округе для поддержания порядка достаточно было нескольких десятков конных милиционеров, в других округах, особенно тех, жители которых открыто выступили против российского присутствия в регионе в конце 1870-х годов, требовался усиленный милицейский контингент. Кроме того, в южных и юго-западных районах области сосредотачивались казачьи сотни, подчинявшиеся специально созданному для поддержания порядка и безопасности в неблагополучных горных районах походному штабу командующего войсками на Тереке [4].

Полиция на местах подчинялась жандармскому управлению области или аналогичным структурам, действовавшим в городах Владикавказе, Кизляре, Моздоке и Пятигорске. В пределах округов было значительно ограничено передвижение местных жителей. Без специального разрешения, подтвержденного приговором аульного схода, горцы не имели права переселяться из одного населенного пункта в другой, а тем более выезжать на жительство в другие округа. Это давало возможность властям хорошо ориентироваться в местной социальной среде, в ее проблемах, прогнозировать тенденции развития обстановки и заранее планировать меры для локализации возможных негативных последствий. Милиция относилась к карательным органам, поэтому ее вмешательство в события сопровождалось, как правило, применением силы. Сохранявшаяся ответственность всего горского общества за действия одного или нескольких его членов позволяла не чинить законных разбирательств и не тратить время на выбор средств и методов воздействия [5].

В середине 1870-х годов Россия сосредоточила на Кавказе крупную военную группировку, что существенно облегчило положение казачества. Его военные обязанности уменьшились, но возросло значение в области охраны общественного порядка на территории Терской области. Казаки стали чаще привлекаться к проведению стабилизационных мероприятий в различных округах местными администрациями и милицией [6].

Важной функцией окружного начальника являлся контроль над работой высшего органа общественного самоуправления, каковым в то время стал съезд доверенных лиц от всех сельских обществ, расположенных на территории округа. Дело в том, что любой приговор схода жителей подлежал утверждению в окружной администрации, и только после этого он приобретал силу закона [7].

С наступлением периода контрреформ на Северном Кавказе наступил новый

этап административных преобразований. Состав округов правительство формировало таким образом, чтобы горское население чередовалось в них с казаками. В числе первых мер было образование Нальчикского округа, куда отошли территории, находившиеся до этого в ведении пятигорского окружного правления. К этому времени в стране уже действовало чрезвычайное положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [8]. После его принятия российская политика на Кавказе приобрела конкретные формы, проводилась интенсивными методами в целях установления полного контроля над районами расселения горских народов.

Значительные изменения претерпели и полномочия окружных начальников. За ними сохранялись полицейские функции, однако в условиях перехода к гражданским формам правления эти функции обеспечивались такими же правами, которыми в центральных российских губерниях наделялись уездные полицейские управления и исправники. В то же время государство не спешило отказываться от применения силы в случае возникновения каких-либо инцидентов и недоразумений. Для этого укреплялась структура областного жандармского управления, особенно в тех городах, в которых действовали окружные администрации, работавшие в этнической среде.

Если прежде начальники областей подчинялись наместнику и с его ведома решали многие вопросы по организации управления округами с этническим населением, то теперь они подлежали предварительному обсуждению на Совете при главноначальствующем. Это был новый орган с совещательными полномочиями, который, однако, в ряде случаев способствовал более детальному рассмотрению возникавших проблем.

После введения в действие нового «Учреждения управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» в марте 1888 года начался новый этап проведения административно-правовых реформ на Северном Кавказе. В сущности своей он знаменовал переход от гражданского к военно-казачьему управлению. Дело в том, что все население области делилось на казачество, гражданское население и горские народы. Казачьей и гражданской средой управляла администрация войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск. Управление горскими обществами относилось к компетенции командующего войсками Кавказского военного округа. Территория области делилась на отделы, во главе которых стояли атаманы.

В их руках была сосредоточена вся полнота административной и судебной власти, включая контроль над деятельностью органов общественного самоуправления в казачьих станицах, крестьянских поселениях, иностранных колониях и горских аулах в пределах отведенной территории. Казачья администрация располагала собственной канцелярией, которая вела делопроизводство, в ее составе имелись полковой и горский словесные суды. По военной линии атаман отдела подчинялся наказному атаману; по гражданским делам, кроме последнего, он взаимодействовал с областным управлением. В подчинении отдельских атаманов находились станичные и поселковые атаманы и начальники участков. По отношению к горскому населению они выполняли те же функции, которые ранее относились к ведению начальников округов, в том числе руководство милицейскими отрядами, сформированными в аулах.

Необходимо отметить, что власть администрации отдела распространялась не на всех горцев, а только на тех, которые не состояли на государственной службе. В основном это были бедные слои населения, в отношении которых атаман отдела

мог наложить взыскание в виде штрафа или ареста [9]. Расширение прав окружного руководства в реальности означало понижение роли органов общественного самоуправления. По всей видимости, централизация власти на местном уровне составляла одну из главных задач реформ государственного устройства в Северо-Кавказском регионе. Административное правление в отделах ориентировалось на сотрудничество с аульными старшинами и фактически игнорировало сход жителей, хотя формально оно руководствовалось Положением о сельском (аульном) управлении [10].

Необходимо отметить, что вплоть до начала нового столетия предпринимавшиеся меры не дали возможности завершить государственные реформы, так как механизмы управления в корне противоречили поставленным целям. Административные органы управления в отделах, возглавлявшиеся казачьими атаманами, вовсе не были заинтересованы в выравнивании социального и экономического статуса станиц и горских аулов. К тому же все еще действовали ограничения на передвижение горцев, хотя официально им не запрещалось заниматься торговлей, открывать собственное дело. В реальности все их попытки устраивать жизнь в соответствии с имперскими законами наталкивались на запретительные полицейские меры. Это свидетельствовало о противоречивости избранной политической стратегии. На правительственном уровне нередко принимались решения, которые не давали горцам возможности реализовать предоставленные самой самодержавной властью права. Не исключено, что эта противоречивость не была случайной и что она изначально была заложена в основу реформ в качестве сдерживающего фактора. Такой вывод обоснован характером власти в России в исследуемый период, ее консервативным содержанием и нежеланием поиска компромиссных решений в области построения отношений с обществом, в том числе с этническим населением многонациональных регионов.

Положение в области административного управления на Северном Кавказе усугублялось тем обстоятельством, что распространение капиталистических отношений, которые все глубже и глубже проникали в отдаленные районы российского государства, сдерживалось сохранением сословной структуры общества, основанной на наличии диаметрально противоположных слоев населения с точки зрения их экономического и социального состояния. Градация людей на категории не только не позволяла неимущим людям участвовать в процессе создания своего национально-территориального образования, но и порождала противоречия, а порой и враждебные отношения между представителями различных этнических групп. Особенно остро эти противоречия проявлялись во взаимоотношениях горцев с казачеством, стоявшим на страже имперских интересов в регионе. Казаки вовсе не проявляли заинтересованности в выравнивании социального и экономического статусов станиц и аулов.

На качестве созданной системы управления сказывалось также проявление присущих для всего государственного аппарата издержек бюрократического характера, которые вслед за созданной административной структурой довольно быстро адаптировались в новой социальной среде. Неравномерное распределение прав и обязанностей одним жителям давало слишком большие преимущества, других лишало всяких возможностей беспроблемного решения каких бы то ни было хозяйственных, бытовых, семейных или правовых вопросов.

Тем не менее государственная власть стремилась в полной мере реализовать свои политические планы применительно к северокавказским территориям, используя для этого всевозможные административные механизмы утверждения своего влияния среди горских сообществ. К концу 1880-х годов структура Терской области состояла из трех отделов и четырех округов. Общее количество территориальных единиц по сравнению с предыдущим этапом реформ не изменилось, но значительно усилилась вертикаль административного давления на низовые органы общественного управления. Атаманская власть распространялась на Кизлярский, Пятигорский и Сунженский отделы, во Владикавказском, Грозненском, Нальчикском и Хасавюртовском округах административные и полицейские функции выполняли, как и раньше, начальники правлений.

Данное деление области также не было окончательным. На рубеже веков здесь был создан новый отдел с центром в городе Моздоке. К нему отошли некоторые станицы с казачьим населением, которые ранее относились к Пятигорскому отделу. Что касается округов, то в последние годы XIX века они не видоизменялись. После этого до самого 1905 года каких-либо существенных изменений в административно-территориальном делении Терской области не происходило. Во время революционных событий в стране, несмотря на повышенную социальную напряженность, в том числе и на Северном Кавказе, правительство решило возвратиться к окружному делению области. В этих целях из территорий, относившихся к отделам, были выделены два новых округа: Назрановский и Веденский. Теперь Терская область состояла из шести округов [11].

Данное деление отражало национальный состав горского населения. В сущности, впервые за всю историю своего существования северокавказские народы приобрели административно выделенные территории. Например, осетины компактно проживали в пределах Владикавказского округа, чеченцы – в населенных пунктах Веденского и Грозненского округов, ингуши преобладали в Назрановском округе, а кумыки – в Хасавюртовском. Основное население Нальчикского округа составляли кабардинцы и балкарцы. Казачьи станицы остались в административном подчинении отделов. На Тереке, в отличие от Дона, общественное самоуправление казаков осуществлялось в основном на станичном уровне, что официально было закреплено в соответствующем положении, которое регламентировало права станичного круга, атамана, правления и суда [12]. Кроме того, Кизлярский отдел имел в своем составе Караногайское приставство, которое, как отмечалось выше, было передано в Терскую область из Ставропольской губернии [13].

На Кубани население также было неоднородным, но здесь для административного управления казачьими станицами и горскими аулами создавались и округа, и приставства. Так же как и на Тереке, они не являлись постоянными и часто подвергались реформированию. Всего в Кубанской области насчитывалось шесть округов: Абадзехский, Бжедуховский, Верхнекубанский, Лабинский, Натухайский и Шапсугский. На территории перечисленных округов были организованы семь приставств: Абадзехское, Бжедуховское, Верхнекубанское, Лабинское, Нижнекубанское, Нижнеприкубанское, Тахтамышевское. Как видно, многие приставства имели одинаковые названия с округами, на территории которых они располагались. Кроме того, по названию некоторых из них можно определить этническую принадлежность основного населения. Верхнекубанское приставство

прежде называлось Карачаевским, а Нижнекубанское – Приставством закубанских ногайцев [14].

Вполне естественно, что регулярные преобразования и изменения в обустройстве создавали сложности для реализации управленческих функций на Кубани, однако здесь в полной мере отражались тенденции развития административной системы на всей территории Кавказа, которая отличалась структурой многоступенчатого подчинения низовых органов общественного управления. В то же время жесткий контроль сочетался в регионе с неопределенностью некоторых границ, разделявших региональные административно-территориальные образования. Терская и Кубанская области разделялись хребтом между Кубанью и Малкой, где граничили земли Терского и Кубанского казачьих войск. Это разделение, однако, официально не было закреплено [15], видимо, по той причине, что правительство заранее не исключало возможности земельных переделов.

Кубанская область действительно расширялась посредством экономического освоения Закубанских территорий, которые главным образом заселялись казаками и переселенцами из центральной России. Основным видом поселений являлись станицы, численность которых возрастала с каждым годом, из них формировались полки и бригады с внутренней системой управления. Так постепенно сформировались кордонные линии: Абадзехская, Лабинская, Белореченская, Адагумская. Они также видоизменялись, дополнялись новыми поселениями, но принцип территориального устройства и административного управления сохранялся прежний. Это относится и к причерноморским районам, где было образовано три округа: Ейский, Екатеринодарский и Таманский.

После того как правительство пошло на изменение формы управления национальными регионами, в том числе Северным Кавказом, на Кубани произошло разделение территорий на зоны ответственности между казачьими бригадами и полками. В местах расселения горских народов состоялось учреждение пяти окружных управлений: Зеленчукского, Лабинского, Псекупского, Урупского и Эльбрусского [16]. Если учесть то обстоятельство, что по состоянию на середину 1860-х годов в области насчитывалось три таких структуры, то становится очевидным, что власти принимали меры по усилению административного контроля над горскими сообществами. Так же как и на Тереке, здесь после распределения территорий по округам основное внимание уделялось обустройству и регламентации органов общественного управления в населенных пунктах, создавались судебные инстанции, проводились выборы должностных лиц. Кроме того, в каждом округе формировался фонд свободных земель, который в последствии распределялся между выходцами из российских губерний, прибывавших по каналу плановой миграции. После обустройства на новых местах жительства и регистрации поселения они также включались в сферу ответственности окружного правления. Другими словами, демографическая структура округов формировалась за счет смешения представителей славянских народов и местных этнических групп. В местах расположения окружных администраций создавалась вся необходимая инфраструктура: окружные суды, органы прокурорского надзора, судебные мировые и следственные участки, нотариальные конторы [17].

Округа в Кубанской области состояли, в свою очередь, из станиц и горских аулов, которые также подвергались преобразованиям, зачастую менялись

не только их названия, но и место расположения. Традиционно в горных районах аулы назывались по фамилии их владельцев. После начала административных реформ старые названия постепенно заменялись, при этом чаще всего учитывалось географическое местоположение населенных пунктов, наличие в окрестностях рек, горных массивов и т. п. Например, аул Фарский был организован на реке Фарса из небольших населенных пунктов Мамхеговского и Хакуриновского.

Процесс создания и укрепления округов на Кубани осуществлялся довольно медленно, поэтому он так и не был завершен до того момента, когда самодержавная власть приняла решение об упразднении военно-народной формы управления на Северном Кавказе. На рубеже 1860-х – 1870-х годов окружные правления в Кубанской области были ликвидированы, а их полномочия перешли к уездным администрациям, приступившим к исполнению управленческих функций в Баталпашинске, Екатеринодаре и Майкопе [18]. Из этого следует, что, в отличие от Терской области, здесь правительство пошло на интенсивное сближение административного устройства горных районов с системой управления центральными регионами империи. Основная причина лежала в нерешенности вопросов земельного обеспечения казаков, на которых возлагалась надежда, связанная с их активным участием в жизни области с точки зрения контроля над местным населением. Однако в горных условиях казакам очень трудно было наладить свою хозяйственную деятельность, в силу чего их станицы на северных склонах Кавказского хребта оказались недолговечными. С учетом этого пришлось менять и стратегию управления на всех территориях, относившихся к Кубанской области.

Несмотря на то, что реформы в рассматриваемой сфере на Северном Кавказе проводились в соответствии с одним и тем же положением «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях», структура управления в них имела существенные различия. Выше говорилось о том, что на Тереке основными административными единицами стали округа, поделенные позднее на участки. В этом отношении кубанские территории, часть которых отошла к Ставропольской губернии [19], к началу 1870-х годов были распределены между пятью уездами: Баталпашинским, Ейским, Екатеринодарским, Майкопским и Темрюкским. Этот перечень указывает на то, что в основном ставка была сделана на использование имевшегося опыта окружного правления, в то же время проявилось заметное стремление расширить функции новых административных органов. Расширение коснулось, в частности, передачи им некоторых судебных полномочий, хотя дела по особо опасным государственным преступлениям в обязательном порядке направлялись для рассмотрения в военные суды [20].

В ходе дальнейших преобразований в Кубанской области буквально за несколько лет резко возросло количество населенных пунктов, в которых требовалось учреждение общественного самоуправления. Главным образом это касалось казачьих станиц и других славянских поселений и в меньшей степени относилось к горским аулам. Дело в том, что Положение предусматривало возможность создания административных органов в казачьих хуторах и отселках, в которых имелось более тридцати дворов. Ранее они относились к близлежащим станицам. Кроме того, на Кубани в свое время было организовано большое количество солдатских поселений, жители которых, закончив службу, обзавелись семьями и занялись укреплением своего хозяйственного положения. С учетом этого необходимость их дальнейшего

содержания на балансе войсковых частей отпала, и они перешли в ведение органов гражданского управления в соответствии с административно-территориальным делением области.

Внутриобластные границы между уездами также постоянно корректировались, территория одних уездов увеличивалась, других – сокращалась. Этот процесс наблюдался вплоть до начала 1880-х годов, когда все реформы проводились с учетом требований чрезвычайного положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [21]. За это время ряд казачьих станиц были переведены из ведения Ейского и Темрюкского уездов в подчинение Екатеринодарскому правлению. Не оставались неизменными и границы других административных образований [22]. Особенно заметные изменения Кубанская область претерпела во время перехода власти от наместничества к гражданскому управлению. Основная ее часть осталась в пределах Северного Кавказа, а Черноморский округ отошел к Закавказскому краю [23]. В то же время в области было создано еще два уезда. В этот период российское правительство большое внимание уделяло также совершенствованию работы административных органов в горских селениях, особенно их судебным функциям, так как они представляли собой одну из форм государственного управления и отражали политические интересы империи [24].

Очередные преобразования в сфере административного устройства Кубанской области произошли в конце 1880-х годов, когда на всем Северном Кавказе повысилась роль казачества как представителя имперских интересов в местной социальной среде. Так же как и на Тереке, здесь вместо уездов начали создаваться отделы: Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский, Майкопский, Темрюкский. Очевидно, что количество административных единиц осталось неизменным, как и их территориальное пространство. Создание отделов повлекло за собой изменение статуса бывших уездов, в результате которого были полностью восстановлены Лабинское и Кавказское административные правления. Несмотря на то, что территориально Черноморский округ относился к Закавказью, практически до конца XIX столетия он управлялся как составная часть Кубанской области и подчинялся соответствующим областным учреждениям.

В окончательном виде территория Кубанской области была обустроена к началу 1890-х годов, но для этого потребовались еще некоторые преобразования. Они были обусловлены двойным подчинением существовавших административных единиц. Помимо гражданского деления, в военном отношении область состояла еще из полковых округов, количество которых не соответствовало числу отделов, вследствие чего не совпадали и их границы. Как уже отмечалось, было организовано семь отдельских правлений, подчинявшихся, с одной стороны, начальнику области, с другой – наказному атаману Кубанского казачьего войска. Структура полковых округов насчитывала одиннадцать объектов управления по количеству основных подразделений казачьего войска, имевших такие же названия: Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Кубанский, Лабинский, Полтавский, Таманский, Уманский, Урупский, Хоперский и Черноморский. Для того чтобы совместить окружные и отдельские границы, были проведены еще дополнительные переделы территорий, некоторые станицы перешли из одного отдела в другой [25].

Проводя административно-территориальные преобразования в Кубанской

области, самодержавная власть стремилась сохранить сословную структуру общества, для чего в сложную систему управления вводились новые понятия и категории. На Кубани издавна славянское население проживало в станицах, в которых главным органом самоуправления являлся сход жителей. К концу XIX столетия якобы для приведения всей административной структуры в местах проживания казачества к единым стандартам здесь был введен институт хуторского правления, который осуществлял свою деятельность на основе решений сбора жителей. Эти небольшие, чисто формальные изменения тем не менее подчеркивали раздробленность населения, разграничивали войсковых казаков и крестьян.

Еще одной особенностью административных реформ на Кубани являлась волостная система управления всем остальным населением независимо от этнической принадлежности. Для сравнения вспомним, что на Тереке аналогичные управленческие функции выполняли участковые администрации, а в Ставропольской губернии волости существовали только в местах расселения славянских крестьян. Кроме того, местная областная администрация была более раскована в действиях по перераспределению территорий внутри отделов. В начале XX века в этом смысле продолжалось переподчинение станиц. В ряде случаев имел место перенос административных центров низового уровня из одного населенного пункта в другой. Например, правление Таманского отдела, переименованного из Темрюкского еще в конце XIX века, было переведено в станицу Славянскую, а административные органы Ейского отдела переехали в станицу Уманскую. Интерес представляет то обстоятельство, что руководство области расселяло часть отставных солдат Кавказской армии и отдельные партии переселенцев из центральной России в опустевших горских аулах, жители которых выехали на жительство за границу. Областное правление по своему усмотрению, без согласования с военными властями могло создавать новые населенные пункты, определять их статус, учреждать органы общественного управления, разрабатывать для них рекомендации и инструкции в зависимости от местоположения и рода занятий их жителей [26].

Увеличение численности административных органов на Кубани было обусловлено также передачей им широких судебных полномочий [27], оно преследовало еще и цель борьбы с преступностью, уровень которой здесь был выше, чем в других регионах Северного Кавказа. Статистика свидетельствует, что за период с 1888 по 1897 год только в Екатеринодарском окружном суде количество рассмотренных уголовных дел возросло более чем на 50 % [28].

Неоднозначно в исследуемый период складывалась судьба населенных пунктов на территории Черноморского округа. Выше говорилось о том, что в административном отношении он подчинялся руководству Кубанской области, от которой его отделял Кавказский хребет. Российское правительство, формально включив его в состав Закавказского края, оставило за собой право решать вопросы обустройства округа. К началу нового столетия существовавшие здесь попечительства были преобразованы в отделы попечительств о черноморских прибрежных поселениях. Они располагались в Новороссийске, Сочи и Туапсе. Плотность населения округа была небольшой, здесь проживало примерно семь тысяч человек, транспортные коммуникации фактически отсутствовали. В этом отношении в более выгодных условиях располагался Новороссийский отдел, из состава которого населенные пункты постепенно переходили в Кубанскую область.

Внимание к округу было обусловлено тем, что большая его часть являлась собственностью членов императорской фамилии и высокопоставленных российских чиновников. Местные жители самостоятельно организовывали здесь поселения, нередко состоявшие из нескольких дворов, а потому не имевшие никаких органов управления [29]. В течение нескольких лет с конца 1880-х годов округ претерпел существенные изменения. Сначала он полностью был переведен в состав Кубанской области, но уже во второй половине 1890-х годов ему был возвращен самостоятельный административный статус. Он стал Черноморской губернией с центром в Новороссийске. Районы, ранее отошедшие в Кубанскую область, были возвращены назад. Несмотря на это, она являлась самой маленькой по размерам и самой малочисленной по количеству населения российской губернией. По данным первой переписи населения, здесь проживало не более шестидесяти тысяч человек. На начало XX века губерния состояла из трех округов: Новороссийского, Сочинского и Туапсинского [30]. Города располагались главным образом в равнинных районах, в горной местности они стали создаваться на рубеже столетий, когда был повышен административный статус Сочи, Туапсе, Хосты и некоторых других населенных пунктов [31].

Таким образом, анализ свидетельствует о том, что, несмотря на выработку единой политической линии в сфере обустройства административно-территориальных образований среднего уровня, самодержавной власти приходилось уже в процессе реформ корректировать свои действия в зависимости от многих социально-экономических факторов. Изначально преобразования были рассчитаны на длительный период, поэтому осуществлялись поэтапно. Не всегда сразу учитывались и государственные интересы, из-за чего в ряде случаев наблюдалось отступление от избранной стратегии вовлечения Северного Кавказа в сферу российского влияния. Преобразования на Тереке и Кубани регламентировались одними и теми же нормативными актами, однако в реальности они отличались своей направленностью и формами реализации. Те структуры, которые прижились в Терской области, иногда не подходили к условиям жизни кубанского населения, и наоборот. В этой связи структура административных органов в Кубанской области оказалось самой сложной и многообразной. Тем не менее после Ставрополья она ближе располагалась к общероссийским стандартам, нежели система управления терскими территориями. Это объясняется, прежде всего, составом населения. На Тереке горцы преобладали над славянами и представителями других национальностей, местные народы составляли ядро северокавказских этносов. В социальной структуре Кубани доминировали казаки и выходцы из центральных российских губерний. В то же время необходимо отметить, что разными путями в различных регионах Северного Кавказа, но самодержавная власть целенаправленно продвигалась в направлении полного удовлетворения своих интересов в Терской и Кубанской областях, используя для этого весь арсенал имевшихся на тот период средств для их обустройства в соответствии с российским стандартами и законами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Битова Е. Г. Политико-административная интеграция Российской империи с ее северокавказской периферией в XIX в. // Сб. науч. тр. молодых ученых Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Нальчик, 1998. С. 38–42.

2. Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред. Д. В. Кочуры, В. П. Невской. Ставрополь: Шат-гора, 1999. С. 143.

3. Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 24.

4. ЦГА РСО-А (Центр. гос. арх. Республики Северная Осетия – Алания). Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

5. Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 58–62.

6. ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

7. Калмыков Ж. А. Указ. соч. С. 30–41.

8. Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1890. С. 54–57.

9. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2004. С. 94–104.

10. Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871. С. 1–22.

11. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический архив). Ф. 330. Оп. 92. Д. 707. Л. 2.

12. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. Ростов н/Д, 2001. С. 137–163.

13. Край наш Ставрополье. С. 503.

14. Магаяева П. И. Реформы 60–70-х гг. XIX в. в горских округах Кубанской области. Карачаевск, 2003. С. 109–116.

15. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1992.

16. Магаяева П. И. Указ. соч.

17. ГАКК (Гос. арх. Краснодарского края). Ф. 482. Екатеринодарское окружное управление. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–1-об.

18. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 19–60.

19. ГАСК (Гос. арх. Ставропольского края). Ф. 398. Ставропольский окружной суд. Оп. 3. Д. 137. Л. 11.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1: 1879 – 18 февр. 1880. СПб., 1881. Ст. 59491.

21. Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1890. С. 54–57.

22. Основные административно-территориальные преобразования...

23. Очерки истории прошлого… С. 105–119.

24. Магаяева П. И. Указ. соч. С. 116–128.

25. Основные административно-территориальные преобразования...

26. Там же.

27. Зозуля И. В. История развития судебной системы на Северном Кавказе

во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 1999. С. 22–23.

28. Гондаренко А. С., Зозуля И. В. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. (на примерах Кубани и Ставрополья). Ставрополь, 2002. С. 56–97.

29. Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX в. Ростов н/Д, 2001. С. 206–214.

30. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2004. С. 199–217.

31. Мальцев В. Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 264–272.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 376.3

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕМПА РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ЗАИКАНИЯ ПОДРОСТКОВ И ВЗРОСЛЫХ

Е. С. Авдеева

THE ORGANIZATION OF SPEECH TEMPO IN THE STRUCTURE OF STUTTER OF TEENAGERS AND ADULTS

E. S. Avdeeva

В статье анализируются особенности темпа речи заикающихся подростков и взрослых. Автором приводятся данные исследования, позволяющие раскрыть причины изменения означенной речевой характеристики, связанные как с проявлениями речевой судорожности, так и с особенностями порождения речевого высказывания.

The article analyses the peculiarities of speech tempo of stuttering teenagers and adults. The author cites data of the research which make it possible to divulge the reasons for the change of the aforesaid speech characteristic. The reasons are related both with the manifestations of speech spasms and with the peculiarities of the generation of speech utterance.

Ключевые слова:
заикание, темп речи, речевая судорожность, особенности паузации, порождение речевого высказывания.

Keywords:
stutter, speech tempo, speech spasms, the peculiarities of pausation, the generation of speech utterance.

Известно, что темп устной речи определяется как скорость ее протекания во времени. На нарушение этой речевой характеристики указывается в определении заикания как темпо-ритмического расстройства речи. Однако исследователи часто расходятся во мнениях относительно темпа речи заикающихся. Указывается на ускорение темпа их речи [Р. Е. Левина (1968), О. В. Правдина (1973), В. И. Селиверстов (2000), М. Е. Хватцев (1936), Л. Я. Миссуловин (2002) и другие], на ее замедленный по сравнению с нормой темп [А. Ю. Панасюк (1979), Ю. И. Кузьмин (1983, 2000), Г. А. Коробков (2000), В. П. Морозов с соавторами (1988)], а также на непостоянство темпа речи [М. И. Буянов (1983), С. Р. Асланова (2001)]. Столь значительные расхождения в результатах исследований обусловлены как контингентом испытуемых, так и используемой методикой.

Существуют различные подходы к измерению темпа речи при заикании.

Многие специалисты используют аппаратно-инструментальные методы регистрации темпа, например подсчитывая число слогов в единицу времени [И. А. Поварова (2005)]. При исчислении темпа отдельные авторы учитывают длительность только слитно произнесенных отрезков речи [М. П. Дешевицын (1972); A. Packman (1996)]. В этом случае полученные значения темпа характеризуют среднюю скорость артикуляции только на участках плавной речи. Другие авторы [С. М. Гайдучик (1968)] считают необходимым учитывать весь речевой процесс, включая паузы, запинки, повторы отдельных слов и фраз.

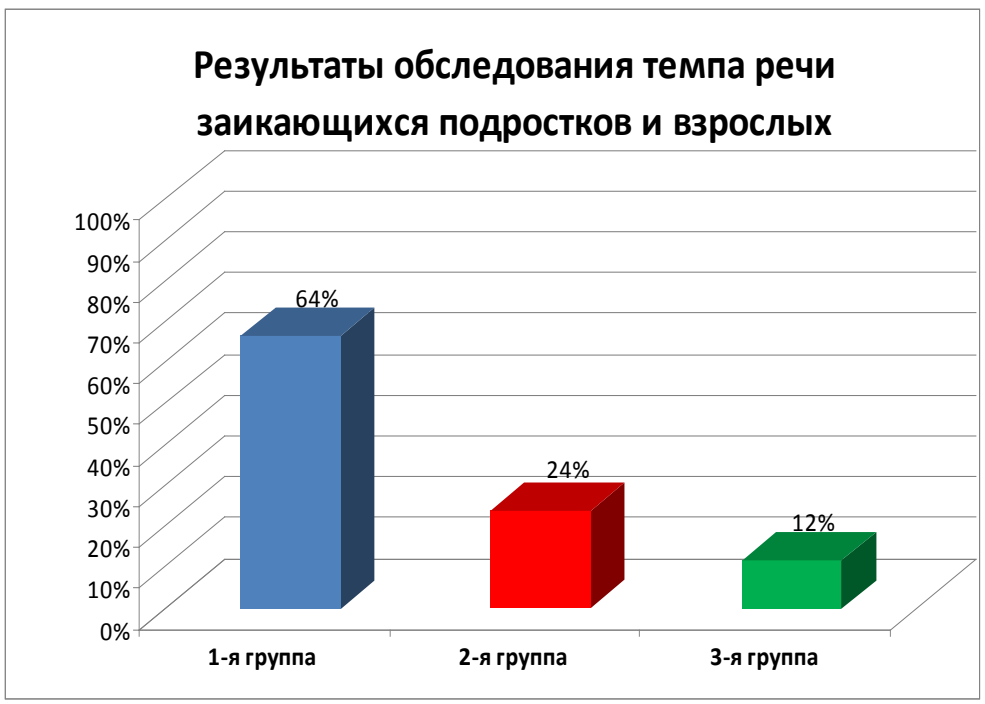
Помимо количественного анализа показателей темпа речи заслуживает внимание и качественный анализ полученных результатов, который отражает взаимосвязь данной речевой характеристики с другими сторонами психической деятельности. Так, в исследованиях И. И. Пружан (1976), Т. И. Гультяевой (1983), М. И. Лохова (2000) прослеживается связь между темпом речи заикающихся и видом речевой судорожности с указанием на его замедление. Н. А. Власова и К.-П. Беккер (1983) указывают на связь нарушения темпа речи и дыхания. Л. Я. Миссуловин (2002) отмечает зависимость темпа речи от общей моторики. Уже Р. Е. Левина (1969), а вслед за ней и другие исследователи указывают на связь темпо-ритмических нарушений речи с эмоциональным состоянием заикающегося. Однако эти данные представляются обрывочными и недостаточно структурированными, отчасти ввиду отсутствия в отечественной логопедии стандартизированной методики оценки темпа речи заикающихся подростков и взрослых. Такая методика предложена за рубежом T. J. Peters и B. Guitar (1978). Ее адаптированная версия использовалась в настоящем исследовании, **целью** которого стало изучение особенностей темпа речи заикающихся подростков и взрослых в связи с характером проявления речевой судорожности обследуемых.

Исследование проводилось с 2002 по 2010 год на кафедре логопедии Московского государственного педагогического университета. В нем принимали участие 58 заикающихся подростков и взрослых, из них 43 мужчины и 15 женщин в возрасте от 11 до 39 лет. Все обследуемые обращались на кафедру логопедии в разное время и проходили курсы обучения по комплексной психолого-педагогической методике (системе логопсихокоррекции Ю. Б. Некрасовой) под руководством Е. Ю. Рау. Исследование было организовано в рамках констатирующего эксперимента в подготовительный (диагностический) период курса логопсихокоррекции и входило в структуру традиционного логопедического обследования.

Методика обследования темпа речи, предложенная T. J. Peters и B. Guitar [1], предполагала проведение анализа аудиозаписи *монологической речи и чтения* заикающегося подростка или взрослого в течение пяти минут. При подсчете количества слов в минуту учитывались паузы не более 2 секунд. Адаптация указанной методики состояла в замене показателей темпа речи в норме с учетом особенностей русского языка. Однако мы столкнулись с рядом сложностей, изучая данные о нормальном темпе речи человека без речевой патологии. Выяснилось, что стандартов темпа чтения и монолога для взрослых людей не существует. Стоит отметить, что за счет навязываемой средствами массмедиа тенденции к скороговорению, а также существующих государственных нормативов техники чтения ускоренная речь начинает восприниматься как норма. Считается, что взрослый человек говорит со скоростью 120–150 слов в минуту, что является оптимальным для восприятия

информации [2]. Но мы разделяем мнение М. М. Безруких [3] о том, что темп такой речи можно обозначить как убыстренный. Таким образом, в качестве нормального темпа речи в данном исследовании рассматривался темп 100–120 слов в минуту. Темп речи в пределах указанных значений считается нормальным, темп речи более данных значений – ускоренным, менее указанных значений – замедленным. Данные обследования каждого заносились в специальную таблицу и анализировались относительно нормативных данных. Помимо темпа речи обследуемых, был проведен анализ речевого статуса на том же речевом материале (чтение и монолог). При оценке данных **речевого статуса** мы учитывали: *тип речевых судорог* (клонический, тонический, смешанный) и *степень выраженности* речевых судорог (количество запинок), *степень логофобии* (генерализованная, избирательно-ситуационная, невыраженная). Степень выраженности речевых судорог оценивалась нами как легкая (наличие не более одной запинки в предложении), средняя (наличие двух-трех запинок в каждом предложении) и тяжелая (наличие запинок почти в каждом слове, вплоть до невозможности говорить вообще). Все вышеперечисленное позволяло сделать вывод о степени тяжести заикания в целом. Результаты обследования темпа речи представлены на диаграмме 1.

Диаграмма 1



Как видно на диаграмме, заикающиеся подростки и взрослые были распределены на три группы в зависимости от темпа их речи. Заметим, что темп речи при чтении текста и произнесении монолога варьировался незначительно и позволял однозначно отнести обследуемого к той или иной группе. Первую группу образовали 37 заикающихся (64 %), темп речи которых в обоих видах речевой деятельности был определен как замедленный. Вторую группу составили 14 (24 %) заикающихся подростков и взрослых с нормальным темпом речи, а третью – 7 человек (12 %) с убыстренным темпом.

Значительное влияние на темп речи оказывала степень выраженности речевой судорожности, что подтвердили данные корреляционного анализа. Корреляционный анализ, выполненный с помощью коэффициента корреляции Спирмена, показал умеренную обратно пропорциональную зависимость ($|r| > r_{критич}$), что отражено в таблице 1.

Таблица 1

Зависимость темпа речи от степени выраженности речевой судорожности

Значение *r* при исследовании связи между степенью тяжести заикания и темпом речи	**Критическое значение $r_{кривич}$**
-0,389	0,259

Полученные данные позволили утверждать, что чем более выражено заикание, тем более замедлен темп речи обследуемых. Так, практически у всех обследуемых с замедленным темпом речи наблюдалась тяжелая степень выраженности речевой судорожности с преобладанием клонических и тоно-клонических речевых судорог смешанной локализации (дыхательно-артикуляционные с преобладанием экспираторных, артикуляционно-голосовые с преобладанием язычно-губных и наличием выраженного гортанного спазма, голосо-артикуляционные с преобладанием вокальных). Степень выраженности речевой судорожности заикающихся с нормальным и убыстренным темпом речи можно было охарактеризовать как среднюю и легкую.

Помимо формальной констатации скорости речи, нами был проведен качественный анализ данной речевой характеристики. Интересным представляется разделение обследуемого контингента на основе динамики изменения темпа речи, на что не влияла степень выраженности речевой судорожности. Так, у 17 заикающихся (29 % обследуемых) темп речи был в целом ровным, т. е. не изменялся, даже на фоне судорожных запинок. У большего же количества обследуемых – 41 человек (71 %) – темп речи мог бы быть охарактеризован как сбивчивый, неровный, постоянно меняющийся, что затрудняло восприятие речи на слух. Неразборчивость речи проявлялась за счет попыток вместить как можно больше слов в краткий отрезок бессудорожной речи, который прерывался эмболами, нефонологическими вокальными

образованиями, ложными началами, семантически нерелевантными повторами. Именно для таких заикающихся было характерно своеобразие паузации [5], а именно: меньшее количество пауз хезитации, чем в норме, локализация пауз перед словом и внутри слова, их отсутствие на границах предложений. Продолжительность пауз также не соответствовала норме: паузы были чрезмерно короткими (0,1–0,3 секунды) либо излишне длительными (от 1 секунды). Количество длительных пауз в монологическом высказывании по сравнению с чтением было либо больше, либо таким же. Таким образом, для речи заикающихся характерно общее сокращение числа и продолжительности «логичных» пауз, требующихся для планирования речевого высказывания, а также тех, которые маркируют окончание одной фразы и переход к другой. Однако число и продолжительность «нелогичных» пауз резко возрастает.

В чем же причина особенностей паузации заикающихся подростков и взрослых? На наш взгляд, причина кроется как в наличии самих судорожных запинок, так и в их антиципации, т. е. предвосхищении, что объясняет и механизм логофобии. Как правило, заикание появляется в детстве, и к периоду достижения подросткового возраста заикающиеся уже заранее знают, в какой момент речи может возникнуть запинка. Здесь срабатывают стереотипы речевого поведения: принять решение говорить и заикаться, говорить с попыткой уйти от запинок с помощью речевой редакции и употребления речевых эмбол либо отказаться от речевого общения. В первом случае появляется неадекватная паузация, обусловленная судорожными речевыми проявлениями, а во втором возникают паузы для обдумывания, каким образом избежать запинки. Частота пауз такого рода напрямую зависит от степени выраженности логофобии. Именно тогда и появляются некоторые особенности механизма порождения речевого высказывания [6], которые мы попытаемся описать.

У заикающихся механизм порождения речевого высказывания представляет собой более сложный процесс, чем у человека без данной речевой патологии. Его упрощенная структура представлена на схеме 1.

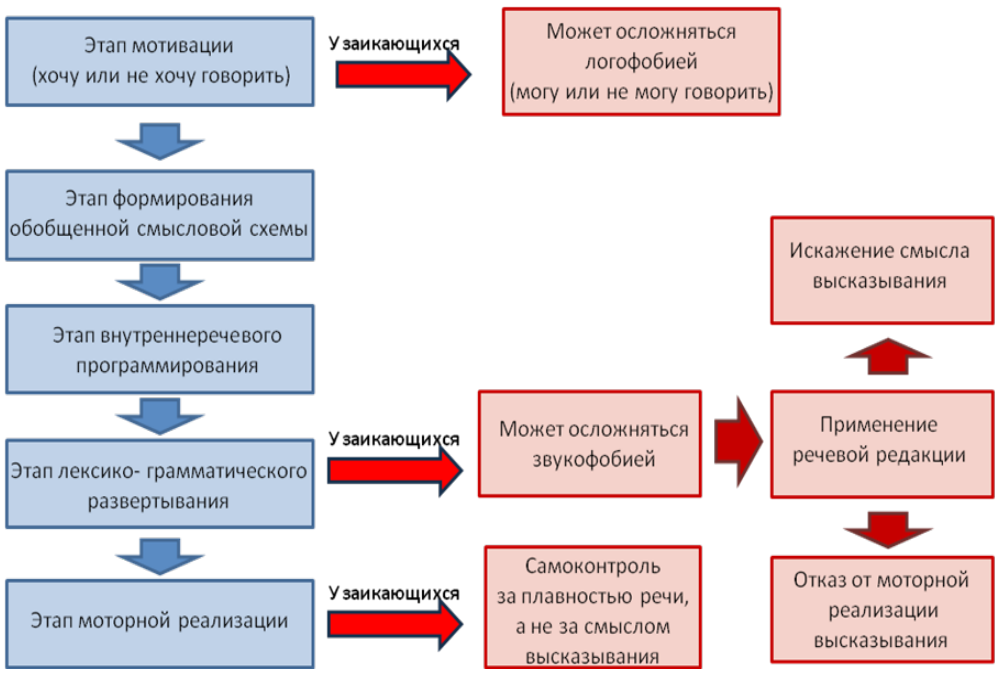


Схема 1. Модель механизма порождения речевого высказывания заикающихся подростков и взрослых

На *этапе мотивации* заикающийся оценивает не только то, стоит ли высказаться вообще, но и то, сможет ли он это сделать с минимумом запинок или вообще без них. Заикающийся анализирует имеющийся опыт речи в проблемных речевых ситуациях, когда значимое общение однозначно приводило к усилению речевой судорожности и принимает решение, вступать ли в общение. *Этапы формирования обобщенной смысловой схемы высказывания и внутреннеречевого программирования* не отличаются от таковых в норме. *Этап лексико-грамматического развертывания высказывания* может претерпевать изменения в процессе операции подбора лексических средств, на что оказывает влияние звукофобия. Заикающиеся анализируют, словно «ощупывают» звуковое наполнение каждого слова в плане возможности бессудорожного произнесения последнего. В том случае, если запинка возможна (т. е. данное слово в прошлом произносилось неплавно), то происходит подбор синонима. Если такой подбор невозможен, заикающийся осуществляет пересмотр программы высказывания с целью подбора максимально большого количества лексических средств с минимальным риском появления при их произнесении судорожных запинок. Таким образом осуществляется речевая редакция высказывания. При этом может страдать его смысл, оно может обедняться. Если заикающийся понимает, что без запинки произнести данное слово не удастся, то может последовать отказ от продолжения мысли, ее «повисание» в воздухе, что создает необоснованные паузы. Грамматическое структурирование, как правило,

не осложнено дополнительным анализом возможности его реализации, но ввиду сложности удержания внимания на процессе подбора слов могут наблюдаться грамматические ошибки, которые заикающимися не осознаются. *Этап моторной реализации высказывания* осложняется судорожными запинками, все внимание говорящего сосредоточено не на том, насколько точно реализуется речевой замысел, а на том, сколько появляется запинок.

Следовательно, наличие речевой судорожности приводит к искажению процесса внутреннего программирования, снижению контроля над качеством речевой продукции, дезорганизации моторного звена речи, что вызывает поиск новых путей планирования экспрессивной речи.

Таким образом, по нашему мнению, существует два показателя, степень выраженности которых может определять особенности темпа речи заикающихся подростков и взрослых: это **характер и степень выраженности речевой судорожности**, проявляющейся в различных отделах периферического речевого аппарата, а также **особенности некоторых этапов механизма порождения речевого высказывания**. Оба показателя приводят к прерыванию звучащей речи и появлению пауз в тех местах, где такого прерывания в норме не встречается, к «застреванию» на каком-либо звуке или слоге либо к внезапному изменению темпа речи, не обусловленному замыслом высказывания.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Gregory H., Hill D. & Campbell J. Stuttering Therapy Manual: Workshop for Specialists. Evanston, Ill.: Northwestern University, 1996.

2. Бородина В. А., Бородин С. М. Учим читать. Ленинград, 1985.

3. Безруких М. М. Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка / под ред. М. М. Безруких, Д. А. Фарбер. М. – Воронеж: МОДЭК, 2009.

4. Gregory H., Hill D. & Campbell J. Op. cit.

5. Белякова Л. И., Дьякова Е. А. Сравнительный анализ рече-языковых параметров у лиц с нормальной речью и заикающихся // Психолингвистика и современная логопедия. М.: Экономика, 1997. С. 156–169.

6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Академия, 2008.

УДК 159.9:37

ФОРМИРОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ КАК ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

С. С. Арзуманян

SELF-CONCEPT FORMATION AS A PROBLEM OF EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

S. S. Arzumanyan

В статье рассматривается проблема формирования я-концепции, являющаяся основой мотивации студентов; приводятся определения я-концепции разных исследователей, выделяются ее функционально-ролевые аспекты; описывается я-концепция с выделением когнитивных, эмоциональных и поведенческих составляющих. Автор отмечает, что формирование я-концепции напрямую зависит от уровня развития самосознания, которое в свою очередь начинает приобретать качественно-специфический характер в студенческом возрасте.

The main subject of the article is the problem of self-concept formation as basis of students' motivation. There are some definitions of self-concept, given by different authors; also the author puts emphasis on functional and role aspects of self-concept. Self-concept is described with setting of cognitive, emotional and behavioral components. The author notes that self-concept formation depends on level of the consciousness development which starts to acquire specific character during student age.

Ключевые слова:
я-концепция, составляющие я-концепции, образовательный процесс, самооценка, самосознание, позитивная я-концепция, профессиональное самосознание.

Keywords:
self-concept, self-concept components, educational process, self-conception, self-consciousness, positive self-concept, professional consciousness.

Эффективность образовательного процесса во многом определяется мотивацией студентов, основой, в формировании которой важную роль играет я-концепция [1]. Я-концепция как обобщенное представление о самом себе, система установок относительно собственной личности представляет собой ее ядро.

Преобразования в российском обществе привели к глубоким изменениям в системе образования. Вследствие этого возникли противоречия между потребностью в формировании я-концепции студентов как будущих специалистов и новыми требованиями, предъявляемыми обществом к специалисту [2].

До настоящего времени проблема формирования я-концепции остается в недостаточной степени изученной. Традиционная система обучения и воспитания обеспечивает присвоение узкого круга знаний, духовных ориентиров и нравственных норм, соответствующих существующим требованиям общества [3]. Однако с

развитием общества средства и способы организации деятельности становятся непродуктивными и требуют изменений. Решение этой проблемы во многом зависит от преподавателя, деятельность которого направлена не только на организацию учебного процесса, обеспечивающего получение студентами теоретических знаний, но и на формирование успешной и творческой личности.

Формирование я-концепции студентов в образовательном процессе обеспечивает возможность и создает условия профессионального становления специалиста. Так, процесс профессионального становления студентов обусловлен несколькими факторами. К ним относятся, во-первых, функции воспитательно-образовательной системы высшей педагогической школы, состоящей в развитии целостной личности специалиста: духовном, интеллектуальном, физическом, социальном, профессиональном, развитии индивидуальности студентов. Во-вторых, задачи подготовки личности, способной актуализировать собственный потенциал, компетентной, умеющей связывать свои действия с ожидаемыми результатами, обнаруживая проблемы, совершенствовать профессиональное мастерство. В-третьих, необходимость развития профессиональных качеств, отвечающих меняющимся требованиям социальной среды (осознание «я» и значимости «я» в собственной жизни и судьбе, способность адекватно оценивать сложившиеся профессиональные и жизненные события и, исходя из этой оценки, строить перспективы и принимать решения в планируемой деятельности, взяв личную ответственность за принятые действия и решения). В процессе учебной деятельности меняются представления студентов не только о мире профессиональном, но и о мире собственного «я», что в свою очередь находит отражение в содержании соответствующих образов «я» [4].

Сам процесс обучения, формирует я-концепцию как систему понимания форм существования «я». Я-концепция в этот период определяет актуальное самоотношение субъекта познания и деятельности, оказывает влияние на формирование жизненной стратегии, планирование профессиональной жизни, выработку профессиональных и социальных притязаний. Студенческие годы характеризуются как время, когда формированию я-концепции личности сопутствует формирование таких необходимых качеств, как социальная ответственность и независимость в выборе путей развития, что в свою очередь сопряжено с профессиональным становлением и профессиональной идентификацией [5].

Вместе с этим в настоящее время недостаточно изученной остается проблема формирования я-концепции в процессе профессионального становления студентов.

В современной педагогической и психологической литературе нет однозначного определения я-концепции. Первым из психологов, кто начал разрабатывать проблематику я-концепции, был У. Джеймс. Феномены этого понятия были им предоставлены в виде иерархической структуры, где на вершине располагается глобальная я-концепция, включающая все грани индивидуального самосознания [6]. Автор выделил в нем два компонента: первый представляет собой чистый опыт, «я» как объект деятельности («Я-сознающее»), второй – содержание этого опыта, феноменальное, рефлексивное «я» («Я как объект»). Однако как независимые друг от друга эти два аспекта «я» выделяются только условно. Две стороны целостности всегда существуют одновременно, т. к. обе подвержены взаимовлиянию и практически неотделимы друг от друга [7].

У. Джеймс выделяет «Я как объект» – все то, что может назвать своим человек.

Автор определяет три модальности личности, к которым относится физическая, социальная и духовная личность. Как полагал У. Джеймс, такое комплексное образование приводит к формированию «Я-сознающего». В широком смысле слово «„личность" следует понимать, прежде всего, подразделив ее анализ на три основных части по отношению к ее составным элементам, чувствам, эмоциям, вызванным ими (самооценка) и вызываемым ими поступков (забота о самосохранение и самом себе)». У. Джеймс, определив парадигму исследования я-концепции, впервые заложил основы рассмотрения ее как целостной установки [8].

В литературе, посвященной я-концепции, также можно найти два ее развернутых определения. Первое определение принадлежит К. Роджерсу (1951). Он утверждает, что я-концепция складывается из представлений о собственных характеристиках и способностях индивида, представлений о возможностях его взаимодействия с другими людьми и с окружающим миром, ценностных представлений, связанных с объектами и действиями, и представлений о целях или идеях, которые могут иметь позитивную или негативную направленность [9]. Таким образом, это сложная структурированная картина, существующая в сознании индивида как самостоятельная фигура или фон, включающая как собственно «я», так и отношения, в которые оно может вступать, а также позитивные и негативные ценности, связанные с воспринимаемыми качествами и отношениями «я» – в прошлом, настоящем и будущем.

Во втором определении, принадлежащем Дж. Стейнсу (1954), я-концепция формулируется как существующая в сознании индивида система представлений, образов и оценок, относящихся к самому индивиду. Она включает оценочные представления, возникающие в результате реакций индивида на самого себя, а также представления о том, как он выглядит в глазах других людей; на основе последних формируются и представления о том, каким он хотел бы быть и как он должен себя вести [9].

К. Роджерс выдвинул точку зрения о том, что каждого человека надо изучать как единое, уникальное, организованное целое. Он подчеркивал, что поведение человека можно понять, только если обращаться к целостному человеку. Человека нельзя свести к составляющим его личности.

К. Роджерс отмечал, что я-концепция исходит из общих законов и принципов восприятия. Это означает, что структура «я» действует в терминах таких процессов восприятия, как фигура-фон, завершение и сходство. К. Роджерс полагал, что я-концепция пространственна по природе, и считал, что она представляет собой организованную, логически последовательную и интегративную систему восприятия «я». При условии что «я» постоянно меняется в результате нового опыта, всегда сохраняется качество целостности системы, гештальта, что говорит о наличии в структуре я-концепции стержневого компонента, который служит основой для формирования основных черт человеческой личности [10].

Рассматривая я-концепцию, К. Роджерс выделяет четыре параметра «я»: реальное представление о себе; представление о социальной роли; представление о физических состояниях; представление о своих целях, планах и желаниях на будущее.

Согласно К. Роджерсу, я-концепция возникает на основе взаимодействия с окружающей средой. Именно я-концепция, а не некое реальное «я» имеет определенное значение для личности и ее поведения. Я-концепция выступает как

наиболее важная детерминанта ответных реакций на окружение индивида, ей предопределяется восприятие значений, приписываемых этому окружению [11].

Вместе с я-концепцией развивается потребность в позитивном отношении со стороны окружающих, независимо от того, является ли данная потребность приобретенной или врожденной. В соответствии со взглядами К. Роджерса потребность в позитивном отношении к себе, или потребность в самоуважении, также развивается на основе интернализации позитивного отношения к себе со стороны других. Поскольку позитивное отношение к себе зависит от оценок других, может возникнуть разрыв между реальным опытом индивида и его потребностью в позитивном отношении к себе [12].

С момента своего зарождения я-концепция становится активным началом, выступающим в трех функционально-ролевых аспектах:

1. Я-концепция как средство обеспечения внутренней согласованности. Представления, чувства или идеи, вступающие в противоречие с другими представлениями, чувствами или идеями человека, приводят к дегармонизации личности, к ситуации психологического дискомфорта. Испытывая потребность в достижении внутренней гармонии, человек готов предпринимать различные действия, которые способствовали бы восстановлению утраченного равновесия. Представления о самом себе выступают существенным фактором восстановления внутренней согласованности.

2. Я-концепция как интерпретация опыта. Эта функция я-концепции в поведении заключается в том, что она определяет характер индивидуальной интерпретации опыта, т. к. у человека существует устойчивая тенденция строить на основе собственных представлений о себе не только свое поведение, но и интерпретацию своего опыта.

3. Я-концепция как совокупность ожиданий. Я-концепция определяет ожидания человека, то есть его представления о том, что должно произойти. Свойственные каждому человеку, ожидания во многом определяют характер его действий [13].

Наиболее полно проблему формирования я-концепции изучил Р. Бернс, определяя понятие «я-концепция» как совокупность всех представлений человека о самом себе, сопряженную с их оценкой. Это, по его мнению, следует из выделения описательной и оценочной составляющих. Он пишет, что я-концепция определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем [14].

Исходя из определения, данного Р. Бернсом, в я-концепции выделяются описательная и оценочная составляющие, что позволяет рассматривать я-концепцию как совокупность установок, направленных на себя. В большинстве определений установки подчеркиваются три главных элемента [15]:

1. Убеждение, которое может быть обусловленным и необусловленным. Когнитивная составляющая установки (образ «я») – познание себя, своих различных качеств – приводит к формированию этого компонента я-концепции. Представления индивида о самом себе, как правило, кажутся ему убедительными независимо от того, основываются ли они на объективном знании или субъективном мнении, являются ли истинными или ложными.

Формирование образа своего «я» в результате самопознания в этом возрасте

зависит не только от общения с непосредственным окружением, но и от контактов с более широкой социальной средой. Но наиболее важно общение со значимыми лицами, в процессе которого юноши и девушки получают прямую информацию о себе в оценочных терминах.

2. Эмоциональное отношение к данному убеждению. Эмоционально-оценочная составляющая (самооценка) – аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа «я» могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением.

Человек усваивает оценочный смысл различных характеристик, присутствующих в я-концепции. При этом усвоение новых оценок может изменять и значение усвоенных прежде [16].

Самооценка проявляется в сознательных суждениях индивида, в которых люди пытаются сформулировать свою значимость. Однако она скрыто или явно присутствует в любом самоописании.

Важную роль в формировании самооценки играет сопоставление образа реального «я» с образом идеального «я», то есть с представлением о том, каким человек хотел бы быть. Высокая степень совпадения реального «я» с идеальным является важным показателем психического здоровья [17].

В студенческом возрасте содержательный аспект самооценки углубляется и переориентируется с учебной деятельности на взаимоотношения со сверстниками и на свои физические качества [18].

В связи с увеличением критичности по отношению к себе самооценка становится более адекватной: появляется способность констатировать свои как положительные, так и отрицательные качества.

В самооценке становятся более выраженными моральные качества, способности и воля. Происходит дальнейшая эмансипация самооценки от внешних оценок, но оценка значимых других оказывает огромное влияние на характер самооценки. Влияние родителей на самооценку снижается, и повышается влияние однокурсников как референтной группы. Самооценка оказывает влияние на успешность учебной деятельности и социально-психологический статус в коллективе, регулирует процесс общения [19].

3. Соответствующая реакция, которая, в частности, может выражаться в поведении. Поведенческая составляющая или потенциальная поведенческая реакция, то есть те конкретные действия, которые могут быть вызваны образом «я» и самооценкой.

Все три составляющие, по мнению Р. Бернса, постоянно пребывают в сознании человека. Степень сформированности я-концепции влияет на качество содержания и уровень построения отношения субъекта с социумом. На протяжении жизни человеку приходится вступать в многообразные ситуации, делать самостоятельный выбор, принимать решения, переоценивать свои ценности. Процесс формирования я-концепции включает в себя развитие представлений о себе как об особой, разнящейся с другими личности. В свою очередь чувство собственного «я» во многом зависит не только от самовосприятия личности, но и от восприятий окружающих ее людей, а также от степени совпадения самооценки и внешних оценок индивида. Поиски собственного «я» делаются особенно напряженными в период юности. Именно в

этот момент происходят бурные процессы, связанные с изменениями психологии, физиологии, полового созревания, меняется процесс познания, возникают новые потребности интеллектуального и общественного характера [20].

Формирование я-концепции напрямую зависит от уровня развития самосознания – осознанного отношения к собственным потребностям, включающего адекватную оценку своих возможностей и способностей, позволяющих корректировать жизненные сценарии. Отсюда адекватное представление о себе является условием успеха в различных видах деятельности и служит средством поддержания отношений с обществом. Самосознание начинает приобретать качественно специфический характер, т. к. оно связано с необходимостью оценивать качества своей личности с учетом конкретных жизненных устремлений, в связи с решением задачи профессионального становления [21].

В свою очередь формирование профессионального самосознания в процессе профессионального становления, по мере роста профессионализма студентов и успешности их профессиональной адаптации, будет зависеть от того, насколько адекватно будет сформирована я-концепция.

Очевидно, формирование позитивной я-концепции становится одной из важнейших задач в образовательной деятельности в области мотивации, стимулирования к процессу овладения профессией и впоследствии профессионального становления студентов.

Таким образом, я-концепция, которая испытывает сильнейшее влияние социальной среды и формирование которой обусловлено факторами внутреннего и внешнего порядка, является одним из главных факторов саморазвития личности будущего специалиста.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Волкова А. А. Психология и педагогика. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 256 с.
2. Волкова А. А., Димитрова Л. В. Психология и педагогика для студентов вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 249 с.
3. Громкова М. Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М.: ЮНИТИ, 2003. 415 с.
4. Гуревич П. С. Психология и педагогика. М.: ЮНИТИ, 2005. 320 с.
5. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 480 с.
6. Джеймс У. Личность // Психология самосознания: хрестом. Самара, 2000. 12 с.
7. Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Наука, 1974. С. 279–287.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. 426 с.
9. Там же.
10. Бернс Р. Что такое я-концепция // Психология самосознания: хрестом. / ред. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 331–390.
11. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Е. И. Исениной. М.: Прогресс, Универс, 1994. 106 с.
12. Роджерс К. Р. Клиентоцентрированная психотерапия. М., 1993. 93 с.
13. Роджерс К., Маслоу А., Мэй Р., Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциальная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2007. 224 с.

14. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов н/Д, 2000. 672 с.
15. Бернс Р. Развитие я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 420 с.
16. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. 301 с.
17. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989. 89 с.
18. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 181 с.
19. Алексеев В. А. Самосознание и мотивация деятельности на рубеже подросткового и старшего школьного возраста. М., 1984. С. 101–104.
20. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1984. 101 с.
21. Прихожан А. М. К анализу генезиса самосознания в подростковом и раннем юношеском возрасте // Воспитание, обучение и психическое развитие. М., 1984. С. 72–80.
22. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 281 с.

УДК 159.923.3

ОБЩЕНИЕ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ КАК ОСОБЫЙ ВИД КОММУНИКАЦИИ

Ю. М. Баранова

DIALOGUE OF TEENAGERS IN ONLINE SOCIAL NETWORKS AS A SPECIAL TYPE OF COMMUNICATION

Yu. M. Baranova

В статье представлены результаты экспериментального исследования интенсивности общения подростков в социальных интернет-сетях и рассмотрена специфика данного вида общения.

The article shows the results of the experimental investigation devoted to the research of the intense of teenagers' communication in online social networks and describes the nature of such kind of communication.

Ключевые слова:
общение, социальные интернет-сети, подростки, интернет-коммуникация.

Keywords:
communication, online social networks, teenagers, Internet-communication.

В настоящее время в обществе наметились две противоположные тенденции. С одной стороны, высокий уровень стрессогенности социальной, экономической, политической ситуации в мире требует от человека укрепления системы его межличностных отношений, особенно близкого окружения, способного выполнять функцию преодоления стресса. С другой – интенсивное развитие информационных

технологий способствует все более широкому применению их для опосредования повседневного общения между владельцами персональных компьютеров.

Значительная часть социальной активности современных людей реализуется в рамках взаимодействия в интернет-сообществах и, прежде всего, социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир», «Facebook». Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, что доля пользователей Интернета в России к началу 2012 года достигла уже 55 % (полгода назад – 49 %), причем наиболее стремительно растет доля именно ежедневных пользователей Сети (с 30 до 36 %). В социальных сетях сегодня зарегистрированы 82 % пользователей Интернета (еще в 2010 году этот показатель составлял 52 %). Типичный пользователь социальных медиа – это человек в возрасте 18–24 лет (96 %), обеспеченный (87 %), проживающий в Москве и Санкт-Петербурге (94 %) [1].

Основные психологические исследования по данной проблеме направлены на изучение таких видов коммуникации, как чаты и форумы (И. С. Шевченко, 2002; И. В. Романов, 2005; Т. А. Наумова, 2007; И. В. Андреев, 2008; Г. С. Чичкова, 2008; А. А. Мелешников, 2010; А. В. Кузнецова, 2011), а также анализ феномена интернет-аддикции (Ф. А. Саглам, 2009; Н. И. Дрепа, 2010; А. В. Гришина, 2011).

Психологические аспекты общения в социальных сетях изучены сегодня пока недостаточно. Социальные сети обладают существенным отличием от других видов коммуникации в сети Интернет, они подразумевают общение с людьми, с которыми уже установлены отношения в реальной жизни, и предоставляют возможность создания своей реальной личности, размещения подлинной информации о себе [2].

Особенно актуальной является эта проблема для подросткового возраста, в котором интимно-личностное общение выступает в качестве ведущей деятельности, доминирующей на данном этапе развития (Д. Б. Эльконин). Исследователи отмечают, что чувство одиночества, присущее данному возрасту, порождает потребность в общении, группировании со сверстниками и дружеской поддержке (И. С. Кон, О. Б. Крушельницкая, П. Массен).

А. Г. Грецов, исследуя современные представления о дружбе у подростков, сделал вывод, что сегодня дружба видоизменяется главным образом не с позиции целей, а с позиции средств общения и способов структурирования времени. Сейчас в дружеских отношениях возрастает доля общения, опосредованного современными техническими средствами (электронная почта, интернет-сообщества, сотовый телефон и т. д.). Однако цели дружбы остаются прежними: эмоциональная поддержка, взаимопонимание, взаимная помощь [3].

Общение в социальных сетях может иметь положительное влияние на ребенка. Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский и О. В. Смыслова выделяют следующие позитивные стороны коммуникации в социальных интернет-сетях:

- расширяется психологический опыт;
- развивается социальная компетентность;
- реализуются такие существенные потребности, как желание, с одной стороны, выделиться из толпы, быть замеченным и узнаваемым, а с другой стороны, присоединиться к референтной группе (идиокультуре), спрятаться и раствориться в ней, разделив групповые ценности и почувствовав себя защищенным;
- возникают неограниченные возможности самопрезентации;
- появляется возможность экспериментирования с собственной

идентичностью и проигрывания разных ролей, что может рассматриваться как своеобразный психологический тренинг;

- возникают перспективы преодоления коммуникативного дефицита и расширения круга общения, повышения информированности в обсуждаемых вопросах, обмен ситуативными эмоциональными состояниями и настроениями [4].

Но, с другой стороны, общение в социальных сетях может угрожать психологической безопасности детей и подростков. Исследователи выделяют следующие негативные факторы общения в социальных сетях:

1. Интернет-аддикция (К. Янг, М. Орзак, М. Гриффитс, Р. Дэвис, В. Б. Бурова, А. Жичкина, М. И. Дрепа, А. Ю. Егоров, Н. А. Кузнецова, Е. А. Петрова, И. В. Чудова), или синдром интернет-зависимости (Internet Addiction Disorder – IAD), впервые определенный в 1996 году нью-йоркским психиатром Иваном Голдбергом.

Интернет-зависимость может быть рассмотрена как разновидность технологических зависимостей, формирующаяся на базе различных форм использования Интернета в соответствии с динамикой, свойственной аддиктивному процессу, за счет смещения целей аддиктивно предрасположенной личности в виртуальную реальность для восполнения недостающих сфер жизни путем конструирования в виртуальной реальности новой личности и замещения реальной жизнедеятельности виртуальной [5].

На поведенческом уровне интернет-зависимость определяется как навязчивое желание выйти в Интернет, находясь off-line, и неспособность выйти из Интернета, будучи on-line [6]. Статистика показывает, что 91 % интернет-зависимых используют ресурсы, связанные с общением, остальная часть пользуется информационными сервисами.

2. Кибербуллинг – оскорбления, агрессивные нападки, преследования в Сети.

Под буллингом обычно понимается неоднократное умышленное агрессивное поведение, как физическое, так и вербальное, направленное против кого-то, кто по каким-либо причинам считается слабее, с целью унижения его достоинства. Это поведение всегда присутствует в подростковой среде.

Исследование «Дети России онлайн», осуществленноее сотрудниками Фонда развития Интернет, факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова и Федерального института развития образования Минобрнауки России, показывает, что в среднем 23 % детей, которые пользуются Интернетом, являются жертвой буллинга онлайн или офлайн. В Санкт-Петербурге эта цифра достигает 35 %.

Следует констатировать, что основной площадкой кибербуллинга являются социальные сети. В них нередки случаи оскорбления человека в сообщениях, размещения унизительного контента через взламывание страницы жертвы или создания поддельной на ее имя. Особенно тяжело переживают кибербуллинг 9–10-летние пользователи: 52 % детей данного возраста, сталкивавшиеся с буллингом, в первую очередь девочки, указали, что были этим сильно или очень сильно расстроены. Кроме того, нередко и сами школьники выступают агрессорами. В России 25 % детей признались, что за последний год обижали или оскорбляли других людей в реальной жизни или в Интернете. Обращает на себя внимание тот факт, что в России субъектов буллинга в два раза больше, чем в среднем по европейским странам [7].

3. «Опасные» материалы – порнография, видеоролики, изображения и тексты

сексуального, экстремистского характера, призывы к насилию.

Под определение проблематичного или «опасного» контента подпадают разнообразные материалы, но большинство исследователей фокусируются на тех, которые содержат сцены насилия (фильмы, музыка, изображения) и порнографию. В этой связи упоминаются агрессивные высказывания, комментарии, выражения ненависти, детская порнография, а также контент, который может быть определен как оскорбительный.

Ю. О. Годик отмечает, что «опасный» контент является причиной следующих проблем:

1) дети невольно сталкиваются с подобными материалами во время вполне «безобидных» сессий в Интернете;

2) юные пользователи часто вполне компетентны для того, чтобы найти и получить доступ к запрещенному (родителями или законом) контенту;

3) произвольный или непроизвольный просмотр подобных материалов негативно сказывается на детской психике, поведении [8].

4. Виртуализация реальности – взаимодействие в сети Интернет привело к появлению множества «виртуальных миров», субъектами которых являются реальные и виртуальные личности, группы и общности (В. Л. Силаева).

Реальные личности – это пользователи, которые выходят в Интернет под своим именем и сетевая активность которых коррелирует с реальной жизнью. Причиной выхода в Интернет в качестве реальной личности может быть социальная ригидность, самодостаточность. Виртуальные личности именуются псевдонимами, а их биография в Интернете является вымышленной. Интенцией к созданию виртуальной личности может служить неудовлетворенность реальной жизнью, пресыщенность таковой, желание получить новые ощущения, потребность в конструировании иной – символической – реальности для творческого самовыражения [9].

Также исследователи выделяют такие угрозы, как недостоверная и навязчивая информация, нарушение прав человека, проблема изоляции и утраты «Я», проблема в формировании идентичности, вред физическому здоровью, девальвация нравственности, снижение культурного уровня, вытеснение и ограничение традиционных форм общения, негативные социальные влияния [10].

Таким образом, перечень интернет-угроз достаточно обширен. При столкновении с какой-либо неприятной ситуацией при использовании Интернета дети часто не знают, как поступить и куда обратиться за поддержкой, а родители и педагоги не всегда в состоянии помочь им справиться с возникшей проблемой, т. к. недостаточно знакомы с современными технологиями или сами чувствуют себя растерянными и беспомощными.

В плане нашего исследования интерес представляют экспериментальные материалы, отражающие интенсивность общения подростков в социальных интернет-сетях. Респондентам (подросткам 16–17 лет) предлагалось указать частоту и длительность посещения социальных сетей, предпочтительность выполнения тех или иных действий при посещении сети, особенности пополнения списка «друзей», открытость персональной страницы в социальной сети.

По результатам опроса были получены следующие данные:

1. Большинство респондентов пользуются Интернетом или пользовались ранее, среди них: 92,3 % подростков зарегистрированы в каких-либо социальных

сетях (все зарегистрированы в сети «ВКонтакте»; 66,7 % – еще в сети «Мой мир», следующими по популярности социальными сетями являются «Одноклассники», «В кругу друзей» и «Facebook» – 13,9 %).

2. Более 45 % респондентов зарегистрированы в социальных сетях более трех лет.

3. Значительное количество респондентов отмечают, что достаточно интенсивно общаются в социальных сетях и выходят на свою страницу не менее 2 раз в день. Треть респондентов (33,3 %) ответили, что чаще всего посещение социальной сети длится долго.

4. Половина респондентов – 52,8 % – в рейтинге действий в социальной сети на первое место для себя поставили «просмотр новостей». То есть именно данному действию отводится больше времени при нахождении в сети и новости просматриваются в первую очередь. Но также важно отметить, что достаточно большой процент опрошенных поставил на первое место для себя «общение с ,,друзьями”» – 47,2 % подростков.

5. Большая часть респондентов отмечают, что в социальной сети, которую они посещают чаще всего, у них большое количество «друзей» – более 200 человек; 58,3 % подростков ответили, что «добавляют в ,,друзья”» и тех, кого знают, и тех, кого еще не знают, но с кем может быть интересно общение в будущем.

Таким образом, интенсивность общения подростков в социальных интернет-сетях достаточно высока в настоящее время. Они создают персональные страницы сразу в нескольких сетях, посещают их более двух раз в день и зачастую посещение страниц длится долго. Необходимы дальнейшие более подробные исследования специфики общения в социальных сетях, изучение социально-психологических и индивидуально-типологических особенностей подростков, использующих данный вид коммуникации, и особое внимание следует уделять разработке программы по обеспечению психологической безопасности подростков, общающихся в социальных интернет-сетях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Россияне «в Сети»: рейтинг популярности социальных медиа: пресс-вып. ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476.

2. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопр. психологии. 2009. № 3. С. 11.

3. Грецов А. Г. Эмоциональные отношения подростков со сверстниками // Психология современного подростка / под ред. Л. А. Регуш. СПб., 2005. С. 73.

4. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смыслова О. В. Интернет: воздействие на личность [Электронный ресурс]. URL: http://www.relarn.ru/human/pers.html.

5. Дрепа М. И. Психологическая профилактика интернет-зависимости у студентов: автореф. дис. … канд. психол. наук. Пятигорск, 2010. С. 10.

6. Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. URL: http://flogiston.ru/projects/articles/refinf.shtml.

7. Солдатова Г. В., Зотова Е. Д. Опасности, подстерегающие ребенка в сети Интернет // Справ. классного руководителя. 2011. № 7.

8. Годик Ю. О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой аудитории новых медиа // Медиаскоп. 2011. № 2.

9. Силаева В. Л. Интернет как социальный феномен // Социс. 2008. № 11. С. 104.

10. Годик Ю. О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой аудитории новых медиа // Медиаскоп. 2011. № 2.

УДК 159.9(07)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ПСИХОЛОГА ПО ОТНОШЕНИЮ К КЛИЕНТУ

Р. Р. Газизова

PROFESSIONAL POSITION OF PSYCHOLOGIST IN RELATION TO THE CLIENT

R. R. Gazizova

В статье отражена роль профессиональной позиции психолога по отношению к клиенту при оказании психологической помощи. Автором представлено понимание профессиональной позиции психолога с точки зрения различных исследователей, а также предложена модель профессиональной позиции психолога, которая включает два вектора: вектор эмпатии (социального интереса, сопереживания клиенту) и вектор аффилиации (потребности в создании и поддержании теплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми, в проявлениях дружбы и любви). Пересечение этих векторов позволяет говорить о четырех типах позиций психолога по отношению к клиенту: «Манипулятор», «Специалист», «Волонтер», «Психолог».

This article is focused on the role of a professional position of the psychologist in relation to the client, when he or she gives a psychological help. The author presented understanding of the professional position of psychologist from the point of view of different authors. The author also suggests the model of the professional position of psychologist, which is included two vectors: a vector of empathy (social interest, empathy client) and the affiliation (need for creating and maintaining a warm, emotionally meaningful relationship with other people, in the manifestations of friendship and love). All these vectors allow to speak about four types of positions of the psychologist in relation to the client: „Manipulator", „Specialist", „Volunteer", „Psychologist".

Ключевые слова:

психологическая помощь, психологическое консультирование, позиция психолога, отношение психолога к клиенту.

Keywords:

psychological help, psychological consultation, position of the psychologist, the relation of the psychologist to the client.

Постоянные преобразования, происходящие в современном обществе, сопровождаются переживаниями людьми различного рода стрессов, характеризующихся ощущением нестабильности и непредсказуемости жизни, необходимости адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям и требованиям жизни. В этой связи становится востребованной качественная психологическая помощь, а значит, возрастает потребность в высококвалифицированных психологах-консультантах.

Одной из важных сторон в работе психолога-консультанта является позиция, которую он занимает по отношению к клиенту.

Разработкой понятия «позиция» в отечественной психологии занимались такие ученые, как К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Божович, Е. И. Исаев, В. Н. Маркин, В. И. Слободчиков и др. Понятие «позиция», согласно О. К. Соколовской [1], отражает относительно устойчивую, развивающуюся систему отношений человека к различным сторонам действительности, к собственной личности, положенную в основу конкретной деятельности, поступков, линии поведения. Данное понятие выступает как «категориальный мост» между теориями, в центре которых стоят предельно общие категории, такие как «деятельность», «отношение», «направленность», «личность», и такими практическими приложениями, которые оперируют понятиями «готовность» и «поступок».

Вопросам формирования и развития профессиональной позиции психолога посвящены работы Е. В. Бурмистровой, Ф. Е. Василюка, В. А. Гавриленко, А. Ф. Копьева, М. С. Луковой, А. А. Осиповой, Н. В. Самоукиной, О. К. Соколовской, Е. Т. Соколовой, О. Н. Тихоновой, Т. А. Флоренской, Е. А. Ходыревой и др. Рассмотрим представленные в них положения и идеи.

По мнению Е. В. Бурмистровой, сущность профессиональной позиции психолога определяется как ответственное отношение к ценностям и способам реализации деятельностных норм. В качестве базовых условий, без которых невозможно становление профессиональной позиции психолога, автор называет способность к синтезирующему «снятию» четырех пространств личностного и профессионального самоопределения: философски-мировоззренческого (кто я?), рефлексивно-методологического (как я могу действовать?), предметно-психологического (что я могу делать?), педагогической деятельности (где и с кем я могу действовать?) [2].

Исследуя становление профессиональной позиции психолога в условиях дополнительного образования, О. Н. Тихонова [3] рассматривает профессиональную позицию психолога в единстве двух аспектов: личностного (как систему отношений человека к миру) и ситуативного – как систему установок и ориентаций, определяющих тип взаимодействия в конкретных условиях психологической деятельности.

О. К. Соколовская [4] рассматривает профессиональную позицию студента-психолога как устойчивую систему отношений личности к различным аспектам будущей профессиональной деятельности, определяющую профессиональные планы и намерения, направления деятельности, профессиональное мировоззрение. Структура профессиональной позиции, по ее мнению, включает в себя три компонента:

- отношение к людям в профессии, располагающееся в континууме «негуманный – гуманный»;

- отношение к будущей профессиональной деятельности, отражающее способы освоения и реализации профессиональной деятельности, которое располагается в континууме «пассивный – инициативный»;
- отношение к себе как к будущему психологу: непринятие себя – принятие себя, позитивная оценка как будущего психолога.

Если все вышеперечисленные авторы рассматривают профессиональную позицию будущих психологов, то Ф. Е. Василюк, А. Ф. Копьев, А. А. Осипова, Н. В. Самоукина, Е. Т. Соколова, Т. А. Флоренская и другие анализируют профессиональную позицию уже практикующих психологов.

По мнению А. А. Осиповой [5], позиция психолога – это ролевые стратегии, принимаемые психологом во взаимоотношении с клиентом. Она называет три позиции практического психолога: позиция «сверху»; позиция «на равных»; позиция «снизу».

Позиция «сверху» подразумевает авторитарные отношения к клиенту как к объекту манипуляции, сопровождается психологической дистанцией и подкрепляется имиджем консультанта как всезнающего, мудрого гуру. Психолог оценивает действия клиента как хорошие или плохие, правильные или неправильные. Это приводит к тому, что у клиента формируется зависимость от психолога, а сам консультант может потерять основу профессиональной рефлексии. Позиция «на равных», или партнерский подход, базируется на видении клиента в качестве равноправного субъекта общения. Предполагается, что клиент будет активно и продуктивно работать наравне с психологом. У него нет оснований скрывать или искажать какую-нибудь информацию о себе, поскольку психолог открыт и не оценивает собеседника. Позиция «снизу» позволяет психологу повысить самооценку клиента, апеллировать к его значимости. Однако взаимодействие с позиции «снизу» может дать клиенту возможность манипулировать психологом. Увидеть в клиенте манипулятора – профессиональный долг психолога, иначе из этой ситуации взаимодействия клиент выйдет победителем с укоренившимся в сознании превосходством в своих манипулятивных способностях.

Согласно А. А. Осиповой, ни одна из вышеперечисленных позиций психолога не является оптимальной, поскольку в каждой есть как свои достоинства, так и недостатки. По ее мнению, показателем профессионализма психолога является его способность сознательно и пластично занимать различные позиции, исходя из интересов клиента и требований используемых методов. А. А. Осипова пишет: «Хороший профессионал – это во многом актер, который умеет в случае необходимости занять позицию ,,сверху", говоря о чем-то с непоколебимым знанием авторитета, или ,,снизу" – заигрывая с клиентом, стремясь повысить его самооценку, подчеркнуть его знания и авторитет» [6].

Аналогичной точки зрения придерживается Н. В. Самоукина [7], которая считает, что психолог-консультант должен занимать определенную позицию в зависимости от различных типов клиентов. Она выделила и описала пять приемлемых позиций психолога-консультанта.

1. Психолог – «нейтральный советчик», который выслушивает, задает вопросы, высказывает советы или рекомендации.
2. Психолог – «программист». Консультант разрабатывает программу для клиента: «что делать», «как делать», «когда делать» и др.

3. Психолог – «слушатель». В результате общения с консультантом клиент получает облегчение, удовлетворение и самостоятельно находит решение собственной проблемы.

4. Психолог – «зеркало». Психолог объясняет, что объективно происходит, рисует для клиента объективное отражение событий, помогает понять его роль в этих событиях, а также позиции людей, связанных с ним и влияющих на него. В результате клиент понимает, что с ним происходит, к нему приходит успокоение и способность к принятию решения, к действию.

5. Психолог – «катализатор». Данная позиция консультанта подходит для клиентов, которые все понимают, но ничего не делают и принимают на себя роль неудачников. Необходимо создать толчок к активации отношения к ситуации, к началу деятельного включения в разворачивающиеся события его собственной жизни, например, через укрепление его уверенности в себе, в его «добрых силах», его способности к управлению событиями своей личной жизни, ожиданию желаемого положительного результата.

Н. В. Самоукина полагает, что позиции «нейтральный советчик» или «программист» подойдут для случаев, когда в роли клиента выступает умный, сильный, интеллигентный человек. Позиции «зеркало» и «программист» более подойдут для человека, у которого эмоции обычно преобладают над доводами разума. Позиция психолог-«слушатель» подойдет для человека, взволнованного или опечаленного какими-либо внезапно случившимися событиями. Позиция психолог-«катализатор» подойдет для нерешительных или ригидных клиентов, склонных к застревающему поведению

В последние десятилетия усилиями ряда российских психологов-психотерапевтов (Ф. Е. Василюк, А. Ф. Копьев, Е. Т. Соколова, Т. А. Флоренская, А. У. Хараш и другие) была предпринята попытка разработать отечественную разновидность вневрачебной психотерапии. Эта разновидность стала называться *диалогическим подходом*. Согласно данному подходу психолог должен занимать особую позицию вненаходимости.

Т. А. Флоренская [8] считает, что в психологическом консультировании важным является диалогический принцип, который исходит из признания духовного мира человека и направлен на переосмысление его психической жизни, развитие и преобразование личности. В рамках диалогического подхода консультант должен придерживаться позиции, которая предполагает равновесие двух противоположных установок: эмпатического слушания и в то же время вненаходимости. Сопереживание способствует проявлению сущности собеседника благодаря более глубокому уровню общения, а вненаходимость помогает консультанту не поддаваться стремлениям собеседника «втянуть» в свое состояние, добиться признания правильности своих мнений или манипулировать консультантом. Отстраненность от наличных состояний консультируемого позволяет быть объективным, не отождествляться с его «наличным я».

Эту же мысль развивает Ф. Е. Василюк [9] с позиций теории переживания. Он соотносит активность клиента, развертывание внутреннего состояния с позицией консультанта, содействующего переживанию на каждом из уровней системы сознания (бессознательное, переживание, сознавание, рефлексия). По его мнению, можно выделить следующие позиции практического психолога: «ведущий эксперт»,

когда психолог рассматривается как источник знаний о клиенте; «сопереживающее зеркало», когда предметом внимания психолога становится актуальное переживание клиента; «методолог здравомыслия», помогающий своему «подопечному правильно применить конструктивные силы рассудка, сохранившиеся за пределами психотравмирующей сферы, для коррекции болезнетворных локальных уклонений от здравого смысла»; «диалектик», когда в фокусе внимания психолога оказываются противоречия сознания клиента, требующие для своего разрешения развития его самосознания.

С точки зрения Ф. Е. Василюка, выделенные ролевые позиции консультанта помогут реализовать диалогический принцип психотерапевтического взаимодействия.

Таким образом, несмотря на значительное количество работ, проблема позиции психолога-консультанта не исчерпывает себя и раскрывается перед исследователями во все новых аспектах. По нашему мнению, в характеристике отношения психолога к клиенту можно выделить два вектора: вектор эмпатии (социальный интерес, сопереживание клиенту) и вектор аффилиации (потребность в создании и поддержании теплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми, в проявлениях дружбы и любви). Данные векторы соответствуют двум противоположным установкам, о которых говорит Т. А. Флоренская: эмпатического слушания и вненаходимости. Консультант должен быть максимально внимательным к клиенту, проявлять понимание, поддержку и в то же время не быть втянутым в личные (дружеские, любовные) отношения с ним, сохранять «дистанцию».

Пересечение этих векторов позволяет говорить о четырех типах позиций психолога по отношению к клиенту: «манипулятор», «специалист», «волонтер», «психолог».

Для выявления присущей психологу позиции можно использовать следующие психодиагностические методики: опросник аффилиации А. Мехрабиана и тест В. В. Бойко для диагностики уровня эмпатии. Соотношение выраженности показателей по данным методикам позволяет, на наш взгляд, выявить позицию психолога [10].

В группу «*Манипулятор*» попадают испытуемые, набравшие более 35 баллов по уровню развития аффилиации и менее 20 баллов по уровню развития эмпатии. Консультанты с такой позицией ориентированы на создание теплых, эмоционально значимых взаимоотношений с клиентом; проявляют выраженную потребность в общении, в эмоциональных контактах, дружбе, любви. Но при этом у консультанта отсутствует эмоциональная отзывчивость, сопереживание, соучастие, сочувствие к клиенту или же они носят рациональный характер. Таким образом, психолог, придерживающийся позиции «манипулятор», стремится удовлетворить собственные потребности в общении и взаимодействии с клиентом, при этом эмоциональное состояние последнего игнорируются.

В группу «*Специалист*» попадают испытуемые, набравшие менее 35 баллов по уровню развития аффилиации и менее 20 баллов по уровню развития эмпатии. Консультант с такой позицией проявляет холодность, равнодушие, отчужденность и безразличие к своему клиенту. Трудно говорить о мотивации подобного психолога во взаимодействии с клиентом. Возможно, это познавательный интерес, или вынужденная для него деятельность, или же она носит для него статусный характер. Консультант может хорошо разбираться в проблеме клиента, но всю вину

за происходящее возлагать на него. Для психолога важно чувствовать собственную состоятельность, превосходство над клиентом.

В группу «*Волонтер*» попадают испытуемые, набравшие более 35 баллов по уровню развития аффилиации и более 20 баллов по уровню развития эмпатии. Консультанты с такой позицией стремятся понять переживания, внутренний мир, эмоциональное состояние своего клиента, проявить к нему сочувствие; ориентированы на общение, создание теплых и дружественных взаимоотношений с клиентом. Но установление личных взаимоотношений между консультантом и клиентом может привести к потере беспристрастности во взаимодействии друг с другом, к высокой самоотдаче со стороны психолога и стремлению переложить на него все свои заботы со стороны клиента.

В группу «*Психолог*» попадают испытуемые, набравшие менее 35 баллов по уровню развития аффилиации и более 20 баллов по уровню развития эмпатии. Такая позиция, на наш взгляд, является наиболее оптимальной для консультанта. В этом случае психолог демонстрирует понимание, эмоциональную поддержку и сочувствие к клиенту. При этом он сохраняет дистанцию в отношениях, не проявляет привязанности к клиенту, стремления к дружбе и любви. Такие отношения дают возможность быть с клиентом в полноценном, искреннем, доверительном и этичном контакте, сохраняя при этом объективную и отстраненную позицию, необходимую для эффективного разрешения проблем клиента.

Нами было проведено экспериментальное исследование, направленное на выявление вышеназванных позиций психолога по отношению к клиенту у студентов – будущих психологов. В исследовании приняли участие студенты 3 курса факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «СГПА им. Зайнаб Биишевой» (г. Стерлитамак) в количестве 30 человек, обучающиеся по специализации «Психологическое консультирование». В результате исследования было получено следующее распределение студентов по заявленным нами позициям: «манипулятор» – 33,3 %; «специалист» – 14,8 %; «волонтер» – 18,6 % и «психолог» – 33,3 %.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что не все студенты – будущие психологи способны к продуктивному и гармоничному взаимодействию с клиентом. Даже зная и владея разнообразными психотерапевтическими/психокоррекционными техниками и процедурами, психолог-«манипулятор» будет стремиться вызвать у клиента симпатию к себе, понравиться ему, при этом игнорировать его переживания; «специалист» – демонстрировать свои знания и умения, проявлять снисходительность или возмущаться по поводу проблем клиента; «волонтер» – проявлять максимум сопереживания, поддержки, внимания и личной привязанности, полностью посвящая себя клиенту.

Профессиональная позиция психолога, выражающаяся в характере отношения к клиенту, должна не только осознаваться им, но и целенаправленно формироваться в том своем качестве, которое обеспечит наиболее конструктивное и продуктивное взаимодействие с клиентом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соколовская О. К. Становление профессиональной позиции студента-психолога в процессе обучения в вузе: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2010. 18 с.
2. Бурмистрова Е. В. Проектирование профессиональной позиции психологии в образовании: дис. … канд. психол. наук. М., 1999. 144 с.
3. Тихонова О. Н. Личностная обусловленность становления профессиональной позиции психолога в условиях дополнительного образования: дис. … канд. психол. наук. Барнаул, 2007. 168 с.
4. Соколовская О. К. Указ. соч.
5. Осипова А. А. Общая психокоррекция: учеб. пособие. М.: Сфера, 2002. 510 с.
6. Там же. С. 302.
7. Самоукина Н. В. Практический психолог в школе: лекции, консультирование, тренинги. М.: ИНТОР, 1997. 225 с.
8. Флоренская Т. А. Диалогическое общение как путь духовного преображения личности // Гуманистические проблемы психологической теории / отв. ред. К. В. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский. М.: Наука, 1987. С. 136–162.
9. Василюк Ф. Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопр. психологии. 1988. № 5. С. 27–37.
10. Дубовицкая Т. Д., Газизова Р. Р. Типы отношений психолога к клиенту // Психология в XXI в.: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (30 нояб. 2011 г.): сб. науч. тр. / под ред. канд. психол. наук, доцента А. Е. Слинько. М.: Перо, 2011. С. 94–96.

УДК 373.69

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Н. А. Дибцева

EDUCATORS' ADVANCED TRAINING IN THE ASPECT OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT PROBLEMS

N. A. Dibtseva

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного образования в целом и дополнительного в частности, предлагаются возможные пути выхода из кризисной ситуации. Автор отмечает целесообразность использования ресурса непрерывного образования в качестве средства позитивного изменения образовательной практики профессиональной деятельности педагогов, приводит многоаспектную трактовку данного понятия; делает вывод о том, что всеми возможностями организации и обеспечения эффективного научно-практического сопровождения процесса повышения квалификации педагогов дополнительного образования детей на рабочем месте обладает методическая служба самого учреждения.

Actual problems of modern education in general and supplementary education in particular are considered in the article; possible ways out of crisis are suggested. The author notes the usefulness of application continuous education resource as a means for positive change in educational policy of educators' professional practice, gives a multi-faceted interpretation of this concept, concludes that a methodical service of the institution has all the possibilities for the organization and provision of effective scientific and practical support of supplementary children education teachers' advanced training in the workplace.

Ключевые слова:
мобильность, профессиональная компетенция, моделирование, инновация, непрерывное образование, повышение квалификации, мотивация профессионального развития, внутрифирменная система повышения квалификации, модульно-персонифицированные планы повышения квалификации, альтернативные решения.

Ключевые слова:
mobility, professional competence, simulation, innovation, continuous education, advanced training, professional development motivation, intra-system training, the module-personalized plans of training, alternative solutions.

Развитие современного общества характеризуется глобальными переменами в экономическом и социальном пространстве государства. Происходят процессы перехода России от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. По убеждению А. Г. Асмолова, завершается переход образования из сферы обслуживания сектора услуг в социальный институт, обеспечивающий профессиональную мобильность личности [1]. В информационном обществе в роли ведущего фактора консолидации доминирующих идеалов (безопасность, социальное равенство, благосостояние) выступает знание о жизнеспособности человека и общества. Не случайно сегодня перед образованием встала задача расширения возможностей компетентного выбора каждой личностью своего жизненного пути. В таких условиях очевидной стала актуальная значимость научного исследования проблем педагогического сопровождения процессов формирования и развития у личности социальных и профессиональных компетенций. Системе образования сегодня следует учитывать основные принципы современного менеджмента управления: «Необходимо сформировать культуру и среду неформального длительного организованного обучения, способствующие развитию инициативы и самомотивации сотрудников. В этом случае не люди с их опытом и знаниями, а сама культура организованного обучения и развития станет непередаваемым ,,ноу-хау" организации».

В связи с этим основными факторами инновационного развития современного образования являются:

- определение оптимальных условий выполнения социального заказа общества на принципиальное обновление системы научно-методического обеспечения процесса обучения;
- выявление и устранение факторов негативного влияния на деятельность педагогов дополнительного образования детей;
- создание педагогических условий для эффективного повышения качества профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования детей непосредственно на рабочем месте;

- повышение ресурсной значимости методической службы образовательного учреждения для выработки образовательной стратегии с учетом конкретных условий учреждения;
- конструирование теоретически обоснованной модели методического сопровождения процесса повышения качества профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования детей в межкурсовой период на рабочем месте;
- уточнение факторов, влияющих на повышение мотивированного отношения педагогов дополнительного образования детей к повышению качества своей профессиональной деятельности.

Таким образом, актуальна конкретная направленность деятельности на решение проблемы создания оптимальных условий для эффективного научно-методического сопровождения процесса повышения качества профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования детей на рабочем месте при сохранении целостности системы непрерывного образования. Образование взрослых рассматривается в современной социальной ситуации как неотъемлемая часть непрерывного образования человека, которое связано с реализацией возможности постоянного развития личности на протяжении всей жизни. В системе непрерывного образования особое место отводится повышению квалификации, которое по своей сути и является полноценным образовательным процессом, поскольку его участники мотивированы на непрерывность образования.

Научно-педагогическая литература отражает идею о позитивном изменении образовательной практики профессиональной деятельности через повышение ее социальной эффективности на основе принципов развития человека и его интересов на различных стадиях жизненного цикла, но не дает однозначного определения понятию «непрерывное образование». Несомненный интерес представляет трактовка понятия «непрерывное образование» в философском словаре, где под непрерывностью понимается целостность процесса, состоящего из отдельных дискретно идущих стадий [2].

Проблемы непрерывного образования в нашей стране рассматривались многими учеными, вследствие чего существует целый ряд подходов к разработке теории непрерывного образования. Ведущие исследователи определяют его как непрерывную образовательную деятельность (А. П. Владиславлев), принцип преобразования и реформирования всей системы образования в нашей стране (А. В. Даринский), непрерывно происходящее самообразование (М. Т. Громкова), перманентно развивающийся процесс целенаправленного формирования личности (Е. И. Огарёв), сознательно спланированный процесс роста личности на протяжении всей человеческой жизни (Н. В. Фёдорова) [3].

Актуально суждение Б. С. Гершунского [4], которое мы полностью разделяем, о том, что непрерывное образование создает необходимые условия для всестороннего гармонического развития каждого человека, независимо от его возраста, первоначально приобретенной профессии или специальности, места жительства; учитывает его индивидуальные способности, мотивы, интересы, ценностные установки. Исследователь предлагает структуру непрерывного образования, которая включает несколько взаимосвязанных направлений.

Таким образом, цель непрерывного образования заключается в мотивированном

отношении педагогов к самосовершенствованию с учетом современных тенденций. В связи с этим основные принципы непрерывного образования специалистов дополнительного образования детей можно сформулировать следующим образом: всеобщность, демократизм и доступность; преемственность; гуманизм; целостность; вариативность; прогностичность.

В результате исследования работ В. В. Серикова [5] сделан вывод о том, что цель управления процессом непрерывного образования состоит в координации разноплановых воздействий на действующий педагогический корпус, умении педагогических работников ориентироваться в содержательном, процессуальном и организационном многообразии средств профессионально-педагогической деятельности, а также во всемерном содействии специалистам в овладении инновациями. Координировать данную деятельность призвана методическая служба учреждения.

Основная задача повышения квалификации, по справедливому мнению В. А. Сластенина [6], заключается в обеспечении каждого педагога возможностью профессионального совершенствования, творческого развития и саморазвития. Таким образом, можно констатировать: методическая служба, функционирующая в режиме развития, обладает всеми ресурсами организации и обеспечения эффективного научно-практического сопровождения процесса повышения квалификации педагогов дополнительного образования детей на рабочем месте. Это станет возможным при выполнении определенных условий. Отметим наиболее значимые: оптимизация творческих возможностей всех членов педагогического сообщества; подготовка педагогического коллектива к новому качеству межличностного взаимодействия; создание атмосферы, способствующей изменению личностных установок, развитию личностных структур сознания; оптимальная организация профессионального образования методистов; преобразование содержания знаний; стимулирование научно-исследовательской деятельности педагогов.

Средством мотивации профессионального развития педагогов, по убеждению В. Н. Введенского, может стать моделирование профессиональной компетенции [7]. Это выступает одним из приоритетных направлений деятельности методической службы учреждения. Наличие мобильной методической службы является необходимым условием развития учреждения дополнительного образования детей. На основе теоретического осмысления литературы сделан вывод о том, что за основу профессионализма взята квалификация, которая в ходе исследования была определена как уровень развития способностей работника, позволяющих ему выполнять трудовые функции определенной степени сложности в конкретном виде профессиональной деятельности. Актуально значимая в настоящее время профессиональная компетентность педагога дополнительного образования в ходе исследования представлена в виде определенной структуры с выделением в ней основных компонентов: личностные качества; специальная подготовка; педагогическая подготовка; высокий уровень мотивации; педагогическая культура. В результате анализа организации традиционного процесса повышения квалификации выявлены определенные трудности. В ходе экспериментальной работы установлено, что преодоление их возможно на основе разработки и использования модульно-персонифицированных планов повышения уровня профессиональной деятельности педагогов. При выборе содержания обучения и методических комплексов необходимо

учитывать результаты самодиагностики специалистом уровня своей методической подготовки. Основной составляющей названного процесса является планирование обучения педагогов, сорганизованное с целями обучения, исходной ситуацией, методологическими и ресурсными средствами решения педагогических задач, методикой оценивания.

Руководствуясь мнением Е. В. Майной [8], в процессе теоретического анализа проблем повышения квалификации мы выявили, что, формируя содержание методического сопровождения изучаемого процесса, следует учитывать многие факторы, а также применять наиболее эффективные формы деятельности, такие как игровые и тренинговые занятия, дискуссионные формы работы, лекции в учебной группе, педагогическая студия, педагогическая мастерская и др.

Т. А. Попилова [9] считает, что переход к внутрифирменной системе повышения квалификации педагогов позволит снять некое отчуждение процесса обучения педагогов от специфической потребности учреждения, т. е. осуществлять его целенаправленно, предметно и содержательно, превратить методическую работу в учреждении в целостную систему непрерывного дополнительного профессионального роста педагогических кадров. Система управления знаниями, т. е. превращение учреждения дополнительного образования детей в самообучающую систему и в центр инноватики, где в процесс повышения квалификации без отрыва от производства может втягиваться практически весь коллектив, может стать объективной основой организации процесса обучения педагогов и развития их творческого потенциала. Как утверждает В. К. Загвоздкин [10], следует искать альтернативные решения данной проблемы. В заключение хочется согласиться с А. Л. Семеновым [11] в том, что разрушить образование и уничтожить авторитет педагога было легко и быстро, а для того, чтобы все это вернуть, потребуется не один десяток лет.

Результаты проведенного исследования дают основания утверждать, что по причине преобразований, происходящих в системе дополнительного образования детей, важнейшей проблемой современной педагогики становится научное осмысление и практическое подтверждение теории развития методической службы учреждения дополнительного образования детей, как структуры, нацеленной на оказание своевременной персонифицированной помощи педагогам в повышении профессионального мастерства. Так как только специалисты, обладающие высоким профессионализмом, способны моделировать свою деятельность с учетом психологических условий социализации и самоидентификации при преодолении негативных явлений, имеющих место у большинства детей.

Процесс повышения квалификации на рабочем месте эффективен и адекватен современным целям дополнительного образования детей при соблюдении определенных условий.

Проведенное исследование проблемы методического сопровождения процесса повышения квалификации педагогов дополнительного образования детей актуализировало необходимость дальнейшей разработки таких ресурсов, как систематизация первичной, промежуточной и итоговой диагностики в ходе обучения; подготовка андрагогических кадров, работающих с данной категорией специалистов; конкретизация содержания подготовки педагогов разных образовательных областей.

Таким образом, справедливо признается необходимость поиска современных подходов к решению проблем эффективного обеспечения процесса непрерывного педагогического образования инновационными методиками и технологиями.

Следствием возросшего профессионального уровня педагогов дополнительного образования детей стала положительная динамика психологического состояния воспитанников и преодоление рисков негативного изменения ребенка и системы его развития, а также улучшение психологического состояния воспитанников.

Причина происходящих изменений кроется в организации занятий объединений дополнительного образования детей, на которых создается «ситуация успеха» для каждого воспитанника, что становится мощным стимулом для дальнейших успехов детей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.

2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФА, 1997. 576 с.

3. Владиславлев А. П. Непрерывное образование: проблемы и перспективы. М.: Молодая гвардия, 1978. 175 с.; Даринский А. В. Непрерывное образование // Совет. педагогика. 1975. № 1; Громкова М. Т. Педагогические основы образования взрослых. М.: Изд-во МСХА, 1993. 163 с.; Онушкин В. Г., Огарёв Е. И. Образование взрослых: междисциплин. слов. терминологии. СПб. – Воронеж: Б. и., 1995. 232 с.; Федорова Н. В. Как помочь взрослым учиться и менять себя: учеб. пособие. М.: Изд-во РОУ, 1992. С. 79.

4. Гершунский Б. С. Философско-методологические основания стратегии развития образования в России. М.: Ин-т теор. педагогики и междунар. исслед. в образовании РАО, 1993. 160 с.

5. Сериков В. В. Образование и личность. М., 1999.

6. Педагогика профессионального образования: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2007. 368 с.

7. Введенский В. Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика. 2003. № 10. С. 51–55.

8. Майная Е. В. Организационно-педагогические условия развития профессиональной компетентности педагогов (на примере муниципальной системы образования малого города Крайнего Севера): дис. … канд. пед. наук. Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2006. 200 с.

9. Полилова Т. А. Школа на пути к новой грамотности. М., 2011. 154 с.

10. Загвоздкин В. К. Портфель индивидуальных учебных достижений – нечто большее, чем просто альтернативный способ оценки. М., 2008. 241 с.

11. Семенов А. Л. Школа живой традиции: мониторинг результативности инновационной деятельности. М., 2010. 247 с.

УДК 371.12

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ

Н. В. Доценко

VALUE REASONS OF METHODICAL ACTIVITY IN ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN

N. V. Dotsenko

В статье обосновано изменение содержания и форм методической деятельности в дополнительном образовании детей на основе гуманистических ценностей; охарактеризованы новые профессиональные позиции методиста: консультант, модератор, супервизор, фасилитатор.

The article gives proof of change of contents and forms of methodical activity in children's additional education, based on humanistic values. New professional positions of teaching methods specialist are described: consultant, moderator, supervisor and facilitator.

Ключевые слова:
дополнительное образование детей, гуманистические ценности, методист, консультант, модератор, супервизор, фасилитатор.

Keywords:
children's additional education, humanistic values, teaching methods specialist, consultant, moderator, supervisor, facilitator.

Изменения в системе образования, вызванные радикальными реформами, происходящими в нашей стране, касаются, прежде всего, становления вариативного образования и придают особую актуальность образованию дополнительному.

Обновление содержания дополнительного образования, новые концепции в организации образовательной и досуговой деятельности, поливариативность, дифференциация в работе с детьми, широкое использование информационных и новых педагогических технологий как важного фактора развития образовательного учреждения оказывают существенное влияние на содержание и организацию труда педагога, способствуют развитию его инновационно-творческого потенциала. Принципиально новые условия, в которые попал сегодня педагог дополнительного образования, очевидный диссонанс между его базовой подготовкой и теми реалиями, с которыми сталкивается современное учреждение, объективно повышают роль методической службы не только в совершенствовании профессионального мастерства отдельного педагога, но и в развитии системы дополнительного образования детей в целом.

Переосмысление содержания, форм и направлений методической деятельности, ее аксиологических оснований, перевод операционального состава деятельности на технологический уровень позволят специалисту быть способным

генерировать новые идеи, создавать проекты и программы, влияющие на качество и результативность педагогической деятельности в системе дополнительного образования детей.

Обновление содержания и форм методической деятельности в системе дополнительного образования детей на основе гуманистических ценностей затруднено во многом тем, что взгляды ученых на сущность методической деятельности неоднозначны. Большинством из них эта профессиональная сфера определяется как «методическая работа» (Ю. К. Бабанский, М. М. Поташник, Я. С. Турбовской и другие), когда методические функции могут осуществлять разные категории педагогических работников. На должность методиста нередко приходят бывшие учителя, преподаватели вузов, мастера производственного обучения, имеющие опыт работы с детско-юношеской аудиторией и переносящие его на взаимодействие со взрослыми. Большую часть содержания их деятельности составляют методики, разработанные в русле старых, изживших себя подходов, и упрощенные исследования в рамках педагогического опыта и авторских наработок.

Понятие «методическая деятельность» встречается в научных источниках реже и относится к профессиональной деятельности методистов (В. Ю. Кричевский, Е. В. Титова, Т. В. Ильина, С. Ж. Гончарова и другие), но в разговорной речи понятия «методическая работа» и «методическая деятельность» нередко отождествляются.

Следствием разноплановое проявления деятельности методистов и разночтений в понимании ее сущности является нынешняя ситуация отождествления профессиональной деятельности методистов с другими видами деятельности, что в конечном итоге влияет на качество их работы.

На современном этапе развития дополнительного образования детей методисты оказались в сложной ситуации: в течение долгих лет они выступали как «трансляторы» инструкций, приказов, распоряжений, директив, методик, обеспечивая обязательный характер их внедрения. Методисты часто привлекались к осуществлению контролирующей функции, чем дублировали обязанности инспекторской службы органов управления образованием.

В условиях модернизации дополнительного образования содержание и формы методической деятельности необходимо привести в соответствие с требованиями времени: в период интенсивной инновационной, опытно-экспериментальной деятельности прежняя методическая служба не может оперативно реагировать на быстро изменяющуюся ситуацию в дополнительном образовании детей.

При этом следует особо подчеркнуть, что методическая деятельность продолжает оставаться связующим звеном между педагогической наукой и практикой и оказывать влияние на профессиональную деятельность педагога, на его профессиональный уровень. В общей структуре системы дополнительного образования методист занимает срединное положение. С одной стороны, методист непосредственно связан с педагогом, так как разрабатывает и транслирует для него «подсказки» («методические предписания») «как делать» [1]. С другой – для разработки и трансляции «методических предписаний» ему необходимы соответствующие знания и умения, а также заказ (установка) от вышестоящего уровня системы образования. Такая «посредническая роль» методиста возлагает на него особого рода ответственность за изменения, вносимые им в практику образования.

В каждой деятельностной сфере существует большое количество служебных

или сервисных процессов, призванных обеспечивать базовую деятельность необходимыми ресурсами. В образовании к числу сервисных можно отнести методическую деятельность, направленную на оснащение образовательной практики необходимыми методическими средствами и инструментальными системами.

И. А. Колесникова и Е. В. Титова убедительно доказывают целесообразность создания общей теории профессионально-педагогической деятельности – педагогической праксиологии, как системного знания об общих принципах и способах рациональных (правильных), целесообразных, успешных действий [2]. Подчеркивая необходимость решения принципиально новых социально-педагогических задач, увеличение числа функций педагогов, расширение содержания их деятельности, исследователи отмечают возросшую наукоемкость педагогического труда, под которой подразумевается обязательное включение в структуру профессиональной деятельности фундаментальных знаний, работа с большими объемами информации.

И. А. Колесникова и Е. В. Титова подчеркивают, что усложнение педагогического труда с неизбежностью требует повышения степени его осмысленности. Все чаще в среде профессионалов проявляется стремление к рефлексии по поводу процесса и результатов педагогического действия. Профессиональная деятельность утрачивает черты спонтанного или ритуального поведения и становится все более концептуальной [3].

Немалое внимание ученые уделяют и характеристике методики в структуре педагогической деятельности, рассматривая ее в двух основных значениях:

1) нормативная упорядоченность действий в какой-либо конкретной деятельности, а также ее отражение в форме описания, предписания, представления (деятельностный, или праксический, аспект методики);

2) особый тип (особая область) знаний об осуществлении действий в той или иной сфере (гностический аспект методики) [4].

Следует осознать, что методикой может быть признана далеко не любая, стихийно складывающаяся последовательность действий, а лишь та, которая приводит педагогическую деятельность к определенным, заранее обозначенным результатам. Наличие такого специфического предмета теоретического и практического конструирования, преобразования, использования, каким является методика, позволяет выделить в качестве отдельного вида профессионально-педагогической активности методическую деятельность [5].

Мы разделяем позицию Л. Н. Буйловой, рассматривающей методическую деятельность учреждения дополнительного образования как целостную систему мер, основанную на достижениях науки и практики, направленную на всестороннее развитие творческого потенциала педагога, а в конечном итоге – на повышение качества и эффективности образовательного процесса, на рост уровня образованности, воспитанности и развитости обучающихся [6].

Анализ методической деятельности в социально-историческом аспекте позволяет сделать вывод, что ее формирование и развитие определяются не только состоянием науки, практики образования и системы управления образованием, но и профессиональными качествами и ценностями субъектов деятельности.

Ценностное отношение к методической деятельности в процессе ее осуществления способствует развитию как самой деятельности, так и ее субъекта. Методическая деятельность, как любая другая, основывается на совокупности

определенных ценностей, специфических только для нее. Именно они регулируют эту деятельность, указывая, ради чего она осуществляется. Ценности обусловливают мотивацию и осмысление того, что делает человек.

Анализируя аксиологические основания методической деятельности, необходимо выделить ценности, которые методист осознает, принимает и которыми будет руководствоваться в своей работе.

В. С. Грехнев, рассматривая ценностные основания процессов образования и образованности людей в современном обществе, отмечает, что, как известно, ценность – явление многомерное [7]. Основой всех ее мер является значимость (цена) того или иного объекта реальности, в которую погружен ранжирующий его субъект (индивид, группа, общество). На основе ценностей формируется ценностная ориентация – особое социальное отношение людей к определенным ценностям, которое представлено в сознании в виде объекта, необходимого человеку для удовлетворения его потребности.

Ценностная ориентация как отношение возникает всегда только лишь в связи с актуализацией значения определенного объекта в сознании индивида, его включения в деятельность человека. Собственно, это означает, что ценностная ориентация – это всегда субъект-объектное отношение, характеризующее двойственную структуру любой ценности. Ведь ценность детерминирована свойствами и качеством ее объекта (вещи, явления, процесса), с одной стороны, и свойствами самого субъекта, его потребностями, интересами и целями – с другой. При этом в ценностной ориентации личностно окрашенное отношение к объектам действительности является определяющим. Личностное отношение возникает на основе корреляции человеком объектов действительности в связи не только с его потребностями и целями, но и с собственными (правда, не всегда соответствующими им) знаниями, информацией и жизненным опытом.

Методист является посредником в передаче культурно-исторических и духовно-моральных ценностей. Осваивая культурные средства, образцы мышления, коммуникации-общения, действия, рефлексии, понимания, он приобщается к культуре, преобразуя самого себя в соответствии с этими образцами: одновременно изменяются его сознание и направление личностного роста.

Основу личности методиста должны составлять такие общечеловеческие ценности, как жизнь, здоровье, образование, труд, мир, любовь, красота. Они выдержали проверку в практике истории, так как им присуща гуманистическая направленность. Методист разделяет и принимает ценность гуманизма. Она проявляется в процессе общения в отношении к человеку как к высшей ценности, к сотрудничеству и взаимодействию как к партнерству равных сторон, в понимании и признании интересов и прав других. В этой связи значима и такая ценность, как толерантность, терпимость по отношению к принципиально иным мировоззренческим позициям и ценностям, которые возникают в процессе межличностного взаимодействия.

Специалист сам строит свою карьеру, в этом плане возрастает значимость аксиологического восприятия методической деятельности. Для субъекта, который готовится заняться ею как профессиональной по обеспечению эффективности педагогической практики и достижению высот мастерства в ней, сама методическая деятельность признается как ценность.

При рассмотрении ценностных основ методической деятельности в

дополнительном образовании детей важен аспект их определения не только под углом зрения понятия «деятельность», но и в соответствии с понятием «взаимодействие». Конкретные преобразования в образовательном учреждении чаще всего организуются не только как субъективная реализация опыта одного из педагогов или управленцев, но и обязательно как его взаимодействие с другими субъектами образовательного процесса. В связи с этим содержание ценностей-отношений может быть раскрыто как совокупность отношений участников педагогического процесса, а также формирование позиции по отношению к профессионально-педагогической деятельности методиста. Другими словами, ценности-отношения предполагают общность языка общения, понимание субъектами образовательного процесса собственной роли в достижении намеченных целей, направление ими своих усилий на четкое выполнение обязанностей, осознавая при этом связь между выполняемой ими работой и общей целью образовательного учреждения, а также понимание необходимости позитивного взаимодействия в духе взаимной поддержки.

Развитие современного дополнительного образования детей ставит методиста перед необходимостью изменения своей профессиональной позиции, осмысления и понимания новых ролей и функций профессионально-педагогической деятельности, овладения новыми профессиональными компетенциями. Новое содержание педагогической деятельности в целом и методической деятельности в частности обусловлено изменениями самого общества, формированием новой культуры, нормативно-правовых и экономических механизмов, регулирующих функционирование и развитие системы дополнительного образования детей. Очевидно, что рассмотрение конкретных методических инноваций должно осуществляться в более широком контексте, который призван сориентировать методиста на понимание масштабных инновационных изменений, происходящих в современном образовании, помочь педагогу осмыслить свою ценностно-смысловую позицию, определяющую в свою очередь его отношение и готовность к освоению конкретных инноваций.

Среди тенденций культурно-цивилизационного развития особое значение имеет гуманизация образования. Гуманизация образования – многоплановое явление, которое может осуществляться (или не осуществляться) на нескольких уровнях: в рамках выбора идеологии развития общественной системы воспитания и обучения, в границах разнообразных педагогических процессов и систем, в практической деятельности работников образовательных учреждений, в движении от функционально-ролевой позиции частичного человека, от его несвободы в педагогическом процессе к свободному развертыванию творческого потенциала во всей его полноте, к подлинной субъектности [8].

Одним из важнейших критериев гуманизации, по мнению И. А. Колесниковой, является человекоориентированность системы ценностей, профессиональных установок педагогов, администраторов. Открытость людям, внимание к каждому воспитаннику, педагогу; деятельный интерес к проблематике человека, стремление глубже проникнуть в закономерности, по которым идет развитие ребенка и взрослого, – все это качественные показатели, по которым можно судить о наличии у педагога личностно-гуманной ориентации как базового компонента в структуре его профессиональной компетентности [9].

В современных условиях ценностные основы методической деятельности

наиболее ярко проявляются в тех профессиональных позициях, которые может занимать методист при сопровождении обучения взрослых [10].

Консультант. Консультирование сосредоточено на решении конкретной проблемы. Предполагается, что консультант либо знает готовое решение, которое он может предложить консультируемому, либо владеет способами деятельности, которые указывают путь решения проблемы.

Консультирование может проходить в различных вариантах:

– вариант «эксперта» (помощь);
– вариант «врача» (диагноз и помощь);
– вариант «менеджера» (помощь и непосредственное участие в решении проблемы).

Виды консультирования:

1) индивидуальное консультирование в диалоговом режиме или по переписке (в том числе электронной);

2) консультирование в режиме группового обсуждения («дискуссионный клуб») проводится по заявленной проблеме в любой из форм дистанционного обучения: телеконференция, чаты для мини-групп, конференции в режиме реального времени либо в форме непосредственного общения;

3) тренинговые формы групповой работы как в режиме непосредственного общения, так и адаптированные к условиям взаимодействия в Интернете (помощь в самораскрытии, самопрезентации, выработка коммуникативных навыков).

Супервизор. Супервизия понимается как сопровождение профессиональной деятельности. Супервизия – это, во-первых, профессиональное консультирование и сопровождение специалиста более опытным специалистом, исключающее формальный контроль и оценку; во-вторых, способ создания психологически комфортных условий для субъектов профессиональной деятельности; в-третьих, лечение «профессиональных болезней» и исправление профессиональных ошибок.

Модератор. Модераторы – посредники, люди, которые устанавливают отношения между профессионалами. Вести модераторскую деятельность – значит в первую очередь уметь слушать, связывать, примирять, сглаживать, а также осторожно направлять и руководить.

Методист как модератор использует методы, которые:

– побуждают к деятельности и активизируют участников;
– выявляют проблемы и ожидания;
– вызывают и используют опыт и компетенцию;
– организуют процесс участия и самоорганизации;
– отрабатывают действия или образцы действий;
– устанавливают климат товарищеского сотрудничества;
– передают определенное содержание.

Фасилитатор. Фасилитация (от англ. facilitate – ‘облегчать, содействовать, способствовать’) – стимуляция и освобождение одновременно. Способ образовательного взаимодействия, при котором все его участники могут вести себя естественно, принимать других людей и рассчитывать на принятие, стремиться к взаимопониманию и согласовывать свои позиции посредством диалога. Методист как фасилитатор открыт, естествен, относится к педагогам с принятием и доверием, пытается взглянуть на проблемы их глазами. Он руководствуется как основной целью их профессиональными и личностными интересами.

Таким образом, проведенный теоретико-методологический анализ позволяет заключить, что для ориентации педагогов в современных подходах к развитию дополнительного образования детей на основе ценностей гуманизма, культуры, нравственности, глобального мировосприятия, кросскультурной грамотности, диалогичности общения, плюрализма мнений, овладения личностно развивающими образовательными технологиями организация методической деятельности должна быть построена исходя из следующих предпосылок:

– методическая деятельность предполагает, что педагог и методисты выступают в ней как активные ее субъекты, анализирующие проблемные ситуации, формирующие способы их решения;

– методическая деятельность выступает как деятельность групповая, деятельность в «команде», где методист становится полноправным участником совместной выработки решений, вступая для этого в общение, взаимодействие и диалог с другими педагогами, разрабатывая совместно с ними концепции и проекты инноваций, основанные на гуманистических ценностях, реализуя эти проекты в практике работы учреждений дополнительного образования детей, обмениваясь опытом этой работы, рефлексивно осмысливая полученные результаты;

– результативность методической деятельности определяется творческой атмосферой групповой работы и той общей социокультурной средой, в которую погружены педагоги и методисты;

– задача методистов заключается в том, чтобы создать условия для совместной работы педагогов, выступая при этом в качестве ее координаторов и консультантов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований // Педагогика и логика: сб. М.: Касталь, 1993. С. 48.
2. Колесникова И. А. Педагогическая праксеология: учеб пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. С. 6.
3. Там же. С. 7.
4. Там же. С. 140.
5. Там же. С. 151.
6. Буйлова Л. Н., Кочнева С. В. Организация методической службы в учреждении дополнительного образования детей. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 10.
7. Грехнев В. С. Ценностные основания процессов образования и образованности людей в современном обществе // Философия и о-во. 2010. № 3. С. 42–43.
8. Колесникова И. А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2001. С. 149.
9. Там же. С. 146.
10. Акулова О. В., Писарева С. А., Пискунова Е. В., Тряпицына А. П. Современная школа: опыт модернизации: кн. для учителя / под общ. ред. А. П. Тряпицыной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 240–242.

УДК 159.9(075.32)

МОТИВЫ ВЫБОРА И ЦЕННОСТИ ПРОФЕССИИ

Е. Б. Маслов

REASONS FOR THE CHOICE AND VALUE OF THE PROFESSION

E. B. Maslov

В статье рассматриваются причины профессиональной депривации, вызванной расхождением профессиональных ожиданий субъекта и возможности их реализации в осуществляемой или овладеваемой им профессиональной деятельности. Автором представлены результаты сравнительного исследования мотивов выбора и ценностей профессии у студентов старших курсов и работающих лиц с высшим образованием, обучающихся на курсах переподготовки; предложены рекомендации по профилактике профессиональной депривации.

This article discusses the causes of professional deprivation caused by the difference of professional expectations and possibilities for their implementation in the skill or professional activities. The author presents the results of a comparative study of choices and values of the profession among students and workers with higher education, attending the refresher. Recommendations for preventing occupational deprivation are proposed.

Ключевые слова:
профессиональная депривация, мотивы выбора профессии, ценности профессии, профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение.

Keywords:
professional deprivation, career motivation, values, vocation, career guidance, professional self-determination.

Выбор профессии – одна из главных жизненных проблем, с которой сталкиваются все здравомыслящие люди и в ходе решения которой они нередко нуждаются в квалифицированной психологической помощи. Значимость данной помощи отмечается во многих исследованиях, и прежде всего в работах по профориентации и профессиональному самоопределению среди молодежи; в исследованиях, нацеленных на формирование профессиональной направленности и профессиональной компетентности у студентов и школьников [1].

Но обращение к психологу для консультации по выбору профессии не стало еще компонентом психологической культуры людей, большинство выбирает профессию, опираясь на свой жизненный опыт, на свое представление о ней, советы друзей и исходя из своих возможностей и способностей. В результате, несмотря на трудности, связанные с поступлением в вуз, многие студенты к концу обучения начинают понимать, что наличие диплома о высшем образовании не гарантирует им трудоустройства по приобретенной профессии, а некоторые выпускники даже и не хотят работать по ней.

В этом случае можно говорить о профессиональной депривации, которая

предстает: 1) как социально-психологическая ситуация, характеризующаяся ограничением, лишением или невозможностью субъекта работать по приобретаемой или желаемой им специальности (например, невозможность устроиться на работу в связи с безработицей); 2) психическое состояние, обусловленное расхождением профессиональных ожиданий субъекта и возможности их реализации в осуществляемой или овладеваемой им профессиональной деятельности [2].

Поскольку профессиональная депривация негативно сказывается на психологическом самочувствии людей и возможности их самореализации, то профилактика и преодоление таковой должны осуществляться с учетом тех факторов, которые обуславливают ее возникновение. Обеспечение в обществе рабочих мест – это лишь одна сторона проблемы, поскольку имеющиеся рабочие места не всегда устраивают тех, кто ищет работу. Другим направлением деятельности по профилактике и преодолению профессиональной депривации является создание условий для получения дополнительных профессий. В условиях вуза это курсы переподготовки, на которые поступают студенты старших курсов, а также лица, имеющие высшее образование, для получения второй профессии. В частности, распространенными являются примеры, когда юристы идут учиться на психологов, психологи на юристов. Психология как вторая профессия является также популярной среди педагогов, менеджеров, экономистов, врачей. И практически все выпускники вузов с готовностью учатся менеджменту.

В то же время если студенты разочаровались в выборе первой профессии, то возникает вопрос: чем был обусловлен ее выбор и насколько обоснованным является выбор направления подготовки по второй специальности?

В этой связи нами было проведено экспериментальное исследование, в ходе которого сравнивались мотивы выбора и ценности профессии у студентов старших курсов и у работающих лиц с высшим образованием. И те и другие обучаются на курсах переподготовки и получают вторую профессию.

В качестве испытуемых выступили 49 студентов и 36 работающих с высшим образованием, обучающихся на курсах переподготовки в Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой.

В качестве методик исследования использовалась авторская анкета для исследования мотивов выбора профессии, а также авторская методика для исследования ценностей профессии и уровня профессиональной депривации.

В анкете в качестве мотивов выбора профессии студентам были предложены следующие варианты.

1. Профессия обеспечивает широкую возможность трудоустройства.
2. Позволяет получить полезные для жизни знания и умения.
3. Позволяет добиться успехов в жизни (стабильное положение на работе, карьерный рост, материальное благосостояние, др.).
4. Позволяет заниматься интересной, увлекательной работой.
5. Соответствует моим интересам, увлечениям, способностям.
6. Ценится в обществе, является престижной.
7. Является оригинальной, новой.
8. Дает мне возможность получить высшее образование без особых усилий/ затрат.
9. Дает возможность приносить пользу обществу, другим людям.

10. Нравится моим родителям/друзьям.

11. Является высокооплачиваемой.

12. Позволяет использовать профессиональные умения вне работы.

В ходе исследования студенты и работающие оценивали по 3-балльной системе (от 0 до 2-х), в какой степени данные мотивы повлияли на выбор ими первой и второй профессии. Вычислялись средние арифметические баллы по каждому виду мотивов в обеих группах испытуемых. Полученные показатели были подвергнуты корреляционному анализу. В итоге получены следующие результаты:

1. В ходе сравнения мотивов выбора первой профессии у студентов и работающих показатель корреляции составил $r_{xy} = 0,895$ ($p < 0,01$). То есть первую профессию и студенты, и работающие выбирали по схожим мотивам. В частности, в обеих группах высокие ранги получили следующие мотивы: «позволяет получить полезные для жизни знания и умения»; «дает мне возможность получить высшее образование без особых усилий/затрат»; «дает возможность приносить пользу обществу, другим людям». Низкие ранги имели следующие мотивы: «ценится в обществе, является престижной»; «является оригинальной, новой»; «является высокооплачиваемой».

2. В ходе сравнения мотивов выбора второй профессии у студентов и работающих показатель корреляции составил $r_{xy} = 0,727$ ($p < 0,01$). То есть вторую профессию и студенты, и работающие также выбирали по схожим мотивам. В частности, в обеих группах высокие ранги получили следующие мотивы: «позволяет добиться успехов в жизни»; «ценится в обществе, является престижной». Низкие ранги получили мотивы: «дает возможность приносить пользу обществу, другим людям»; «нравится моим родителям, друзьям».

3. В ходе сравнения мотивов выбора первой и второй профессии у работающих и студентов значимых корреляций не выявлено (у работающих: $r_{xy} = 0,272$; $p > 0,05$; у студентов: $r_{xy} = 270$; $p > 0,05$). То есть вторую профессию и работающие, и студенты выбирали, исходя из других мотивов, чем первую.

Сравнительный анализ содержания мотивов выбора первой и второй профессии показал, что при выборе первой профессии и студенты, и работающие больше ориентируются на возможность получения высшего образования и широкие социальные мотивы; при получении второго образования более значимыми становятся мотивы престижности и самореализации. То есть уже изначально первая профессия не рассматривалась испытуемыми как единственная, по которой они собирались в последующем работать.

Особую роль при выборе играют ценности профессии, то есть значимые для человека стороны/особенности профессии. Именно степень расхождения в желаемых и реальных ценностях профессии свидетельствует об уровне переживаемой человеком профессиональной депривации.

Для определения уровня профессиональной депривации использовался сконструированный нами набор ценностей профессии. В ходе исследования студенты и работающие, попарно сравнивая друг с другом ценности, характеризовали сначала «идеальную», а затем первую и вторую профессии. В качестве ценностей профессии выступили следующие:

1) возможность обеспечения высокого материального благосостояния;

2) возможность карьерного роста, продвижения в профессии;

3) высокий социальный статус, престижность профессии в обществе;

4) льготы, привилегии, социальная защита;

5) хорошие условия труда, физический комфорт;

6) возможность реализовать себя, открыть что-то новое;

7) возможность трудоустройства, востребованность профессии в обществе;

8) возможность развиваться, совершенствоваться, становиться лучше;

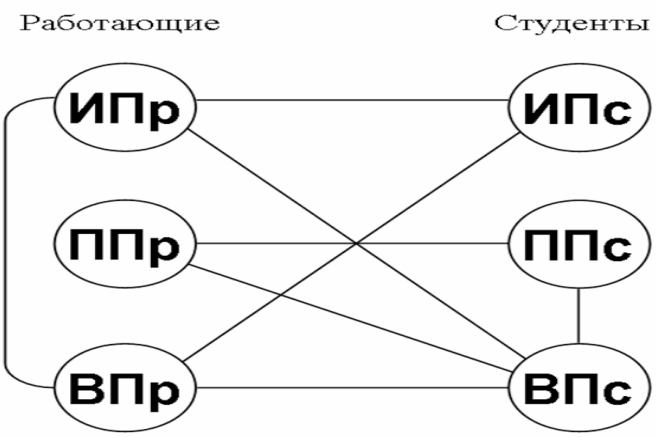
9) возможность работать в хорошем коллективе;

10) возможность проявить свои знания, умения, способности;

11) возможность приносить пользу людям, делать полезное для общества дело;

12) возможность заниматься интересным делом, получать удовлетворение от работы.

Подсчитывался средний арифметический показатель предпочтения каждой ценности по трем видам профессий. В итоге в каждой группе испытуемых было получено по три ряда ценностей профессии, характеризовавшихся различной степенью их представленности в идеальной профессии (ИП), первой (ПП) и второй (ВП) профессиях. Полученные результаты были подвергнуты корреляционному анализу (см. рисунок).



Значимые корреляции ценностей профессии у студентов и работающих

*ИПр – средние арифметические показатели ценностей «идеальной профессии» у работающих; ИПс – средние арифметические показатели ценностей «идеальной профессии» у студентов; ППр – средние арифметические показатели ценностей первой профессии у работающих, ППс – средние арифметические показатели ценностей первой профессии у студентов; ВПр – средние арифметические показатели ценностей второй профессии у работающих; ВПс – средние арифметические показатели ценностей второй профессии у студентов.

В результате корреляционного анализа выявлены значимые положительные корреляции ценностей профессий по следующим шкалам:

1) «идеальной профессии» и второй профессии у работающих (r_{xy} = 0,795; p < 0,01);

2) «идеальной профессии» у работающих и «идеальной профессии» у студентов (r_{xy} = 0,729; p < 0,01);

3) «идеальной профессии» у работающих и второй профессии у студентов (r_{xy} = 0,590; p < 0,05);

4) первой профессии у работающих и первой профессии у студентов (r_{xy} = 0,972; p < 0,01);

5) первой профессии у работающих и второй профессии у студентов (r_{xy} = 0,758; p < 0,01);

6) второй профессии у работающих и идеальной профессии у студентов (r_{xy} = 0,922; p < 0,01);

7) второй профессии у работающих и второй профессии у студентов (r_{xy} = 0,731; p < 0,01);

8) первой и второй профессии у студентов (r_{xy} = 0,749; p < 0,01).

Из представленных показателей корреляций следует, что студенты и работающие имеют сходные представления о ценностях «идеальной профессии». В то же время только у работающих «идеальная профессия» положительно коррелирует со второй профессией. Ценности первой профессии не имеют значимой корреляции с ценностями «идеальной профессии» ни у студентов, ни у работающих, что, по-видимому, явилось основанием для приобретения ими второй профессии.

То есть вторую профессию работающие выбирают с учетом ее соответствия требованиям «идеальной профессии». У студентов же «идеальная профессия» не коррелирует ни с ценностями первой, ни с ценностями второй профессии. Так как у студентов коррелируют между собой только ценности первой и второй профессии, то это означает, что вторую профессию они выбирают, исходя из тех же ценностей, что и первую, а не из ее большего соответствия ценностям «идеальной профессии».

Также были вычислены показатели уровня профессиональной депривации у студентов и работающих, проявляющейся в отношении как первой, так и второй профессии. Для определения уровня профессиональной депривации у студентов и работающих сначала вычислялась разность между средними арифметическими показателями ценностей «идеальной» и первой, «идеальной» и второй профессии. Затем абсолютные значения этих разностей суммировались отдельно для первой и второй профессии. Чем выше оказывалась сумма, тем выше был уровень профессиональной депривации.

В результате у работающих показатель депривации по первой профессии составил 9,4 балла, а по второй – 5,3 балла. У студентов показатель депривации по первой профессии составил 10,9 балла, а по второй – 8,6 балла.

То есть уровень депривации по первой профессии у студентов и у работающих является схожим, а по второй профессии у работающих он оказался значительно ниже, чем у студентов. Уровень профессиональной депривации в отношении второй профессии у студентов остался таким же высоким.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) работающие, имея опыт работы и реальные представления о профессиональной деятельности, при выборе второй профессии выбирают такую, которая в большей степени соответствует их представлениям об «идеальной профессии»;

2) студенты при выборе второй профессии выбирают такую, которая по своим ценностям схожа с первой, а не с «идеальной профессией»;

3) выбор второй профессии работающими позволяет значительно уменьшить переживание ими профессиональной депривации, у студентов же ее уменьшение незначительно.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты при выборе второй профессии нуждаются в специальной психологической помощи, позволяющей им более точно определиться в своих профессиональных предпочтениях.

В качестве направлений данной работы можно назвать следующие:

1) предварительное знакомство студентов с будущей профессией, в том числе и возможностями трудоустройства, требованиями, предъявляемыми к личности профессионала;

2) обязательное профориентационное тестирование студентов при выборе ими направления дополнительной подготовки;

3) проведение собеседования по результатам тестирования и помощь в выборе профиля дополнительного обучения;

4) практико-ориентированное обучение с привязкой к предполагаемому месту работы.

Также возможно проведение различных тренингов, позволяющих приобрести определенные умения по поиску работу, продвижению в ней, что придаст студентам больше уверенности в себе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мальцева Л. В. Педагогическая технология формирования готовности учащихся старших классов общеобразовательных учреждений к выбору профессии: автореф. дис. … канд. пед. наук. Курган, 2000; Дорн М. В. Профессиональное консультирование старшеклассников в условиях государственной службы профориентации: автореф. дис. … канд. пед. наук. Кемерово, 2003; Дусь Т. Э. Подготовка старшеклассников к осознанному выбору профессии в процессе социальной работы с молодежью: автореф. дис. … канд. пед. наук. Омск, 2004; Ревина А. А. Формирование готовности к осознанному выбору будущего образовательного профиля и будущей профессии в подростковом возрасте: автореф. дис. … канд. психол. наук. Н. Новгород, 2008; Зыбина Л. Н. Структурные компоненты и динамика профессиональной направленности личности: автореф. дис. … канд. псхол. наук. Новосибирск, 2009; Жукова К. В. Психолого-педагогическая подготовка студентов вуза как фактор развития их профессиональной направленности: автореф. дис. … канд. пед. наук. Магнитогорск, 2007; Верхова Ю. Л. Формирование личностной и профессиональной направленности студентов в контекстном обучении: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2007; Софьина В. Н. Психолого-акмеологические основы формирования профессиональной компетентности специалистов в системе научно-производственной интеграции: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2007.

2. Чуркин С. Д., Дубовицкая Т. Д., Маслов Е. Б. Профессиональная направленность и карьерные ориентации студентов различных факультетов // Соврем. проблемы науки и образования. 2012. № 2; URL: http://www.science-education.ru/102-5882 (дата обращения: 01.05.2012).

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ГОСТЕПРИИМСТВА

Е. Е. Панина

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF HOSPITALITY SPECIALISTS TO BE

E. E. Panina

В статье рассматривается процесс формирования профессиональных компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства. В ходе исследования были определены ключевые компетенции, необходимые специалисту в данной области, создан «идеальный профиль» специалиста сферы гостеприимства, спроектирована модель процесса формирования профессиональных компетенций, проанализированы результаты эксперимента и сделаны выводы о необходимости компетентностного подхода к образованию, ориентированного на развитие компетенций, необходимых для профессиональной деятельности будущих специалистов сферы гостеприимства.

The article considers formation of professional competencies of hospitality specialists to be. In the course of the study the key competencies of specialists in this field were identified, an "ideal profile" of the hospitality specialist was created, a model of the professional competencies formation was designed, experiment results were analyzed and were drawn the conclusions about the necessity of competence approach to competence-oriented education required for the professional activities of hospitality specialists to be.

Ключевые слова:
профессиональные компетенции, компетентностный подход к образованию, компетентный специалист, ключевые компетенции, специалист сферы гостеприимства, знания, умения, навыки, особенности формирования компетенций, «идеальный профиль» специалиста сферы гостеприимства, модель процесса формирования профессиональных компетенций.

Keywords:
professional competencies, competence-oriented approach to education, the competent specialist, key competencies, hospitality specialist, knowledge, abilities, skills, peculiarities of competencies formation, the "ideal profile" of a hospitality specialist, a model of the formation of professional competencies.

Изменения, происходящие в последние десятилетия в России и характеризующиеся стремительным развитием туризма, не могли не отразиться на индустрии гостеприимства. Возникают новые гостиничные комплексы, предприятия питания, информационные и рекламные службы, а также инновационные учебные заведения туристского профиля. Современные социально-экономические отношения обусловливают модифицированные подходы к развитию туристской сферы, что в свою очередь приводит к повышению требований к квалификации специалистов сферы туризма.

Как отмечает основоположник российской туристики В. А. Вартальнов, «сегодня по мере развития эволюционных процессов главным инструментом прогресса становятся знания, которыми обладает конкретный человек, преобразующий мир вокруг себя и туризма в целом» [1].

Неудовлетворенность современным образованием, медленно реагирующим на бурные изменения общественной жизни, – явление всеобщее. Современное образование сохраняет традиционную ориентацию на содержание, позволяющее поддерживать на требуемом уровне знания, достаточные для того, чтобы на протяжении всей жизни выполнять однообразные и нередко вполне ограниченные профессиональные функции, необходимые для реализации прагматически понимаемых жизненных целей и достижения весьма ограниченно трактуемого жизненного успеха в критериях главным образом материальных приобретений и потребительских устремлений. Однако современное информационное, сверхсложное общество требует в первую очередь самостоятельного мышления, готовности и способности решать нестандартные проблемы, творить в условиях постоянного выбора [2]. Как отмечают аналитики [3], к подготовке специалистов такого уровня современная высшая профессиональная школа зачастую не готова.

Перемены в развитии общества определяют необходимость реформирования системы образования. Одной из задач в условиях модернизации российского образования является его интеграция в единое европейское образовательное пространство, характеризующееся гармонизацией образовательных стандартов, учебных планов, специальностей в разных странах, ростом мобильности и сотрудничества преподавателей и студентов, формированием рынка образовательных услуг. Важным положением Болонского процесса, к которому присоединилась Россия в 2003 году, является ориентация профессионального образования на конечный результат в виде фиксированного набора ключевых компетенций. Идея ключевых компетенций, выдвинутая экспертами Совета Европы, находит свое распространение и развитие в системе профессионального образования в Российской Федерации.

Основная цель профессионального образования определяется как подготовка специалиста, свободно владеющего своей профессией и ключевыми компетенциями, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности и вступлению в межкультурную профессиональную коммуникацию. Новые требования ориентируют систему профессионального образования на переход от традиционного подхода к компетентностному, призванному удовлетворить потребности современного общества, производства и самих обучающихся.

Идеи компетентностного подхода раскрываются в трудах В. И. Байденко, А. А. Вербицкого, Э. Ф. Зеера, Г. И. Ибрагимова, И. А. Зимней, А. М. Новикова, Г. В. Мухаметзяновой, С. Е. Шишова и др. Проблему формирования личностной и индивидуальной компетентности будущего специалиста, его профессиональной деятельности исследовали В. В. Сериков, Е. В. Бондаревская, И. С. Якиманская, А. Н. Леонтьев, И. А. Зимняя, Н. Ф. Талызина и др.

С 2002 по 2011 год на базе Владимирского филиала Российской международной академии туризма (ВФ РМАТ), Владимирского института туризма (ВИТиГ) и Владимирского техникума туризма (ВТТ) проводились исследования с целью изучения процесса формирования профессиональных компетенций у будущих

специалистов сферы гостеприимства. В комплексе диагностических мероприятий применялись: педагогическое наблюдение за учебно-воспитательным процессом; беседы, тестирование студентов; естественный педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий), статистическая и аналитическая обработка данных эксперимента. Были сформулированы основные выводы, предложены практические рекомендации по формированию профессиональных компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства, разработана и апробирована педагогическая технология формирования ключевых компетенций у студентов, предполагающая построение учебного процесса на блочно-модульной основе.

В настоящее время разработаны и утверждены Министерством труда России профессиональные стандарты для туризма [4], содержащие комплексные требования по перечню функциональных обязанностей, основных навыков и знаний, требуемых для работников туристского бизнеса и специалистов предприятий сферы гостеприимства. Для каждой специальности в соответствии с квалификационными уровнями приводится список должностей, требуемый уровень образования, перечень должностных обязанностей, ключевых навыков и знаний.

Анализ существующих профессиональных стандартов для туристской сферы позволил нам на основе компетенций человека в современном мире, выделяемых И. А. Зимней [5], с учетом специфики квалификационных требований сформулировать перечень ключевых компетенций, необходимых специалисту сферы гостеприимства.

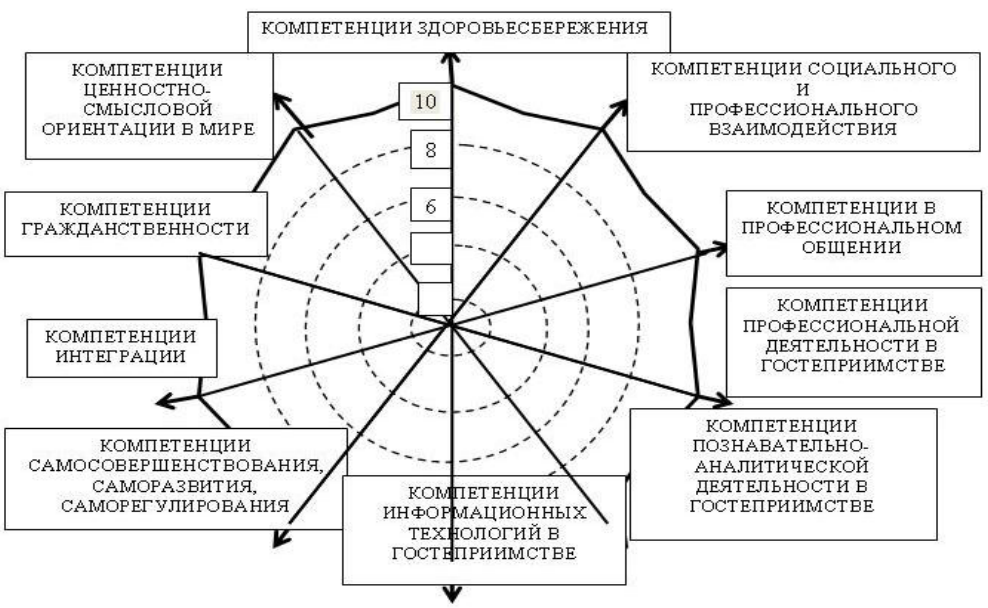


Рис. 1. «Идеальный профиль» специалиста сферы гостеприимства

Под профессиональной компетентностью специалистов понимается интегральная характеристика, определяющая способность специалиста решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности, с использованием знаний, профессионального опыта, ценностей и наклонностей.

Итак, выделенные нами ключевые компетенции, необходимые специалисту сферы гостеприимства, разделены на три блока:

1. Компетенции, относящиеся к специалисту сферы гостеприимства как к субъекту жизни и деятельности:

- компетенции здоровьесбережения;
- компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире;
- компетенции интеграции;
- компетенции гражданственности;
- компетенции самосовершенствования, саморазвития, саморегулирования.

2. Компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию специалиста сферы гостеприимства:

- компетенции социального и профессионального взаимодействия;
- компетенции в профессиональном общении.

3. Компетенции, относящиеся к профессиональной деятельности специалиста сферы гостеприимства, а именно:

- компетенции познавательно-аналитической деятельности специалиста сферы гостеприимства;
- компетенции профессиональной деятельности в гостеприимстве;
- компетенции информационных технологий в гостеприимстве.

На основе предлагаемого набора ключевых компетенций был разработан «идеальный профиль» специалиста сферы гостеприимства, который отражает максимально возможный уровень развития указанных выше компетенций (по 10-балльной шкале) (рис. 1).

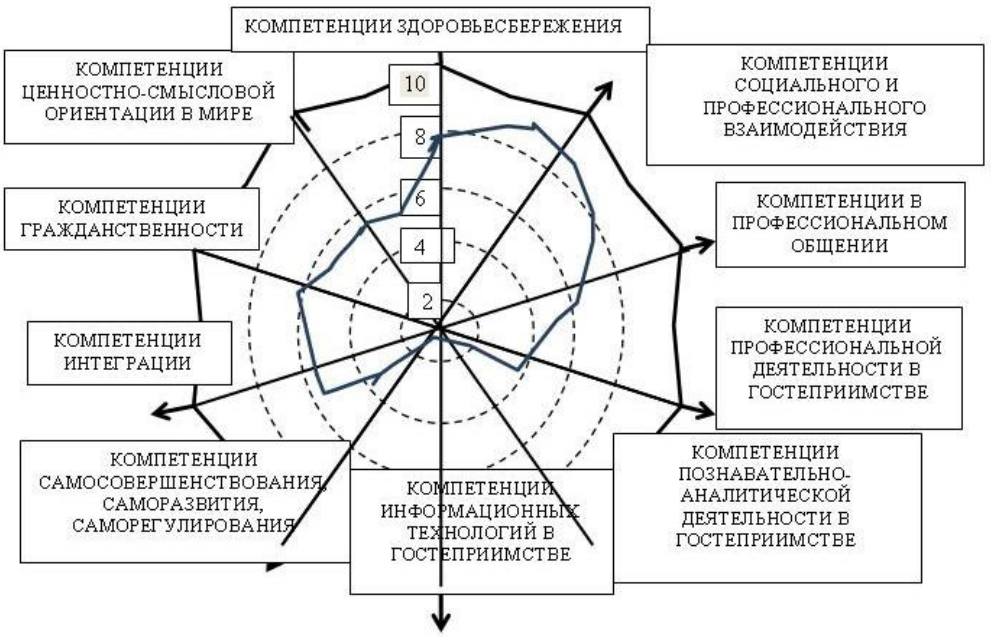


Рис. 2. Сравнение карты профессиональных компетенций будущего специалиста сферы гостеприимства (получающего теоретические знания) с «идеальным профилем»

Далее было проведено тестирование уровня развития компетенций среди будущих специалистов сферы гостеприимства, а именно среди студентов ВТТ, ВФ РМАТ и ВИТиГ. На основе полученных результатов была составлена карта компетенций будущих специалистов, где каждая ось отражает набранные баллы по конкретной компетенции. Рисунок 2 представляет сравнение карты компетенций будущих специалистов с «идеальным профилем» специалиста сферы гостеприимства.

Анализ карты компетенций будущих специалистов сферы гостеприимства показал, что наименее развитыми являются *компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире* (налицо нежелание молодежи знать и изучать историю, культуру и религию своей страны, а также других стран), *гражданственности* (отражает непонимание молодежью таких понятий, как гражданский долг, гражданская ответственность, незнание прав и обязанностей граждан, законов и нормативно-правовых документов в области гостеприимства), *информационных технологий* (что говорит о необходимости более углубленного изучения компьютерных программ, систем бронирования, необходимых специалистам сферы гостеприимства) и *здоровьесбережения* (это указывает на то, что студенты в силу своей молодости недостаточно серьезно относятся к тому факту, что представление клиента о специалистах и предприятии в целом напрямую зависит от внешнего вида человека, образа жизни, который он ведет, знания и соблюдения санитарных норм).

Что касается остальных компетенций, то их уровень хотя и требует развития, тем не менее достаточно высок. Особенно это касается *компетенций самосовершенствования, саморазвития, саморегулирования* (это говорит о том, что молодежь осознает необходимость совершенствования своих теоретических навыков, стремится к обучению и повышению квалификации) и *компетенций в профессиональном общении* (что указывает на способность студентов к общению с сокурсниками, будущими клиентами и коллегами по работе).

Проблема формирования профессиональных компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства связана с решением ряда важнейших задач. Прежде всего, нужно объективно представлять содержание ключевых компетенций, связь таковых с профессиональной культурой специалиста и необходимым для их формирования опытом профессиональной деятельности. Кроме того, следует выделить проблему сочетания теоретической подготовки и возможности приобретения практических навыков будущей профессиональной деятельности, которые должны быть запланированы в учебном процессе.

В ходе работы мы создали модель процесса формирования профессиональных компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства. Актуальность модели состоит в том, что она дает возможность существенно обогатить содержание и повысить качество профессиональной подготовки с ориентацией ее на государственные стандарты, сформировать специалиста, способного социально адаптироваться к потребностям местного рынка труда в любых условиях.

Компетентностная модель процесса профессиональной подготовки будущего специалиста сферы гостеприимства представляет собой совокупность форм обучения, методов обучения и компетенций, необходимых специалисту в данной области, которые распределены по трем модульным блокам, в соответствии с набором ключевых компетенций, указанных выше.

Рис. 3 Модель формирования профессиональных компетенций

Далее было проведено модульное обучение, направленное на формирование слаборазвитых или недостающих компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства. Овладение компетенциями обеспечивалось за счет использования таких форм обучения, как лекция, семинар, практическое занятие, деловая игра, обучающее консультирование, тренинг. В процессе подготовки будущих специалистов сферы гостеприимства использовались следующие методы обучения: словесный, наглядный; практический; групповая дискуссия; игровой; моделирование ситуаций и др.

Обучение осуществлялось в рамках учебных предметов на основании разработанных модулей обучения, включающих в себя перечень формируемых у будущего специалиста сферы гостеприимства знаний и умений, наименования тем занятий, раскрываемых в перечне рассматриваемых во время обучения вопросов, формы обучения и количество часов, отведенных на проведение занятий.

К примеру, при выборе модуля обучения, направленного на развитие компетенций гражданственности, учебные занятия были посвящены темам:

- «Правила предоставления гостиничных услуг в РФ» (раскрывались правовые основы организации работы предприятий сферы гостеприимства);
- «Требования к санитарному содержанию предприятий сферы гостеприимства» (рассматривались санитарные нормы содержания гостиниц в России);
- «Обеспечение безопасности на предприятиях сферы гостеприимства» (противопожарная безопасность, современные охранные системы).

При выборе модуля обучения, направленного на развитие компетенций познавательно-аналитической деятельности будущего специалиста сферы гостеприимства, были проведены занятия на темы:

- «Анализ рынка и подбор деловых партнеров» (особенности рынка гостиничных услуг, понятие дифференциации рынка, виды конкуренции);
- «Возможности гостиничного предприятия и потребности клиентов» (раскрывались вопросы соответствия возможностей гостиничного или ресторанного предприятия потребностям клиентов).

При выборе модуля обучения, направленного на развитие компетенций здоровьесбережения, учебные занятия были посвящены темам:

- «Особенности образа жизни за рубежом» (раскрывались особенности поведения туристов в Европе и мусульманских странах);
- «Правила личной гигиены в поездке» (рассматривались страны, связанные с повышенным риском для здоровья туристов и так далее);
- «Требования к внешнему виду сотрудника предприятия сферы гостеприимства» (раскрывались основные требования к униформе, внешнему виду, правилам личной гигиены, отношение к курению и т. д.).

Аналогичные учебные занятия проводились по всем модульным блокам ключевых компетенций, необходимых специалистам сферы гостеприимства.

Помимо теоретического обучения будущих специалистов сферы гостеприимства, в процесс обучения была включена производственная практика, состоящая из трех блоков:

- практика для получения первичных профессиональных навыков;
- практика по профилю специальности (на предприятии сферы гостеприимства);

- практика квалификационная – после освоения учебной программы и сдачи студентами всех видов промежуточной аттестации, предусмотренных государственными требованиями.

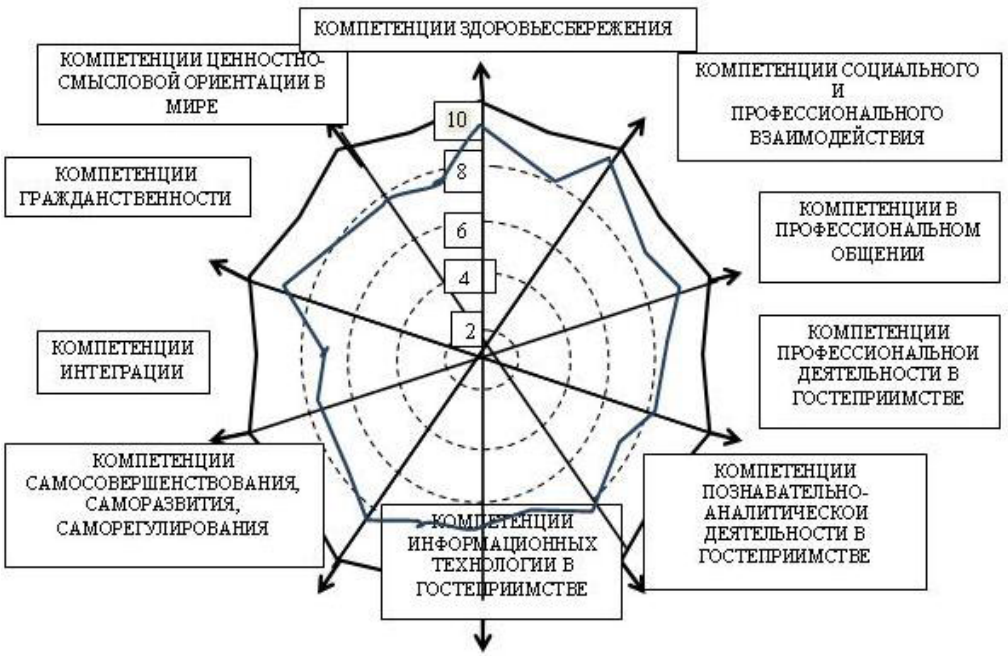


Рис. 4. Сравнение карты профессиональных компетенций будущего специалиста сферы гостеприимства после обучения с «идеальным профилем»

После модульного обучения и производственной практики вновь было проведено тестирование на выявление уровня развития компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства. Результаты сравнения уровня развития компетенций у будущих специалистов сферы гостеприимства после обучения с «идеальным профилем» представлены на рисунке 4.

Анализ карты компетенций будущих специалистов сферы гостеприимства после модульного обучения показал: несмотря на то, что уровень развития профессиональных компетенций еще далек от идеального, повышение уровня развития таковых очевидно. Причем особенно это заметно в компетенциях, которые были наименее развиты, в частности в *компетенции здоровьесбережения*. Это говорит о том, что будущие специалисты обратили внимание на такие обыденные, казалось бы, вещи, как, например, внешний вид, хотя ранее не считали его необходимым для профессиональной деятельности. Повышение уровня развития *компетенции гражданственности* показывает осознание ими того факта, что знание законов и нормативно-правовых документов необходимо для профессиональной деятельности специалистов сферы гостеприимства, а повышение уровня развития *компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире*, пусть и не до высшего уровня, позволяет надеяться на то, что занятия способствовали росту интереса к культуре России и

других стран, желанию в будущем продолжать их изучение и прививать уважение к традициям своей и других стран у окружающих. Вместе с тем *компетенции информационных технологий* не получили нужного развития. Это говорит о том, что в рамках учебных дисциплин невозможно изучить сложные современные компьютерные программы бронирования, безопасности, автоматизированных систем управления, применяемые в настоящее время в индустрии гостеприимства. Тем не менее анализ показал повышение уровня развития всех компетенций, которые будут совершенствоваться в процессе дальнейшей работы будущих специалистов сферы гостеприимства.

Полученные результаты отражают тенденции повышения уровня развития профессиональных компетенций в процессе внедрения предложенной модели и подтверждают достижение образовательных, воспитательных и развивающих целей, а проведенные исследования позволяют сделать выводы о необходимости компетентностного подхода к образованию в сфере гостеприимства, пересмотра содержания учебных программ с ориентацией на развитие компетенций, необходимых для профессиональной деятельности будущих специалистов в данной области.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Квартальнов В. А. Педагогика и туризм. М.: Совет. спорт, 2000.
2. Там же. С. 67.
3. Наумова Н. Н. Экологическое образование в туристском вузе: моногр. Владимир: Маштекс, 2006. С. 90.
4. Бусыгина А. Л. Профессор – профессия: теория проектирования содержания образования преподавателей вуза. Самара: Перспектива, 2003. С. 98; Гусаковский М. А. Университет как центр культуропорождающего образования // Образование в современной культуре / под ред. М. А. Гусаковского. Минск: Техпринт, 2001. С. 7–32.
5. Профессиональные стандарты для туризма // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2000. № 1. С. 41–42, 56–63.
6. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высш. образование сегодня. 2003. № 5.

УДК 378

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА ЗАОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ ВУЗА

С. Б. Калинковская

THE USAGE OF PROBLEM-BASED LEARNING TECHNOLOGY DURING AN INTERACTIVE EDUCATIONAL PROCESS AT THE CORRESPONDENCE DEPARTMENT OF THE UNIVERSITY

S. B. Kalinkovskaya

Статья посвящена вопросу использования технологии проблемного обучения при организации интерактивного образовательного процесса на заочном отделении вуза. Исследователь выделяет характерные особенности технологии проблемного обучения и описывает этапы ее реализации на аудиторных занятиях в высшей школе.

The article is devoted to the usage of problem-based learning technology during an interactive educational process at the correspondence department of the university. The author identifies the characteristics of problem-based learning technologies, and describes the stages of its implementation at classroom trainings at the university.

Ключевые слова:
технология проблемного обучения, заочное обучение, интерактивное обучение.

Keywords:
problem-based learning technology, correspondence course, interactive training.

Современные требования к профессиональной подготовке специалистов в вузе при заочной форме обучения диктуют необходимость выстраивания интерактивного образовательного процесса, в ходе которого создаются основы для формирования у студентов особого мобильного сознания, которое помогало бы будущему и настоящему профессионалу совершенствоваться в соответствии с достижениями научно-технического прогресса и социально-культурными изменениями. Как показывает практика, одним из инструментов, который может помочь преподавателю заочного отделения высшей школы решить стоящую перед ним задачу по подготовке специалистов новой формации, является технология проблемного обучения.

Специфика интерактивного обучения заключается в том, что при данном виде педагогического взаимодействия субъектов образовательного пространства оператор (в качестве которого выступает педагог) постоянно изменяет свои воздействия на систему (в качестве которой выступает студенческая группа или отдельно взятый студент) в соответствии с ее ответной реакцией на воздействие оператора, а также в соответствии с ее индивидуальными потребностями и актуальным уровнем развития [1]. При выстраивании проблемного обучения специфические черты интерактивного обучения проявляются наиболее ярко.

Развернуто и на широкой экспериментальной основе технология проблемного обучения разрабатывалась, проверялась и конкретизировалась с 50-х годов XX века рядом научных коллективов, одним из которых был коллектив, созданный Д. Б. Элькониным и В. В. Давыдовым [2]. Данные авторы выявили, что необходимо организовывать обучение, способное создавать зоны ближайшего развития, которые бы превращались со временем в требуемые человеку новообразования. Коллектив авторов большое внимание уделял изучению процесса формирования учебной деятельности и ее субъекта. Учебная деятельность включает соответствующие потребности, мотивы, задачи, действия и операции. Чтобы формировалась полноценная учебная деятельность, человек должен систематически решать учебные задачи. Главная особенность учебных задач в том, что при их решении человек ищет и находит общий способ подхода ко многим частным задачам, которые в последующем выполняются как бы с ходу и сразу правильно. Приобретение потребности в учебной деятельности, соответствующих мотивов способствует укреплению желания учиться.

Развитие творческих возможностей всех учащихся предполагает обучение таким познавательным структурам, как самостоятельный перенос усвоенных знаний в новую ситуацию, видение проблем в непривычных условиях, видение новой функции знакомого предмета, видение структуры объекта (задачи, текста), видение альтернативы способа решения и самого решения, комбинирование нового способа из уже известных [3].

Проблемное обучение изменило схему традиционного обучения, управляемого на всех этапах и обращенного в основном к памяти человека. Проблемное обучение поставило некоторую систему знаний перед этапом их предъявления, до процесса овладения ими. Эти знания, которых классическая дидактика не знала, получили название «проблемных» [4]. В практике обучения так называемые вопросы с затруднениями и «нестандартные» задачи всегда вызывали проблемную ситуацию как побудительную причину познавательной активности учащегося.

С постановки проблемного задания и возникновения проблемной ситуации начинается мышление, в процессе которого происходит нахождение (совместное с педагогом) и усвоение нового задания. Результат совместной работы педагога и обучаемого выступает для последнего субъективно как «свое открытие», ситуация, требующая мышления.

На этапе закрепления знаний в проблемном обучении также имеются свои особенности. Исследования показали, что решенное самостоятельно не требует повторения (во всяком случае, от многочисленного повторения при этой технологии обучения можно отказаться). Контролируются при проблемном обучении не столько конкретные задания, сколько умение применять их в новых условиях, другими словами, необходим контроль понимания, усвоения материала, а не только памяти человека.

Проблемное обучение в ходе создания и решения проблемных ситуаций помогает решить следующие педагогические задачи: стимулирование внутренней мотивации учения, повышение познавательного интереса, формирование самостоятельности, развитие творческих способностей, воображения, создание условий для самоопределения в профессиональной образовательной среде, развитие коммуникативных навыков, прочное усвоение изученного, формирование убеждений, создание условий для овладения учащимися первичными навыками исследовательской деятельности.

Структура проблемной ситуации следующая: зарождение проблемной ситуации и познавательной потребности; поиск решения проблемы, нахождение решения, «открытие» нового знания; проверка решения.

Выделяют четыре уровня проблемного обучения. Критерием для их различия является степень самостоятельности студентов [5]. На первом уровне проблемного обучения степень самостоятельности познавательного процесса обучаемых невелика: педагог сам показывает противоречие, формулирует проблему, разрешает ее, воспроизводя поиск решения, выдвижение гипотез, их обоснование и проверку. Обучающий эффект здесь основан на феномене «включенности» обучаемого в мыслительный процесс сразу же с момента принятия проблемы и возникновения желания ее решить. Второй уровень – противоречие и проблема формулируются педагогом, разрешение проблемы происходит совместно с учащимися. Третий уровень – противоречие и проблема формулируются педагогом, находят решение учащиеся самостоятельно. Четвертый уровень проблемного обучения требует максимума самостоятельности от учащихся. Студенты в этом случае имеют неупорядоченные данные, которые они, кстати, сами находят. Ставится задача сформулировать возможную проблему и разрешить ее. Это уже исследовательский, творческий уровень.

Методы обучения в данной технологии классифицируются по характеру познавательной деятельности учащихся и усвоения изучаемого материала на объяснительно-иллюстративные, репродуктивные, проблемные, эвристические и исследовательские (И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин).

Структура проблемного обучения включает в себя учебную проблему, вызывающую соответствующую (проблемную) ситуацию, гипотезу или предположение по ее разрешению, обоснование выдвинутой гипотезы, т. е. различного рода доказательства (теоретическое, экспериментально-практическое, фактическое) и вывод.

Основным элементом проблемного обучения, как уже отмечалось выше, является «проблемная ситуация». Она представляет собой главный элемент проблемного обучения, с помощью которого пробуждается мысль, познавательная потребность учащихся, активизируется мышление. Психическое состояние обучаемого при решении проблемной задачи характеризуется тем, что он видит противоречия, какие-либо несоответствия, осознает их как трудности, преодоление которых требует новой информации, хочет разрешить данные противоречия [6]. Проблемная ситуация характеризуется тематической направленностью, содержательной значимостью, закономерностью элементов, целесообразностью и посильностью ее решения для учащихся. Она может создаваться при помощи следующих противоречий: между известным и неизвестным, между формальным и истинным знаниями, между привычным и необычным рассмотрением предмета, между усвоенными знаниями и применением их в новых практических условиях, между одними и теми же по характеру знаниями, но имеющими более низкий и более высокий уровни, между научными и житейскими знаниями, при противопоставлении ближайшей и отдаленной причин явлений, между фантазией и действительностью, между теорией и практикой, между давно известными фактами и новыми (одного и того же порядка).

Обострить противоречия, порождающие проблемную ситуацию, с целью

активизации познавательной деятельности учащихся педагог может при помощи следующих приемов: эмоционального воздействия, остроты и неожиданности, учета актуальности рассматриваемого вопроса, парадоксальности, борьбы идей, конкретизации и персонификации, сопоставления, открыто поставленного проблемного вопроса и пр.

При создании проблемной ситуации ей можно придавать различные формы. Ее можно представить в виде вербального описания противоречий, показа проблемного опыта, формулировки проблемного задания, лабораторного эксперимента.

Технология конструирования проблемной ситуации включает в себя четыре этапа. Первый этап представляет собой определение основного информационно-объяснительного текста, подлежащего усвоению. Второй – вычленение ряда противоречий, не явно содержащихся в основном тексте. Третий – нахождение среди противоречий дидактически центрального, на котором и будет строиться проблемная ситуация. Четвертый – реконструкция материала с целью показа обучающимся выделенного противоречия, то есть непосредственное создание проблемной ситуации.

Проблемное занятие со студентами проходит семь стадий. Первая стадия – это стадия актуализации опорных знаний. Ее цель состоит в повторении и обосновании значимости имеющихся у учащихся представлений в заданной области действительности. Для осуществления задач этой стадии педагог использует фронтальный опрос, рассказ-вступление, решение задачи, индивидуальный устный ответ с последующими необходимыми уточнениями и добавлениями. Результатом данных действий педагога должно быть наличие у студентов опорных знаний, необходимых для осмысленного восприятия противоречий. Спектр изменений личности обучающегося в ходе решения задач первой стадии будет представлен формированием у студентов умений соотносить ответы с образом, четко формулировать ответы, управлять своим вниманием, развивать стремление к взаимопомощи и оказанию поддержки.

После решения целей первой стадии на проблемном занятии педагог переходит ко второй – анализу проблемного задания. Вторая стадия направлена на достижение цели, которая заключается в необходимости подведения учащихся к пониманию начальных условий проблемного задания. Это достигается за счет коллективного обсуждения, изложения преподавателя, постановки проблемного опыта. Результатом данных действий служит понимание учащимися существования, наличия какого-то несоответствия, противоречия в рассматриваемой области действительности. В ходе выявления и констатации заданного противоречия у студентов формируется умение ответственно относиться к своей позиции и сопоставлять ее с позицией другого, корректировать свою точку зрения.

Анализ проблемного задания позволяет подвести учащихся к третьей стадии проблемного занятия – вычленению проблемы. Целью этой стадии является выявление сути противоречия. Это достигается за счет использования метода теории решения изобретательских задач «мозговой штурм», высказывания индивидуальных суждений, коллективного обсуждения проблемы, изложения сущности проблемы педагогом. Результатом реализации цели третьей стадии занятия выступает вербальная формулировка проблемы, а также развитие логического мышления, переход от анализа противоречия к поиску направлений его разрешения, самостоятельность

суждений, развитие навыков интеллектуального взаимодействия с партнерами по образовательному процессу.

Вычленение проблемы диктует необходимость выдвижения возможных предположений по ее решению, что переводит занятие на следующую – четвертую – стадию. Ее цель заключается в выдвижении предположений по решению проблемы в ходе групповой работы, «мозгового штурма», индивидуальных суждений, предположений, выдвинутых педагогом. Результатом решения задачи четвертой стадии является наличие ряда гипотез, проявление гибкости мышления, формирование умения мысленно прослеживать путь решения, аналитико-прогностические умений.

Работа с отбором гипотезы переводит проблемное обучение в ходе занятия на пятую стадию – сужение поля поиска решения проблемы. Деятельность студентов на этой стадии направлена на проработку каждого из их предположений с целью отсева неперспективных гипотез в ходе групповой работы, коллективного обсуждения, индивидуальных суждений, изложения-рассуждения преподавателя. Результатом данной деятельности является сужение поля поиска решения, определение рабочей гипотезы, формирование у студентов умения делать эскизный проект решения проблемы, анализировать перспективность гипотез, определять недостатки и достоинства предложений, несмотря на их авторство.

Отбор рабочих гипотез требует проведения их доказательства. Поэтому на шестой стадии проблемного занятия проводится доказательство рабочей гипотезы посредством групповой деятельности, последовательного проведения доказательств несколькими или одним из студентов, доказательства гипотезы самим педагогом (мини-лекция, объяснение), коллективного доказательства под руководством педагога (фронтальная беседа). Результатом доказательства рабочих гипотез является наличие стройной системы аргументации и уяснение ее сути, формирование умения выстраивать логику доказательства, конструировать цепочку причинно-следственных связей, выстраивать свою позицию и быть готовым к ее коррекции или замене.

Деятельность по доказательству рабочих гипотез диктует необходимость их проверки, поэтому целью шестой стадии проблемного занятия является осуществление рефлексии проделанной работы, конструирование вывода. Путь реализации данной цели – это задания на поэтапную проверку правильности выполнения действий, соотнесение начальных условий с характером и содержанием решения, упражнения на проверку правильности вывода путем переноса его на другие ситуации, аналогичные исходной. В ходе проверки гипотез у учащихся формируется убежденность в правильности полученного вывода, способность к объяснению, оценке собственных действий.

Таким образом, проблемное обучение, представляя собой ряд последовательных проблемных ситуаций, позволяет при раскрытии определенной темы активно включать студентов в обсуждение и осмысление материала, активизировать их познавательный интерес, мотивировать на расширение зоны ближайшего развития. Вариативность проблемных ситуаций обусловлена различными способами их создания.

В условиях заочного обучения, когда в образовательный процесс включены люди, имеющие опыт практической деятельности в изучаемой сфере науки, наибольший отклик получают проблемные ситуации, основанные на анализе противоречий, складывающихся между теоретическими аспектами отбора

содержания и организацией образовательного процесса, реальным воплощением положений теории на практике. При этом студенты-заочники также живо откликаются на проблемные ситуации, в основе которых лежит столкновение обучаемых с жизненными явлениями, фактами, требующими теоретического объяснения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Калинковская С. Б. Использование информационных технологий при организации интерактивного обучения в вузе // Науч. проблемы гуманитар. исследований. 2010. Вып. 3. С. 169–175.

2. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М.: Просвещение, 1986. 240 с.

3. Лернер И. Я. Проблемное обучение. М.: Педагогика, 1974. 64 с.

4. Путляева Л. В. Проблемное обучение. М.: Изд-во Центр. ордена Ленина Ин-та усовершенствования врачей, 1990. С. 8.

5. Буланова-Топоркова М. В., Духавнева А. В., Кукушин В. С. Педагогические технологии / под общ. ред. В. С. Кукушина. Ростов н/Д: Март, 2002. С. 134–146; Никитина Н. Н., Железнякова О. М., Петухов М. А. Основы профессионально-педагогической деятельности. М.: Мастерство, 2002. С. 231–245.

6. Там же.

УДК 378

ПРИНЦИП САМООРГАНИЗАЦИИ – СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

З. О. Кекеева

THE PRINCIPLE OF SELF-ORGANIZATION AS THE SYSTEM-FORMING ELEMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY OF TEACHER TO BE

Z. O. Kekeyeva

В статье рассматриваются вопросы подготовки будущего учителя на основе принципа самоорганизации в культурно-образовательном пространстве университета. Автором раскрыты формы работы научно-образовательно-технологических центров, способствующие формированию самоорганизации будущих учителей как системообразующего элемента в инновационной деятельности университета и повышению качества их профессиональной подготовки; рассмотрены особенности работы научно-образовательно-технологических центров в регионе на примере Калмыцкого государственного университета.

The article considers the questions of teacher's to be training based on self-organization in the University's cultural-educational space. The author describes forms of work of scientific educational-technological centres promoting the formation of a teachers' to be self-organization as a system-forming element in the innovative activity of a University and the increasing the quality of

their training. The author also reveals working peculiarities of the scientific educational-technological centres of the region by example of the Kalmyk State University.

Ключевые слова:
самоорганизация, пространство, культура, образование, инновации, учитель, центр, качество, подготовка, форма, университет.

Keywords:
self-organization, space, culture, education, innovations, teacher, centre, quality, training, form, university.

В период перехода региональной экономики к инновационной модели развития основными отраслями, обеспечивающими ее рост, являются наука и образование. Главным конкурентным преимуществом любого региона становится вклад человеческого потенциала в рост общественного благосостояния. Учитель – профессионал высокого уровня обеспечивает единство науки, культуры и образования, которое выступает главным ресурсом развития качества жизни в регионе. Нехватка компетентных, современно подготовленных педагогических кадров разных уровней и профилей существенно тормозит инновационные процессы в экономике и в социально-культурной сфере [1].

Это особенно проявилось при переходе к компетентностной модели образования, призванной реализовать деятельностный подход в целевых, содержательных и процессуальных характеристиках обучения, что не может не составлять определенную трудность для большинства педагогов, выросших в условиях знаниевой модели образовательной деятельности. Снижается роль процессов самореализации и самоорганизации в подготовке будущего учителя как носителя инновационной педагогической деятельности.

С точки зрения В. Г. Буданова, О. Н. Козлова, А. Д. Урсу, М. Т. Громкова, Н. В. Поддубного и других исследователей, в условиях нестабильного развития социально-экономических явлений в мире возрастает интерес к проблемам самоорганизации в образовательной системе. Самоорганизация – это внешнее и внутреннее движение системы, связанное с переходом на качественно новый уровень за счет выравнивания и рационального освоения имеющегося потенциала.

Необходимость создания целостной интегрирующей многосторонней образовательной системы, способствующей саморазвитию всех подструктур и факторов среды, актуализирует принцип самоорганизации в подготовке будущего педагога в культурно-образовательном пространстве.

Самоорганизация – интегральная совокупность природных и социально приобретенных свойств, воплощенная в осознаваемых особенностях воли и интеллекта, мотивах поведения и реализуемая в упорядоченности деятельности и поведения. Это показатель личностной зрелости. Первым признаком высокой самоорганизации следует считать активное осознание человеком себя личностью [2].

Постижение механизма самоорганизации стало одним из важнейших открытий уходящего столетия. Однако система образования оказалась под воздействием сильнейших флуктуаций внешнего мира (экономических, политических, социальных, технологических), нарушивших ее равновесие. Сегодня уже невозможно вернуться к прежнему, устойчивому состоянию, т. к. для этого надо было бы заново строить

замкнутую систему. Привычный же и хорошо отлаженный механизм в новых условиях открытой системы действовать уже не может.

Самоорганизация – это возможность добиться максимального эффекта при наименьших затратах энергии, времени, материалов; правильное использование времени с наибольшим результатом; ясное представление цели, смысла, порядка выполнения, приоритетов работы.

Характерной особенностью развивающихся систем является их способность к самоорганизации, которая проявляется в самосогласованном функционировании системы за счет внутренних связей с внешней средой. Рассматривая развитие как процесс самоорганизации системы, выделим в нем две основные фазы: адаптацию, или эволюционное развитие, и отбор. Самоорганизующиеся системы обладают механизмом непрерывной приспособляемости (адаптации) к меняющимся внутренним и внешним условиям, непрерывного совершенствования поведения с учетом прошлого опыта.

Самоорганизация – процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Процессы самоорганизации могут иметь место только в системах, обладающих высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми имеют не жесткий, а вероятностный характер. Свойства самоорганизации обнаруживают объекты самой различной природы: живая клетка, организм, биологическая популяция, биогеоценоз, человеческий коллектив и т. д. Процессы самоорганизации происходят за счет перестройки существующих и образования новых связей между элементами системы. Отличительная особенность процессов самоорганизации – их целенаправленный, но вместе с тем и естественный, спонтанный характер: эти процессы, протекающие при взаимодействии системы с окружающей средой, в той или иной мере автономны, относительно независимы от нее [3].

Исследователи Г. Хакен и И. Пригожин отмечают, что все процессы, протекающие в различных материальных системах, могут быть подразделены на два типа: во-первых, это процессы, протекающие в замкнутых системах, ведущие к установлению равновесного состояния, которое при определенных условиях стремится к максимальной степени неупорядоченности или хаоса; во-вторых, это процессы, протекающие в открытых системах, в которых при определенных условиях из хаоса могут самопроизвольно возникать упорядоченные структуры, что и характеризует стремление к самоорганизации. Отличительной особенностью развивающихся систем является их способность к самоорганизации, которая проявляется в самосогласованном функционировании системы за счет внутренних связей с внешней средой [4].

Развитие самоорганизующейся системы может происходить двумя путями. Первый – эволюционный, который не требует какого-либо управления. Система спонтанно меняется (развивается) под воздействием сочетания внешних условий и внутренних тенденций. Второй путь, который можно назвать инициированным развитием, имеет место в тех случаях, когда система должна значительно изменить свое состояние по воле какого-либо внешнего субъекта, или под воздействием существенных изменений внешней среды, или в результате накопившихся эволюционных изменений, также требующих существенных (качественных) изменений состояния системы.

Основными идеями принципа самоорганизации являются: целостность, открытость, единство множеств, прерывность и непрерывность, нелинейность, интегративность, вариативность, эффективность, накопление информации и энергии. Рассмотрим основные характеристики принципа самоорганизации.

Открытость направлена на обмен системы и окружающей среды, общества информацией, отношениями, энергией, материалами. Целостность обеспечивает во всей объединенной области более высокий темп развития. Целое развивается быстрее составляющих его частей. При этом существенную роль играет согласованность действий, кооперация усилий для объединения в единое целое, что приводит к экономии материальных, духовных и других затрат. Нелинейность ориентирует на преодоление аддитивного подхода в процессе развития образовательной системы. Сумма различных воздействий не всегда равна их результату. Единство множеств обеспечивает создание целой сети дуальных позиций (не только противоположных, но и дополняющих друг друга), в которой эффективно работает диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Интегративность усиливает механизм взаимопроникновения и взаимодополнения, взаимодействия в развитии процессов самоорганизации и объединяет противоположности в единое целое, преодолевая неизбежные ограничения каждого подхода в отдельности. Вариативность предоставляет возможность выбора, замены жестких причинно-следственных отношений, изменения типов отношений. Взаимодействие саморазвивающейся системы обеспечивается диалектикой альтернативных возможностей, что позволяет реализовать на практике индивидуальные стили общения и сотрудничества. Эффективность предполагает совпадение (резонирование) внешних воздействий на систему с внутренними механизмами самоорганизации, что обеспечивает эффективность ее развития. Зная механизмы самоорганизации, можно сознательно ввести в среду соответствующее воздействие именно в нужных местах и тем самым направить ее движение. Но направить не куда угодно, а в соответствии с потенциальными возможностями самой среды. Самоорганизация – системообразующий элемент инновационной деятельности человека.

Разработка и реализация принципа самоорганизации в подготовке учителя в культурно-образовательном пространстве университета может способствовать формированию профессионально-личностной компетентности учителя в новых социальных и экономических условиях. Культурно-образовательное пространство университета – открытая сложная нелинейная динамическая самоорганизующаяся система взаимодействия университета с региональными сообществами, направленная на подготовку педагогических кадров, ориентированных на творческую профессионально-педагогическую деятельность в условиях инновационного развития региона.

И одним условием обретения будущими педагогами опыта самоорганизации в повышении качества профессиональной подготовки на основе единства достижений фундаментальной науки и исследовательского подхода в культурно-образовательном пространстве университета является процесс создания научно-образовательно-технологических центров.

И это связано с тем, что университет находится в постоянном взаимодействии с внешней средой – активно обменивается научной, аналитической и программной информацией с окружающей средой, поддерживает устойчивые связи и не

ограничивает (более того, поощряет) творческую свободу участников, что является принципиально важным для создания и применения нового знания, решения задач инновационного развития региона [5]. Необходимо отметить следующее: традиционная система подготовки будущего учителя свидетельствует о том, что в период вхождения в образовательную практику он удаляется от теории, зачастую утрачивает необходимость обращения к ней. В результате такой логики обучения начинающий учитель приходит в школу с обыденными представлениями об образовательном процессе, с чем он когда-то и пришел в вуз. Это создает атмосферу консерватизма в самой школе, порождает сомнение большинства педагогов в возможности преодолеть рутину и стереотипы школьной жизни. А все потому, что исследовательский подход и инновационность не были атрибутами вузовского процесса подготовки учителей и их переподготовки. Создание инновационных научно-образовательных центров в культурно-образовательном университете с активным участием региональных сообществ для подготовки педагогов призвано решить эту проблему. Научно-образовательно-технологические центры в культурно-образовательном пространстве университета обеспечивают развитие инновационного потенциала производительных сил региона за счет создания и внедрения наукоемких технологий в единстве с подготовкой высококвалифицированных специалистов, опережающих по своим компетенциям достигнутый в регионе уровень производства и культуры.

Качество профессиональной подготовки будущего учителя в условиях университетского научно-образовательно-технологического центра способствует удовлетворению, с одной стороны, потребности рынка труда в специалистах с «опережающим» инновационным типом мышления, с другой – потребности личности педагога в обеспечении его конкурентоспособности на рынке труда. Технология профессиональной подготовки будущего учителя в научно-образовательно-технологических центрах университета выступает системообразующим элементом повышения качества подготовки педагогов в регионе. Технология формирования профессионально-личностной компетентности педагога осуществляется через включение студентов в деятельность научно-образовательно-технологических центров, которая способствует формированию его профессионально-личностной компетентности. Самоорганизация является ядром профессионально-личностной компетентности будущего учителя, которая характеризируется активностью, добровольностью, самостоятельностью, творчеством.

В Калмыцком государственном университете создана сеть научно-образовательно-технологических центров: психолого-образовательный центр «Р.О.С.Т.: развитие, общение, сотрудничество, творчество», центр лингвистического образования и перевода «UNIVERSUM», эколого-биологический центр «ЭкоПро», физкультурно-спортивный центр «Универ», малое инновационное предприятие (МИП) ООО «Инноватика», научно-учебная лаборатория «Учебный бизнес-инкубатор КГУ», лаборатория этнопедагогических исследований, технопарки и другие, координируемые выпускающими кафедрами, в работе которых активно принимают участие студенты. Следует отметить, что научно-образовательно-технологические центры востребованы в республике, имеют возможность проявлять финансовую самостоятельность. Так, например, центры направляют большую часть средств, заработанных путем оказания дополнительных образовательных и научно-

методических услуг, на оплату труда преподавателей, студентов, а также укрепление своей материально-технической базы и определенную часть доходов отчисляют в бюджет университета. Кроме того, со стороны ректората оказывается активная помощь в поиске партнеров по организации научных исследований и других форм сотрудничества.

Вместе с преподавателями университета будущие педагоги проводят исследования, разрабатывают научные проекты, проводят эксперименты. Включение студентов в работу научно-образовательно-технологических центров является эффективным механизмом подготовки педагогических кадров в культурно-образовательном пространстве университета. Их обучение осуществляется на основе интеграции учебных, научно-исследовательских и проектно-практических аспектов этой деятельности. Методическая система подготовки педагогических кадров в научно-образовательно-технологических центрах культурно-образовательного пространства университета включает в себя совокупность учебных, исследовательских и практических методов, моделирующих целостную систему функций педагога как носителя инновационной педагогической деятельности.

В процессе профессиональной подготовки студенты знакомятся с организацией педагогических исследований, их методологией и выбирают темы для самостоятельных микроисследований, участвуют в программах академической мобильности, грантовских программах.

В рамках педагогической практики студенты апробируют (в целом или фрагментарно) подготовленные в процессе обучения исследовательские проекты и представляют отчет о выполненной работе, содержащий описание и анализ результатов.

Проведение творческих и научных конференций, семинаров на базе научно-образовательно-технологических центров позволяет активизировать мотивацию педагогической деятельности и саморефлексию будущих учителей в профессиональной подготовке. Будущие учителя готовят стенды, видеоматериалы, презентации, программу мероприятий, развернутые планы докладов, тезисов и информационное сопровождение к ним.

Таким образом, принцип самоорганизации в формировании профессионально-личностной компетентности будущего учителя является качественным показателем результативности профессиональной подготовки педагогических кадров в условиях инновационной активности социума. Необходимо отметить, что активное участие студентов в работе научно-образовательно-технологических центров способствует формированию умения интегрировать и использовать личностный опыт в профессиональной подготовке, а также осуществлять самоорганизацию своей сферы жизнедеятельности. Инновационная деятельность является импульсом к самоорганизации инновационной деятельности студентов в вузе и повышению качества их профессиональной подготовки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бондырева С. Н. Психолого-педагогические основы интегрирования образовательного пространства: избр. тр. 2-е изд., стер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2005. 352 с.; Давыдов Ю. С. Болонский процесс и новые реформы российского образования // Педагогика. 2005. № 7. С. 3–11; Мареев В. И., Мкртчян Н. М. Современные подходы к модернизации высшего педагогического образования // Изв. Южного федерал. ун-та. 2008. № 8. С. 13–26.

2. Халанская В. А. Активные методы обучения как фактор самоорганизации личности студентов // Субъект образования как самоорганизующаяся система: сб. науч. тр. сотрудников кафедры психологии / под ред. Н. В. Поддубного, В. В. Гребневой. Белгород: Политерра, 2005. С. 324–341; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 420 с.

3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. С. 238.

4. Там же. С. 420.

5. Бондырева С. Н. Указ. соч.; Давыдов Ю. С. Указ. соч.

УДК 372.8:811.111

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И УРОВНЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ АВИАЦИОННОГО ВУЗА

Т. А. Стародубцева

STRUCTURE CONTENT AND LEVEL CHARACTERISTICS OF AVIATION SCHOOL CADETS' LANGUAGE COMPETENCE

T. A. Starodubtseva

В данной статье выявлена и рассмотрена структура языковой компетенции курсантов авиационного вуза, предложена классификация уровней языковой компетенции курсантов авиационного вуза, уточнено понятие уровня владения языком курсантами авиационного вуза и их параметры.

The article deals with revealing and investigation of the language competence structure of aviation school cadets'. The author classifies the aviation school cadets' language competence levels. The characteristics and the notion of aviation school cadets' language competence levels are stated and specified.

Ключевые слова:

языковая компетенция, структура языковой компетенции, уровень владения языком, шкала уровней владения языком.

Keywords:
language competence, language competence structure, language competence levels, language competence scale.

Языковая компетенция является главным компонентом коммуникации и, как любое сложное образование, имеет свою структуру. Под *структурой* (от лат. *structura* – 'строение, расположение') мы понимаем определенную взаимосвязь, взаиморасположение составных частей, характеризующих строение, устройство чего-либо.

Р. Дж. Ди Пьетро *языковую компетенцию* говорящего рассматривает как способность продуцировать и понимать предложения независимо от того, каким языком он пользуется [1]. Способность к пониманию предложений того или иного языка может быть выше способности к их продуцированию. С учетом этого было бы полезно дифференцировать указанные способности, обозначив их соответственно как «рецептивная компетенция» и «продукционная компетенция [2].

Согласно Н. Хомскому, знание языка включает в себя имплицитную способность понимать неограниченное количество предложений. В силу этого порождающая грамматика должна быть системой правил, которые могут интегрировать и порождать при этом бесконечно большое число структур. Данная система правил может быть разложена на три основных компонента порождающей грамматики: синтаксический, фонологический и семантический [3].

Последователи структурализма определяли устройство языка в виде трехчастной структуры и рассматривали эти части в виде уровней, получивших название фонологии, морфологии и синтаксиса.

С появлением трансформационно-порождающих теорий схема устройства языка уже составляется из так называемых компонентов, где центральное место занимает синтаксис [4].

Таким образом, Р. Дж. Ди Пьетро подводит нас к общей схеме устройства языка, которая имеет многомерную структуру: 1) она состоит из отдельных компонентов, называемых семантикой, синтаксисом и фонологией; 2) имеет два структурных уровня: глубинный и поверхностный, связанные между собой посредством ряда правил перехода; 3) обладает порождающими свойствами, то есть устанавливается посредством правил, предопределяющих образование всех возможных в данном языке предложений, а не ограничивается только их определенным набором [5].

Л. Ф. Бахман подразделяет *языковую компетенцию* на организационную и прагматическую, которые, в свою очередь, разделяются на несколько категорий. Организационная компетенция включает в себя грамматическую и текстуальную компетенции. Грамматическая компетенция подразумевает словарь, морфологию, синтаксис и фонологию, тогда как текстуальная – связность и риторическую организацию. Прагматическая компетенция состоит из иллокутивной, которая выполняет четыре функции (репрезентативную, манипулятивную, эвристическую и творческую), и социолингвистической, отвечающей за восприятие различий в диалектах, восприятие различий в регистрах, восприятие естественности и способность интерпретировать культурные ссылки и фигуры речи [6].

В рамках исследований, проводимых Советом Европы для установления уровня владения иностранным языком (Страсбург, 1996), *языковая компетенция* в ее

современной интерпретации включена в состав коммуникативной и понимается как владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и способность с помощью этой системы понимать чужие мысли и выражать собственные суждения в устной и письменной форме. Согласно данному документу в ее состав входят лингвистический, социолингвистический и прагматический компоненты [7].

В документе Doc 9835 AN/453 Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements, который является основополагающим в нашем исследовании, зафиксировано, что владение языком (*языковая компетенция*) сводится не только к знанию грамматических правил и лексики и правильному произношению звуков. Оно представляет сложное взаимодействие этих знаний с рядом навыков и способностей, в числе которых: активация запаса слов и выражений из лексикона данного языка; применение усвоенных грамматических правил; восприятие и артикуляция звуков и интонации, составляющих осмысленный звуковой поток; приспособление к многочисленным речевым, социальным, культурным и профессиональным нормам в контексте интерактивной коммуникации [8].

Собственно *языковая компетенция* представлена в вышеупомянутом документе в виде пирамидальной структуры, на вершине которой стоит взаимодействие, ступенью ниже – беглость речи и понимание, а основанием являются структура, словарный запас и произношение [9].

Таким образом, мы приходим к заключению, что ключевым компонентом языковой компетенции являются лингвистические знания человека, т. е. владение лексикой, грамматикой, произношением, интонацией (так называемые правила, которые помогают строить и анализировать предложения). Речевое же поведение определяется коммуникативной компетентностью, а психологическую готовность к иноязычному общению обеспечивает иноязычная компетентность, которая представляет не меньшее значение для нас, так как мы имеем дело с курсантами, не являющимися носителями языка.

Следовательно, можно сделать вывод, что *языковая компетенция* является составным компонентом коммуникативной и иноязычной компетентностей.

Исходя из анализа структуры *языковой компетенции* разных исследователей (Р. Дж. Ди Пьетро, Н. Хомского, Е. Д. Божович, Н. С. Сахарова, Ю. Д. Апресян и других) и опираясь на «Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком», выделим в структуре *языковой компетенции* курсантов авиационного вуза две группы основополагающих навыков: базовые (языковые) и речевые. К базовым отнесем те навыки, которые помогают строить грамматически и интонационно правильное высказывание, а именно: структуру (грамматику), словарный запас и произношение, а к речевым те, которые помогают осуществлять само общение: беглость речи, понимание и взаимодействие.

Благодаря социолингвистическим исследованиям, в середине 70-х годов эксперты Совета Европы разработали операционную спецификацию сначала в отношении того, что знает и умеет носитель языка, затем – что знает и умеет изучающий языки человек, и наконец – в отношении необходимых знаний и умений в иностранном языке [10]. Первым шагом было создание определенных шкал, которые бы разграничивали общий корпус языка на несколько уровней. Рейтинговая оценочная

шкала обычно выделяет ряд уровней, каждый из которых имеет дескрипторы, включающие характеристики употребления языка на данном конкретном уровне [11].

Под *уровнем владения языком* понимается степень сформированности речевых навыков и умений у пользующегося изучаемым языком [12].

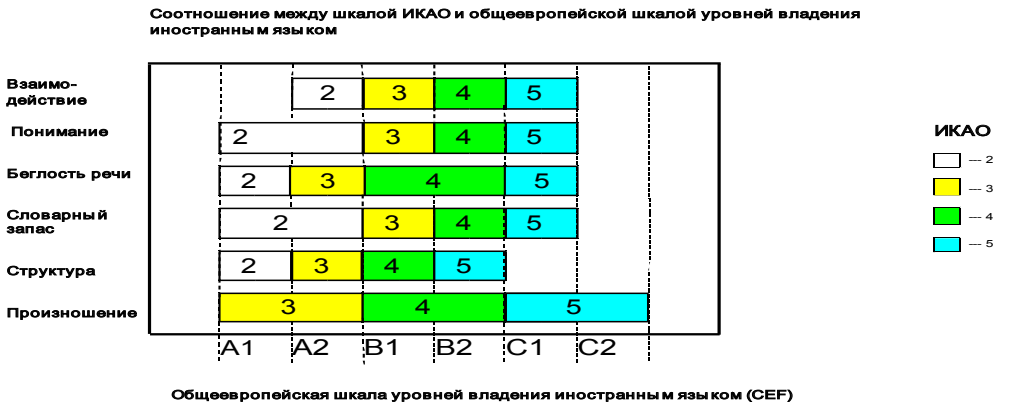
При разработке стандарта в отношении владения языком авиационным персоналом была избрана шкала уровней, выраженная показателями языкового «поведения». Такая шкала служит целям обучения. Определены пять холистических дескрипторов, представляющих характеристики профессионального уровня владения языком и задающих контекст, в котором происходит обмен сообщениями [13]. Определены шесть уровней – от «предэлементарного» до «эксперта». Описаны 6 отдельных языковых умений: произношение, структура, словарный запас, беглость речи, понимание и взаимодействие [14]. Установлен минимальный требуемый уровень владения языком – четвертый, или «рабочий уровень».

Цель требований ИКАО к владению языком заключается в том, чтобы обеспечить соответствующий уровень *языковой компетенции* пилотов и диспетчеров УВД, который позволяет максимально сократить число случаев неадекватной коммуникации, а также дает возможность пилотам и диспетчерам выявлять и устранять возникшее недопонимание, чтобы оно не привело к сбою в коммуникации [15].

Приведем соотношение самой востребованной на сегодняшний день общеевропейской системы уровней владения иностранным языком (CEF) и шкалы международной организации гражданской авиации (ИКАО) и определим уровневые характеристики языковой компетенции курсантов авиационного вуза.

Сравнение дескрипторов шкалы ИКАО с набором соответствующих дескрипторов общеевропейской шкалы уровней владения языком производится по общеевропейской шкале и шкале ИКАО соответственно. Некоторым шкалам ИКАО соответствует несколько шкал CEF: произношение – фонологический контроль; структура – грамматическая точность; словарный запас – контроль словарного запаса, диапазон словарного запаса, компенсация; беглость речи – беглость разговорной речи; понимание – непосредственное аудирование в качестве участника, понимание, прослушивание объявлений и инструкций; взаимодействие – непосредственное разговорное взаимодействие, общение, ориентированное на достижение какой-либо цели.

Проанализируем дескрипторы, чтобы определить, какие функциональные и практические языковые способности представляют уровни в рамках каждой из двух описательных систем.



Соотнесем уровни общеевропейской шкалы владения языком с принятыми уровнями в обучении иностранным языкам [16]: A1 = Beginners level; A2 = Elementary/ Pre-Intermediate level; B1 = Pre-Intermediate/Intermediate level; B2 = Intermediate/ Upper-Intermediate level; C1 = Upper-Intermediate/Advanced level; C2 = Advanced/ Mastery level.

Спроецировав те же уровни на шкалу ИКАО, получаем следующую картину: уровень 2 по шкале ИКАО равен уровню Elementary, уровень 3 – уровню Pre-Intermediate, уровень 4 – уровню Intermediate, уровень 5 – уровню Advanced. Уровень 6 по шкале ИКАО следует исключить из данной сравнительной системы, так как данный уровень соответствует владению языком на уровне носителя языка и, соответственно, не может оцениваться. Важно с самых первых ступеней обучения английскому языку ориентировать курсантов на шкалу ИКАО и достижение ими уровня Intermediate. Что в дальнейшем, после изучения дисциплин «Авиационный английский язык» и «Фразеология радиообмена на английском языке», увеличит их шансы на достижение четвертого – «рабочего» – уровня.

Данное соотношение позволило выявить уровневые характеристики языковой компетенции курсантов авиационного вуза. Уровень владения языком курсантами в дальнейшем будет определяться по следующим параметрам:

- успешность осуществления речевого общения (рецепция/продукция), что выражается в различной степени сформированности и разнообразии речевых умений, коммуникативных намерений, в вариативности речевых ситуаций, целей и способов речевого общения, а также в способности адаптироваться к новизне и изменениям в характере речевых ситуаций;
- качество порождаемого/воспринимаемого речевого сообщения с точки зрения новизны, степени сложности, наличия и реализации собственного коммуникативного намерения, языковых трудностей и разнообразия используемых языковых средств;
- нормативность языкового оформления речи в плане правильности использования языковых средств и точности передаваемой/принимаемой информации, а также соответствие используемых языковых средств стилистическим нормам и конкретным ситуациям речевого общения;

- беглость речи, которая проявляется в скорости выполнения коммуникативной задачи в конкретной ситуации общения, а также в уверенности/неуверенности в использовании языковых средств, в отсутствии/наличии неоправданных пауз и повторов в процессе речевого общения;
- степени самостоятельности/свободы в ходе речевых контактов, что выражается в инициативности говорящего/слушающего, отсутствии дополнительной помощи со стороны собеседника, справочных материалов/или других средств.

Таким образом, под *уровнем владения языком курсантами авиационного вуза* мы будем понимать степень владения курсантами иностранным языком с точки зрения эффективности процесса реального общения, способности осуществлять коммуникацию в различных ситуациях, с учетом содержания и объема воспринимаемого/продуцируемого речевого сообщения, а также беглости иноязычной речи, ее гибкости и уместности использования языковых средств и речевого материала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Пьетро Р. Дж. Ди. Языковые структуры в контрасте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25: Контрастивная лингвистика: пер. / сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 86.
2. Там же. С. 87.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: пер. с англ. / под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 19.
4. Пьетро Р. Дж. Ди. Указ. соч. С. 103.
5. Там же. С. 104.
6. Lyle F. Bachman Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 98.
7. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург (рус. версия). М.: Изд-во МГЛУ, 2003. С. 12.
8. Doc 9835 AN/453 Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements, ICAO 2010. P. 2-1; Там же. P. 2-2.
9. Там же. P. 2-10.
10. Митрюшкина Т. Н. Трехуровневая система подготовки и повышения квалификации летного состава в области профессионально ориентированного английского языка: автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 2000. С. 7.
11. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов. М.: Филоматис, 2006. С. 56.
12. Там же.
13. Doc 9835 AN/453 Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements, ICAO 2010. P. 4-7, 4-8.
14. Там же. P. 4-6.
15. Там же. P. 4-1.
16. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком... С. 24.

УДК 37.013

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МОНИТОРИНГА ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ НА ПРОПЕДЕВТИЧЕСКОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ХИМИИ

М. В. Шепелев

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL MONITORING MODEL OF GIFTED CHILDREN AT INTRODUCTORY STAGE OF CHEMISTRY LEARNING

M. V. Shepelev

В работе представлена организационно-педагогическая модель мониторинга одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии в 5–9 классах, позволяющая эффективно оценивать этапы личностного развития детей, выявлять слабые и сильные стороны в организации педагогического и научно-методического сопровождения одаренных по химии учащихся, а также своевременно корректировать проводимую в данном направлении работу в долгосрочной перспективе.

The work presents the organizational and pedagogical monitoring model of gifted children at the introductory stage of chemistry learning in the 5–9 forms which helps to test effectively the stages of children's personality development, to identify strengths and weaknesses in the organization of pedagogical, scientific and methodical support of children, gifted in chemistry, as well as to correct the work in this direction in future.

Ключевые слова:
одаренные дети, пропедевтический этап изучения химии, система мониторинга.

Keywords:
gifted children, introductory stage of chemistry learning, system of monitoring.

Создание условий, обеспечивающих выявление, развитие, поддержку и сопровождение одаренных учащихся начиная с раннего возраста, является одной из важнейших задач государства. Так, одним из основных направлений развития общего образования в контексте реализации Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», утвержденной Президентом РФ, признано совершенствование системы поддержки талантливых детей и их сопровождение в течение всего периода становления личности [1]. С учетом того, что приоритетным направлением развития промышленной политики государства являются фармацевтика и высокотехнологичная химия [2], эффективная работа с одаренными по химии детьми и создание действенной системы мониторинга их развития и достижений, начиная с 5 класса, становится важнейшим этапом подготовки детей к сложному материалу по химии в старшем звене и формированию у них устойчивой мотивации к изучению предмета на новом уровне.

Опыт современного образования показывает, что различия между детьми в развитии у них интеллектуальных и творческих способностей действительно

существуют, а именно: на «общем фоне» учащихся выделяются дети с более развитым интеллектом, со способностями к творчеству, с умением классифицировать, обобщать, находить взаимосвязи между явлениями и объектами, т. е. одаренные дети. Кроме того, исследования педагогов и психологов в последнее время убедительно свидетельствуют, что детская одаренность является интегральным свойством личности ребенка [3]. В теории педагогики выделяют три категории детей, которых принято именовать одаренными: детей, имеющих высокий уровень развития интеллекта; детей, достигших огромных успехов в каком-либо виде деятельности, и детей с высоким уровнем креативности мышления, имеющих нестандартные идеи по решению возникающих проблем [4].

Развитие одаренности у детей в 5–7 классах широко проявляется при изучении специальных дисциплин, и в первую очередь химии как части естествознания или как самостоятельной дисциплины. В процессе обучения основам таких наук учащиеся постоянно находятся в поиске ответа на интересующие их вопросы, крайне любознательны, самостоятельны и очень активны [5]. Именно в этом возрасте у одаренных школьников формируется устойчивая мотивация к изучению основ химии и занятиям научно-исследовательской деятельностью по предметам естественно-научного цикла. Поэтому раннее выявление детской одаренности, обучение и воспитание одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии и активизация их учебно-познавательной деятельности на уроке и во внеурочное время составляют важную проблему теории и методики обучения химии [6]. Однако в настоящее время научно обоснованная и апробированная в профессиональном сообществе система мониторинга, рассматривающая в единстве вопросы выявления, обучения, развития и поддержки одаренных по химии детей, начиная с раннего возраста, до сих пор остается недостаточно разработанной.

Целью настоящей статьи является проведение системного анализа и обобщение данных литературы, в которых рассматриваются вопросы раннего выявления детской одаренности и методы диагностики одаренных учащихся, а также создание и апробация в профессиональном сообществе организационно-педагогической модели мониторинга одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии в 5–9 классах.

Эффективно функционирующая система мониторинга одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии представляет большой практический интерес в теории и методике обучения химии, требует дальнейшего совершенствования и глубокого изучения. Использование системы мониторинга позволяет педагогу отслеживать даже незначительные изменения уровня мотивации одаренных школьников к изучению химии в течение всего периода становления личности и своевременно вносить корректировку в план работы с такими детьми. Систематическое использование результатов диагностики позволяет учителю существенно разнообразить процесс изучения химии, привлечь внимание детей к важным и сложным темам по предмету, заинтересовать и способствовать лучшему усвоению учебного материала, а также развивать творческие способности одаренных учащихся [7].

В результате анализа данных литературы по теме исследования [8] и обобщения опыта работы ведущих педагогов на стажерских и инновационных площадках Института развития образования Ивановской области с 2006 года по

настоящее время были установлены следующие принципы диагностики одаренных по химии детей в течение всего периода становления личности в 5–9 классах:

- Подходы к оцениванию поведения и деятельности одаренного по химии учащегося должны носить комплексный характер, что позволяет эффективно использовать различные источники информации и изучать более широкий спектр его способностей.
- Идентификация детской одаренности на раннем и последующих этапах изучения химии должна быть достаточно длительной для получения объективных результатов.
- Анализ поведения и деятельности ребенка должен проводиться преимущественно в тех областях, которые в максимальной степени соответствуют его интересам.
- В процессе мониторинга необходимо обязательно использовать тренинговые методы, в рамках которых можно эффективно и целенаправленно организовывать развитие и педагогическую поддержку одаренных по химии учащихся.
- К оцениванию результатов обучения и воспитания одаренного ребенка необходимо привлекать высококвалифицированных психологов, педагогов-предметников и других заинтересованных лиц.
- Оценка признаков одаренности ребенка по химии и смежным с ней дисциплинам должна проводиться не только по отношению к актуальному уровню его психического развития, но и с учетом зоны ближайшего развития.
- Система мониторинга должна основываться на точных методах статистической оценки экспериментальных данных.

В ходе экспериментальной работы была предложена организационно-педагогическая модель выявления одаренных по химии учащихся на пропедевтическом этапе изучения химии и диагностики уровня мотивации школьников к изучению предмета в течение всего периода становления личности с 5 по 9 класс, представленная на рисунке 1.

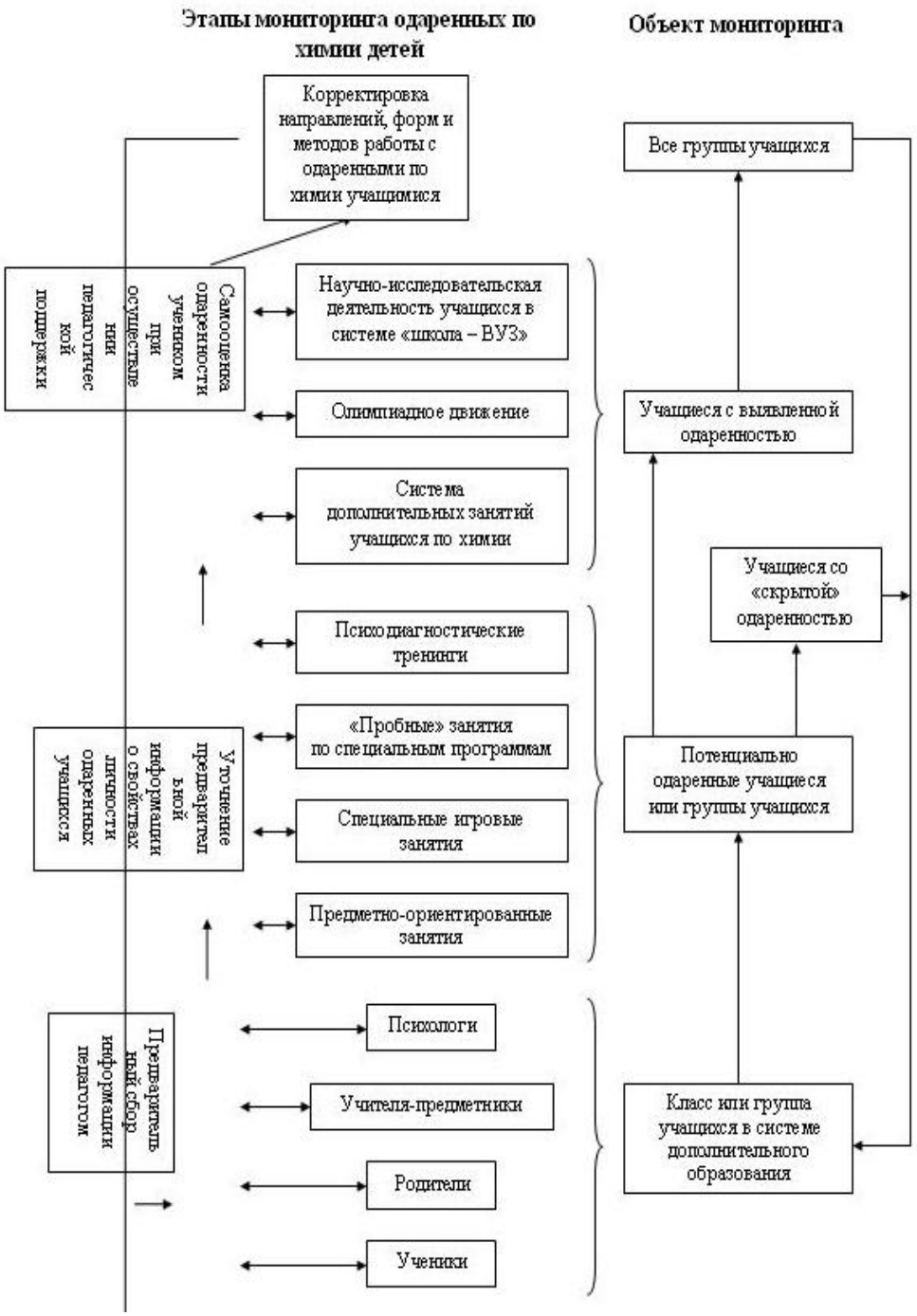


Рис. 1. Организационно-педагогическая модель мониторинга одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии в 5–9 классах

На первом этапе выявления одаренных по химии учащихся необходим предварительный сбор информации об общих интеллектуальных способностях детей, художественных и артистических способностях, типе их мышления и других важных свойствах личности. Выявление одаренности зависит от множества факторов, поэтому необходимо использовать все возможные источники информации о ребенке. Только после сопоставления информации, полученной из различных источников, можно делать определенные выводы. Например, в стандартных жизненных ситуациях в качестве источников информации можно использовать рассказы, замечания и высказывания преподавателей, родителей, сверстников и друзей, а также результаты различных тестов.

На этом этапе мониторинга детской одаренности педагогам в конце первой четверти учебного года, в котором начинается изучение химии (основной или пропедевтический курс), предлагается заполнить шкалу поведенческих характеристик одаренных школьников и «карту интересов». Классные руководители или заместители директора предлагают родителям учащихся ответить на вопросы анкеты, специально созданной для них. Участие детей в диагностике собственной одаренности на этом этапе сводится к выполнению психометрических тестов для определения уровня их интеллектуального развития и творческого мышления. Помимо этого, на первом этапе выявления одаренных детей учитываются и сведения об успехах школьников в том или ином виде предметной деятельности. Собранная таким образом информация позволяет создать первое представление о каждом обучающемся и определить группу тех детей, которым необходима дальнейшая диагностика.

На втором этапе системы мониторинга одаренных по химии учащихся для уточнения предварительной информации о свойствах их личности эффективно использование психодиагностических тренингов, проведение «пробных» уроков по специальным программам, а также включение детей в специальные игровые и предметно-ориентированные занятия. В ходе этих мероприятий проводятся индивидуальные и групповые обследования детей с применением ранее использованных для всех групп детей методик. Особенностью этого этапа диагностики является то, что работа с детьми носит системный характер и достаточно длительна по времени (от двух месяцев до полугода). Тем не менее лонгитюдные психодиагностические тренинги являются дополнительной гарантией достоверности полученной ранее информации.

В ходе проведений занятий пропедевтического курса химии в некоторых школах и учреждениях дополнительного образования Ивановской области было показано, что тренинговая работа с одаренными детьми способствует формированию у них навыков общения, а именно умения слушать, высказывать свою точку зрения, вести дискуссию, принимать точку зрения другого человека или приходить к компромиссному решению. Кроме того, у детей формируются способности к самопознанию и самооценке, что в итоге предполагает становление у них положительной я-концепции. Также данная работа направлена на повышение эффективности преодоления преград, негативно влияющих на развитие одаренности учащихся. Психокоррекционные методы и развивающие тренинги решают задачи развития различных видов мышления (творческого, критического и логического), формирования способности к самостоятельному приобретению знаний и проведению исследовательской работы, обучения необходимым для этого навыкам и умениям.

Также можно испрользовать такие методы диагностики, как организация различных интеллектуальных и предметных олимпиад, научно-исследовательских конференций, проведение исследований с использованием различных психометрических методик в зависимости от задач анализа конкретного случая одаренности.

Следующим этапом мониторинга является самооценка одаренности непосредственно учащимися. В работах [9] отмечено, что склонность к повышенным интеллектуальным нагрузкам служит одной из отличительных черт одаренного ребенка. На этом этапе ребенок самостоятельно выбирает, какие дополнительные занятия по химии посещать и как часто это делать, принимать ли участие в химических олимпиадах и заниматься ли научно-исследовательской деятельностью и т. д. Итоги проведенных экспериментальных исследований в образовательных учреждениях Ивановской области на этом этапе диагностики показали, что самооценка учащихся зависит от результата их деятельности: чем положительнее полученный результат, тем выше его самооценка. При изменении мотивации к изучению химии происходит симбатное изменение самооценки одаренных учащихся. Также нами было отмечено, что на самооценку группы одаренных учащихся (класса или группы учащихся в системе дополнительного образования) часто влияет эмоциональный настрой всего коллектива. Так, наличие конфликта в коллективе способствует понижению самооценки, а самооценка у групп, возникших недавно, выше, чем у групп, существующих относительно давно.

Обязательным этапом мониторинга одаренных по химии учащихся является возможность корректировки направлений, форм и методов их образовательной деятельности в период всего изучения химии в 5–9 классах. Во-первых, использование этого этапа диагностики в системе педагогической поддержки связано с тем, что в течение всего учебного процесса возможно изменение (снижение или рост) уровня мотивации одаренных школьников к изучению химии, вызванное целым комплексом причин, таких как смена приоритетов в обучении, углубленное изучение других предметов, а также даже потеря интереса к химии в целом. Поэтому крайне необходимо своевременно вносить корректировку в план работы с одаренными детьми. Во-вторых, известно, что существуют дети, одаренность у которых носит скрытый и неявный характер или проявляется с задержкой, поэтому при проведении процедур диагностики возможно случайное «отсеивание» таких учащихся при переходе к следующему этапу мониторинга. Необходимо снизить вероятность ошибки, которую можно допустить в процессе оценки одаренности ребенка как по положительному, так и по отрицательному критерию: высокие значения того или иного показателя не всегда являются свидетельством одаренности, низкие значения также еще не служат доказательством ее отсутствия. Повторное и систематическое проведение тренинговых и психодиагностических тестов и получение информации от родителей, других педагогов, учащихся и психологов позволяют вовремя обратить внимание на таких детей и включить их в работу по углубленному и осмысленному изучению химии. Особо следует заметить, что оценка ребенка как одаренного не должна являться самоцелью мониторнга, поскольку выявление одаренных детей необходимо связывать с задачами их обучения и воспитания, а также с оказанием им педагогической и научно-методической поддержки.

Выстраивание системы работы с одаренными по химии детьми невозможно без проведения регулярного мониторинга в рамках всестороннего изучения предмета

в условиях классно-урочной системы и внеурочной деятельности. Раннее выявление детской одаренности, обучение и воспитание одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии в 5–9 классах и активизация их учебно-познавательной деятельности эффективно осуществляются в образовательных учреждениях Ивановской области в условиях специально созданной и апробированной в профессиональном сообществе организационно-педагогической модели мониторинга. Система диагностики учащихся является необходимой составляющей методической системы педагогической поддержки одаренных детей на пропедевтическом этапе изучения химии, которая обеспечивает развитие тех индивидуальных характеристик школьников, которые позволяют им результативно продвигаться в интересующей их области деятельности, формируют устойчивый интерес к изучаемому предмету, способствуют личностному самоопределению и развитию творческих способностей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» [Электронный ресурс]. URL: http://mon.gov.ru/dok/akt/6591 (дата обращения: 12.03.2012).

2. Путин В. В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс]. URL: http://www.putin2012.ru/events/149 (дата обращения: 12.03.2012).

3. Матюшкин А. М. Концепция творческой одаренности // Вопр. психологии. 1989. № 6. С. 29–33; Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997. 416 с.

4. Лейтес Н. С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия: избр. тр. М.: Изд-во Ин-та практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 448 с.

5. Ахметов М. А. Индивидуально ориентированное обучение химии в общеобразовательной школе: моногр. Ульяновск: УИПКПРО, 2009. 260 с.; Иванова Р. Г. О наболевших проблемах методики обучения химии // Химия в школе. 2007. № 6. С. 13–21.

6. Кузнецова Н. Е. Проблемы и тенденции развития общего химического образования // Химия в школе. 2009. № 3. С. 10–17; Чернобельская Г. М. Методика обучения химии в средней школе: учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 336 с.

7. Креативная педагогика: методология, теория, практика / под ред. В. В. Попова, Ю. Г. Круглова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011. 319 с.; Хеллер К. А. Диагностика и развитие одаренных детей и подростков // Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 243–264.

8. Основные современные концепции...; Щебланова Е. И. Неуспешные одаренные школьники. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 245 с.; Якиманская И. С. Основы личностно ориентированного образования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 220 с.

9. Матюшкин А. М. Указ. соч.; Алексеева Н. С. Исследование одаренности учащихся // Классный руководитель. 2011. № 1. С. 96–101.

УДК 159.9:37.0

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Е. А. Эннс

PROFESSIONAL SELF-ESTIMATION AND IDENTITY AS SYSTEM GENERATING FACTOR FOR THE DEVELOPMENT OF INTEGRATED PERSONALITY OF STUDENTS OF HELPING PROFESSIONS

E. A. Enns

В статье рассматриваются подходы к пониманию сущности профессионального самосознания студентов, его структуры и механизмов формирования в процессе профессионализации в вузе, профессиональное самосознание как системообразующий фактор развития интегральной индивидуальности студентов помогающих профессий.

The article examines approaches to understand the essence of the professional identity of students, its structures, mechanisms of formation in the process of professionalization in the university, professional self-estimation and identity as a system generating factor for the development of integrated personality of students of helping professions.

Ключевые слова:
системный подход, профессиональное самосознание, помогающие профессии, механизмы формирования профессионального самосознания, интегральная индивидуальность.

Keywords:
system approach, professional identity, helping profession, mechanisms of professional identity formation, integrated personality.

В условиях модернизации современного образования возрастает социальная значимость его психологического обеспечения. Особая роль при этом принадлежит психологическому сопровождению процесса подготовки квалифицированного специалиста в вузе. Профессионализация – процесс целостный и непрерывный, включающий в себя на только усвоение профессиональных знаний, умений и навыков, но и становление личности специалиста, выражающееся в первую очередь в развитии профессионального самосознания и профессиональной идентичности. Выявление закономерностей и механизмов, лежащих в основе этих процессов, а также создание современных психолого-педагогических технологий развития профессионального самосознания студентов и психологическое сопровождение процессов профессиональной идентификации входят в круг актуальных проблем педагогической психологии.

Системный подход к проблеме профессионализации диктует необходимость рассматривать индивидуальность человека как многоуровневую иерархическую систему, в которой выделяется разное число уровней. В наиболее общем виде

эта проблема была разработана В. С. Мерлиным. По представлениям автора, понятия «индивид» и «личность» включаются в более обобщенное понятие «индивидуальность», которая рассматривается как иерархически упорядоченная система свойств разных уровней его развития. Данная система охватывает следующие уровни существования индивидуальности в зависимости от свойств организма: а) биохимический; б) общесоматический; в) нейродинамический (свойства нервной системы); г) психодинамический (свойства темперамента); д) психических свойств личности; е) социально-психологический уровень индивидуальных свойств. Сама интегральная индивидуальность определяется В. С. Мерлиным как «целостная характеристика индивидуальных свойств человека», представляющих собой иерархическую совокупность не входящих друг в друга, отдельно существующих на разных уровнях развития материи подсистем, подчиняющихся разным закономерностям и специфически связанных между собой [1]. Исследование профессионального самосознания с позиций системного подхода определяет своеобразие понимания его сущности, структуры, функций, а также роли в развитии индивидуальности и позволяет оценить таковое как целостное образование с позиций теории интегральной индивидуальности [2]. Роль самосознания как звена, опосредующего связи разноуровневых индивидуальных свойств, изучалась пермской школой психологов В. С. Мерлина – Б. А. Вяткина на материале этнического самосознания, профессионального самосознания учителей, студента-психолога, офицера внутренних войск МВД России [3].

Мы предполагаем, что профессиональное самосознание студентов, овладевающих помогающими профессиями, также является звеном, опосредующим межуровневые взаимосвязи в структуре индивидуальности, и при разной степени сформированности профессионального самосознания им будут соответствовать разные структуры интегральной индивидуальности.

Становление целостного профессионального самосознания будущего специалиста особенно важно для профессий так называемого помогающего типа, где инструментом осуществления профессиональных функций является личность субъекта труда. Теоретический анализ психологического содержания помогающих профессий, проведенный В. В. Милаковой [4], показал, что данная группа профессий обладает следующими особенностями: в профессиональной деятельности преобладают субъект-субъектные взаимодействия, процессы преобразования мира человеческих отношений, в связи с чем она становится максимально личностной; предметом деятельности является группа или отдельный человек; средством – сам человек, его психические или личностные свойства; условия профессиональной деятельности связаны с повышенной моральной ответственностью. Все эти особенности профессиональной деятельности должны быть основанием для формирования профессионального самосознания студентов овладевающих помогающими профессиями.

Понятие профессионального самосознания опирается на понимание феномена самосознания личности в отечественной психологии. С. Л. Рубинштейн [5] охарактеризовал его как осознанное отношение человека к своим потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям. В. С. Мерлин [6] определял самосознание как свойство человека осознавать, что он является субъектом деятельности, обладающим специфическими и социально-

нравственными характеристиками. Большинство отечественных психологов (И. С. Кон, М. И. Лисина, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и другие) под самосознанием понимают сложный, интегральный процесс, в структуре которого содержатся взаимодействующие и взаимопроникающие друг в друга процессы: самопознание, самоотношение и саморегуляция [7].

В отличие от самосознания в целом, профессиональное самосознание специфичнее по своему содержанию – содержание профессионального самосознания относится к профессиональной деятельности и к себе как к субъекту этой деятельности. Если самосознание формируется в жизнедеятельности и общении с окружающими людьми и является результатом познания себя, своих действий, психических качеств и так далее, то профессиональное самосознание – это проекция всех структурных компонентов самосознания на профессиональную деятельность [8]. Большинство отечественных исследователей (Е. М. Васильева, В. Н. Козиев, Л. М. Митина) и некоторые зарубежные психологи (Т. Макклапаред, М. Кун) предполагают, что профессиональное самосознание – это установка на себя в профессионально-трудовой сфере. И, как любая установка, самосознание имеет когнитивную, аффективную и поведенческую подструктуру (я-понимание, я-отношение, я-поведение). Следовательно, ключевыми компонентами структуры профессионального самосознания являются компоненты, которые характеризуют когнитивный, аффективный, поведенческий уровни и процессы профессиональной идентификации, как ключевые механизмы интеграции «профессионального Я» [9].

Основными (интегральными) компонентами профессионального самосознания студента являются такие сложные личностные образования, как я-образ, я-концепция.

В структуру обобщенного образа-я студента входят не только знание своего внешнего облика, знание о своих различных качествах, способностях, характере, но и представление о тех свойствах личности, которые являются профессионально важными [10].

На основе я-образа у студента складывается я-концепция – относительно устойчивая, в большей или меньшей мере осознанная система представлений о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе. Я-концепция позволяет студенту выстроить стратегию своей профессиональной подготовки и будущего профессионального роста.

Затем нужно сформировать у студентов позитивный образ избранной профессии: история и значение профессии в настоящее время, предмет, условия, средства труда, требования профессии к человеку, перспективы развития профессии.

Студент должен иметь представление о требованиях к современному профессионалу, положительные образцы для подражания в профессиональной деятельности.

В результате данной работы со студентами будет развиваться адекватная самооценка в осваиваемой ими профессии, переводя на более высокий уровень развития их профессиональное самосознание, которое в свою очередь обеспечивает становление компетентного конкурентоспособного профессионала в своей деятельности, достижение им высоких результатов в получаемой профессии [11].

На основе сопоставления образа-профессии с я-образом у студента формируется профессиональный я-образ и складывается осознание своей

тождественности с избранной профессией, формируется положительное отношение к себе как субъекту настоящей учебно-профессиональной деятельности и будущей профессионально-производственной деятельности.

Высокий уровень развития профессионального самосознания характеризуется в когнитивном компоненте наличием знаний о своей профессиональной деятельности, представлений о себе в контексте данной деятельности, образ «я-профессионал» интегрирован с я-концепцией. В аффективном компоненте это положительное отношение к себе, адекватная профессиональная самооценка. Поведенческий компонент характеризуется наличием мотива к самоактуализации, стремлением к саморазвитию. Выполняя функции детерминации и регуляции профессиональной деятельности, конструирования и саморазвития, а также самоконтроля личности, профессиональное самосознание выступает движущей силой профессионального развития студента. Движущей силой развития профессионального самосознания является интериоризированное и актуализированное личностью противоречие между достигнутыми и желаемыми я-образами. Данное противоречие в позитивном варианте развития профессионала начинает преодолеваться через механизмы самоанализа, обратной связи и рефлексии с помощью самооценки личности. Целью психологического сопровождения студентов является формирование и развитие я-образов специалиста именно помогающих профессий – знание и отношение к себе в системах личностного развития, взаимоотношений с субъектами профессионального взаимодействия и профессиональной деятельности.

Новые чувства и мотивы личности, возникающие в процессе сопровождения профессионального развития специалиста помогающей профессии, «приводят к интериоризации данной роли с ее когнитивными, эмоциональными и конативными компонентами, и человек вскоре начинает видеть себя и относиться к себе как к носителю данных характеристик» [12].

Е. П. Кораблина рассматривает следующие противоречия, заключенные во всех видах помогающей деятельности личности:

- между профессионально предписанными функциями специалиста – врача, педагога, психолога, социального работника – и неформальными психологическими аспектами помощи, взаимодействия между людьми;
- между признанием того, что личность является субъектом своей собственной жизни, и влиянием на нее помогающего субъекта посредством внешнего воздействия;
- между тем, что, с одной стороны, помогающий в процессе работы отдает часть своей энергии при взаимодействии с людьми, применяя свои знания, проявляя сочувствие, сопереживание (эмпатию), любовь, доброту, мужество, альтруизм, испытывая эмоциональное «выгорание», с другой стороны, он способствует своему личностному росту и приобретению определенных выгод (признание, власть, доминирование) [13].

Помогающим специалистам необходима поддержка в решении профессиональных и личностных проблем. Как отмечает Н. В. Гришина, «...потенциально помогающие профессии дают хорошую возможность самоактуализации за счет сильного эмоционального вовлечения в деятельность, что является важным элементом самоактуализации…», поскольку «…выгорание – это плата не за сочувствие людям, а за свои нереализованные ожидания» [14].

Таким образом, становится важным совершенствование подготовки, психологической поддержки, выражающейся именно в сопровождении развития профессионального самосознания и профессиональной идентичности студентов помогающих профессий, обеспечивающей их устойчивую психологическую готовность к работе. Гармонично развитое, непротиворечивое профессиональное самосознание, сформированная профессиональная идентичность позволяют специалисту быть успешным в профессии и чувствовать полноту самореализации, зрело разрешать объективные противоречия, создавая условия для собственного личностного и профессионального роста.

В связи с этим в настоящее время актуальна разработка комплексной программы психологического сопровождения становления профессиональной идентичности и профессионального самосознания будущих специалистов помогающих профессий.

К психологическим условиям развития профессионального самосознания и профессиональной идентичности относятся:

1. Профессионально ориентированная информационно насыщенная образовательная среда.
2. Активное взаимодействие с носителями профессиональных норм, ценностей и моделей поведения в учебном процессе и при прохождении практик.
3. Укрепление субъектной позиции в учебной и профессиональной деятельности.
4. Повышение субъективной значимости профессии, эмоционально положительное отношение к профессии и к себе в профессии.
5. Раннее включение в процесс профессиональной деятельности и общения.
6. Актуализация внутренних психологических механизмов (рефлексия, идентификация) методами психологического воздействия.

Все это подтверждает актуальность и значимость дальнейшего проведения исследования проблемы механизмов, условий и технологий развития профессионального самосознания студентов помогающих профессий, разработки системы способов, методов и средств психологического сопровождения данной категории обучающихся.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
2. Глушко А. Н. Психологические проблемы профессионального становления студентов вузов и пути их решения // Психологические аспекты профессионального становления: сб. материалов Всерос. межвуз. науч. конф. М., 2009. С. 25–32.
3. Вяткин Б. А., Хотинец В. Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 5. С. 69–76; Савчук А. В. Профессиональное самосознание в структуре интегральной индивидуальности учителя: автореф. дис. … канд. психол. наук. Пермь, 1999; Голдобин Е. С. Особенности профессионального образа Я у студентов-психологов // Вестн. ПГПУ. Сер. 1: Психология. 2005. № 2. С. 50–61; Беляев О. Б. Профессиональное самосознание как фактор развития интегральной индивидуальности офицера внутренних войск МВД России // Образование и наука. 2009. № 11 (68). С. 76–85.

4. Милакова В. В. Психологические особенности профессионального самоопределения будущих специалистов помогающих профессий социономического типа: автореф. дис. … канд. психол. наук. Астрахань, 2007.

5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1989. 322 с.

6. Мерлин В. С. Указ. соч.

7. Ефремов Е. Г. Особенности формирования профессионального самосознания на различных стадиях профессионального обучения: дис. … канд. психол. наук. Томск, 2000.

8. Матвеева Л. Г. Становление профессионального самосознания клинических психологов: дис. … канд. психол. наук. Челябинск, 2004.

9. Ефремов Е. Г. Указ. соч.

10. Гарбузова Г. В. Эмпирические критерии формирования профессиональной идентичности студентов // Управление общественными и экономическими системами. 2007. № 1.

11. Востокова Ю. И. Профессиональное самосознание как механизм профессионального становления студентов заочной формы обучения // Современная психология: актуальные проблемы и тенденции развития: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2010.

12. Сластенин В. А. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. С. 287.

13. Кораблина Е. П. Теоретические и прикладные аспекты помогающей деятельности // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2003. № 3 (6): Психолого-педагогические науки (педагогика, психология, теория и методика обучения). С. 104–114.

14. Гришина Н. В. Помогающие отношения, профессиональные и экзистенциальные проблемы самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1997. С. 154, 155.

ПРАВО

УДК 340

ПРАВОВОЙ ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

К. Д. Ванян

LAW POPULISM IN POLITICAL PROCESS

K. D. Vanyan

Данная статья основывается на детальном изучении действующего законодательства. Анализ обозначенного вопроса, по мнению автора, позволит выработать действенные рычаги по созданию условий, способствующих эффективной борьбе с правовым популизмом, вовлечению широкого круга граждан в сферу управления социальными процессами. В дальнейшем это может привести к отступлению государства из непосредственного пространства функционирования элементов гражданского общества и установлению между ними органических, взаимоподкрепляющих или взаимоконкурирующих связей и отношений.

This article is based on detailed study of legislation currently in force. The analysis of this question, in author's point of view, will give an opportunity to work out effective levers on the creation of conditions helping in effective fight with law populism, in taking wide range of citizens into the sphere of social processes' management. Later it may lead to state's taking back from the direct space of the functioning of civil society elements and the establishment of organic, mutually reinforcing or mutually competitive ties and relations between them.

Ключевые слова:
правовой популизм, демократия, правотворчество, выборы, государственная политика, президентская кампания, легализация, политический процесс.

Keywords:
law populism, democracy, law-making, elections, state policy, presidential campaign, legalization, political process.

Демократическая организация человеческого общежития обеспечивает последовательное раскрытие и реализацию целей и содержания социального прогресса: освобождение людей от всех видов порабощения и зависимости, полноценное и гармоничное развитие личности. В условиях демократии государство становится тем общественно-экономическим центром, а его аппарат – тем рабочим органом власти, который выполняет общесоциальные функции регулирования отношений производства, обмена, распределения. Определение указанных функций государства придает большую социальную значимость избранию путем голосования различных лиц (депутатов, главы государства, должностных лиц и так далее), принимающих непосредственное участие в проведении государственной политики. В мировой практике принято выделять прямые и косвенные выборы.

Выборы выступают той ареной, на которой происходит согласование различных интересов. Особенность современной российской выборной системы по сравнению со странами с развитой демократией состоит в том, что у нас еще не сложились правовые формы согласования разных интересов. В этой связи российская политика способствует распространению правового популизма, так как основное ее содержание – большой бизнес, в котором главное – уметь обещать как можно больше, принимать для видимости какие-то решения, а выполнять лишь только то, что выгодно.

Одним из примеров приведенного умозаключения выступает деятельность А. Лебедя, политической платформой которого – по заключению Клауса-Хельге Доната – был правовой популизм: немного сильной руки, немного национализма, великодержавных претензий. Он был классической переходной фигурой, которая порвала с прошлым, но дрейфовала в будущее, не имея о нем представлений. Это сказалось, когда в 1998 году А. Лебедь выиграл губернаторские выборы в сибирском Красноярске.

Одним из главных негативных моментов в становлении истинной демократии является предвыборный популизм, распространяемый субъектами, участвующими в проведении выборов. В этой связи следует более детально остановиться на рассмотрении предвыборного популизма.

Основными факторами, объективно обусловливающими предпосылки предвыборного популизма, выступают: а) заложенные в Конституции РФ основы демократической правовой государственности с присущими последней учреждениями и институтами публичной власти (закрепление принципа разделения властей, организация местного самоуправления, образование Конституционного суда, проведение судебной реформы); б) переход к рыночной экономике; в) легализация многопартийной политической системы.

Преобразование общественно-политических отношений посредством выборов непременно включает в себя также и изменение самого права. При этом элементы популизма нередко находят свое отражение в правотворческом и правоприменительном процессе.

Принимая во внимание это обстоятельство, важно, чтобы в российском обществе сформировались такие представления о праве, согласно которым оно будет рассматриваться не только как результат деятельности государственной власти, но и как непременная основа для построения и успешного функционирования самой данной власти.

Как показывает практика, популизм расцветает накануне выборов. Обещания претендующих на власть кандидатов в этот момент достигают наивысшей точки, что неудивительно, поэтому в предвыборных программах практически каждый из граждан может найти решения своих злободневных проблем. Многие кандидаты повторяются в своих выступлениях, поскольку смысл их сводится к следующему: «Выберите меня, и тогда положение изменится к лучшему – будут решены все проблемы – проблемы армии, на полную мощность заработают заводы, в каждый дом придут покой и достаток…» [1]; одним словом, радикальная форма популизма. При этом в предвыборных кампаниях используется широкий спектр воздействия на граждан – от участия звезд эстрады, музыки, культуры и спорта до обещаний различных льгот и поощрений.

Так, российские представители эстрады, музыки, культуры во время проведения предвыборных кампаний не остаются без работы и занимаются не только своим прямым делом, даря радость многочисленным поклонникам, но, если требуют обстоятельства или текущий политический момент, и призывают нас участвовать в выборах.

Большинство кандидатов говорят о необратимости перемен в стране. Поэтому несколько неожиданными выглядят предложения вернуться к плановому хозяйству, вручить государственным органам бразды прямого управления экономикой. Очевидно, подобные предложения высказываются в погоне за голосами тех, кто ностальгирует по советскому времени, хотя и у представителей таких партий и движений можно найти высказывания, поддерживающие рыночные отношения.

Весьма характерно, что даже в программе КПРФ, которая ратует за «власть трудового народа», борьбу за социализм и восстановление советской власти, отражена необходимость поддержки малого и среднего предпринимательства.

Несмотря на столь внимательное отношение законодателя к выборам, анализ последних политических событий в России позволяет сделать вывод о том, что существующие правовые основы выступают базой для распространения правового популизма. Доказательством этому служит сложившаяся ситуация.

Спецификой президентской кампании часто выступает соревнование между различными организациями и отдельными гражданами, желающими как можно убедительнее доказать свою любовь к главному кандидату. Так, один из кандидатов в Президенты РФ заявил, что цель его участия в предстоящих выборах заключается в поддержке действующего главы государства, а глава Чечни А. Кадыров настойчиво предлагает закрепить за Президентом РФ пожизненный срок. О подобной ситуации американский президент может только мечтать.

К сожалению, следует констатировать, что конституционная система не позволяет использовать закрепляемые в ней политико-правовые механизмы в борьбе с этими источниками сомнительной политической воли. Сконструированная на основе российской Конституции 1993 года политическая система именно в силу не до конца сбалансированных полномочий между институтами власти объективно продуцирует становление безоппонентного режима. Разумеется, в складывающейся ситуации «виновата» не только Конституция, но и другие не менее значимые факторы. К ним можно отнести: идейную недосказанность на старте российских преобразований; патерналистские стереотипы; несправедливость распределения национального богатства; разочарование в новых институтах власти, с которыми большая часть общества связывает все негативные проявления жизни и многое другое.

На основе проведенного исследования функционирования политической власти можно прийти к следующим заключениям: федеральные органы исполнительной и законодательной власти отчуждены от народа, официально являющегося единственным источником власти в государстве; имеющиеся правовые механизмы влияния представительных органов на властвующую элиту ограничены и трудно осуществимы; подотчетность и подконтрольность должностных лиц населению весьма низка; действующие средства массовой информации находятся в зависимости от властвующей и экономически господствующей элиты.

Все перечисленное выше привело к коррупции многочисленного чиновничьего корпуса, использующего предоставленные ему полномочия и вытекающие из них

возможности в большинстве случаев для личного обогащения или обогащения близких ему людей. Подобные действия должностных лиц вызывают у граждан недоверие к государству в целом, подрывают устои общества.

Россия вынуждена вступить в глобализацию как сырьевой придаток западных стран. Поэтому собственная международная политика крайне невыгодна с позиции ее управляемости. Введение во внутринациональное право понятий «правовое государство», «права человека», «международные стандарты» и «общечеловеческие ценности» способствует формированию наднациональной диктатуры в глобальном масштабе – диктатуры, упраздняющей идею национального государства и суверенитета. С целью защиты общечеловеческих правовых ценностей формируется новая глобальная международно-правовая доктрина, сущность которой, по мнению одного из ее идеологов, Майкла Гленнона, состоит в следующем: «Создатели истинно нового миропорядка должны… отказаться от воображаемых истин, таких, например, как теория справедливых войн или представление о равенстве суверенных государств. Эти и другие устаревшие догмы покоятся на архаических представлениях об универсальной истине, справедливости и морали… Крайне разрушительной производной естественного права является идея равной суверенности государств… Отношение к государствам, как к равным, мешает относиться к людям, как к равным» [2]. Любое национальное право архаично, следовательно, законность в масштабе определенного государства требует отмены.

На первый взгляд может показаться, что отрицание равенства государств не согласуется с классической либеральной концепцией естественного права. Но в современном неолиберализме существует очень много других концепций, противоречащих классическим либеральным воззрениям. Фактическое неравенство государств существует и в рамках действующей, формально уравнивающей концепции естественного права. Однако новая идеология миропорядка ближе современным представлениям неолибералов о равенстве. Майкл Гленнон, профессор международного права из США, пишет: «Первой и последней геополитической истиной является то, что государства видят свою безопасность в стремлении к могуществу. Приверженные легализму организации, не обладающие достаточным тактом, чтобы приспособиться к таким устремлениям, в конечном итоге сметаются с пути» [3]. Ученый имеет в виду институт Совета безопасности в системе международного права, который, по его мнению, не отвечает идее однополярного американского могущества. Основная цель государства – усилить собственную мощь, а не своих потенциальных конкурентов, следовательно, когда им это необходимо, они морально оправданны в своих действиях.

Таким образом, американский юрист становится на позицию правового реализма: законы не должны соответствовать идеалам, они должны быть реалистичными. Если страны не равны в своем могуществе, то это надо принять как неизбежность. Таковы неолиберальные представления о новом правовом порядке. Предположение, что все государства равны, говорит Гленнон, отвергается очевидным фактом: они не равны – «ни по своей мощи, ни по своему благосостоянию, ни с точки зрения уважения международного права или прав человека» [4]. Следует нарушать суверенитет ради защиты прав человека. Тех, кто не согласен с однополярным миром и вмешательством США в дело поддержания мира и безопасности на планете, М. Гленнон презрительно именует «приверженцами легализму».

Авторы одной из монографий – «Самоопределение в условиях нового мирового порядка» – М. Халперн и Д. Шеффер считают, что международное сообщество должно пользоваться институтом признания новых государств и независимости существующих как демократическим оружием: прежде чем страны, образовавшиеся в результате распада ранее существовавших государств, получат признание, США и международные организации должны добиться соблюдения ими таких принципов, как принципы демократии, реализации прав меньшинств, нерушимости границ, неприменения силы, мирного решения споров, рыночной экономики и т. п. [5]. Иными словами, ученые предлагают не принимать во внимание тот факт, что ни одно государство, возникшее в результате сепаратизма и имеющее национальные меньшинства, не рождается без применения силы, имеет проблемы с демократией и не удовлетворено своими границами, а также то, что национальное самоопределение каждого народа предполагает собственное правотворчество.

С точки зрения такой идеологии, отмечает В. Д. Зорькин, может быть отменено все международное право: Вестфальская система, государственные суверенитеты, принципы территориальной целостности и т. п. [6]. Все это будет пересмотрено ради одной, казалось бы, благой цели – привести нерациональное сообщество (нерациональное с позиций европейских стандартов рациональности) к рациональному правовому мышлению. По мнению В. Д. Зорькина, следование идеям М. Гленнона приведет к уничтожению и международной, и национальной законности как таковой, а также к замене конкретных понятий «государство» и «граница» неопределенными и расплывчатыми – «ограниченный, или мягкий, суверенитет», «государства-изгои» и т. п.

Пересмотр основных принципов международного права и отказ от Вестфальской системы мироустройства приведут к тому, что политика многостороннего согласования в процессах принятия решений будет вытеснена однополярной эгоистической волей. «В неправовом мировом хаосе действует лишь одно право – право сильных и агрессивных…» [7]. Однако с точки зрения радикального неолиберализма, граничащего в некоторых вопросах с социал-дарвинизмом, никакого правового нигилизма здесь нет.

Геополитический кризис, переживаемый РФ последние десять лет, грозит обернуться катастрофой российской государственности и культуры. Сейчас реализуется неизвестная ранее форма противостояния мировых держав – США и России, – которую можно назвать в противоположность открытому противостоянию «закрытой холодной войной». «Политика дружеского партнерства (на словах) стала ширмой старой политики сдерживания и даже отбрасывания (на деле)», – отмечает И. А. Иванников [8]. В таких условиях РФ может выжить лишь как сильное государство, мощная держава. Это предполагает мобилизационную стратегию дальнейшего государственно-правового развития России.

Таким образом, на первый план должен выйти такой принцип построения правопорядка, который основывался бы не на индивидуалистическом, а на социальном, соборном фундаменте, евразийском солидаризме, способном мобилизовать население для противодействия экономической колонизации России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Звягинцев А. Г. Власть и коррупция в современной России // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Панченко, А. Ю. Чипровой, А. И. Мизерия. Н. Новгород, 2001. С. 8.
2. Гленнон М. Совет безопасности: в чем причина провала? // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 67.
3. Там же. С. 65.
4. Там же. С. 67.
5. Цит. по: Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 162.
6. Зорькин А. Д. Апология Вестфальской системы // Рос. газ. 2004. 13 июля.
7. Зорькин А. Д. Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков // Изв. 2004. С. 10.
8. Иванников И. А. Проблема формы Российского государства в русской политико-правовой мысли. Ростов н/Д, 1999. С. 305.

УДК 340.1;321.01

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. П. Мазуренко, Ю. А. Титенко

LEGAL POLICY OF RUSSIA IN THE PROTECTION OF MINORS

A. P. Mazurenko, Yu. A. Titenko

Статья посвящена проблемам формирования правовой политики современного российского государства в сфере защиты прав несовершеннолетних. Авторами рассматриваются различные позиции по поводу содержания понятия «правовая политика», а также делаются собственные выводы о возможных направлениях развития такой политики и вопросах создания ювенальной юстиции в России.

The article is devoted to the problems of legal policy formation of the modern Russian state to protect the rights of minors. There are different positions on the content of the “legal policy” concept, and personal conclusions about the possible directions of development policies and on the establishment of juvenile justice in Russia.

Ключевые слова:
правовая политика, несовершеннолетние, ювенальная юстиция, защита прав, законодательство, ювенальное правосудие.

Keywords:
legal policy, juveniles, juvenile justice, protection of rights, legislation, juvenile justice.

Правовая политика – явление уникальное. Его специфика состоит в первую очередь в объективной одновременной принадлежности и к праву, и к политике [1]. С начала 90-х годов прошедшего века теория правовой политики переживает качественно новый этап своего развития. Он неразрывно связан с процессами демократизации российского общества и государства, формированием нового взгляда на место и роль права в жизни современной России. Правовая политика начинает осознаваться в качестве важнейшего фактора утверждения естественных и неотъемлемых прав и свобод человека, построения правового государства и гражданского общества, формирования системы юридической безопасности [2], осуществления социально-экономических и иных реформ. «Сейчас на первый план общественного бытия, – замечает А. В. Малько, – все больше и больше выходит политика правовая, ибо в современных условиях без нее невозможно цивилизованно и гарантированно реализовать все остальные виды политики. Непродуманная и слабая правовая политика, сопряженная с несовершенной и пробельной юридической базой, с противоречиями в правовых актах, с нечеткими приоритетами, ведет к сбоям и в осуществлении политики социальной, экономической, национальной» [3].

В литературе отмечается, что наука должна не только изучать правовую политику такой, какая она есть, но и вырабатывать научно обоснованные положения о том, какой она должна быть. Высказывая критические замечания в адрес В. В. Борисова, полагающего, что никакой особой правовой политики нет, Н. И. Матузов, в частности, пишет: «...речь должна идти не о том, существует или не существует правовая политика, а о том, какой она должна быть в современных условиях» [4]. Ставя перед теорией правовой политики указанную задачу, ученый в значительной мере солидаризируется с дореволюционными российскими авторами [5], которые видели суть и назначение науки политики права как раз в решении вопросов о том, каким должно быть право, в каком направлении оно должно развиваться и что для этого нужно сделать.

Весьма взвешенный подход к определению правовой политики демонстрируют в своих работах на эту тему ведущие представители Саратовской школы права. Так, упомянутый выше Н. И. Матузов считает, что правовая политика, будучи одной из разновидностей политики вообще (как родового понятия), представляет собой комплекс мер, идей, задач, целей, программ, методов, реализуемых в сфере действия права и посредством права [6]. Однако нам представляется, что определять правовую политику только как комплекс идей, целей, задач и так далее не вполне целесообразно. Если вспомнить классиков марксизма, то «идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [7]. «Необходима человеческая деятельность для того, чтобы идея перестала быть отвлеченностью» [8].

Может быть, поэтому А. В. Малько полагает, что «правовая политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов по совершенствованию эффективного механизма

правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры в жизни общества и личности» [9]. При всей обоснованности приведенной точки зрения думается, что более правильным подходом к определению рассматриваемого явления было бы сочетание ее с первой дефиницией, поскольку правовую политику нельзя сводить только к деятельности, ибо в таком случае ускользает ее сущностный, концептуальный аспект.

В этой связи интересной представляется позиция О. Ю. Рыбакова, который, предлагая собственное понимание данного феномена, рассматривает его в узком и широком смыслах. Так, в узком смысле под правовой политикой им понимается выработка и реализация тактики и стратегии в области создания и применения права на основе общих принципов гуманизма, а в широком – деятельность, прежде всего, государственных и муниципальных органов, общественных объединений, отдельных лиц, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правового механизма, направленная на осуществление интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями [10]. Но в таком случае объединяются сфера реализации правовой политики и ее внутреннее содержание, что, как нам кажется, не вполне верно с методологической точки зрения. Выход из сложившейся ситуации предлагает Н. И. Матузов, вполне справедливо полагающий, что он заключается в органическом соединении этих двух начал. По его мнению, речь должна идти о правовой политике в ее статическом и динамическом состояниях, которые вовсе не исключают, а дополняют друг друга [11].

Основываясь на изложенном, можно говорить о том, что правовая политика по своему содержанию есть сложный феномен, имеющий двойственную природу. С одной стороны, его смысл состоит в том, что это политика, основанная на праве, а с другой – это право, используемое в качестве средства властвования и управления в политической сфере общества. Она находит свое выражение в деятельности соответствующих субъектов, которые руководствуются в ней идеями стратегического характера относительно поступательного правового развития социума.

Как верно указывает в этой связи О. Ю. Рыбаков, сегодня необходима сбалансированная, системная, стратегически выверенная, оправданная экономически и служащая интересам личности и государства политика. По его убеждению, правовая политика – это не фикция, не заоблачный, оторванный от реальностей жизни идеал; ее обязательным компонентом, даже базисом, выступает право, которое всегда есть категория реальности, отражаемая в законодательстве [12].

Научное понимание смысла и объема задач, выполняемых правовой политикой на современном этапе, позволяет сделать обоснованный вывод о том, что, при условии наличия политической воли у руководящей элиты Российского государства, она, выступая в качестве средства демократических преобразований общества, способна формировать и в перспективе достигать целей стратегического характера: 1) создавать и развивать основы правового государства и гражданского общества; 2) регулировать сложные отношения между обществом и государством; 3) реально обеспечивать права и свободы человека и гражданина [13]. Острие правовой политики должно быть направлено на выработку, прежде всего, законодательных

мер против произвола, бюрократизма, коррупции, криминала, неуважения к правам личности. Это означает, что правовая политика должна предусматривать активные действия в первую очередь в правотворческой сфере, как исходной по отношению ко всем иным видам юридической деятельности. Это, в частности, касается и правовой политики в сфере защиты прав несовершеннолетних.

Согласно демографическим прогнозам к середине XXI века люди моложе 30 лет будут составлять почти половину населения планеты. Причем уже сегодня этот показатель высок. Так, в России проживают более 30 миллионов человек в возрасте от 14 до 30 лет. Это почти 20 % населения страны. Права ребенка и их защита в современной России относятся к числу актуальных проблем, порожденных явным неблагополучием в положении несовершеннолетних детей как в обществе, так и в семье. Важное место в системе мер поддержки детей занимают нормы права, закрепляющие возможность использования всех существующих в реальной действительности мер и способов обеспечения нормального духовного и физического развития ребенка. Об этом, в частности, свидетельствуют положения Конвенции ООН «О правах ребенка», где говорится: «Государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные настоящей Конвенцией за каждым ребенком» (пункт 1 статьи 2). Озабоченность по поводу воплощения прав ребенка в действительность, проявленная на международном уровне, понятна, ибо мировое сообщество обеспокоено состоянием будущих поколений, их способностью на должном уровне поддерживать жизнь человечества.

Если говорить о правовой политике России в этой сфере, то сама по себе тема защиты прав ребенка ассоциируется, прежде всего, с семейным правом, Семейным кодексом РФ, несмотря на то, что его статья 2, определяющая круг отношений, регулируемых семейным законодательством, специально не выделяет защиту прав ребенка. Она как бы растворена в регулировании личных (неимущественных) и имущественных отношений членов семьи, в состав которой, естественно, входят и несовершеннолетние дети. Сложность защиты прав ребенка состоит не только в употреблении различных по своей отраслевой принадлежности правовых норм, но и в комплексном характере самого семейного права. Особенно это заметно, если речь идет о защите прав несовершеннолетнего, попавшего в неблагоприятную семейную ситуацию или оставшегося вообще без семьи. Вместе с тем нетрудно заметить, что все семейно-правовые нормы, посвященные несовершеннолетним детям, пронизаны одной идеей – идеей приоритетной защиты интересов ребенка. Что же касается самих прав, то лидирующее место среди них занимает право ребенка жить и воспитываться в семье (пункт 2 статьи 54 СК РФ). Это право служит как бы общим знаменателем при разрешении проблем, связанных с семейным воспитанием [14].

На различных конференциях, совещаниях, посвященных проблемам детей, все чаще звучат упреки в адрес семейного законодательства, которое, по мнению различных специалистов, нуждается в коренной переработке в связи с его несовершенством, что служит причиной катастрофического положения детей в современной России. При этом основной акцент делается на недостаточно жесткой позиции Семейного кодекса в отношении родителей, не обеспечивающих полноценную защиту прав ребенка в своей семье. На наш взгляд, следует сразу оговориться, что проблема ужесточения закона для тех, кто его должным образом не исполняет, относится к числу непростых и дискуссионных проблем. Причем ее

сложность многократно возрастает, когда приходится иметь дело с родительскими правами и обязанностями, правомерное исполнение которых, как правило, служит залогом успешной защиты прав ребенка, связанных с его семейным воспитанием. Вот почему сторонники усиления ответственности родителей за своего ребенка, во-первых, затрагивают вопросы, имеющие прямое отношение к семейно-правовой ответственности за ненадлежащее семейное воспитание ребенка, и, во-вторых, игнорируют специфику семейного права. Кроме того, они рассматривают проблемы, относящиеся к материальному обеспечению родителями интересов ребенка, вне связи с реальной социальной действительностью России [15]. В целях формирования адекватной этой действительности правовой политики, каждая из затронутых выше позиций нуждается в специальном рассмотрении.

Вместе с тем возрастает и степень опасности, которой подвергается ребенок в обществе, так как все большее ужесточение экономических и социальных условий, не всегда удачная молодежная политика государства, правовой нигилизм немалой части взрослого населения привели к естественной реакции молодого поколения – смещению в негативную сторону нравственных ценностей и, как следствие, приобщению большого числа молодежи к преступной деятельности. Однако уровень разрешения вопросов декриминализации несовершеннолетних в действующем законодательстве довольно низкий: существует неопределенность и незаконченность ряда норм, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. В этих условиях особую значимость приобретают специализированные государственные органы, чья деятельность предусматривает защиту прав детей, предупреждение преступности несовершеннолетних, профилактику подростковых правонарушений [16].

Такие органы в России действуют на всех уровнях публичной власти: на уровне государственной власти (федеральном и субъектов Федерации) и местного самоуправления. (На федеральном уровне к данным органам относятся Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних при Правительстве РФ; департамент медико-социальных проблем семьи, материнства и детства Министерства здравоохранения и социального развития РФ; в Министерстве образования и науки РФ – Управление по делам молодежи, Департамент по государственной молодежной политике, воспитанию и социальной защите детей, Федеральное агентство по образованию; Российский детский фонд. Департаменты, комитеты, комиссии и отделы с аналогичными функциями действуют и на региональном уровне. К муниципальным органам, направленным на защиту прав несовершеннолетних, следует отнести также комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и институт социальных работников, которые занимают особое место среди субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.) В то же время одной из основных проблем в этой области является отсутствие взаимодействия между ними, нечеткость распределения компетенции в соответствии с ветвями и уровнями власти, дублирование и параллелизм в работе. Кроме того, существует огромный массив нормативных актов различных отраслей права, так или иначе связанных с регулированием прав ребенка, накоплен большой объем знаний, содержащих рекомендации относительно реализации прав несовершеннолетних в различных сферах жизни общества, совершенствования институтов, связанных с детством [17]. Однако следует отметить, что в действующем законодательстве

слабо представлена межотраслевая и межпредметная связь, что, в свою очередь, приводит к коллизиям, декларативности многих норм или их слабой реализации. Например, статья 12 Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 года гарантирует лицам, не достигшим 18 лет, право бесплатного посещения музеев один раз в месяц в порядке, установленном Правительством РФ. Постановление Правительства РФ от 12 ноября 1999 года № 1242 «О порядке бесплатного посещения музеев лицами, не достигшими восемнадцати лет» определяет, например, что информация о порядке бесплатного посещения музея лицами, не достигшими 18 лет, размещается в доступных для посетителей зонах музейных зданий и в средствах массовой информации. На практике реализация этой нормы происходит крайне редко. Или другой пример. Семейный кодекс РФ в статье 56 закрепляет право ребенка самостоятельно обратиться в суд для защиты собственных прав по достижении им 14 лет. Это право не может быть реализовано до принятия соответствующего федерального закона, предусматривающего механизм обращения ребенка в суд. Таким образом, реальных предпосылок для осуществления данного права в настоящее время не существует, так как действующее гражданско-процессуальное законодательство не определяет положения несовершеннолетнего участника гражданского процесса, утратившего родительское попечение или пытающегося защитить свои права именно от родителей [18].

По мнению некоторых специалистов, способствовать накоплению соответствующей судебной практики, которая стала бы базой для дальнейшей эволюции законодательства в указанной области, привела бы к углублению соответствующих связей, должно создание специализированного правосудия для несовершеннолетних (ювенальной юстиции) различных отраслей права в сфере защиты прав несовершеннолетних. Но эта проблема требует, на наш взгляд, очень взвешенного подхода в рамках научно обоснованной правовой политики государства и дальнейших теоретических исследований в данной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Коробова А. П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 45.

2. Мордовец А. С. Правовая политика и принципы прав человек // Вопр. теории государства и права. 2003. Вып. 4 (13). С. 45–52; Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб., 2004; Исаков Н. В. Основные приоритеты российской правовой политики / под ред. В. А. Казначеева. Пятигорск, 2003. С. 60–92; Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России. СПб., 2005. С. 107–130; Фомин А. А. Юридическая безопасность в сфере законотворчества и правоприменения. Пенза, 2006.

3. Малько А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 15.

4. Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Там же. С. 30.

5. Федоров И. В. Концепция политики права в буржуазной юридической мысли дореволюционной России // Совет. государство и право. 1985. № 7. С. 127–131.

6. Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 28.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики: против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 132.

8. Адоратский В. О государстве (к вопросу о методе исследования). М., 1923. С. 12.

9. Малько А. В. Указ. соч.

10. Рыбаков О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журн. рос. права. 2002. № 3. С. 71.

11. Матузов Н. И. Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI в. // Правовая политика России: теория и практика. М., 2006. С. 35.

12. Рыбаков О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. С. 6.

13. Исаков Н. В. Правовая политика России: теоретические аспекты / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2003. С. 112.

14. Титенко Ю. А., Бунина А. Ф. Защита прав ребенка: проблемы законодательства // Науч. тр. ПГГТУ. 2011. № 34. С. 123.

15. Там же. С. 124.

16. Лабушкина И. Е. Ювенальная юстиция как средство защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в РФ // Науч. тр. ПГГТУ. 2011. № 34. С. 108.

17. Там же. С. 109.

18. Там же. С. 110.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.23

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ

С. Н. Бочкарников

VALUES AS A BASIS FOR STUDENTS' ENTREPRENEURIAL IDENTIFICATION

S. N. Bochkarnirov

В статье рассматриваются результаты социологического исследования, проведенного среди студентов вузов Нижегородской области, с целью определения мотивов, объясняющих их желание заниматься предпринимательской деятельностью по окончании обучения. Представляя результаты факторного и кластерного анализа, автор делает акцент на ценностях, которые формируют основу предпринимательской идентификации студентов, и, кроме того, рассматривает другие особенности первого фактора идентификации.

The article deals with the results of the sociological research conducted among university students of Nizhny Novgorod region in order to reveal the motives that explain the desire of university students to engage into business upon graduation. Presenting the results of factor and cluster analysis, the author focuses on the values that provide basis for students' entrepreneurial identification and also considers other peculiarities of the first identification factor.

Ключевые слова:
студенты, самоопределение, предпринимательство, идентификация, факторный анализ, кластеры, ценности.

Ключевые слова:
students, self-determination, entrepreneurship, identification, factor analysis, clusters, values.

Проблема идентификации личности традиционно занимала умы представителей различных научных школ и направлений в психологии, педагогике, социологии. Идентификация тесно связана с мироощущением личности, с ее поведением в социуме и, соответственно, с социальными стереотипами.

Как пишет Дж. Мид, процесс идентификации происходит через «принятие роли другого» [1]. Перенимая роль другого, человек осмысливает самого себя, управляет собственным процессом коммуникации, смотрит на себя глазами другого человека. «Непосредственный результат принятия роли другого заключается в возможности контроля личности над собственными реакциями» [2].

В процессе «принятия роли другого» формируется социальное взаимодействие с другими, в результате которого появляются новые социальные роли индивида и проявляется его идентичность.

Иначе говоря, процесс идентификации заключается в том, что человек «примеряет» роль, смотрит на себя как бы со стороны, выступает по отношению к себе объектом, что провоцирует его реакцию на самого себя.

Одним из уровней идентификации является социально-профессиональная идентификация, когда личность идентифицирует себя с представителями той или иной профессии, рода деятельности. Особый интерес представляет изучение процесса предпринимательской идентификации, в рамках которого человек «примеряет» роль предпринимателя, смотрит на себя как на занимающегося предпринимательской деятельностью. Подобная «примерка» вызывает как положительную, так и отрицательную реакцию и позволяет нам предположить, что формирование положительной предпринимательской идентификации у студентов высших учебных заведений приведет к тому, что после окончания обучения многие решат заняться бизнесом.

С целью определить, что влияет на предпринимательскую идентификацию, мы провели исследование среди студентов нижегородских вузов.

В опросе, который проводился в мае – сентябре 2010 года, приняли участи студенты вузов Нижегородской области: Волго-Вятской академии государственной службы, Нижегородского государственного лингвистического университета, Нижегородского филиала Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, Нижегородской государственной медицинской академии, Нижегородского государственного технического университета (всего 791 человек).

Выборка была сделана случайно, путем распространения анкет среди студентов очной формы обучения в возрасте от 18 до 26 лет. При этом мы сознательно не стали ограничиваться только экономическими или управленческими специальностями, чтобы понять, а влияет ли выбранная специальность на желание заняться бизнесом и на выбор сферы предпринимательства.

В ходе опроса респонденты «примерили» роль предпринимателя и выделили те качества, умения, знания, которые нужны для успешной предпринимательской деятельности, и те из них, которыми они обладают.

В результате факторного анализа данных массива студентов нижегородских вузов было получено три фактора, формирующих три модели предпринимательской идентификации, которые в целом совпадают с основными существующими сегодня пониманиями целей и содержания предпринимательской деятельности.

Между тем при подготовке исследования мы исходили из того, что предпринимательство – это больше, чем просто деятельность, приносящая доход. Как правило, предпринимательские качества проявляются в образе жизни и мышления человека, в тех жизненных ценностях, которые он разделяет.

Другими словами, мы предположили, что дух предпринимательства (а соответственно, и желание стать предпринимателем по окончании обучения) можно проследить через ценностные ориентиры студентов и тем самым либо опровергнуть, либо подтвердить выявленные нами модели идентификации.

В данной статье мы делаем акцент на одном из факторов предпринимательской идентификации, который мы назвали «**ориентация на достижение результата**».

Он содержит ряд переменных, характеризующих человека, трезво оценивающего обстановку, идеи, уверенно, настойчиво следующего к своей цели и получению максимального дохода. Он умеет налаживать деловые связи, мотивировать своих сотрудников, находить нетрадиционные решения различных проблем. Более подробно содержание фактора и факторные веса представлены в таблице 1.

Таблица 1

Параметры фактора и факторные веса

Параметры фактора. Для того чтобы заниматься предпринимательской деятельностью	**Факторные веса**
Вы умеете оценивать окружающую обстановку и внешнюю ситуацию	0,653
Вы умеете давать взвешенные оценки происходящему	0,617
Вы умеете трезво оценивать состояние предпринимательства, его достоинства и недостатки	0,613
Вы умеете не теряться в условиях неопределенности и принимать решения в этих условиях	0,589
Вы умеете трезво оценивать перспективность идей	0,586
Вы обладаете настойчивостью	0,572
Вы обладаете инициативностью	0,571
Вы обладаете уверенностью	0,558
Вы обладаете способностью убеждать	0,553
Вы умеете генерировать новые коммерческие идеи и предложения	0,541
Вы умеете четко организовывать, планировать и контролировать ход работ	0,536
Вы умеете самостоятельно получать необходимую информацию	0,520
Вы умеете руководить людьми	0,514
Вы умеете получать максимальный доход от своей деятельности	0,514
Вы умеете использовать информационные технологии для осуществления предпринимательской деятельности	0,487

Вы обладаете мотивированностью	0,475
Вы умеете устанавливать деловые контакты	0,474
Вы умеете находить и реализовывать нестандартные решения	0,466
Вы обладаете креативностью	0,404

При интерпретации фактора учитывались только переменные весом не менее 0,4; переменные с более низким весом при анализе не рассматривались.

В пространстве данного фактора были выделены 5 типологических групп, характеризующих отношение студентов нижегородских вузов к данному типу поведения и соответственно модель предпринимательской идентификации. В зоне положительных значений фактора находятся респонденты, умеющие адекватно оценивать обстановку, давать взвешенную оценку происходящему, принимать решения в условиях неопределенности, обладающие настойчивостью, инициативностью, уверенностью и так далее; другими словами, студенты, демонстрирующие поведение, ориентированное на результат.

В таблице 2 представлены статистические параметры кластеров, а на рисунке 1 – графическое изображение.

Таблица 2

Распределение центров и объемов кластеров фактора

Параметр	**Номера кластеров**				
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
Координаты центров кластеров	-5,4	-1,4	-0,3	0,6	1,5
Объем кластера, %	0,4	18	39,3	30,2	12,1

В целом в зоне отрицательных значений находятся 57,7 % опрошенных студентов; 42,3 % находятся в зоне положительных значений фактора, т. е. полностью согласных с его параметрами (Кл. 4 и Кл. 5).

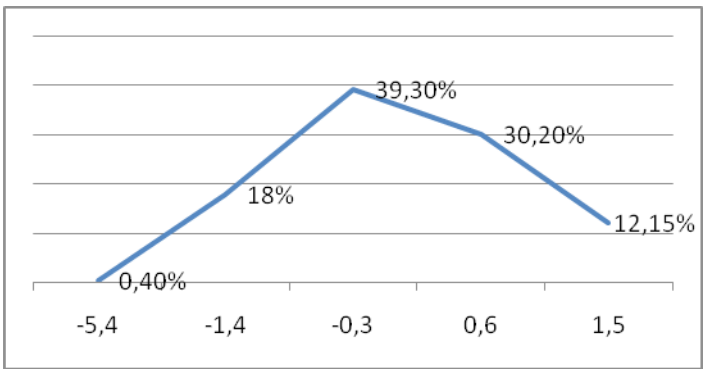


Рис. 1. Графическое распределение массива данных по фактору «ориентация на достижение результата»

В зону положительных значений данного фактора входят студенты, считающие, что они обладают в той или иной степени большинством качеств, которые характеризуют поведение, ориентированное на результат. Соответственно, в своей профессиональной деятельности (в том числе и если станут предпринимателями) главной своей целью они выберут личный успех, самореализацию себя в предпринимательской деятельности, воплощение своих идей.

Наибольший интерес вызывает кластер 3, центр которого расположен около нуля и к которому относится почти 40 % респондентов.

Это говорит о том, что большая часть студентов не могут пока определиться с имеющимися у них качествами и умениями, необходимыми для предпринимательской деятельности.

Гендерный анализ полученных кластеров показывает, что по кластерам 2, 3, 4 распределение близко к распределению по полу в целом по выборке (66 % – женский пол, 34 % – мужской пол). Между тем в крайних кластерах наблюдается перевес в сторону мужского пола. Если зона крайне отрицательных значений не представляет интерес из-за низкого числа участников, то противоположная зона интересна тем, что в ней соотношение молодых людей и девушек, идентифицирующих себя с предпринимательством, составляет 57 % к 43 %.

Далее респондентам было предложено оценить ряд ценностных высказываний по пятибалльной шкале (5 – полностью согласен, 1 – категорически не согласен).

Таблица 3

Распределение оценок ценностных суждений по кластерам

Суждения	Номера кластеров					Всего
	Кл. 1	Кл. 2	Кл. 3	Кл. 4	Кл. 5	
Государство должно предоставлять социальные гарантии населению	33,3 %	67,6 %	84,6 %	87,1 %	88,5 %	82,5 %
Сегодня для меня очень важно достичь успеха в жизни, сделать карьеру	33,3 %	59,9 %	83,3 %	90 %	87,5 %	81,5 %
Я чувствую себя современным человеком	33,3 %	52,1 %	78,1 %	85,8 %	87,5 %	76,7 %
Я хочу раскрыть все свои таланты	33,3 %	51,4 %	75 %	79,5 %	81,3 %	72,7 %
Я хочу стать богатым, чтобы жить так, как хочется	33,3 %	56,3 %	67,6 %	69,4 %	77,1 %	67,1 %
Жизнь – это стремление к нравственному совершенство-анию	-	50 %	61,1 %	64 %	68,8 %	60,7 %
Я хочу стать богатым, чтобы жить, помогая другим	33,3 %	50 %	62,1 %	59,9 %	60,4 %	59 %

Жизнь – это непрерывная борьба за выживание	66,7 %	45,8 %	49,9 %	55,2 %	67,7 %	53 %
Я прилагаю много усилий, чтобы заработать много денег и тем самым обеспечить свое будущее	-	28,9 %	45,7 %	61,9 %	68,8 %	50,2 %
Мне нравится вести людей за собой, нести большую ответственность	-	11,90 %	32,20 %	50,70 %	66,70 %	38,10 %
Я хочу жить и работать на пользу своему народу и государству	33,3 %	25,4 %	32,8 %	41,4 %	37,5 %	34,6 %
Я люблю рисковать	-	21,2 %	25,4 %	41,4 %	63,5 %	34 %

После этого мы распределили результаты по кластерам и оставили те высказывания, с которыми полностью или частично были согласны более трети респондентов.

Как видно из таблицы, респонденты из зоны положительных значений фактора «ориентация на результат» нацелены на успешную карьеру, самореализацию, богатство. Так, 87,5 % респондентов из кластера 5 считают очень важным достижение успеха в жизни и в карьере. Также 68,8 % респондентов из кластера 5, будучи студентами, прилагают много усилий, чтобы заработать много денег и обеспечить свое будущее (и лишь 28,3 % из кластера 3).

Респонденты из зоны положительных значений изучаемого фактора готовы вести людей за собой и брать ответственность на себя. Важное суждение «Я люблю рисковать» показывает, что 63,5 % респондентов из кластера 5 положительно относятся к риску, который является неотъемлемой составляющей предпринимательской деятельности.

Хотя ценности, выраженные в данных высказываниях, не доказывают стремление стать предпринимателем, они ясно показывают нацеленность разделяющих их студентов на получение результата в своей профессиональной деятельности.

Таблица 4

Распределение специальностей студентов по кластерам

Направление обучения	Номер кластера				
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
Техника	-	11,2 %	12,4 %	14 %	7,1 %
Государственное и муниципальное управление	-	16,2 %	20,8 %	21,8 %	21 %
Туризм	-	6,3 %	7,6 %	7,1 %	8,5 %
Медицина	-	6,3 %	5 %	4,6 %	8,3 %
Менеджмент	33,3 %	9,2 %	16,4 %	16,6 %	20 %
Информационные технологии	33,3 %	16,4 %	10,8 %	10,5 %	11,6 %
Педагогика	-	9,9 %	11,7 %	11,4 %	11,6 %
Экономика и финансы	33,3 %	21,6 %	13,4 %	10,1 %	11,6 %
Право	-	2,8 %	1,9 %	3,7 %	-

Интересным представляется распределение респондентов по кластерам в зависимости от выбранной специальности, которое отражено в таблице. Поскольку выборка по направлениям обучения проводилась случайно, то преобладание студентов, обучающихся по специальностям «ГМУ» и «менеджмент», объясняется их большим количеством (35,8 %) среди всех опрошенных.

Обратим внимание на соотношение по горизонтали, т. е. внутри каждого направления обучения. Хорошо видно, что у будущих специалистов в сфере туризма, управления и врачей преобладают респонденты из положительной зоны значения фактора. Иначе говоря, студент, обучающийся по данным специальностям, более серьезно настроен на создание собственного дела. По остальным специальностям распределение относительно ровное, кроме информатики и финансов, где больше респондентов находятся в отрицательной зоне.

Данные рассуждения позволяют сформировать дополнительную задачу для высшего образования – создание таких условий, которые позволяли бы развивать вышеуказанные умения и качества. Тогда спустя какое-то время, проведенное в вузе, большинство студентов смогут положительно ответить на эти вопросы и тем самым большая часть респондентов окажутся в положительной зоне.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000. С. 27.
2. Там же. С. 29.

УДК 316.356.2:316.482.05

ПРОБЛЕМА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

В. В. Ванина

INTERGENERATIONAL CONFLICT PROBLEMS AS ONE OF THE YOUNG FAMILY'S FUNCTIONING ASPECTS

V. V. Vanina

Статья посвящена межпоколенческим конфликтам – одной из важнейших проблем становления и развития молодой семьи. На основе результатов социологического исследования молодых семей, проведенного Комитетом Тульской области по семейной, демографической политике, опеке и попечительству, автором анализируются ведущие стадии, причины вышеуказанных конфликтов, а также формы их проявления и возможные пути урегулирования.

The article is devoted to intergenerational conflict – one of the most important problems of young families' formation and development. Based on the results of the young families' sociological study carried out by the Tula Region Committee in Family and Demographic Policy and Guardianship, the author analyzes main stages, reasons of the above-mentioned conflicts, as well as their forms and ways of settlement.

Ключевые слова:
молодая семья, межпоколенческие конфликты, основные причины межпоколенческих конфликтов, формы проявления и пути урегулирования межпоколенческого конфликта.

Keywords:
young family, intergenerational conflicts, main causes of intergenerational conflict, forms and ways of intergenerational conflict settlement.

Трансформация общества, его переход из одного качественного состояния в другое всегда связан с разрушением старой структуры и формированием новой, с появлением новых социальных связей и с утратой старых, затрудняющих развитие новых общественных отношений.

Такие процессы осуществляются во всех социальных общностях, институтах и группах, выступающих в качестве элементов социальной организации общества.

В особой степени это касается молодой семьи, которая сама является неустойчивым социальным субъектом, находящимся в стадии становления, и осуществляет свою жизнедеятельность в изменчивой социальной среде, оказывающей прямое негативное воздействие на развитие и стабилизацию молодой семьи.

«Молодая семья – это семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семья, состоящая из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка» [1].

В процессе своей жизнедеятельности молодая семья сталкивается с рядом многочисленных проблем, одной из которых являются конфликтные взаимоотношения членов молодой семьи с их социальным окружением.

Наиболее значительный интерес представляют конфликты, связанные со взаимоотношениями между членами молодой семьи и семьи родителей, то есть так называемые межпоколенческие конфликты, которые являют собой «совокупность целенаправленных и повторяющихся социальных действий для достижения определенного результата – разрешения противоречия, породившего конфликт, и полного или частичного удовлетворения интересов его сторон» [2].

Семья, в частности молодая, есть важнейший институт воспроизводства общества и первичной социализации личности в процессе взаимодействия поколений.

Именно в молодой семье межпоколенческие отношения осуществляются наиболее тесно. Но, наряду с этим, в настоящее время затруднены взаимодействие и социализация поколений в современной молодой семье. Так, в условиях радикального обновления многих социальных норм и ценностей старшему поколению достаточно сложно передавать свой опыт молодежи. А молодежи между тем непросто усваивать опыт старших, что, в свою очередь, усугубляет различия, создает противоречия и конфликты между поколениями.

В то же время нужно отметить, что в современной молодой семье межпоколенческий конфликт имеет свои особенности. В условиях кризиса и неопределенности этот конфликт присутствует в трансформирующемся институте семьи в неявном, не полностью сформировавшемся виде – в виде глубоких социальных противоречий между поколениями, расширяющихся зон напряженности в их социальном взаимодействии.

Однако этот конфликт вполне сформирован и очевиден на семейно-групповом уровне, в виде возникающих конфликтных ситуаций в повседневных межличностных отношениях членов молодой семьи с их социальным окружением.

Межпоколенческий конфликт не является ни постоянным, ни случайным процессом в молодой семье. Он возникает в конфликтной ситуации и развивается по определенной схеме, которая состоит из нескольких стадий: предконфликтной ситуации, стадии инцидента и конфликтного противодействия сторон, стадии завершения конфликта и проявления его последствий.

На стадии предконфликтной ситуации обостряются социальные противоречия между поколениями – ценностные, нормативные, статусные, ролевые и иные, а также выявляются и становятся очевидными для членов молодой семьи и их родственников основные противоречия, существующие в их межпоколенческих отношениях.

Также на этой стадии складывается динамичное сочетание различных обстоятельств, которые зачастую порождают несовместимые интересы и требования представителей двух поколений в молодой семье.

Для конфликтной ситуации свойственно взаимное противодействие участников, направленное на защиту своих интересов путем ограничения активности противоположной стороны, нанесения ей ущерба, негативное отношение друг к другу (сопровождающееся отрицательными эмоциями и формированием образа «врага») [3].

Поскольку предконфликтная стадия характеризуется неустойчивостью, постольку своевременное конструктивное воздействие на данной стадии способно предотвратить нарастание конфликта. В противном случае происходит инцидент – открытое столкновение сторон, после которого скрытая конфликтная ситуация перерастает в череду конфликтных действий.

Начавшийся конфликт претерпевает различные изменения из-за перемены активности субъектов, возникновения новых обстоятельств, появления дополнительных причин для углубления и разрастания конфликта.

При нерешении проблем в молодой семье, несогласие родственников по отдельным вопросам постепенно перерастает в систематические разногласия по возрастающему кругу вопросов и аспектов взаимодействия. На фоне сформировавшейся напряженности в молодой семье под влиянием любого повода происходит противодействие сторон. Регулярные трения приводят к конфронтации и устойчивому противостоянию.

Заключительный этап межпоколенческого конфликта в молодой семье – это его завершение и проявление последствий. В молодой семье завершение вышеуказанного конфликта характеризуется, прежде всего, прекращением конфликтных действий, ослаблением напряженности в отношениях между членами молодой семьи и их социальным окружением, в частности семьей родителей.

Здесь важно отметить, что завершение конфликта связано не только с прекращением активных действий и противодействий сторон, нахождением компромисса и взаимными уступками.

Особое значение имеют устранение основных противоречий и разрешение главных проблем, породивших конфликт, достижение консенсуса, а также согласия поколений по принципиальным позициям их взаимодействия. В противном случае после «затухания» конфликта возможна вероятность его актуализации.

На основании социологического исследования удалось установить, до какой степени обычно доходит конфликт в молодой семье. Данное исследование проводилось в 2010 году Комитетом Тульской области по семейной, демографической политике, опеке и попечительству на тему «Межпоколенческие конфликты в молодой семье». Выборочная совокупность опроса составила 800 человек.

Эмпирическим объектом данного исследования выступали молодые люди (члены молодой семьи) в возрасте от 18 до 30 лет, проживающие в г. Туле и районных центрах Тульской области, таких как г. Богородицк, г. Донской, г. Узловая, г. Кимовск, г. Ефремов, г. Новомосковск; 46,3 % опрошенных – жители г. Тулы; 53,7 % – жители районов Тульской области. В опросе приняли участие 49,3 % мужчин и 50,7 % женщин. Возрастной контингент респондентов представлен тремя категориями: от 18 до 23 лет – 47,2 %; от 24 до 27 лет – 32,8 %; от 28 до 30 лет – 18,4 %.

Так, согласно данным вышеуказанного исследования, урегулировать взаимоотношения со старшим поколением на начальной стадии конфликта удается 41,4 % молодых семей; у 26,3 % межпоколенческий конфликт проходит все стадии; в

17,6 % молодых семей конфликт повторяется неоднократно и остается неразрешенным до следующего обострения и в 14,7 % члены молодой семьи избегают и подавляют межпоколенческий конфликт.

На вопрос «Как изменяются взаимоотношения между поколениями в Вашей семье после конфликта?» респонденты ответили следующим образом: в 43,2 % молодых семей взаимоотношения со старшим поколением (семьей родителей) после конфликта сначала напряженные, затем приходят в норму. Сохраняют хорошие отношения 28,9 % опрошенных молодых семей; у 21,3 % взаимодействие улучшается, если удается решить проблему, из-за которой возник конфликт. Взаимоотношения надолго ухудшаются только у 4,7 % молодых семей. И лишь у 2,0 % опрошенных молодых семей после конфликта ничего не меняется, отношения остаются такими же натянутыми, как и до обострения.

Причины возникновения межпоколенческих конфликтов в молодой семье – вопрос, безусловно, неоднозначный. Достаточно сложно выделить одну или две каких-то причины. Как правило, их гораздо больше, и они могут зависеть как от особенностей личности членов молодой семьи и семьи родителей, так и от специфики самой семьи и ситуации в обществе.

Если говорить о причинах вышеобозначенных конфликтов, зависящих от личных проблем членов молодой семьи и старшего поколения (семьи родителей), то молодые супруги проранжировали их таким образом: пристрастие к спиртному одного из членов семьи – 51 %; несовместимость интересов и целей молодого и старшего поколения – 58 %; материальные проблемы – 47 %; жилищные неурядицы – 34 %; хозяйственно-бытовые трудности – 16 %; разное социальное положение поколений – 11 %.

Между тем все вышеперечисленные причины достаточно сложно отделить от семейных проблем и особенностей, которые также, в различной степени, могут провоцировать межпоколенческий конфликт.

К этим причинам опрошенные молодые семьи отнесли следующие: совместное проживание в стесненных условиях – 56 %; отсутствие в семье единства и взаимного уважения – 53 %; вмешательство родителей в жизнь молодых супругов – 43 %; передел семейного имущества – 18 %; борьба за власть и влияние в семье – 16 %; отсутствие внуков – 11 %.

Однако межпоколенческие конфликты в молодой семье зависят не только от личных и семейных характеристик участвующих, но и от социальных предпосылок. Так, почти половина опрошенных молодых семей (49,8 %) подчеркивает разные ценности молодого и старшего поколений как источник их конфликтов. Многие указывают на социально-экономический кризис (26 %) и политическую нестабильность в стране (15 %). Но больше настораживает духовный кризис, который респонденты обозначают как падение нравов (43,7 %), которое, с их точки зрения, наблюдается в том, что в обществе невелико почтение к возрасту (25 %). И только 6 % респондентов считают, что межпоколенческие конфликты в молодой семье от общественных процессов не зависят.

Согласно результатам опроса, вышеуказанные конфликты в молодой семье имеют различные формы проявления: психологическое давление участников конфликта друг на друга (так считают 63 %), эмоциональное отчуждение поколений (28 %), физическое воздействие друг на друга (27 %), материальные лишения (26 %), отказ поколений друг от друга (23 %), социальная изоляция (22 %).

В современной молодой семье даже в условиях кризиса необходимо и возможно урегулирование различных проявлений межпоколенческих конфликтов. Конечно, зачастую абсолютное устранение конфликта бывает недостижимо, но тем не менее на этапе развертывания вышеобозначенного конфликта в молодой семье возможна его регуляция с целью предотвращения как самого конфликта, так и его негативных последствий.

В связи с этим важной задачей для такой семьи и общества в целом является урегулирование и профилактика различных форм проявления межпоколенческих конфликтов. А для этого, в свою очередь, необходимы как государственные меры, так и личные, семейные усилия.

Так, по мнению опрошенных молодых семей, государство должно помогать в решении их жилищных проблем (62,8 %); экономических проблем – низкая заработная плата, безработица (38,5 %); развитии социального обслуживания молодых семей (12,7 %); семейного консультирования (10,9 %); Для этого необходимы стабильность в государстве (29,7 %) и соответствующие законодательные и правоохранительные нормы (7,2 %).

От членов молодой семьи, по их мнению, требуется взаимопомощь поколений (58,6 %), повышение культуры взаимоотношений в семье (32,6 %).

Треть опрошенных полагает, что в молодой семье поколения могут сами урегулировать возникший конфликт, остальные же обратились бы за помощью к специалистам: психологам (42 %), социальным работникам (17 %), юристам (6 %), педагогам (4 %), в отдельных случаях к сотрудникам милиции (3 %).

Кроме того, важнейшим механизмом институционального разрешения межпоколенческого конфликта в молодой семье является разработка и реализация государственной социальной политики, задачей которой не должно быть подавление конфликта или избегание разрешения сложных социальных противоречий между поколениями.

В этом случае необходимы учет поколенческих интересов, гармонизация их отношений, поддержание и укрепление социального статуса пожилых и молодых людей, подготовка молодежи к семейной жизни.

Также важно повышать уровень жизни в стране, стабильность доходов населения, улучшать обеспеченность жильем. А государство, в свою очередь, должно оказывать материальную поддержку молодым семьям, финансировать специальные программы по развитию конструктивного взаимодействия поколений.

В частности, этому способствует развитие региональной и муниципальной социальной политики, реализация специальных социальных программ, укрепляющих межпоколенческие отношения.

Вместе с тем методы и средства регулирующего воздействия на межпоколенческий конфликт должны представлять собой многоуровневую систему социально-политических, социально-экономических, нормативных, психолого-педагогических, культурно-пропагандистских и других мероприятий.

В этой системе наряду с государственными и общественными структурами институт семьи, особенно молодой, также выступает важнейшим регулятором взаимодействия поколений.

В целом можно сказать, что межпоколенческий конфликт служит одной из движущих сил социальных изменений и способен придать своеобразный стимул для дальнейшего развития общества.

Это объясняется тем, что вышеуказанный тип конфликта в молодой семье усиливает внимание государства и общества к актуальным проблемам данной семьи, выявляет рутинные формы и содержание поколенческих отношений и продуцирует отказ от них.

Обострение отношений между поколениями, в свою очередь, стимулирует выработку новых или совершенствование уже имеющихся социальных норм, разработку социальных программ по их регулированию, создает предпосылки к развитию соответствующей сферы услуг и институтов помощи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Коряковцева О. А. Комплексная поддержка молодой семьи: учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Организация работы с молодежью». М.: ВЛАДОС, 2008. С. 8.

2. Вдовина М. В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье: моногр. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 111.

3. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 195.

УДК 316.33

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

И. А. Васильева, Н. В. Степаненко, Н. А. Козлова

GEOPOLITICAL FACTORS OF CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS

I. A. Vasilyeva, N. V. Stepanenko, N. A. Kozlova

В статье идет речь об активизации геополитических конфликтов, которые увязываются с высоким уровнем социальных противоречий в сфере национально-государственного устройства. Отмечая, что в данном регионе контактируют этносы различных социокультурных и конфессиональных ориентаций, а ислам рассматривается как фактор нового самосознания и основание для создания самостоятельных государственных образований, авторы подчеркивают, что попытки реализации этой цели представляют серьезную угрозу национальным интересам России, стабильности и миру на Северном Кавказе.

The article deals with the activation of the geopolitical conflicts that are linked with high levels of social contradictions in the national polity. The authors note that the various ethnic groups of socio-cultural and religious orientations contact in this region. Islam is considered as a factor of new identity and the basis for the creation of independent state formations. The authors emphasize that attempts to achieve this goal are a serious threat to Russia's national interests, stability and peace in the North Caucasus.

Ключевые слова:
экстремизм, геополитика, национальное самосознание, этнокультурная принадлежность, этнополитические конфликты.

Keywords:
extremism, geopolitics, national identity, ethnic and cultural identity, ethnic and political conflicts.

Этнические конфликты в нашей стране в конце 80-х – 90-х годов XX века во многом были резонансом на необходимые, но крайне противоречивые и непоследовательные политико-экономические преобразования, проводившиеся союзным, а затем российским федеральным центром и не учитывавшие социокультурные и ментальные особенности народов России. Особенно важным такой учет должен был быть на юге страны, где проживают народы, принадлежащие к различным культурно-хозяйственным типам, имеющие разные традиции государственности и неодинаковый опыт проживания в едином государстве совместно с другими народами. В результате одной из сторон переживаемого Россией системного кризиса стал кризис цивилизационно-культурной идентификации народов Северного Кавказа.

Дискредитация социалистической идеологии, составлявшей мировоззренческую основу системной целостности советского народа как наднациональной общности, привела к сегментации цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР. Федеральная власть утратила инициативу в поле производства идеологической продукции во многих звеньях региональной власти, и появилась тенденция присвоения властных полномочий частными лицами, имеющими те или иные влиятельные позиции в социальной структуре [1].

На Кавказе данные процессы отличаются значительной спецификой, все отчетливее проявляющейся в содержании традиционной восточной общности, которая восстанавливает традиционный тип общественного поведения людей, традиционные способы организации власти. У каждого народа есть такие обычаи и традиции, которые следует учитывать в национальной политике. К ним можно отнести и ношение оружия как части верхней одежды у многих кавказских народов, и свадебные ритуалы, и разное отношение к смерти, специфическую систему семейных отношений и место женщины в них. Поскольку фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают все большее влияние на формирование системы политических убеждений и политической идеологии в целом, то этническая принадлежность становится сильнейшим и одновременно наиболее общепринятым и легитимированным индикатором различий. Индивиду крайне сложно сменить сопутствующие этничности признаки, такие как язык, нарицательное имя, миф об общем происхождении, привязанность к определенной территории, религия, общая система ценностей, известная групповая солидарность. Сами по себе глубокие различия не таят никакой опасности, однако экстремисты националистического толка не ограничиваются констатацией этих реально существующих фактов: они вносят сюда оценочный момент, представляя отношения между поколениями, в семье, манеру обращения, употребление в пищу тех или иных продуктов как характеристику нечистоплотности, неразборчивости и ущербности тех или иных народов [2].

Сознательное генерирование этнополитических конфликтов увеличивает

рост числа их участников, потенцирующих свой политический капитал, упрочивающих свое политическое влияние. Начиная со второй половины 1980-х годов в России наблюдался лавинообразный распад единой национальной идеологии, ее фрагментация и замена на целую мозаику микроидеологий, вырабатываемых самыми различными этническими группами. В геополитическом плане проблема заключается в том, что этнические группы, наиболее последовательные в своих претензиях, вознаграждаются теми региональными геополитическими центрами, которые заинтересованы в распространении своего влияния на сопредельные территориально-культурные образования.

Для понимания природы конфликта важным является то, что с ростом этнического самосознания существенно меняются мотивы деятельности людей. На первичном уровне развития превалируют мотивы самовыражения, самоутверждения. И тогда в этноконфликтной ситуации выдвигаются требования моноидеологического характера, направленные на единообразие образцов культуры – утверждение исключительности языка и религии, установление политических привилегий для данного этноса.

В геополитическом отношении Кавказ рассматривается далеко не однозначно. Современная культура Северного Кавказа исторически сформировалась в результате сложного взаимодействия кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX века. Каждая геополитическая концепция содержит в себе совершенно определенную иерархию ценностей, на основе которых и формируются частные политические идеологии, использующиеся различными клановыми группами для достижения своих целей, прежде всего – власти. За властью не стоит никакой высший социальный, исторический или нравственный смысл, поскольку она представляет или защищает лишь свои собственные интересы – интересы тех, кто устроился во власти.

В этих условиях тенденции глобализации, борьба за установление однополярного мира и стремления народов к воссозданию многополярного мира оказывают непосредственное влияние на поиск народами России, включая и Северный Кавказ, своей идентичности [3].

Кавказ – это регион, где обозначились барьер и в то же время многовековое взаимодействие христианства, в первую очередь православия, ислама и буддизма; здесь проходили доминантные торговые пути. С точки зрения геополитики Кавказ стоит на рубеже океанического и континентального миров, поэтому данный регион всегда оказывался в центре борьбы между великими державами древности, Средневековья и Нового времени, которые стремились реализовать не только свои военно-стратегические и экономические интересы, но и распространить свои цивилизационно-культурные, ценностные системы [4].

Для анализа специфики геополитического статуса Северного Кавказа применяется также методология, разработанная в рамках теории локальных цивилизаций, признающей полицентричность всемирно-исторического процесса, под которым понимается развивающийся, но устойчивый в своих основных типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс. Его систематизирующими факторами являются: религиозно-нравственное мировоззрение, природно-ландшафтные условия и способы хозяйствования, формы государственно-политической организации, самоуправления

и правоотношений. Они проявляются в определенных пространственно-временных рамках уникально, разновекторно, получают различную иерархию, что и находит выражение в рождении и развитии самобытных региональных цивилизаций, индивидуальность которых заключается, прежде всего, в особенностях мышления, восприятия окружающей среды, действительности, способах ее отображения, в ценностных приоритетах, характере труда и социальной практики [5].

В 1990-е годы обозначились первые шаги применения цивилизационного подхода к истории Кавказа, при сохранении традиций системного анализа, характерного для исследований в рамках формационной методологии. Согласно данной концепции горские народы Кавказа, испытав воздействие различных цивилизаций, религий и культур, создали к XV–XVI векам кавказскую горскую цивилизацию, характеризующуюся полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и различными течениями ислама); сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского скотоводства и наездничества; психологическими чертами, закрепленными в своеобразных этических горских кодексах, преобладанием негосударственных форм самоорганизации.

Термин «кавказская горская цивилизация» отличен от термина «северокавказская цивилизация», так как пространственно она охватывает некоторые районы Закавказья, корреспондируется с горскими анклавами в других регионах мира, но отличается от них, прежде всего, своими нравственно-этическими кодексами (адыгэ хабзэ, апсуара, намис и др.). На протяжении истории существовали различные альтернативы трансформации кавказской горской цивилизации, поскольку пространство Северного Кавказа (включая Предкавказье) было контактной зоной кавказской горской цивилизации как с кочевым миром, так и с русской православной цивилизацией. Но горские народы в ходе исторического развития оказались втянутыми в глобальное противостояние и атлантистской империи Англии, и континентальной Российской империи, а также Франции, Германии, которые в разные периоды оспаривали гегемонию России в данном регионе. Роль буфера между этими соперниками безуспешно пыталась играть Османская империя. С незапамятных времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов, отделяющих Восточную Европу от азиатских степей, православие от ислама; как барьер между Византийской, Османской, Персидской и Российской империями и арена борьбы империй и межнациональных конфликтов [6].

К началу XX века Северный Кавказ был в значительной степени интегрирован в социокультурную систему Российской империи. В советский период можно говорить о северокавказской (южнорусской) субцивилизации в рамках советской модели индустриального общества. Тем не менее кавказская горская цивилизация по системообразующим факторам была типологически отличной от русской. Последняя определялась православным типом духовности и экзистенциальными ценностями, что делало комплиментарными отношения с армянами, грузинами и большей частью осетин. В XVIII – первой половине XIX века русская цивилизация стала ядром полиэтнической, поликонфессиональной (православно-мусульманской при доминировании православия) трансрегиональной российской цивилизации. При широком распространении языковой ассимиляции, которая по существу сделала регион двуязычным, более глубокое проникновение в местный быт русских

этнокультурных стандартов не произошло, хотя уровень культурных заимствований и взаимовлияний остается высоким и будет сохраняться в будущем. Именно присутствие российской культуры в регионе определяет во многом общие культурные черты. Северный Кавказ в результате вхождения в состав российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой обрел черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе.

Нынешние трудности на Северном Кавказе усугубляются следующим обстоятельством: исторически русскоязычная российская культура утрачивает в этом регионе безраздельное доминирование, что по существу означает конец однозначной «русификации» и «европеизации». Этнический национализм, стимулируемый в таком сложном культурно-цивилизационном пространстве, действительно является мощным дестабилизирующим обстановку в стране фактором. Выделяя «чеченский фактор», можно сказать, что именно здесь проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства и возник район вооруженного сепаратизма, неконтролируемый российскими властями. Именно тут радикальный этнический национализм и религиозный экстремизм обрели откровенно насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государству, но и общественным устоям, традиции и ценностям местного населения [7].

В культурном пространстве Северного Кавказа более значимыми становятся как местные этнические культуры, так и культурные мировые системы, связанные с исламской или «восточной» традицией. Создание отталкивающего образа России и русского народа не могло не носить деструктивного характера. Если ранее принадлежность к великой супердержаве и ее достижениям в разных сферах деятельности, культуре была предметом гордости всех народов, в том числе Северного Кавказа, то теперь объективно возникла потребность дистанцироваться от «непрестижной», тупиковой социокультурной системы и ее влияния на условия этнического самосохранения [8].

Нахождение Чечни, других точек Северного Кавказа и Закавказья между мощными Североевразийской и Западноазиатской геополитическими платами предполагает постоянную конкуренцию России, Турции, Персии, других субъектов отношений за преобладание в этом регионе. Однако уход из данного региона России предполагает вовсе не свободный статус его обитателей, а переход под геополитический контроль новых растущих центров силы в лице тех же Анкары, Тегерана, Саудовской Аравии.

На территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкирии и Дагестана саудовские организации через созданные ими структуры приступили к открытию целой сети подпольных полувоенных лагерей якобы для изучения основ мусульманской религии. На самом же деле в них осуществлялась интенсивная идеологическая и военная подготовка молодежи – «будущих защитников ислама». Эти лагеря в скором времени под руководством иностранных миссионеров и инструкторов превратились в центры по подготовке исламских боевиков. Смысл их активности состоит в том, чтобы превратить российский Северный Кавказ в составную часть мусульманского мира, а в геополитическом отношении включить ее в «расширенный Ближний и Средний Восток» [9].

Современный Кавказ – регион, где в настоящее время активизируются

геополитические конфликты, которые увязывают с высоким уровнем социальных противоречий в сфере национально-государственного устройства. Значимым фактором является то, что в данном регионе активно контактируют этносы разных социокультурных типов и различных конфессиональных ориентаций (прежде всего христианства и ислама). При этом все чаще ислам рассматривается как специфическая мобилизационная идеология для кавказских народов, как важнейший фактор нового национального самосознания, как основание для создания самостоятельных государственных образований.

Попытки реализации этой цели представляют в настоящее время и в перспективе наиболее серьезную угрозу национальным интересам России, стабильности и миру на Северном Кавказе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность: социолог. очерки. М., 2003.
2. Глухова А. В., Красова Е. Ю. Политико-психологические контроверзы этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Этническая и региональная конфликтология. М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
3. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., 2001.
4. Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Науч. мысль Кавказа. 1999. № 3.
5. Гаджиев К. С. Указ. соч.
6. Черноус В. В. Указ. соч.
7. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.
8. Черноус В. В. Указ. соч.
9. Сохроков Х. Живая судьба народов // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 2.

УДК 316.77

СУВЕНИРНАЯ ПРОДУКЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТСКОГО ИМИДЖА СКФО

А. В. Гребенюк, О. Н. Лящук

SOUVENIR PRODUCTS AS ONE OF THE FACTORS OF FORMING TOURIST IMAGE IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

A. V. Grebenyuk, O. N. Lyaschuk

В статье рассматривается сувенирная продукция как средство воздействия на развитие туризма, а также ее социально значимая роль для региона СКФО. Авторами обозначена позиция сувенирного производства для повышения туристской привлекательности регионов, дано краткое историческое обоснование с целью исследования данной проблемы.

The article deals with souvenirs as a means of influencing the development of tourism and its social and meaningful role for the North Caucasus Federal District of the region. The authors have indicated the position of souvenir production to increase the tourist attractiveness of the regions, with a brief historical study to investigate the problem.

Ключевые слова:
туризм, сувенирная продукция, туристский имидж, коммуникация, привлекательность региона.

Keywords:
tourism, souvenirs, tourist image, communication, the attractiveness of the region.

Туризм в СКФО имеет комплексную структуру. Он характеризуется наличием ряда отдельных элементов, включающих целые отрасли обслуживания: небольшие рестораны, мотели и отели, дома отдыха, санаторно-курортные учреждения, магазины, торгующие изделиями местных ремесленников и предметами искусства и т. п. Инвестиции правительства, субъектов Федерации и особенно муниципальных органов управления в инфраструктуре туризма связаны и с инвестициями многочисленных предприятий малого бизнеса. В федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2016 годы)» обозначена необходимость соответствующих мероприятий по продвижению туристских возможностей регионов России. Это применение новейших технологий, инновационных подходов, а также использование мирового опыта в области создания и развития туристско-рекреационных комплексов и региональной туристской инфраструктуры, продвижения и рекламы туристских продуктов, повышения туристской привлекательности регионов России, в том числе используя сувенирную продукцию.

За последние годы в нашей стране и за рубежом туризм получил большой размах. Проводится много различных мероприятий. Наши спортсмены активнее

участвуют в спартакиадах и олимпиадах. Расширились культурные связи: деятели искусств стали чаще выезжать на гастроли за рубеж и приглашать к себе гостей, организуются фестивали, месячники и декады национального искусства. Чаще стали проходить научные конференции и международные конгрессы. Все это способствует распространению сувениров и формированию регионально окрашенного туристского имиджа. По этому поводу следует отметить, что автор статьи «Туристический имидж как источник конкурентоспособности региона» А. Ю. Парфиненко раскрыл основные методологические принципы регионального туристского имиджирования. На основании исследования он определяет центральное место в туристском имидже региона, в условиях глобализации, символам, которые отвечают за индивидуализацию, уникальность последнего [1]. Такими символами служат сувениры.

Сувенир (от французского «подарок») – памятный предмет, связанный с пребыванием в том или ином месте (стране, городе, историческом месте, на выставке) или с каким-либо памятным событием. В большинстве случаев это изделия декоративно-прикладного искусства и художественной промышленности [2].

В торговой практике сувенирами считают готовые изделия, художественно оформленные в традиционном стиле республики, края, области, отображающие национальные или местные особенности, достопримечательности, выдающиеся события, юбилейные даты, достижения отечественной науки, техники, культуры, искусства, спорта и т. д. [3].

Тем самым сувениры выполняют политическую роль, отражая жизнь и культуру страны, которую они представляют.

Понятие «сувениры» и «изделия народных художественных промыслов» тесно связаны между собой. По существу каждое изделие народных художественных промыслов – сувенир. Оно не только знакомит покупателя с культурой многих народов, и прежде всего с декоративно-прикладным искусством нашего многонационального государства, но и способствует формированию позитивного туристского имиджа данного региона.

Разнообразие природно-бальнеологических, курортно-рекреационных, культурно-исторических, социально-экономических и социокультурных ресурсов способно обеспечить реализацию основных условий устойчивого развития туристско-рекреационной территории СКФО: дифференцированный подход к потребителям турпродукта/туристам; регионально окрашенный внешний имидж; инновационные рекреационные технологии; мобильная информационная политика.

Особое внимание стоит уделить развитию приоритетных направлений, посредством которых можно добиться не только привлечения потоков отдыхающих, но и узнаваемости рекреационной территории. Одним из таких направлений является развитие сувенирной индустрии, которое, на наш взгляд, можно выделить как приоритетное. Идентификационная сувенирная продукция не только является уникальным потребительским предложением, но и играет определяющую социально значимую роль для СКФО по следующим причинам:

- ✓ **формирует** туристский имидж и общественное мнение у потребителей турпродукта о регионе;
- ✓ **создает** узнаваемость бренда;
- ✓ **привлекает** внимание разнообразных сообществ и слоев общественности;
- ✓ **помогает** устанавливать коммуникацию с гостями региона;

✓ **выступает** транслятором межкультурного взаимопонимания и взаимодействия между народами;

✓ **способствует** экономическому развитию региона;

✓ **предоставляет** новые рабочие места, способствуя частичному решению проблемы безработицы.

Именно в данном контексте можно сказать, что сувенир – это не только подарок родным и друзьям на память о каком-либо мероприятии или путешествии. Сегодня сувенирная продукция стала мощным инструментом рекламы для привлечения покупателей, потребителей или партнеров, в зависимости от цели, неся определенную «символическую нагрузку». С уверенностью можно констатировать, что развитие сувенирной продукции напрямую будет способствовать развитию туризма Северо-Кавказского федерального округа.

Достаточно окунуться в глубину веков, исследуя историю развития сувениров, чтобы понять, что среди культурных ценностей сувенир занимает важное место [4]. История развития сувенира уходит корнями в глубокую древность. Она связана с магическими обрядами. В далекие времена, когда человек не мог разобраться в явлениях природы, он наделял ее сверхъестественной силой. Чтобы отвести бедствия и несчастья, человек научился изображать божество в амулетах, создаваемых им из привычного материала – глины, дерева, металла. Постепенно амулеты перешли в разряд игрушек и украшений. Кроме того, история развития сувенира связана и с другими моментами: когда-то наши предки передавали из поколения в поколение в предметной форме жизненно важную информацию. Таким образом, сувенир являлся родовой памятью, связывающей членов рода, семьи [5].

Продолжив экскурс в историю, убеждаемся, что первыми сувенирами являлись вещи, которые не имели практического назначения, зато служили важными знаками внимания. И только великие правители, такие как египетские фараоны, продолжали собирать в своих пирамидах, так сказать, полноразмерные вещи. В древнем Египте было принято задабривать подарками и сувенирами богов. Данная традиция перенеслась позже в Москву, но задаривали уже не богов, а высокопоставленных государственных особ, проявляя таким образом уважение. Например, все иноземные члены посольств, приезжавшие в Москву, всегда привозили с собой специальные подарки. В этом случае начинала свою работу казна по оцениванию стоимости данных даров, затем дарителю выплачивалась вся сумма. Но, если князю не нравились подарки, он отправлял их через послов обратно. Подарки, которые дарились лично от других правителей, нельзя было возвращать обратно и выплачивать за них компенсацию. Сударь, которые обменивались сувенирами, делали это не просто так, а в политических целях: так, при заключении перемирия они дарили друг другу самые интересные, необычные и удивительные подарки, такие, которые нигде нельзя купить.

Можно привести еще один красноречивый пример: королева Великобритании Елизавета подарила Ивану Грозному живых львов, которых жители и гости Москвы увидели первый раз в своей жизни. В итоге царь приказал, чтобы животные стояли у стен Кремля и охраняли его, тем самым нагнетая страх у горожан [6].

В начале XIX века сувенир, получивший широкое распространение, приобрел иное назначение. В тот романтический век медальон, хранящий частицу идеала, являлся как бы связью между ним и человеком. С течением времени необычные

подарки сменили усовершенствованные, оригинальные и современные сувениры, соответствующие своей эпохе.

В XX столетии рекламные сувениры стали очень распространенным явлением во всем мире, в том числе и в России. Ими часто были наполнены кожаные портфели деловых людей того времени. Популярными бизнес-сувенирами стали календари, ручки, записные книги и даже попоны (толстые покрывала для лошадей). Во времена СССР сувениры утратили свою коммерческую ценность. Чаще всего они использовались для пропаганды и были носителями символики.

Современная история рекламных сувениров начинается с перехода к рыночной экономике. Первоначально этот вид рекламы успешно использовали иностранные компании для захвата нашего рынка. Но с развитием отечественного бизнеса многие российские компании также стали применять данный коммуникативный инструмент [7].

Исследование сувенирной продукции и ее роли в развитии туризма является поворотным и определяющим фактором повышения туристской привлекательности Северо-Кавказского федерального округа. Социологическое исследование проводилось под руководством авторов публикации студентами 4–5 курсов Кавминводского института сервиса (филиал) ФГБОУ ВПО ЮРГУЭС, г. Пятигорск Ставропольского края.

Глубина социологического исследования составляет 3 года, опрос проводился в 3 этапа: первый этап – 2009 год (250 человек); второй этап – 2010 год (344 человека); третий этап – 2011 год (386 человек). Объем выборки составил 980 человек.

Место опроса:

– поселок Домбай, КЧР (район канатной дороги, торговый центр г. Карачаевска);

– г. Пятигорск Ставропольского края (парк Цветник, Эолова арфа, питьевые бюветы, территории санаториев, курортная зона, кинотеатр, трамвайная остановка «Главпочта», территории около Китайской беседки и Лермонтовской галереи и другие курортные места).

Целевая аудитория – жители и гости курортов в возрасте от 14 до 70 лет.

Респондентам предлагались следующие вопросы:

1. Вы гость нашего города/поселка?
2. Цель приобретения сувениров?
3. Каким сувенирам отдаете предпочтение:

a) статуэтки;
b) магниты;
c) кружки, тарелки;
d) картины?

4. Каким символом, на Ваш взгляд, определяется Пятигорск/Домбай:

a) орел;
b) гора;
c) домик Лермонтова;
d) другие символы?

5. Помогает ли сувенирная продукция познакомиться с историей, культурой региона/города/поселка?
6. Что Вас привлекает в сувенире:

a) символ;
b) дизайн;
c) цена?

7. Хотелось бы Вам приобрести сувенир со всеми символами региона/ города/поселка?

На основании проведенного полевого исследования, то есть первичной социальной информации, выдвинута следующая рабочая гипотеза: производство сувенирной продукции обязательно должно нести определенную смысловую нагрузку, в которую должны закладываться ассоциативные символы с учетом узнаваемости региональных особенностей курорта.

Анализируя выборку по гендерному признаку, следует остановиться на результатах опроса, которые свидетельствуют о востребованности сувенирной продукции. Женщины, живущие в данном регионе, покупают сувенирную продукцию чаще, чем мужское население г. Пятигорска: их численность составляет 81 %, а мужчин – 19 %. Процентное соотношение опрошенных покупателей среди гостей отличается от предыдущей статистики: женщины – 62 %, а мужчины – 38 %. Из результатов опроса видна разница потребителей сувениров, которая показывает, что гости КМВ – мужчины охотнее в два раза приобретают сувениры, чем мужчины – местные жители. Разница в количестве женщин, живущих в Пятигорске, и приезжих составляет 19 % в пользу местных жителей.

Совершенно иные результаты опроса жителей и гостей поселка Домбай Карачаевского района. Четко прослеживается несоответствие востребованности сувенирной продукции среди жителей и гостей региона. Факты говорят, что местное население не интересуется сувенирами, а данные, касающиеся гостей, следующие: сувениры востребованы у 74 % женщин, 26 % мужчин.

Сравнивая оба региона, следует отметить, что в Домбае у мужчин покупательная способность ниже на 12 %, чем на КМВ. Необходимо подчеркнуть, что женщины-гости в Домбае на 12 % активнее приобретают сувениры, чем в Пятигорске.

Продолжая характеризовать результаты исследования, хотелось бы коснуться тех данных, которые раскрывают вопрос о цели приобретения сувенирной продукции. Итоги опроса показывают, что большинство приобретенных сувениров:

- для родственников (64 % – Домбай, 76 % – Пятигорск);
- домой (31 % – Домбай, 11 % – Пятигорск);
- презент бизнес-партнерам (5 % – Домбай, 13 % – Пятигорск).

Следует отметить, что исследование потребителей по остальным позициям продолжается. Если говорить о предварительных результатах работы, можно резюмировать следующее: приоритет в числе символов отдан орлу (68 %), а среди предпочитаемых сувениров на первом месте магнитики и статуэтки (80 %).

В соответствии с полученными фактами необходимо подчеркнуть, что итоги данного исследования помогут определить правильный вектор осмысленного развития производства сувенирной продукции, с учетом потребностей целевой аудитории. Важно еще раз заметить, что сувенир – это не только подарок родным и друзьям на память о каком-нибудь мероприятии или путешествии, но и мощный инструмент рекламы и привлечения покупателей. Предприятия местной художественной промышленности – производителя сувенирной продукции – следует оценивать как

вспомогательную или поддерживающую отрасль хозяйства в туриндустрии, но крайне необходимую.

Таким образом, результаты исследования могут быть полезны как для практических работников сувенирного производства, так и для теоретического просвещения руководителей, студентов, преподавателей и всех, кто исследует данную проблему. Материалы исследования можно рекомендовать для курсов повышения квалификации и переподготовки специалистов как социально-культурной сферы, так и области прикладного творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Парфиненко А. Ю. Актуальные проблемы экономики, менеджмента, маркетинга: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 17–19 нояб. 2009 г.): в 2 ч. / отв. ред. Г. И. Ткаченко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. Ч. 2. С. 257–262.

2. Смолицкий В. Г., Скавронская З. С. Художественные промыслы РСФСР. М., 1973. С. 121.

3. Дулькина Т. И. Русская керамика и стекло XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 186.

4. Соколова В. История туризма. М.: Мастерство, 2002. 352 с.

5. Смолицкий В. Г., Скавронская З. С. Указ. соч. С. 38.

6. Ермаков В. В. Рекламное дело: учеб. пособие.М.: МОДЭК, 2004. 264 с.

7. Зорин И. В., Каверина Т. П. Менеджмент туризма. Туризм как вид деятельности. М.: Деньги и статистика, 2005. 299 с.

УДК 316.334.22(045)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРИЛАНСА В РОССИИ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. В. Чаплашкин

CURRENT STATUS OF FREELANCE IN RUSSIA AND ITS PROSPECTS

N. V. Chaplashkin

В статье рассматривается довольно новое для России социальное явление – фриланс. Автором дается теоретическая характеристика фриланса, взаимосвязь различных категорий занятости; оценивается современное состояние свободной занятости в России и перспективы ее развития.

The article deals with a relatively new social phenomenon in Russia – freelance. The theoretical characteristic of freelancing, the relationship between different categories of employment are described, the current state of the free employment in Russia and its prospects are assessed.

Ключевые слова:
фриланс, занятость, свободная занятость, внештатная занятость, удаленная занятость, отчуждение труда, аутстаффинг.

Keywords:
freelance, employment, free employment, outstaff employment, remote work, alienation of labor, outstaffing.

В XX веке на рынке труда сформировалось устойчивое представление о стандарте занятости как занятости по найму в штате организации на постоянной основе на полный рабочий день. Это связано с тем, что именно стабильная занятость, гарантированный доход, социальные гарантии и постоянное рабочее место отвечали требованиям и условиям сложившейся ситуации на рынке труда.

В России, по сравнению с СССР, с переходом на рыночную экономику рынок труда хоть и стал более гибким, но постоянная занятость также оставалась нормой. В то же время в 90-е годы в результате многих преобразований в экономике был замечен бурный всплеск теневой занятости: подработки в рабочее время, фиктивная занятость, наем работников без оформления трудового договора и т. п.

В настоящее время теневая занятость с целью ухода от налогов и получения сверхприбыли на стороне отходит на второй план, с развитием научно-технического прогресса и информационных технологий идет рост открытой неформальной занятости. Здесь под этим понятием следует понимать удаленную занятость, самозанятость и другие виды занятости, имеющие под собой общую основу – снижение зависимости работника от работодателя.

В странах Западной Европы и США фриланс – свободная занятость, преимущественно удаленно, вне штата организации – не только давно уже укрепился в умах граждан, но и нашел некоторое подкрепление в законодательной базе. А вот в России достаточно молодой еще фриланс (5–7 лет) пока даже не имеет четкого определения.

Некоторыми учеными фриланс относится к виду нестандартной занятости [1], у других это просто внештатная деятельность, у простых граждан он пока ассоциируется с работой в Интернете (по результатам мини-опроса посетителей выставки в Фундаментальной библиотеке МГУ в рамках V Фестиваля науки, 2010).

Измерить нынешнее состояние фриланса в России без проведения крупного исследования практически невозможно. В мировой практике какая-либо статистика по фрилансу или фрилансерам тоже не ведется. С конца 1990-х годов в странах Западной Европы и США проведено несколько масштабных эмпирических исследований, специально посвященных различным аспектам трансформации занятости и трудовых отношений, но не фрилансу конкретно.

По предварительным оценкам исследователей, а также экспертов бирж удаленной работы численность фрилансеров в России оценивается в 1 % от общего количества работоспособного населения, или примерно в 1 млн человек.

Развитие фриланса происходит, что и следовало ожидать, в Интернете, поэтому ассоциации с заработком в Сети понятны.

Так, в 2009 году количество зарегистрированных пользователей сайта Free-lance.ru – самого крупного портала, посвященного фрилансу, в российской интернет-зоне – достигло 350 тыс. человек, а к сентябрю 2011 года их число уже приблизилось

к 1 миллиону (по данным означенного сайта, количество зарегистрированных пользователей на 15 сентября 2011 года составляло 924 709 человек).

Это, конечно, не дает нам полной картины о точном количестве фрилансеров в России, что пока и невозможно. Но совокупное число регистраций на портале Free-lance.ru может показать растущий интерес к рынку фриланс-услуг и переходу на фриланс в целом.

Аналогичную картину можно заметить, проведя обзор блогосферы крупнейшей в России поисковой системы и интернет-портала «Яндекс» (www.yandex.ru).

В кризисный 2008 год число упоминаний фриланса в Yandex-блогах выросло более чем в два раза (с 7 до 17 тысяч) и продолжает стремительно расти. А за 9 месяцев 2011 года количество упоминаний слова «фриланс» увеличилось на 24 % по сравнению с таковым за весь 2010 год (с 21 700 до 27 000 упоминаний) [3].

Исследования, посвященные фрилансу в России, делают больший акцент на электронный фриланс (e-lance), и в большинстве своем они проводились в Интернете.

Так, например, по результатам переписи, проведенной специалистами Высшей школы экономки среди «электронных» фрилансеров, 2/3 российских фрилансеров – мужчины, что говорит о некоторой гендерной сегрегации. Если посмотреть пол по специализациям, то становится ясной причина такого несоответствия.

Более 80 % мужчин представлены в таких наиболее популярных во фрилансе профессиях, как программирование (94 %), веб-дизайн (86 %), работа с аудио и видео (84 %). В других областях их численное преимущество не такое явное – чуть больше 60 % (дизайн, графика, маркетинг, консалтинг). Женщины представляют большинство лишь в работе с текстами, копирайте и переводах (59 %) и лишь немногим их меньше, чем мужчин, на рынке фотоуслуг.

Если взять в качестве примера фриланс-услуги в Западной Европе и США, то там фрилансеру не обязательно высшее образование, а перечень профессий не ограничивается техническими специальностями и хорошим владением компьютерной техникой и Интернетом. Мобильная связь и свободное время – решающие факторы при оказании многих фриланс-услуг. Здесь следует отметить, что фрилансерами многие западные специалисты считают всех самозанятых.

По данным некоторых исследователей, доля самозанятых в экономике США 33–43 млн человек, что составляет примерно 25–30 % всех занятых [4]. Министерство труда США дает данные в 9–10 млн человек.

И если портрет современного свободного работника по результатам проводившихся исследований можно создать, то полную картину мотивов перехода работников именно на рынок фриланс-услуг, ценностных ориентаций российских свободных работников, отношения к ним и к фрилансу населения страны и так далее они дать не могут.

Некоторые выводы можно сделать на основе данных исследований, проводимых различными рекрутинговыми и кадровыми агентствами.

Так, например, по данным опроса крупнейшей в России рекрутинговой компании Headhunter, 64 % работников не чувствуют себя счастливыми на службе и это не зависит от половой принадлежности и уровня занимаемой должностной позиции. По данным того же опроса, 59 % респондентов считают, что они несчастны на работе из-за невысокой зарплаты и отсутствия возможности профессионального и личностного развития; 38 % опрошенных угнетает сама работа и 35 % – тяготит бесполезность их труда [5].

Но ведь не всех занятых во фрилансе можно считать свободными работниками. В целом на момент проведения переписи фрилансеров примерно 45 % респондентов являлись «чистыми» фрилансерами или совмещали фриланс с работой в штате какой-либо организации. Подавляющее большинство (67 %) начинали свой трудовой путь с работы в штате и лишь четверть – с «чистого» фриланса.

Бросается в глаза, что в будущем всего лишь 9 % планируют остаться «чистыми» фрилансерами, тогда как 41 % хотят открыть собственный бизнес, а 45 % – совмещать «свободную занятость» со штатной работой. Кроме того, выбор фриланса как единственного пути своего трудового развития в настоящем, прошлом и будущем оказался наименее распространенным (1,5 % респондентов).

Даже по результатам переписи фрилансеров «чистых» фрилансеров в России не так уж и много – 22 %. А кто же остальные? Это студенты, домохозяйки, штатные сотрудники компаний, подрабатывающие во внерабочее время. Можно ли их отнести к фрилансерам, к свободным работникам? Ситуация в российской практике фриланса такова, что пока рано говорить именно о настоящем фрилансе и он пока еще будет ассоциироваться не только у самих работников, но и у работодателей с подработкой на стороне. Именно с подработкой, так как материальные проблемы, в связи с глобальным экономическим кризисом, у многих пока на первом месте.

Определение границ фриланса как такового среди разнообразия различных форм и видов занятости представляется труднореализуемым и вследствие того, что фриланс как социальное явление более близок к понятию способа самореализации, чем к виду занятости. Здесь можно провести сравнение с таким еще одним довольно новым на российском рынке труда явлением, как дауншифтинг.

Дауншифтинг – жизненная позиция «отказа от чужих целей», добровольный отказ от высокой должности и доходов для «жизни ради себя».

Фриланс в свою очередь как способ снижения зависимости «работодатель – работник» имеет в основе «работу ради себя». Абсолютное большинство «чистых» фрилансеров выделяют этот критерий как основополагающий и не планируют возвращаться в узкие рамки официальных трудовых отношений.

Оба этих понятия схожи в том, что они направлены на освобождение работника от множества факторов, ограничивающих возможности его самореализации и творческого роста.

Фриланс – это не вид заработка и не просто вид занятости посредством Интернета или иного удаленного доступа. Фриланс – это способ жизни, это уход от жестких трудовых рамок, связанных с трудовым распорядком, непосредственным руководством и обязательным присутствием на рабочем месте. И тут уже не обязательно иметь доступ во Всемирную сеть, обладать высоким уровнем образования, что выделяется некоторыми российскими учеными как атрибут отечественного фриланса [6].

Фриланс – это свободная занятость, ведь в основе данного понятия лежит именно свобода, будь то внештатная деятельность либо работа в компаниях со свободным графиком работы.

Свободная занятость требует неординарного подхода к поиску работы, отношения к работодателям, и, само собой, не каждый способен отправиться в «свободное плавание», хотя в настоящее время все больше и больше сотрудников компаний, выпускников и молодых специалистов ориентируются именно на более гибкие формы работы.

В целом же картина понимания фриланса как социального явления складывается такой: ясно видно, что само появление фриланса вызвано объективными причинами и связано с самим существованием рынка труда и его зависимостью от научно-технического прогресса.

Сегодняшняя ситуация на рынке фриланс-услуг такова, что многие фрилансеры работают по заключенным краткосрочным трудовым договорам гражданско-правового характера или вовсе по устной договоренности с работодателем и совсем незащищены соответствующим трудовым законодательством. Отсутствие социальных гарантий и льгот, неопределенность и нестабильность доходов – вот еще одна из специфических черт российского фриланса.

Возникла необходимость в комплексном изучении особенностей фриланса в России и его влиянии на социально-экономическое положение.

И как ответ на возникшее противоречие в существовании фриланса президент России 14 февраля 2011 года заявил о необходимости расширять возможности для дистанционной работы граждан. Он считает, что принятие такого решения давно оправданно, поскольку многие люди хотели бы работать удаленно. «Если у нас не хватает в настоящий момент нормативной базы по этому поводу, необходимо Трудовой кодекс в этом плане поменять» [7].

Но говорить о дистанционной работе – это не значит говорить о фрилансе в целом. Дистанционная работа не охватывает всех фрилансеров, а проблем на рынке фриланс-услуг в настоящее время в России довольно много. Руководству страны эти проблемы известны, но их решение требует более тщательного рассмотрения множества вопросов. Так, например, вопрос срочных трудовых договоров был также затронут на совещании Президента РФ по проблемам занятости, но «это более сложная тема, поскольку она, безусловно, влияет на общую ситуацию на рынке труда. Правительству нужно взвесить, насколько целесообразно дальнейшее расширение этого перечня, и по итогам уже окончательно представить свои предложения. Но безбрежно расширять категории таких случаев нельзя, поскольку мы понимаем, к каким тектоническим последствиям приведет это на рынке труда» [9].

По результатам исследования, проведенного автором, россияне хотели и готовы работать даже не столько удаленно (39 % респондентов), сколько со свободным графиком (65 % опрошенных). Эта тенденция заметна преимущественно в крупных городах, но у представителей молодого поколения независимо от места проживания желание работать так, как это удобно самому работнику, намного выше, чем у людей более старшего возраста.

В то же время в конце 2010 – начале 2011 года профильным комитетом Госдумы рекомендован к одобрению в первом чтении законопроект, предложенный профсоюзами, который запрещает заемный труд – аутстаффинг.

Аутстаффинг у многих работодателей ассоциируется с быстро развивающейся отраслью, которая позволяет сделать рынок труда более динамичным, снять ненужную бюрократию и вовремя найти кадровую замену для беременного или больного сотрудника.

Кроме того, благодаря рынку внештатной работы люди могли бы получить пусть и не стабильную, но работу, что лучше, чем безработица. А результатом данного запрета работодателям привлекать кадры без трудового договора вряд ли станет появление или увеличение числа рабочих мест. Скорее общество просто недополучит те блага, которые создали бы миллионы фрилансеров.

В практической жизни фриланс находит свою нишу и применение. Однако в обществе существует настоятельная потребность в более глубоком знании и использовании фриланса на рынке труда, но отсутствуют фундаментальные теоретические знания о границах и возможностях фриланса и путях его совершенствования.

Различные новые виды неформальной занятости, куда можно отнести и удаленную, и портфельную занятость, и самозанятость, и другие виды таковой, охватывающие трудовую деятельность современных фрилансеров, в настоящее время продолжают стремительно развиваться. Говорить о скором переходе большого количества работодателей к данным видам занятости пока рано, но можно сказать, что с развитием научно-технического прогресса и роста потребности работников в свободе и творческой самореализации общество не сможет обойти стороной появление такого явления, как фриланс.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Карабчук Т. С. Непостоянная занятость на российском рынке труда: экономико-социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2008.

2. Яндекс: блоги [Электронный ресурс]. URL: http://blogs.yandex.ru.

3. Через 10 лет главным стимулом для работника станет свобода: интервью Д. Пинка [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru.

4. HeadHunter: работа и вакансии Рунета [Электронный ресурс]. URL: www.hh.ru.

5. Стребков Д., Шевчук А. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам «Первой всероссийской переписи фрилансеров»). Препр. WP4/2009/03. Сер.: WP4. М.: Изд-во Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2009.

6. Медведев Д. А. Из совещания по проблемам занятости 14.02.2011 [Электронный ресурс] // Президент России: [официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/news/10331.

7. Там же.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1::316

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. Б. Абаюкова, Н. В. Кильберг-Шахзадова

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF FAMILY VALUES

A. B. Abayukova , N. V. Kilberg-Shahzadova

Статья посвящена социально-философскому анализу семейных ценностей. Авторы раскрывают суть семейной парадигмы. Предметом исследования являются такие понятия, как «ценности», «семейные ценности». Кроме этого, в данной статье семья рассматривается как ценность общества.

In the article the author attempts to give social and philosophical analysis of family values. The authors reveal the essence of family paradigm. The subjects of their research are such concepts, as values, family values. Besides the family as a value is considered in the article.

Ключевые слова:
семья, семейные ценности, ценность, личностные ценности, субъективные ценности, объективные ценности.

Keywords:
family, family values, value, personal values, subjective values, objective values.

Проблема социально-философского анализа семейных ценностей представляет большой научный и практический интерес для дальнейшего развития философии ценности.

В общефилософском понимании понятие «ценность» указывает на индивидуальное, общественное и культурное значение определенных явлений действительности. При этом выделяются субъективные и объективные ценности: первые выражаются в форме нормативных представлений (ожидания, установки, оценки, императивы, запреты и тому подобное), вторые представляют собой отношения истины и не истины, допустимого и запретного, справедливого и неправедного, красоты и безобразия и т. п. [1].

Ценностный подход используется в различных философских системах. Однако разработка теории ценностей вплоть до конца 50-х годов XX века рассматривалась в отечественной науке как прямая антитеза марксизму. Классики марксизма-ленинизма не оставили нам специально разработанной теории ценностей. В одномерное пространство партийно-классового подхода к явлениям жизни она

никак не вписывалась уже по своему определению. В начале 60-х годов XX века интерес советских философов к этой проблеме заметно возрос. Стали выходить публикации, авторы которых, следуя гуманистическим традициям, провозглашали человека высшей ценностью общества.

В отечественной философской литературе получила развитие идея о ценностях, которые играли роль стимулов, создавали условия для реализации индивидом своей активности на ролевом, личностном, коллективном (семейном) уровнях. Так, некоторые ученые считали, что познание сущности ценностей помогает раскрыть значение этой категории для анализа явлений конкретной реальности. Природа возникновения системы общечеловеческих ценностей лежит в плоскости формирования и удовлетворения потребностей человека.

Ценностный подход позволит рассматривать семейные ценности с позиций основных задач: обосновать ценностный подход к исследованию семьи; выявить основные ценности семьи; изучить семью как специфическую форму социального бытия.

Ценности имеют субъективное для каждого индивида значение и заключены в его сознании. При этом следует подчеркнуть приоритетный характер индивидуальных предпочтений, многовариантность свободного субъективного выбора. Человек как субъект деятельности формирует ценностное отношение к тому или иному объекту, в силу чего данный объект может стать не только ценностью, а также нейтральной субстанцией, в зависимости от качественных характеристик личности.

Как отмечает Д. А. Леонтьев, «личностные ценности, как и ценности индивидуальные, существуют в форме идеалов... при этом в отличие от социальных ценностей, которые осознаются субъектом как общественные идеалы и могут и не оказывать никакого влияния на его деятельность, личностные ценности – это идеалы, задающие конечные ориентиры индивидуальной деятельности данного конкретного субъекта». Семейные ценности индивид воспринимает легко и естественно, идентифицируя их со своей субъективностью, в соответствии со своим эмоциональным восприятием. Утверждая, что самостоятельным субъектом ценностного отношения может выступать любая социальная общность, Д. А. Леонтьев отмечает существование ценностей и как индивидуальных образований; истинной же проблемой выступает соотношение между ними [2]. Таким образом, семейные ценности, модернизируясь в индивидуальном восприятии, в дальнейшем обеспечивают их развитие в соответствии с индивидуально-психологическими особенностями личности.

Семейная ценность одновременно и индивидуальная, и коллективная. Каждый индивид признает преимущественно те ценности, которые соответствуют его идеалам. В связи с этим М. М. Бахтин отмечал: «Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [3].

Ответ на вопрос о пределах индивидуальности дает сущность семьи. «В семье соединяются две безграничные индивидуальности, зарождаются и подрастают новые индивидуальности. Безграничность их прав эмпирически ограничивается семейным консенсусом, сложившейся системой согласования интересов... Осознание необходимости добровольного ограничения представлений об исчерпывающей полноте прав личности, понимание возможностей взаимообогащения через взаимную „уступку прав” в пользу друг друга и семьи может дать возможность семье выжить в условиях преимущественной ориентации на мирской успех» [4].

С точки зрения этих основополагающих позиций особый интерес представляет разработанный в социальной философии и теоретической социологии научный инструментарий исследования внутреннего мира семьи и ее потенциала по сохранению и развитию духовно-нравственных основ. Индивидуально-ценностную периферию семьи образует совокупность ее оценок на субъективном уровне – ценностные ориентации, предпочтения, установки, ожидания, оправдания и др.

Крайняя абсолютизация общественных ценностей в противовес личной свободе индивида закрепила некую усредненную модель семьи. Бытийное пространство таковой как социального института искусственно сузилось исключительно до тех форм бытия, которые одобрялись государством и обществом. Но диалектика взаимоотношений семьи и государства предполагает, прежде всего, развитие принципа индивидуальности, активности и самостоятельности личности. При этом одинаково представляется невозможной абсолютизация как индивидуальности личности, так и коллективности. Только диалектическое единство личного и коллективного как взаимодополняющих ценностей обеспечит оптимальные условия развития отдельной личности и всех субъектов семейного бытия.

Особый интерес для социально-философского анализа представляют семейные ценности. Они носят специфический характер для каждой эпохи. Исследованию семейных ценностей посвящены работы Г. Гегеля, И. Канта и других зарубежных философов. Проблема ценностей как явления органически связана с проблемой человека. Ценности обладают способностью удовлетворять его потребности, развивать природную или социальную сущность. «Ценности – не вещь, не явление, взятые сами по себе, безотносительно к человеку. Ценности – это вещи, обращенные к человеку с точки зрения их значимости для человека», – отмечал С. Л. Рубинштейн [5].

Понятие ценности впервые употреблено Кантом в «Критике практического разума». Кант вводил понятие ценности там, где должен был разграничить существование и долженствование. В отличие от суждений существования, где есть объективно существующие объекты, объективного объекта «ценность» нет, т. е. ценности имеют только субъективное существование. Объективность их, если они относятся к категорическому императиву, есть у всех людей [6].

В русской философской мысли семья выступает как реальный носитель ценностей, выдвигаемый господствующей мировоззренческой доктриной. В ней можно выделить периоды в развитии ценностно-ориентационных принципов мировоззренческих оснований общества. Постановка в русской философии вопроса о значимости ценностной составляющей общественного бытия связана с работами П. А. Флоренского, В. С. Соловьева, с философской традицией восстановления «цельности духовной жизни» посредством утверждения идеалов, или абсолютных ценностей [7].

С изменением социокультурных условий жизни общества непосредственно связана модификация мировоззренческих установок, базирующихся на системе ценностей, господствующих в обществе. Такой процесс имел место в России на рубеже XIX–XX веков, и он сосредотачивался в семье. Потенциал семьи как общезначимой социокультурной ценности безграничен, развивается с опорой на созидательные и конструктивные ценностные ориентации. Семья объективно выступает посредником между человеком, социальными институтами и обществом в целом.

Семья – источник духовности, солидарности, привязанности и толерантности, она обеспечивает экономическую, социальную и физическую безопасность, выступает условием социализации детей и молодежи. Семейные ценности всегда считались основополагающими компонентами человеческого бытия и залогом стабильного развития общества.

Следует заметить, что семья и семейные ценности были специфическими для каждой эпохи, но всегда считались базовыми, основополагающими и вместе с другими ценностями санкционировались обществом. В общественной системе ценность семьи обусловлена воспроизводством непосредственной жизни, воспитанием подрастающего поколения и формированием позитивного общественного сознания, и эта роль выводит семью в сферу приоритетных ценностей общества. Между тем семья как ценность общества до сих пор не стала предметом социально-философского анализа. В данной статье, основанной на опубликованных эмпирических источниках, раскрываются семейные ценности в социально-философской плоскости.

Семья сохраняет при помощи специфических ценностных институтов, присущих только ей (это супружество, родительство и родство), ценности духовного характера, внутрисемейный этикет, моральные нормы. На них базируется аксиологический аспект исследования семьи.

Аксиологический подход к семье как к специфическому феномену современного общества базируется на аналогичных аспектах социально-философской науки, разрабатываемых в трудах отечественных философов и социологов: Д. А. Леонтьева, М. С. Мацковского, А. Г. Харчева. Изучению проблем ценности семьи посвящены работы О. И. Волжина, Л. В. Карцевой, Б. Б. Хубиева. Проблематика семейных ценностей отражена в исследованиях В. В. Бойко, О. Н. Шличковой, З. А. Янковой. Значительный интерес представляют достаточно основательные исследования Г. А. Горбовой, А. А. Магомедова, Н. Д. Шимина и др.

Социокультурные процессы, протекающие в российском обществе, с неизбежностью приводят к переосмыслению социальной ценности роли семьи как совокупности важнейших форм человеческого бытия. Как отмечает ряд авторов, становится очевидным влияние характерных тенденций на современную семью: индивидуалистические ориентации, многовариантность свободного субъективного выбора, социокультурный плюрализм и др. Семья фактически становится перекрестием болевых проблем социального бытия времени. Она как форма общности бытия возникает тогда, когда у двух людей появляется потребность в упорядочении своих поступков, а также необходимость в осуществлении определенных действий, поддерживающих равновесие как в самой субъективной активности, так и во взаимоотношениях со средой.

В реалиях современности актуальной задачей выступает создание семейной парадигмы, в которой должен найти отражение весь комплекс представлений об индивиде, обществе, государстве. Открытость семьи, ее обращенность к прошлому и будущему создают реальную основу для перехода к гражданскому обществу [8]. По мнению Г. А. Горбовой, семейная парадигма должна опираться на прошлый опыт, накопленный человеком и сохраняющийся благодаря традициям, создающим единство внутри семьи, как отмечал Гегель, «чтобы видеть себя в нем не как лицо для себя, а как член этого единства» [9].

Особым предметом изучения социальной философии является семья как

общественное явление [10]. Для нас большое значение имеет общефилософский подход в разработке и исследовании проблемы семейных ценностей, поскольку позволяет изучить ее как общественное явление. Кроме того, современный этап исследований проблемы семейных ценностей характеризуется недостаточной разработанностью ценностного подхода как методологии науки.

Представляет интерес мировоззренческий аспект трансформации семейных ценностей, который наиболее актуализировался в 90-е годы XX века в связи с политическими, экономическими и социокультурными процессами. Например, в современном российском обществе усиливаются тенденции к сокращению брачности, увеличению количества разводов, неполных семей, что в конечном итоге приводит к негативным социальным последствиям. Следует заметить, что отмеченные тенденции и в целом эволюция семейных ценностей в значительной степени обусловлены функционированием и сменой мировоззренческих доктрин, господствующих в определенную социокультурную эпоху и выступающих в качестве философско-мировоззренческой основы духовных ценностей.

С учетом культурно-нравственных аспектов семейного поведения учеными разработана классификация семейных ценностей. Основные ценности – это супружеская любовь, дружба, привязанность, уважение чести и достоинства (А. Г. Харчев); уважение к личности, культура взаимоотношения (В. М. Розин); совместимость супругов в духовной, психологической, информационной, культурной и других сферах, интимность, означающая симпатию, эротическую привязанность, наконец, автономность, позволяющая индивиду развиваться в творчестве, профессиональной и общественной деятельности (С. И. Голод); родительство, готовность супругов к исполнению семейных ролей, материнских и отцовских обязанностей, забота о досуге, рациональная организация семейной жизни (А. И. Антонов); ценности любви, признание, понимание, взаимная поддержка, интимное общение, партнерство (О. И. Волжина).

Приведенными примерами многообразие классификаций семейных ценностей не исчерпывается. Та или иная классификация определяется социокультурными и региональными особенностями и ценностной средой функционирования семьи. Во многих регионах России с выраженной традиционной ориентацией в качестве семейных ценностей могут признаваться традиции и обычаи, язык, внутрифамильное взаимодействие, эмоциональная поддержка родственников, почитание старших и т. д. В то же время в регионах с ориентацией на западные ценности ценностями семьи могут выступать индивидуальная свобода, самореализация, активное творчество, психологическое и физическое здоровье, защита своих прав и свобод.

Семья как ценность, воспроизводящая уникальные ценности, высоко котируется у всех возрастных категорий населения. Это и понятно, так как, во-первых, каждый человек имеет прямое отношение к семье; во-вторых, разделяемые семьей ценности признаются индивидом, входящим в структуру семьи [11]; в-третьих, сказанное подтверждает ряд исследований, в частности работы А. А. Магомедова, О. И. Волжиной. Их объединяет близость ответов респондентов о высоком престиже семьи, крепости семейных традиций и ценностей семьи. Семья сама производит ценности. Ее ценности уникальны. Это есть продукты жизнедеятельности семьи, общества и человечества в целом в виде человеческой личности. Они вбирают в себя и поступки людей, и представления морального сознания, моральные нормы,

принципы, идеалы, понятия добра, зла, справедливости, счастья. Ценности могут быть общечеловеческими, «вечными» и конкретно-историческими [12].

Особый интерес для социально-философского анализа представляет «социально-ценностное ядро» семьи (по О. И. Волжиной), поскольку оно является воплощением общесемейного культурного пласта, выходящего на общественно значимые ценности с целью раскрытия семьи как общественного явления. Данный слой наиболее консервативен, подвержен влиянию традиций, но благодаря ему создается семейное единство, реализуются имманентные функции, сохраняются личностно формирующиеся формы деятельности, самобытность культуры. Социально-философский подход к исследованию социально-ценностного ядра семьи заключается в анализе степени детерминированности основных элементов ценностного ядра семьи социальными и общественными факторами (экономикой, политикой, культурой), а также степени ее взаимодействия с индивидуально-ценностной периферией, являющейся «отражением социально-ценностного ядра в реальных оценках индивидов» и выступающей объектом изучения эмпирической социологии. Речь идет о положении, выдвинутом О. И. Волжиной, о «двухслойной конструкции» семейных ценностей, согласно которому семья представляется «в единстве устойчивого ядра – социальной ценности и изменчивой периферии – индивидуальной ценности». В качестве социально-ценностного ядра семьи выступают отношения «супружества – родительства – родства, нравственно-духовные основания и целерезультирующие социально-значимые характеристики (воспроизводство населения, социализация поколений, организация среды удовлетворения потребности индивида)» [13]. Индивидуально-ценностную периферию семьи образует совокупность ее оценок на субъективном уровне – ценностные ориентации, предпочтения, установки, ожидания, оправдания и др.

Путем исследования взаимодействия элементов «двухслойной конструкции» семьи можно решить два класса задач. Первый – может выйти на определение закономерностей появления новых форм семейного взаимодействия, определяющих специфику ценностного статуса семьи в данный период времени (например, предпочтительные семейные ценности, установки на те или иные формы брака, отношение к детности и так далее); второй – выявит способности и потенциал семьи создавать культуру взаимоотношения ее субъектов более высокого уровня, отвечающие интересам как сохранения накопленного опыта семейного взаимодействия, так и воплощения инноваций, влияющих на изменение традиционных устойчивых форм семейных отношений (например, сохранение просемейной ориентации в обществе, сочетание коллективного и индивидуального выборов, утверждение демократически-либеральных норм семейной жизни и реализация личностного способа бытия и т. д.).

Взаимодействие двух ценностных параметров семьи – ядра и периферии – напоминает известную эволюционную триаду «изменчивость – наследственность – отбор». Изменчивость, пишет О. И. Волжина, рассматривается как возможность появления и исчезновения, объединения и разъединения элементов, которые порождают различные типы и структуры семьи. Наследственность отражает зависимость от прошлого, проявляется в традициях, обычаях, нормах, которые сохраняют накопленный опыт семейных отношений. Отбор вариантов отношений в обществе зависит от ориентаций, определяющих ценностный статус семьи в конкретный период времени [14].

Основная тенденция развития семьи в современной России, по мнению Т. В. Шеляг, заключается в постепенном отказе от традиционных элементов, заложенных в коллективном семейном мироощущении, утверждении на их месте индивидуальной свободы. В этом процессе прослеживается наличие противоречий между коллективной и индивидуальной ценностями семьи. Оно заключается в непростых вопросах: «Каковы пределы индивидуальности и индивидуальной свободы в семье?» и «По какому пути пойдет российская реальность: по пути безграничного индивидуализма и личного потребления или по пути индивидуалистического самоограничения?». Мировой опыт говорит о том, что необходимостью существования и развития человечества является отказ от приоритета прав личности перед правами семьи – ценностями, которые отстаивали западноевропейские демократические системы. Оказалось, что признание безоговорочного приоритета данных ценностей неукоснительно ведет к самоизживанию населения – носителя демократии и свободы. В связи с этим необходимо отметить, что в центре философской критики всегда находилась ограниченность и тупиковость развития потребительского общества. «Всякое потребление удовлетворяет те или иные потребности индивида. Но „потреблять" семейную жизнь индивидуалистически невозможно по определению: против этого восстанет не только брачный партнер, но и сам потребитель: сводя другого к статусу объекта, он обедняет себя, свое общение с ним» [15].

В реалиях современной России ценностные ориентиры в семье и обществе пронизаны, в первую очередь, прагматизмом. Поскольку новые, отвечающие настоящим реалиям идеи отсутствуют, многие россияне возвращаются к «старым, проверенным временем». Социальные ценности эволюционируют от среды к индивиду, проходя через наиболее близкую к нему социальную группу – семью. Их «несемейная» направленность проявляется очень отчетливо, однако она носит, можно сказать, опосредованный характер, тогда как собственно семейные ценности напрямую, непосредственно обращены к индивиду [16]. Следует отметить, что семейные ценности в целом не утратили своего социокультурного значения, происходит лишь дифференциация форм семейного взаимодействия. Как считает О. И. Волжина, разделяемые семьей ценности, с одной стороны, отражают объективно существующие ценности социальной среды, с другой стороны, эти ценности признаются индивидом, входящим в структуру семьи [17].

Создавая семью, люди обретают искомый духовный комфорт и надежду на материальное благополучие. Опрос общественного мнения, проведенный в Северо-Кавказском регионе, посвященный ценностным ориентациям семьи, показал, что среди семейных ценностей приоритет отдается физическому и моральному состоянию членов семьи, продолжает высоко котироваться у всех возрастных категорий населения. Так, значительной группе учащихся средних учебных заведений и студентов вузов городов Махачкалы, Нальчика, Владикавказа, Майкопа, Карачаевска, Ставрополя, где проживают и учатся представители многих национальностей, было предложено определить ценности, значимые для молодежи. По оценкам опроса, учащиеся и студенты на первое место поставили семейные ценности (89,5 % респондентов), что объясняется сохранением традиций и высоким престижем семьи [18]. Среди главных семейных ценностей на первом месте оказались дети и их воспитание (73,7 %), на втором – физическое и моральное здоровье членов семьи (71,6 %), а на третьем – отношения между родителями и детьми (44,6 %) [19]. Эти

данные свидетельствуют о высокой степени нравственных установок и ориентиров, предопределяющих перспективу традиционных семейных ценностей.

Вместе с тем по мере осознания индивидом степени своей свободы и легитимации личных прав человека традиционные нормы все более утрачивают свою функциональность, и люди начинают искать новые нормы и способы взаимодействий. Значительно расширяется спектр выбора форм семейных отношений. Возрастают индивидуальные возможности самореализации, все более реальным становится внесемейное удовлетворение потребностей и интересов, все привлекательнее оказывается среда за пределами семейного окружения. Часто ценности, реализуемые в рамках семейных отношений, приобретают приватный, индивидуальный характер, образуя интимную сферу жизнедеятельности семьи. Реализация семейных ценностей отвечает интересам определенной семьи, которая наполняет их содержанием и, по сути, воплощает в жизни членов данной семьи, реализация же социальных ценностей отвечает интересам общества в целом. Принятие, усвоение, сохранение и воспроизводство индивидом социальных ценностей опосредуется его семейной идентичностью. Семья включена как в социальную, так и в приватную сферу индивида.

Таким образом, семья представляет собой общественный организм, обладающий незаменимой ценностью для человека и сохраняющий значимость для общества. В период социокультурных изменений в российском обществе значимость семьи как ценности возрастает, в связи с чем актуализируется проблема дальнейшего изучения семейных ценностей в социально-философском аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы: социал.-демогр. исслед. М., 1978. С. 67.

2. Леонтьев Д. А Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 34.

3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техника: 1984–1985: ежегод. М., 1986. С. 108–109.

4. Моисеев Н. Н. Логика динамических систем и развитие природы общества // Вопр. философии. 1999. № 4. С. 11.

5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 30.

6. Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 2. С. 193–194.

7. Волжина О. И. Аксиологическая концепция семьи // Мир образования – образование в мире: науч.-метод. журн. 2001. № 4. С. 29–47.

8. Шлычкова О. Н. Эволюция семейных ценностей в современной культуре // Человеч. капитал. 2010. № 8 (20). С. 80–83; Хубиев Б. Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека. Нальчик: Изд-во КБГУ, 2007. С. 171.

9. Цит. по: Горбова Г. А. Социально-философский анализ ценностей современного российского общества // Изв. вузов Сев.-Кавк. региона. Обществ. науки: прил. 2006. С. 3–7.

10. Шимин Н. Д. Семья как общественное явление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 12.

11. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи / отв. ред. Б. С. Павлов. М.: Наука, 1990. С. 89.

12. Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 15–16.
13. Волжина О. И. Семья как социокультурная ценность современного российского общества. М., 2001. С. 41–42.
14. Там же. С. 113.
15. Шеляг Т. В. Современная семья и социальная работа. М.: СТИ, 1999. С. 42.
16. Карцева Л. В. Российская семья на рубеже двух веков. Казань, 2001. С. 220.
17. Волжина О. И. Семья как социокультурная ценность... С. 29–45.
18. Магомедов А. А. Указ. соч. С. 16.
19. Кильберг-Шахзадова Н. В. Толерантность в обществе и социальных институтах. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. С. 76.

УДК 101.1

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. Н. Гончаров

SCIENTIFIC AND INFORMATION ACTIVITIES: SOCIAL AND CULTUROLOGICAL ASPECTS

V. N. Goncharov

В статье показывается, что постановка целостного философско-методологического анализа проблем научно-информационной деятельности дает возможность, с одной стороны, провести социально-философский анализ научно-информационной деятельности, а с другой – объективно рассмотреть информационный аспект социальной деятельности. По мнению автора, организация научно-информационной деятельности осуществляется с установкой на изучение результатов культурологической мысли, непосредственных исследований культуры, социокультурного взаимодействия, с учетом требований институционального и социального характера развития общественной системы.

The article shows that the formulation of the holistic philosophical and methodological analysis of the problems of scientific and information activities gives an opportunity, on the one hand, to carry out the social and philosophical analysis of scientific and information activities, and on the other hand, to examine the information aspect of social activities objectively. According to the author, the organization of scientific and information activities is carried out with the view of studying the results of culturological thought, the direct researches of culture, sociocultural interaction, taking into account the requirements of the institutional and social nature of the development of social system.

Ключевые слова:
наука, научное знание, информация, научная информация, информатика, научно-информационная деятельность, культура, культурологический подход, информационные процессы, социальное развитие, социокультурная сфера.

Keywords:
science, scientific knowledge, information, scientific information, informatics, scientific and information activities, culture, culturological approach, information processes, social development, sociocultural sphere.

На современном этапе общественного развития «наука все больше превращается в производительную силу, а производство все чаще становится „полигоном" для отработки новых научных идей» [1]. Наука как единая система социально-организационной деятельности включает в себя научно-исследовательскую деятельность (экспериментальную и теоретическую), ориентированную на приращение нового знания; научно-организационную деятельность, направленную на осуществление руководства и управления наукой; научно-информационную деятельность, призванную обеспечить информационное обслуживание других видов деятельности; научно-вспомогательную деятельность, выполняющую все остальные функции обслуживания, помимо собственно информационного обеспечения; научно-педагогическую деятельность, обеспечивающую движение знаний из науки в другие сферы человеческой деятельности [2].

В теоретическом плане различие между научной и научно-информационной деятельностью проведено И. С. Баклановым и М. Б. Синельниковым следующим образом. Теория научно-информационной деятельности исследует науку, основываясь на информационном подходе. Науковедение и информатика – близкие, тесно взаимодействующие, но самостоятельные отрасли знания. У них общий объект исследования – наука как система деятельности. Будучи самостоятельными отраслями знания со своими собственными задачами и предметами исследования, они в научной деятельности как целом выделяют конкретную разновидность этой деятельности. Науковедение сосредоточивает свое внимание на научно-организационной деятельности, а информатика – на научно-информационной [3].

Научно-информационная деятельность абстрагируется от некоторых аспектов науки и связана с ее эпистемологическим компонентом, то есть с системой знаний, идей, гипотез, теорий. Она способствует превращению продукта научной деятельности – научных знаний – в элементы общественного сознания, вовлечению знаний вновь в сферы научной деятельности и материального производства. Научно-информационная деятельность содействует материализации научных знаний, осуществляет информационную связь в отношениях «накопленное знание – наука» и «наука – производство». Каждый новый результат в науке рождается не только как следствие открытия нового, но и как следствие обобщения и переосмысления уже имеющегося знания, вовлеченного в оборот системой информации. Если в науке, в поисковой деятельности, на первый план выступает метод получения знаний, то научно-информационная деятельность превращает знания в научную информацию как в «инструмент» получения новых результатов научной и практической деятельности [4]. Соотношение понятий «научное знание» и «научная информация» рассматривается в зависимости от исходных концепций в понимании информации. Иногда они употребляются как синонимы, или однопорядковые понятия. «Знание отдельного факта – не есть еще наука» [5]. Основной составляющей развития науки является научно-информационная деятельность. Научная деятельность включена в сложную систему коммуникаций и отношений в сфере науки. С точки зрения

информационного подхода ее можно рассматривать и как особую информационную систему, в которой происходит процесс обмена научной информацией. В сфере исследований культуры в общественной системе, научно-информационная деятельность рассматривается обычно в прикладном аспекте. Предполагаемая тематика и проблематика информационных текстов определяется содержанием научной литературы по проблемам культуры. Где же границы той области знания, которая называется исследованиями культуры? При понимании культуры, выработанном в современных теориях культуры, объектом научных исследований культуры является все созданное человеком на протяжении собственной истории, включая в нее и историю систем представлений о мире. Следовательно, границы данной области знания чрезвычайно неопределенные. Имеются, прежде всего, выводы, вытекающие из таких дефиниций культуры: культура как содержательная сторона социального взаимодействия (Э. А. Орлова); культура как семиотические системы, направленные на переработку информации, поступающей из действительности (Б. А. Успенский), «культура как результат представляет совокупность традиций, норм, ценностей, смыслов, идей, знаковых систем, характерных для социальной общности…» [6].

Научно-информационная деятельность рассматривается так же, как прикладная сфера информатики, определяемая как наука об информационных процессах. В информатике моделируется структура научно-информационной деятельности, устанавливаются ее виды, разрабатываются методики независимо от содержания информационной деятельности. Культурологический подход в информатике заключается в осмыслении категорий и понятий, систем представлений в информатике в контексте систем представлений в культурологии.

На обобщенном уровне культурологический подход подразумевает ориентацию на выработку способов выявления содержательной стороны в информационных процессах. Лингвисты и психолингвисты уже указали на необходимость изучения семантического компонента при разработке современных машинных языков. В культурологическом подходе внимание также обращено к вопросам создания информационных языков, но семантический компонент толкуется более конкретно, под языком имеется в виду не только собственно язык, но и логико-семантическое, наиболее инвариантное расчленение мира в рамках различных научных предметов.

Применение культурологического подхода целесообразно начать с осмысления исходного понятия в информатике – информационных процессов, которые традиционно интерпретируют как набор действий или операций с информацией. Соответственно даются такие дефиниции информационных процессов: это «процессы сбора и передачи, накопления, хранения, поиска, выдачи и доведения информации до потребителя» [7]. Варьирование выделяемых операций с информацией – «преобразование», «систематизация» – не меняет логики такого понимания. Определяющим здесь является тот факт, что в информационные процессы не включен момент возникновения информации: действия совершаются над уже образовавшейся информацией [8]. Отсюда вопрос: где, как, при каких условиях она возникает? Однако эту проблему легче сформулировать, чем к ней подступиться. Исследование происхождения информации подразумевает уже знание феномена, который возникает, то есть предполагается, что мы уже знаем, что такое информация.

Предлагаемые классификации информации в информатике – элементарная,

биологическая, социальная [9] – подразумевают, что информационные процессы существовали до возникновения человеческой истории и возникают сейчас вне сферы социокультурного взаимодействия. В то же время утверждается, что информационные процессы опосредуют культурные процессы. Поэтому некоторые исследователи настаивают на логичности использования понятия «информация» в качестве принципиально неопределяемого, иначе пришлось бы обозначать нечто, лежащее у истоков человеческой культуры, а потому не поддающееся языковому определению, учитывая, что язык – продукт культуры. Этим объясняют переход слова «информация» в разряд категорий, то есть понятий общенаучного уровня.

Локализуя гипотетически сферу возникновения, по крайней мере, некоторых видов информации до и вне сферы социального взаимодействия, тем не менее реально можно исследовать только те информационные процессы, в которые включен человек. И здесь важно подчеркнуть следующий момент: информационные процессы – это не действия кого-то над чем-то, а связи, взаимодействие. В информационных процессах всегда предполагается наличие двух сторон (участников взаимодействия).

Обратимся к связи человека с природными объектами. Если отказаться от простейшей бихевиористской модели «стимул – реакция» (в психологических науках пройденность этого этапа никем не оспаривается), то следует признать, что воздействие любого природного объекта опосредовано собственной природой человека, его ментальными возможностями. Человек не просто «принимает», «получает» стимулы – посредством стимулов воспринимаются, понимаются, объясняются и оцениваются объекты мира. На ментальном уровне результаты воздействия природы – конкретные смыслы и значения, содержание представлений, основанием которых является объектно-предметное расчленение мира. Понятие «информация» не должно выступать как синоним устаревших представлений о психике человека. Во всех формах взаимодействия с объектами природы человек является существом, не пассивно принимающим, собирающим, передающим информацию, а посредством ее понимающим, объясняющим, оценивающим на базе образного восприятия то, что на него воздействует. Резюмируя, можно сказать, что в этих актах восприятия, понимания, знания проявляется возникновение и существование информации.

Введя понятия «понимание» и «знание», мы уже фактически сказали, что воздействие природных объектов опосредовано не только собственной природой человека, но также его социальным развитием. В соответствии с основным постулатом социальных наук не существует ситуаций, когда человек выступает один на один с природой. Он воспринимает и понимает объекты в зависимости от того, чему обучен, что усвоил в разных формах социального взаимодействия. Содержание знания и понимания в социальном взаимодействии поддерживается и отвергается, проверяется и уточняется, обобщается и заменяется. Связи людей в непосредственных коммуникациях, в свою очередь, опосредованы их участием в разных видах деятельности, их включенностью в специализированные социокультурные сферы.

В итоге предложенных рассуждений создается необходимость признать научную обоснованность сразу двух взаимоисключающих тезисов: информационные процессы определяют возникновение культурных процессов; социальное взаимодействие, содержательной стороной которого являются культурные процессы, детерминирует возникновение информационных процессов. Войдя в этот логический круг, мы вынуждены постулировать двойственность происхождения информации: в структуру информации входят природный и культурный компоненты.

Таким образом, природный компонент информации – это тот объект природы или его какой-то аспект, который в конкретной ситуации связи с человеком является носителем, можно сказать, источником информации как средства возникновения смыслов и значений, содержания понимания и знания.

Что же представляет собой культурный компонент? Если это – сами смыслы и значения, содержание понимания и знания, то тогда он полностью совпадает с культурой, которая и определяется как содержательная сторона социального взаимодействия. Но тогда какой смысл во введении этого понятия? Проанализировав природный компонент информации функционально, можно выделить в культурных процессах информативный компонент, отведя ему особую роль. Таким образом, культурный компонент в информации (он же информативный компонент в культуре) выполняет в культурных процессах специфическую роль.

Исходя из сказанного, к культурному компоненту в информации относится совокупность тех смыслов и значений (содержание понимания и знания), которая является источником и средством нового понимания и знания. Можно сказать иначе: все результаты культурных процессов, являющиеся формами понимания и знания, обладают такой характеристикой, как информативность, или они информативны в той или иной мере. В таком понимании информационные процессы, так сказать, предшествуют культурным процессам, соприкасаясь с ними, находясь внутри них, выполняют функцию механизмов возникновения, изменения, развития.

При амбивалентном понимании информационных процессов адекватной оказывается при их описании лексика парных обозначений: информация существует и возникает, возникает и создается, получается и извлекается, осмысляется и исследуется, изменяется и развивается, передается и преобразуется. Из сказанного вытекает и следующий вывод: информацию можно классифицировать как естественную (непосредственную) и специализированную. В зависимости от ситуации в социокультурном взаимодействии эту классификацию можно интерпретировать по-разному. В повседневной и научной практике мы отличаем информацию, полученную в непосредственных наблюдениях, от информации, за которой стоит чужой опыт; информацию, возникающую в непосредственных коммуникациях, от информации, извлекаемой из специализированных источников; информацию, создаваемую в непосредственно проводимом исследовании, от информации, выделенной при обобщении результатов работы других исследователей; информацию, возникшую в результате систематизации чужого исследовательского опыта в целях решения конкретных научных задач, от информации, которая создается специалистами, для которых ее создание – самостоятельная конечная цель.

Аналогом предлагаемого расчленения является принятая в информатике классификация информации на первичную и вторичную. Надо сказать, что обе классификации на словарном уровне не передают представления о двуединстве, взаимозависимости двух видов информации. Но, кроме того, понятия «первичный» и «вторичный» содержат в себе ценностные оттенки. Не является ли это фактически проявлением на глубинном, неконтролируемом уровне достаточно низкого статуса научно-информационной деятельности, несмотря на все декларации о наступлении эры новой информационной культуры? Обоснованность этого вопроса иллюстрируется и тем фактом, что в самой информатике часто научно-информационная деятельность рассматривается как прикладная сфера, лишенная своего собственного, специфического исследовательского начала.

Информационные процессы в культуре редко осуществляются в форме непосредственных коммуникаций, чаще всего они опосредованы различного рода культурными образованиями. Понятие «носитель культуры» поэтому приложимо и к культурным объектам, они могут стать источниками информации как совокупности смыслов и значений, являющихся, в свою очередь, средством нового понимания и знания мира. Гипотетически все культурные объекты информативны, так как могут послужить основанием для новых систем представлений. Но на конкретном, то есть содержательном, уровне возникновение информации происходит в определенных границах, оно детерминировано: на макроуровне – характером исторического развития культуры, на микроуровне – спецификой жизненных проблем в социокультурных ситуациях. Нет вообще информации: она всегда существует для кого-то и для чего-то, в определенные моменты истории, в конкретный момент жизни.

На глубинном уровне основанием этой детерминированности является психофизиологическое развитие человека, на более явном уровне – смена задач и целей при решении проблем в специализированных видах деятельности и в ситуациях повседневного существования.

Однако до сих пор не рассмотрена динамика форм выражения, передачи содержания понимания и знания. При осмыслении специфики тех смыслов и значений, которые возникают при восприятии природных и культурных объектов, надо иметь в виду, что смыслы и значения возникают не сами по себе, а с помощью языка, а следовательно, и в зависимости от возможностей языка выразить их. Универсальным языком для оформления информации в любой сфере социального взаимодействия является естественный язык, все же остальные языки (семиотические системы) создаются на его основе.

Язык является, таким образом, инструментом осмысления мира, то есть возникновения и создания, передачи и выражения информации, в то же время все формы объектно-предметного, функционально-практического расчленения мира зафиксированы, отражены в нем самом как культурном образовании. Обе альтернативные концепции языка, принятые в лингвистике и семиотике – инструментальная и онтологическая, – в информатике обнаруживают свою релевантность в зависимости от вида научно-информационной деятельности и этапа ее осуществления. Здесь достаточно сказать, что под языком в информатике понимается не только язык в собственном смысле слова, но и та совокупность логико-семантических единиц, которая на определенном этапе развития конкретной сферы знания оценивается как ее средство.

В языковом потоке, опосредующем социокультурное взаимодействие, также выделяется такая элементарная логико-семантическая единица, как высказывание, в отличие от такой лингвистической единицы, как предложение. Информативное высказывания проявляется в динамике его преобразования в сообщение – элементарную единицу информационного языка. Какой, казалось бы, смысл в таком переименовании? Употребление слова «высказывание» в языковом потоке обнаруживает, что оно прямо связывается с тем, кому принадлежит. В высказывании отражено понимание и знание конкретного индивида, коммуникативный компонент в высказывании является подчиненным. «Сообщение» изначально ориентировано на другого, содержание в нем оформляется в соответствии с тем, для кого оно предназначено.

Языковую динамику в информационных процессах на более элементарном уровне можно представить как переход от языковых единиц, связанных с реалиями непосредственно, к тем единицам, в которых эта связь по преимуществу условная. Это значит, что образам, где реалии выступают как бы непосредственно, в качестве очевидных, соответствуют символы, связь обозначающего и обозначаемого осуществляется в них по принципу сходства, ассоциаций; а символам – знаки, связь обозначаемого и обозначающего в них условна. Знаки, в свою очередь, разделяются на естественные и искусственные: в естественных знаках связи между обозначающим и обозначаемым складывались спонтанно в ходе развития истории данного языка, а в искусственных – задавались осознанно, посредством дефиниций. Среди искусственных знаков можно выделить машинные знаки, в них роль фонем выполняют элементы машинной технологии.

В ходе языковой динамики высказывания самого разнообразного характера, в том числе образно-эмоционального, ценностного, демонстрирующие специфически индивидуальные моменты в разных ситуациях, преобразуются в сообщения о фактах (событиях) и об идеях (суть конкретных представлений, единицы знания). На более элементарном формальном уровне можно говорить о трансформации образов в естественные и искусственные знаки. В целом в языковом потоке выделяется информационный языковой слой, на базе которого создаются информационные языки разного типа и видов.

Типологизация информационных языков определяется его двойственной природой – язык онтологичен и инструментален одновременно. Онтологическая природа языка проявляется, прежде всего, в тех информационных языках, которые воспроизводят в конечном счете логико-семантический аппарат конкретной сферы знания. Формальными единицами этого языка на более конкретном уровне являются сообщения, представляющие собой формулировки базовых тем и проблем (проблемно-тематические рубрики), – они отражают направление научной деятельности в сфере; на более глубинном уровне – ключевые слова (категории, понятия) – они задают угол зрения, предметный ракурс исследуемого объекта. В целом рубриками и ключевыми словами задается семантическое поле научной деятельности.

Грамматика этого типа искусственного языка воспроизводит логические связи между проблемно-тематическими рубриками и ключевыми словами. Построение всей языковой системы – проблемно-тематических рубрикаторов и тезаурусов – в конечном счете на очень формальном уровне можно представить как структурирование по принципам: верифицируемости (абстрактное – конкретное), включенности (целое – часть), идентифицируемости (то же самое по определенному признаку), сопоставимости (сходство, смежность, альтернативность), замещаемости-переноса (один тип подхода замещается другим, переносится на другой).

В целом возникновение информационного слоя в естественных языках и создание искусственных языков связано с установкой и прямой нацеленностью на разработку общезначимого и общедоступного языка, выполняющего функцию посредника между естественными и искусственными языками, а также между искусственными языками разных специализированных сфер на базе естественного языка. В свете сказанного информационные процессы можно определить как процессы перевода с одного языка на другой посредством возникновения и создания языков-трансляторов на базе понимания и знания, основанием которых является образное восприятие.

Таким образом, средством выражения информации являются информационные языки, а источником – поток высказываний в непосредственных коммуникациях, спонтанно возникающих и специально организованных и в виде продукции средств массовых коммуникаций.

Последовательность тех высказываний и сообщений, которую можно рассмотреть как целостность в том или ином отношении, назовем исходным информационным текстом или документом, среди них выделим опубликованные и неопубликованные (письменные и устные).

Разновидность исходных информационных текстов – научные тексты, их содержание составляют научные идеи. Идеи, возникающие в непосредственности жизненного существования, и непосредственно наблюдаемые факты являются базой научных идей, в то же время научные идеи регулируют динамику непосредственного понимания и знания. Однако из этого не следует, что необходимо отождествлять научные и информационные идеи: не все информационные идеи научные и не все научные идеи информационные: выше уже отмечалось, что информативность зависит от характера конкретного взаимодействия. Из этого следует, что информативность научных идей также не постоянная, а динамическая их характеристика. На этой логике и основано принятое в информатике различение знания и информации: информативность – ситуационный, коммуникативный аспект знания.

Теперь можно сформулировать критерии информативности научных идей – это критерии доступности, адекватности, новизны и релевантности. Данные критерии общепризнанны. Критерий доступности имеет две совершенно очевидные интерпретации: прежде всего, подразумевается доступность в прямом смысле – информация существует для конкретного человека. Под доступностью имеется в виду также владение естественным и искусственным языком информационного текста. Критерий адекватности означает соответствие научных идей реалиям их непосредственной данности и одновременно соответствие представлениям об этих реалиях, выработанных в экспертных источниках. В качестве реалий может выступать также конкретная система представлений, знание как таковое. В этом случае адекватность интерпретируется таким образом: адекватны, т. е. информативны, те идеи, которые отражают состояние знания в той или иной области знания; информативны те идеи, которые имеют перспективу развития, указывают направление динамики. Парные трактовки одного и того же критерия выполняют функцию взаимодополнительных принципов. Критерий адекватности во всех его вариантах корректируется критерием новизны: информативны те идеи, которые что-то добавляют к сложившейся системе представлений, а в конечном счете преобразуют, меняют ее, иногда кардинальным образом. И наконец, критерий новизны уточняется критерием релевантности: идеи информативны не сами по себе, а в том случае, если они проясняют проблему (снимают неопределенность исследовательской позиции), помогают поставить и решить задачу.

Представляется само собой разумеющимся, что документальную базу научно-информационной деятельности в сфере исследований культуры составляют научные тексты по проблемам культуры. При буквальном понимании предлагаемого в теории разделения культуры на философию, религию, науку, искусство пришлось бы ставить вопрос: существует ли вообще научная литература по культуре? Речь идет о другом: информационной базой научно-информационной деятельности является

не только научная литература по теории культуры, не только результаты конкретных культурологических исследований, но и оперативное осмысление социальной, организационной деятельности в культуре. Но правомерно ли такое расширение функций научно-информационной деятельности? В чем тогда ее научность? Научно-информационная деятельность, с нашей точки зрения, является научной не потому, что она обслуживает и обеспечивает конкретные сферы научного знания, а потому, что у нее есть собственные исследовательские задачи внутринаучного, а не прикладного характера. От развития собственного исследовательского начала зависит в конечном счете совершенствование ее как прикладной сферы.

Конкретная научная деятельность – практика научно-информационной деятельности, как это ни парадоксально звучит, ее база. Ее собственная наука – информатика, которая должна включать в себя, если она претендует на статус науки, все сложившиеся в истории разделы научного знания – методологию, теорию, исследовательскую практику, подразумевающую наличие собственно методов, методик, техники. И только тогда прикладная сфера информатики, может быть, более широкая и разветвленная, чем в других науках, имеет возможность развиваться, совершенствоваться, а не воспроизводить себя в сложившихся формах.

В настоящее время между прикладной сферой информатики, именуемой научно-информационной деятельностью как таковой, и той областью, которая названа информатикой, образуется несоответствие: отсутствуют конкретные информационные исследования. В результате складывается тенденция сводить научно-информационную деятельность либо к абстрактному философствованию по поводу информационных процессов без установки на создание инструментальных теорий, либо к разработке набора методик при отсутствии ориентации на теоретическую обоснованность алгоритмизации деятельности.

Рассмотрим, что представляет собой прикладная сфера информатики, традиционно отождествляемая с научно-информационной деятельностью как таковой. Научно-информационная деятельность в своем историческом развитии восходит к библиотечно-библиографической деятельности, сейчас это самостоятельный раздел в информатике. В задачу библиотечно-библиографической деятельности входит каталогизация и библиографическое описание информационных документов.

Самый новый раздел в научно-информационной деятельности – так называемая компьютерная информатика. Статус и функции данного раздела нельзя определить однозначно. С одной стороны, это прикладная сфера, в задачу которой входит создание машинных банков данных и банков знаний. С другой стороны, компьютерная информатика – это ветвь, направление в информатике, которую в результате можно представить как взаимодействие в ней гуманитарной и научно-технической ориентаций.

Следующий раздел в прикладной информатике традиционно называется собственно научно-информационной деятельностью, главная задача которой – создание реферативной и обзорной информации, представляемой в разных информационных аспектах.

Что общего в этих видах деятельности и как между ними организовано взаимодействие? Библиотечно-информационная деятельность с прикладной сферой компьютерной информатики объединены тем, что регулирующим началом в них являются разного типа и вида информационные языки. С помощью языков-посредников

и осуществляется поиск, хранение, накопление, систематизация документов с последующим переводом преобразованного в результате этих операций содержания информационных документов на язык заказчиков информации. Очевидно, что при таком понимании специфики научно-информационной деятельности ее задача – организация информационных процессов в конкретных специализированных сферах культуры с помощью прямого и обратного переводов с языка этих видов деятельности на информационные языки разных типов и видов. Следующий шаг в конкретизации предложенного понимания информационной работы – анализ структуры и функций существующих информационных языков, механизмов их совершенствования. Чтобы подступиться к этой задаче, надо сначала выяснить, что конституирует их данность и возникновение.

Проанализируем эту проблему на основе осмысления работы по написанию аналитического обзора в процессуальном аспекте. Казалось бы, эта деятельность не имеет прямого отношения к созданию и использованию информационных языков в общепринятом смысле. Данный вид научно-информационной работы обычно понимается как сжатое, концентрированное изложение идей, представленных в информационных документах на определенную тему. Осмысляя процесс написания аналитического обзора в контексте существующих представлений о специфике библиотечно-библиографической деятельности и работы по созданию машинных языков, можно не только выявить связи между всеми этими разделами прикладной сферы информатики, но и определить тип означенной связи на конкретном содержательном уровне. Можно сказать, что создание обзорной аналитической информации содержит в зародышевом виде все аспекты научно-информационной деятельности, понимаемой как специфический вид научного информационного исследования.

В создании специализированной информации, составляющей содержание аналитического обзора, можно выделить три этапа. Первый этап – это определение задач, проблематики обзора и списка информационных документов. Считая, что этот этап уже реализован, выделим как центральные два следующих этапа.

Второй этап – это осмысление и оценка зафиксированных в списке литературы информационных источников по отдельности и в совокупности. Начальный момент в этой работе заключается в попытках идентифицироваться с целями и намерениями авторов информационных документов. Задача может быть сформулирована как экспликация на основе явных идей, тех идей, которые выражают глубинные установки и ориентации.

В целом исходные тексты осмысляются на базе выявления и одновременно конструирования трех контекстов – личностного, социального, культурологического. Границы личностного контекста определяются мерой нашего стремления рассмотреть каждый информационный документ как момент в развитии творческой биографии автора. Сама необходимость такого рассмотрения зависит от оценки того вклада, который внесен исследователем в динамику развития сферы знания.

Социальный контекст в предлагаемой работе интерпретируется как система осознаваемых и неосознаваемых ограничений и требований, связанных с историческими условиями и социальными ситуациями. Установление всей совокупности явных и неявных ограничений составляют конкретизации сформулированного выше критерия релевантности научных идей в аспекте их информативности. Имеются, прежде всего,

в виду ограничения общесоциального характера – они возникают и формируются в рамках социальных институтов, организаций, коллективов, включая формальные и неформальные объединения. Выявление зависимости информационных документов от этих ограничений способствует установлению глубинных целей и намерений.

Социальный контекст не сводим к такому типу ограничений. Он определяется также теми институциональными, организационными требованиями, которые выражены в форме формулировок заданий и запросов со стороны конкретных учреждений культуры в обществе. Научно-информационная деятельность выступает в данном случае как часть культурной политики и ее сфера управления одновременно. Ориентация на институциональные, а точнее ведомственные, нормы корректируется установкой на социальный заказ, который шире, чем те требования, которые формулируются организационными инстанциями.

Культурологический контекст устанавливается в форме определения границ конкретной сферы знания, к которой относятся исходные тексты. Конкретизация культурологического контекста предполагает структурирование этой сферы знания. Исследования культуры в процессуальном аспекте представляют собой целостность только в перспективе; такая целостность возникает как результат ее моделирования и проектирования в социальном взаимодействии. В каждый конкретный момент это взаимодействие заключается в согласовании разных моделей и проектов, прежде всего, по принципу взаимной дополнительности. Модели создаются в специализированной деятельности. При этом право на моделирование сферы исследований культуры не может быть чьей-то профессиональной или индивидуальной прерогативой. На означенный вид работы может претендовать и создатель информационного текста. Более того, в научно-информационной деятельности работа над культурологическим контекстом в определенном аспекте способствует формированию особого типа специализации – информационного исследования.

Культурологический контекст на стадии понимания исходных информационных текстов выступает одновременно как исходная модель сферы знания и как результат осмысления научной литературы, составляющей документальную базу обзора. Понимание информационных документов в этом челночном движении регулируется двумя возможными ракурсами их рассмотрения. Эти ракурсы можно определить как дальнейшую конкретизацию критериев адекватности научных идей с точки зрения их информативности. В соответствии с одной из версий данного критерия научные идеи в исходных информационных текстах могут быть осмыслены в зависимости от того, к какому разряду знаний они относятся или какой уровень научной деятельности конституируют. Из этого следует, что идеи могут представлять сферу парадигматики (ведущие идеи, составляющие содержание методологии, основных принципов, научных подходов в сфере знания), область конкретных теорий или концепций, совокупность методов, включая процедуры, операции, технику и взаимосвязь фактов как эквивалентов теоретических конструктов.

В этом теоретико-методологическом ракурсе конкретная сфера знания предстает как реализация принципов научной логики или даже разных научных логик. Отдельные информационные тексты оцениваются тогда как отражающие разные, иногда альтернативные позиции. Научное взаимодействие в целом мыслится не только как согласованность действий, но и как поиски новых путей к истине.

В другом ракурсе понимание информационных текстов строится на

представлении о единстве объекта исследования в конкретной сфере знания. Сфера знания в этом объектно-фактологическом ракурсе предстает не как совокупность противостоящих друг другу позиций, а как одна и та же разноаспектная многофункциональная деятельность, являющаяся по своему результату научным осмыслением мира в противоположность обыденным представлениям о нем. В этом случае акцент переносится с внутринаучных проблем на те результаты, которые непосредственно связаны с жизнью, с обыденным сознанием.

Понимание информационных документов в трех выделенных контекстах – социальном, культурологическом и личностном – предшествует этапу написания текста, можно также сказать, что оно ему сопутствует как один из двух аспектов деятельности. Важно только подчеркнуть дифференцированность содержания этой работы.

Написание аналитического обзора подразумевает реализацию двух взаимосвязанных и в то же время автономных задач – структурирование информационного материала и разработку языка, на котором он должен быть представлен.

Работу по структурированию текста можно легко сопоставить с проблемно-тематическим рубрицированием документов. В процессе проблемно-тематического рубрицирования обнаруживаются и организуются связи между смысловыми частями будущего обзора. Детализированность, многоаспектность этих связей, органичность перехода от одной рубрики к другой может служить показателем того, насколько автор овладел исходным материалом, насколько осмыслил его в единстве. Ориентация на целостность текста при этом корректируется установкой на адекватное отражение первоисточников.

Рубрицирование информационных документов при написании аналитического обзора может служить аналогом деятельности по созданию информационных языков классификационного типа. Стоит только расширить сферу рубрицируемых источников, и эта деятельность становится работой по созданию информационно-поискового языка конкретной сферы знания. Указанная аналогия в то же время позволяет со всей очевидностью осознать, что использованию информационно-поисковых языков предшествует их конструирование на базе понимания и знания информационных документов. Учитывая же динамику любой сферы знания, следует признать, что создание таких языков – это не отдельные акты, а процесс.

Как уже говорилось, структурирование информационного материала при написании аналитического обзора сопровождается работой над языком будущего текста. Суть данной работы составляет установление зависимости между смыслами источников, их содержанием и формами выражения на элементарном уровне, то есть на уровне языка. В результате осуществляется работа по переводу высказываний, речевых единиц информационного документа в сообщения – речевые единицы информационного текста. Этот перевод базируется на понимании, что языковая специфика любого текста отражает многообразие научных подходов, с одной стороны, а с другой – является проявлением условности связи между смыслом и словом (одни и те же смыслы выражаются разными словами, и наоборот: разные смыслы могут быть выражены одними и теми же понятиями). Осознавая, таким образом, онтологичность и инструментальность языка, автор обзора создает язык данного информационного текста, который в какой-то мере может быть назван языком-медиатором. Этот язык

возник на основе согласования двух установок: создать общезначимый язык, отразить специфику подходов в разных документах. Стремясь к тому, чтобы в информационном языке преобладала общенаучная лексика, автор обзора особое внимание обращает на упорядочивание категориально-понятийного аппарата языка обзора, с указанием способов данного упорядочивания. Это значит, что демонстрируется перевод с языка-первоисточника на язык-посредник или наоборот. Способы такого перевода – цитирование, использование синонимов.

Описание работы над информационным языком аналитического обзора в указанном аспекте можно рассматривать в каком-то смысле как моделирование деятельности по разработке информационных языков дескрипторного типа. Упорядочивание логико-семантических связей между лексическими единицами этого языка (ключевые слова, категории и понятия) ведет к образованию тезаурусов, задающих и воспроизводящих семантическое поле конкретной научной (культурной) сферы.

Предложенный анализ исходных информационных понятий и процесса написания аналитического обзора позволяет сделать несколько выводов относительно специфики научно-информационной деятельности в целом.

Во-первых, использование и совершенствование информационных языков различных типов и видов в библиотечно-библиографической деятельности и при формировании машинных банков данных и знаний предполагает существование необходимости исследовательской деятельности по созданию этих языков.

Во-вторых, деятельность по созданию информационных языков, в свою очередь, опирается па понимание и знание информационных документов, которые в совокупности составляют любую научную сферу знания, в том числе и исследования культуры.

В-третьих, все виды научно-информационной деятельности взаимосвязаны друг с другом, взаимозависимы. Поэтому их можно рассмотреть как этапы одной научно-информационной деятельности.

В-четвертых, научно-информационная деятельность, являясь прикладной сферой какой-либо научной, культурологической, научно-технической, естественно-научной деятельности, содержит свой собственный исследовательский компонент. На деятельностном уровне этот исследовательский компонент – разработка информационных языков, языков-посредников на базе понимания конкретных сфер знания.

В-пятых, разработка информационных языков на базе понимания и знания является самостоятельной задачей в информационном исследовании. Совершенствование информационного обслуживания в системах «запрос – ответ» и информационного обеспечения в формах подготовки специализированной информации для перспективных, приоритетных научных исследований требует формирования и развития такого вида научно-информационной деятельности, как информационное исследование.

В-шестых, организация конкретных информационных работ облегчается накопленным опытом проведения исследований по естественно-научным, научно-техническим и культурологическим проблемам на основе разработки целевых программ. Образцы такого программирования в гуманитарной сфере представлены, прежде всего, программами конкретных социальных и социально-психологических исследований.

В-седьмых, постановка вопроса о необходимости выделения конкретных информационных исследований как одного из видов научно-информационной деятельности возникла в результате рефлексии над структурой современной информатики, определяемой как конкретная научная дисциплина. Становится очевидным, что в информатике сфера развития методик должна быть отделена от области теоретико-методологических размышлений. Соответственно структурирование науки в целом целесообразно подчинить исследованию информационных процессов, включая в них научно-информационную деятельность.

В-восьмых, представляется продуктивным изучение информационных процессов в их соотнесенности с динамикой культуры. Сейчас можно утверждать, что между этими двумя видами процессов существуют связи взаимозависимости и взаимоподчиненности. В определенном аспекте можно говорить, что информационные процессы являются механизмом динамики культуры. Этот способ анализа в работе назван социально-культурологическим аспектом научно-информационной деятельности.

В-девятых, информационно-научная деятельность, таким образом, может быть представлена как разветвленная и структурированная внутри себя. Ее специфику составляет не отсутствие собственно исследовательской области, а разноаспектность и многофункциональность прикладных задач.

Очевидно, что существует специфический информационный аспект в реализации задач по выявлению границ исследований культуры и внутренней структуры этой сферы знания. Реализация данного аспекта означает организацию соответствующего информационного исследования, а следовательно, разработку адекватной научной программы. По нашему мнению, центральное звено в этой программе – создание теории и методик экспликации экспертного гуманитарного знания [10].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Колосова О. Ю. Техника и социтехноприродные перспективы человечества // Гуманитар. и социал.-эконом. науки. 2006. № 3. С. 2–5.

2. Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М.: Наука, 1981. С. 95.

3. Бакланов И. С. Философия науки и научно-информационной деятельности. М.: Изд-во Моск. открытого социал. ун-та, 2002. 320 с.

4. Там же. С. 109–110.

5. Кедров Б. М. Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Наука, 1972. С. 385.

6. Гончаров В. Н. Информатизация российского образования как форма социально-культурной деятельности // Фундаментальные исслед. 2011. № 8-1. С. 17.

7. Информатика / под ред. К. В. Тараканова. М.: Книга, 1986. С. 5.

8. Михайлов А. И., Черный А. Н., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. М.: Наука, 1976. С. 73.

9. Информатика. С. 12.

10. Шрейдер Ю. А. ЭВМ как средство представления знания // Природа. 1986. № 10. С. 14–22.

УДК 101.1

НАРАСТАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

М. В. Гурин

GROWING MULTIPOLARITY TRENDS IN THE MODERN GLOBALIZED WORLD

M. V. Gurin

В статье автор с позиций социальной философии рефлексирует современные теоретические положения и фактический материал, касающийся развития современного мира, и приходит к выводу, что наиболее вероятной формой нового мирового порядка является многополюсная модель мироустройства. На это имеется целый ряд объективных причин. В основе современного полицентризма лежит, прежде всего, распадение мира на соперничающие зоны внутренней экономической интеграции: Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), зона «большой китайской экономики», Япония и группа стран АСЕАН. В формировании многополярности участвуют не только экономические, но и другие факторы.

The author from the standpoint of social philosophy analyzes contemporary theoretical concepts and factual material relating to the development of the modern world and concludes that the most likely form of new world order is a multipolar world order model. There are a number of objective reasons to this. At the heart of the modern polycentrism lies, first of all, splitting the world into rival zones of economic integration inside the European Union, the North American Free Trade Agreement (NAFTA), the zone of "great Chinese economy", Japan and the ASEAN group of countries. In the formation of multipolarity not only economic, but also other factors are involved.

Ключевые слова:
многополярность, глобализация, мировое сообщество, информационная революция, полицентризм.

Keywords:
multipolarity, globalization, international community, information revolution, polycentrism.

Большинство ученых, аналитиков и экспертов сходятся во мнении, что наиболее значимой тенденцией, которая будет определять развитие мирового сообщества в обозримом будущем, станет глобализация.

Глобализация общества представляет собой «долгосрочный процесс объединения людей и преобразования общества в планетарном масштабе. При этом слово ,,глобализация" подразумевает переход ко ,,всемирности", глобальности (globality). То есть к более взаимосвязанной мировой системе, в которой взаимозависимые сети и потоки преодолевают традиционные границы или же делают их несоответствующими современной действительности» [1].

Глобализация – процесс организации в единое системное целое множества пространств, возникающих в разное время, составлявших сферу международных

отношений и занимающих «нишу» от надгосударственного до глобального уровня современного мира [2].

Глобализация – сложный процесс, представляющий собой ускоряющиеся и увеличивающиеся в масштабах потоки идей, капитала, техники и товаров по всему миру, уже вызвавший кардинальные перемены в наших обществах. Он сблизил нас как никогда раньше. Большая открытость и динамизм содействовали повсеместному повышению жизненного уровня и значительному снижению нищеты. Интеграция позволила создать рабочие места за счет стимулирования эффективности производства, расширения возможностей и экономического роста. Информационная революция и более широкое взаимодействие культур и ценностей усилили тенденцию к построению демократических обществ, борьбу за права человека и основные свободы, одновременно содействуя развитию творчества и нововведений. Однако в то же самое время для некоторых рабочих, семей и общин глобализация сопровождается повышением риска, связанного с переменой мест и финансовой неопределенностью [3].

На основе данных определений сущности глобализации мы можем сделать вывод, что это достаточно сложное, многогранное и динамическое явление, затрагивающее политическую, экономическую, социальную, экологическую, культурную стороны жизнедеятельности не только отдельных государств, но и конкретного человека.

Анализ показывает, что глобализация общества обусловлена целым рядом факторов, наиболее важными из которых являются следующие. Технологической основой первой волны глобализации стали телефон и телеграф в сфере коммуникаций, строительство железных дорог, машинное, а затем поточно-конвейерное производство в промышленной сфере, а символом всего этого была Америка. Технологические сдвиги повлекли за собой экономические, выражавшиеся прежде всего в усилении экономической взаимозависимости и формировании единого мирового хозяйства. Именно технологические факторы, связанные с бурным развитием новых технологий и переходом развитых стран мира к новому технологическому укладу общественного производства, высокая эффективность новых технологий, которые позволяют не только производить высококачественную продукцию, но также и сокращать при этом затраты природных ресурсов, энергии и социального времени, делают эти технологии все более важной и привлекательной частью мирового рынка товаров и услуг [4]. Поэтому их распространение в глобальном масштабе и является одной из ведущих тенденций развития современной цивилизации. Прогнозы свидетельствуют, что в ближайшие десятилетия эта тенденция будет только усиливаться.

Революционная трансформация информационной сферы общества сегодня активно формирует не только новый, информационный образ жизни сотен миллионов людей на нашей планете, но также и новые представления о качестве жизни, которые во многом связываются с уровнем потребления информации и информационных услуг. Буквально на наших глазах стремительно возрастают коммуникационные возможности человека. Мобильная телефонная связь, электронная почта, глобальная информационно-коммуникационная сеть Интернет, спутниковое телевидение – все эти новшества быстро осваиваются культурой современного общества и, в свою очередь, трансформируют эту культуру, привнося в нее не только новые информационные средства и возможности, но также и новые этические и правовые

нормы, формируют новые ценности. Сегодня есть веские основания утверждать, что в ближайшие десятилетия на нашей планете будет сформирован принципиально новый тип цивилизации – информационная цивилизация [5].

Важно отметить, что в результате происходящей на наших глазах новой информационной революции мировое сообщество людей становится все более мобильным и информационно связанным. При этом радикально изменяются традиционные представления о пространстве и времени – этих двух важнейших категориях человеческого бытия [6].

Геополитические факторы глобализации общества связаны главным образом с осознанием необходимости консолидации мирового сообщества перед лицом общих угроз, противостоять которым достаточно эффективно можно лишь объединенными усилиями.

Таким образом, глобализация – естественно-исторический процесс. Она понимается как интернационализация жизни на нашей планете, движется вперед, преодолевая одни противоречия и порождая новые, ломая сопротивление одних социальных групп и выводя им на смену другие.

Одной из таких проблем является тенденция многополярности современного мира, порожденная процессом глобализации.

Многополярность – характеристика мирового порядка, при котором гегемонии одной сверхдержавы (в данном случае США) противостоят другие центры силы.

Зачатки идеи многополярного мира можно обнаружить еще в трудах немецкого геополитика К. Шмитта, утверждавшего, что наряду с противоборствующими атлантическим и континенталистским блоками (США и СССР) существуют массы целых континентов, «великие пространства», которые колеблются между исключающими друг друга противоположностями, внезапно подаваясь то в одну, то в другую сторону. К одному из таких великих пространств Шмитт относил, в частности, коммунистический Китай [7].

Сдвиг от бинарной (суша – море, коммунизм – либерализм) к полицентристской геополитической картине мира наметился в 1960-х годах. Одним из первых западных геополитиков, выявивших тенденции становления многополярного мира, был С. Коэн. Наряду с геостратегическими регионами – «зависящим-от-торговли морским миром» во главе с США и «евразийским континентальным миром» (СССР, Восточная Европа, Восточная Азия) – он выделял несколько больших геополитических территорий со сходными экономическими, политическими и культурными признаками, имеющих тенденции к интеграции и в потенциале могущих стать альтернативными центрами силы [8].

Одним из первых политиков, отказавшихся от традиционных политических дихотомий в пользу полицентристской трактовки мирового сообщества, стал Мао Цзэдун. Созданная им в середине 1960-х годов «теория трех миров» предполагала довлеющее положение двух сверхдержав и ведущую роль Китая в противостоянии им. К странам «первого мира» Мао относил сверхдержавы СССР и США. «Третий мир» – это государства Азии (кроме Японии), Африки и Латинской Америки. Ко «второму миру» относятся все остальные страны, в том числе капиталистические державы Европы, Япония, Канада, по мнению Мао Цзэдуна, готовые к открытому противостоянию США [9].

Несмотря на актуализацию темы полицентричности мира и даже ее известную

модность в 1960–1970-х годах, в академических кругах она не находила поддержки до середины 1990-х годов, когда у атлантистских сил начала проходить эйфория от победы в холодной войне.

Постепенно победные речи о «конце истории» и полной победе американского либерализма стали уступать место идеологическим построениям, в которых идея многополярности получила «второе дыхание». Нашла она отражение и во внешнеполитических доктринах.

По мнению большинства приверженцев концепции многополярности, с окончанием эпохи противостояния западного и восточного блоков мир возвращается к традиционной структуре отношений между национальными государствами, характерной для Вестфальской системы.

Многополярность предполагает замену американской гегемонии по крайней мере лидерством, когда лидер в своих действиях вынужден считаться с региональными центрами силы. Сторонники «цивилизационной» школы склонны рассматривать многополярность под углом зрения взаимодействия или столкновения культурно-цивилизационных блоков. По мнению профессора Гарвардского университета С. Хантингтона, видимая победа западного мира в конце 1980-х годов отнюдь не окончательна – ей предстоит противостояние с выходящими на мировую арену незападными цивилизациями, все более осознающими свою этническую, культурную и геополитическую самобытность. Наряду с западным миром (Северная Америка плюс Западная Европа) Хантингтон выделяет еще 7 основных цивилизаций: славяно-православную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, латиноамериканскую и африканскую [10].

А в концепции «комбинированной структуры» японского ученого А. Танака мир предстает в качестве трехслойной сферы и взаимодействие проекций ее пластов определяет фактическое положение мировых игроков по отношению друг к другу. По мнению Танака, мир имеет 3 экономических полюса (США, Германия и Япония) и 5 организационно-политических полюсов – США, Россия, Китай, Великобритания и Франция.

Озвученная в 1997 году концепция многополярности Цзян Цзэминя продемонстрировала, что уже в то время Китай не намерен был признавать гегемонию США в международной политике и не собирался отказываться от достижений 40 лет революции во имя утверждения в мире однополюсной системы. Эта концепция предполагала, что теперь главная роль в мировой политике будет принадлежать не одному-двум, а нескольким крупным государствам, которые не станут стремиться к гегемонии ни порознь, ни вместе. Данные государства не должны вступать между собой ни в какие союзы – именно это должно стать залогом баланса мировых сил. Каждое государство имеет право, исходя из своих национальных реалий, независимо и самостоятельно выбирать собственный путь развития.

Существует также интересная концепция, согласно которой многополярность должна формироваться не на пространственно-территориальной близости. Между Индией и Китаем или Европой и Арабским миром и прочими за тысячи лет истории накопились непреодолимые противоречия. Поэтому равновесной и устойчивой будет система, в которой все дружат «через соседа», союзники не имеют общих границ, а следовательно, и острых противоречий. В мире есть 9 больших культурно-географических пространств (Северная Евразия, она же Россия, Индия, Китай,

Северная Америка, Латинская Америка, Черная Африка, Европа, Австралия и Арабский мир), но мир со столькими полюсами силы мало отличим от хаоса. Если же сделать 3 союза, соединив пространства «через соседа», то получится 3 устойчивых, взаимодополняющих и ограничивающих амбиции друг друга коалиции. В первую входят Россия, Индия и Латинская Америка, во вторую – Северная Америка, Арабский мир и Австралия, в третью – Китай, Европа и Черная Африка [11].

Продолжением этой идеи можно считать концепцию А. Дугина, который утверждает, что многополярность есть не что иное, как продление «геополитики-2» («геополитики Суши») в новую среду, характеризуемую наступлением глобализма (как атлантизма) на качественно новом уровне и в качественно новых пропорциях. Никакого другого смысла у многополярности просто не может быть [12].

«Геополитика Суши» и ее основные векторы, спроецированные на современные условия, являются осью многополярной теории, на которую нанизываются все остальные аспекты этой теории. Данные аспекты составляют философскую, социологическую, ценностную, экономическую, этическую стороны означенной теории. Но все они так или иначе сопряжены с осознанной в углубленно социологическом ключе структурой «цивилизации Суши» и с прямым смыслом самого понятия многополярности, которое отсылает нас к принципам плюральности, множественности, неуниверсальности, дифференцированности.

В теоретическом плане существуют и другие подобные концепции современного мироустройства. Ряд неолибералов считают, например, что современный мир похож на Интернет со множеством узлов и связей.

Другой подобной теорией является идея полицентризма. Полицентризм (англ. polycentrism; от др.-греч. πολύς – ‘многий, многочисленный’ + лат. cetrum – ‘центр, средоточие’) – принцип и основная структурная особенность геополитического устройства современного мира [13].

Многополярная структура мира формируется под воздействием множества геополитических факторов, в числе которых видная роль принадлежит экономике. Полицентризм предполагает наличие в системе международных отношений нескольких наиболее сильных государств или блоков, взаимоотношения которых определяют развитие мировой политики.

Концепция «многополярной глобализации» констатирует наличие определенного баланса сил между государствами. Она направлена на достижение равноправия государственных, религиозных, национальных, культурных и цивилизационных форм и ценностей. Проект «многополярной глобализации» предусматривает сотрудничество не только стран «Большой восьмерки», но и других стран.

В современном мире произошло расширение спектра геополитических критериев доминирования. Например, военный потенциал больше не является непременным атрибутом мирового центра силы или главным показателем сверхдержавности. Многополюсный миропорядок характеризуется рядом особенностей:

- внутри современных мировых полюсов явно выделяются «центры притяжения» (Япония, США, Китай, Германия), между самими полюсами нет четких и конфронтационных границ;
- в условиях полицентризма увеличивается число участников

международных отношений, претендующих на первые роли, умножаются их индивидуальные интересы, а значит, возрастает количество поводов для конфликтов меньшего размаха, но по широкому кругу вопросов;

- с увеличением количества силовых центров появляются возможности для новых геополитических комбинаций.

Все эти теории проводят мысль о том, что возможной формой нового мирового порядка является многополюсная модель мироустройства. Именно к такой модели в настоящее время, по мнению многих специалистов, движется человечество. На это имеется целый ряд объективных причин. Как отмечает один из экспертов, «в основе современного полицентризма, идущего на смену геополитическому противостоянию Восток – Запад, лежит, прежде всего, распадение мира на соперничающие зоны внутренней экономической интеграции: Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), зона ,,большой китайской экономики", Япония и группа стран АСЕАН».

В формировании многополярности участвуют не только экономические, но и другие факторы. Ведь, по сути, каждая глобальная экономическая зона составляет также этноцивилизационную и культурную общность. Разрушение биполярной модели мироустройства вызвало, вопреки ожиданиям западных политиков, не стремление к единому центру, а как раз наоборот – активное возвращение к собственным цивилизационным корням. В последнее время по всему миру отчетливо проявляется тенденция к сближению государств, входящих в единые культурно-цивилизационные общности.

Многополярность становится реальностью современной мировой системы. Углубляется объединение Европы на основе Маастрихтского договора. Недавно на конференции в Анкаре была создана так называемая исламская восьмерка из числа ведущих стран исламской цивилизации. Усиливается интеграция государств АСЕАН, все больше стран Восточной Азии вовлекается в эту организацию.

Происходит усиление и отдельных государств, в основном таких, которые сами по себе есть целые цивилизации или их крупнейшие представители. Экономическими и политическими тяжеловесами становятся Китай и Индия: золотовалютные резервы первого превышают триллион долларов, вторая усиленно развивает сектор высоких технологий. Обе страны, открыто являющиеся ядерными державами, совершенствуют военно-морской флот. Согласно прогнозам Национального совета по разведке (научный центр правительства США), к 2025 году Пекин и Дели выйдут по своему экономическому развитию соответственно на второе и четвертое места на планете. Все серьезнее заявляет о себе Бразилия. Такие темпы роста знаменуют начало многополярной эпохи в современном мире.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В современном мире происходит глобализация, или процесс интеграции государств и народов в разных областях деятельности. Основные причины глобализации: переход от индустриального общества к информационному, к высоким технологиям; переход от централизации экономики к ее децентрализации; переход от национальной экономики к мировой; переход от альтернативного («или/или») к многообразию выбора; использование новых коммуникационных технологий: Интернета, спутникового телевидения. Современный мир во всем своем многообразии един, и его части тесно взаимосвязаны. Но в то же время сейчас мультиполярность, или многополярность,

становится ключевой концепцией для понимания новой глобальной ситуации. Теории многополярности отражают объективное положение вещей в современном мире, когда возрастание удельного веса Соединенных Штатов в мировых делах после окончания холодной войны в определенной степени нивелируется тенденциями к усилению самостоятельности региональных центров силы, что в первую очередь связано с экономическим и культурным развитием современного Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фрост Э. Л. Что такое глобализация? // Государственная служба за рубежом: глобализация, проблемы, перспективы: реф. бюл. М.: Изд-во РАГС, 2002.
2. Косолапов Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭИМО. 2005. № 6. С. 11.
3. Хозин Г. Какими быть международным отношениям в XXI веке? // Междунар. жизнь. 2002. № 2. С. 76.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.
5. Колин К. К. Информационная цивилизация. М.: Изд-во Ин-та проблем информатики РАН, 2001. 112 с.
6. Колин К. К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // Alma mater (Вестн. высш. школы). 2002. № 8.
7. Бажанов Е. Неизбежность многополюсного мира // МЭИМО. 2004. № 2.
8. Коэн С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.
9. Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М.: Изд-во РАН, Ин-т Дальнего Востока, 2001. С. 22.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
11. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2006.
12. Дугин А. Г. К теории многополярного мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.socir.ru/content/dugin-ag-k-teorii-mnogopolyarnogo-mira.
13. Полицентризм [Электронный ресурс]. URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http.

УДК 165.18

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Е. А. Дороднов

ONTOLOGICAL ASPECT IN SCIENTIFIC AND HISTORIC STUDY OF UNREALIZED CAPABILITIES

E. A. Dorodnov

Статья посвящена рассмотрению важнейшей проблемы онтологического статуса нереализованных исторических возможностей. Автором выделяются онтологические основания этого сложного и неоднозначного предмета, позволяющие дать ответ на вопрос о возможности научно-исторического подхода в его исследовании.

The article deals with the crucial problem of the ontological status of unrealized capabilities in history. The author points out ontological aspects of this complex and controversial subject, allowing to answer the question about the possibility of scientific and historical approach in its study.

Ключевые слова:
небытие, бытие, нереализованные возможности, действительность, возможность, синергетика, вариативность, флуктуация, точка бифуркация, выбор.

Keywords:
nonexistence, being, unrealized capabilities, reality, possibility, synergy, variability, fluctuation, point of bifurcation, choice.

В традиционной исторической науке является достаточно распространенной идея о некоторой константности исторического процесса, ввиду воплощения только одного варианта развития действительности. Соответственно и отношение к вариативности истории сложилось достаточно критическое. Утверждается, что она заключается только в природе познавательной деятельности историка, т. е. варианты развития существуют только в познании истории, но не в самой истории. Поэтому «историк... обязан объяснить, почему в такой-то ситуации победил такой-то вариант. Просчитывать возможные, но нереализованные последствия других вариантов и их проявления – не дело историка... мы имеем дело с объективной реальностью прошлого, а не с нереализованными возможностями прошлого...» [1].

Однако в таком случае, отказываясь использовать варианты развития прошлого в качестве инструмента его познания, мы исключаем возможность усвоения уроков истории. «А ведь именно в уроках истории, если верить учебникам, заключается суть и смысл занятия историей. И если то или иное событие могло произойти только так, как произошло, то какой отсюда урок?» [2]. Именно целостный взгляд на прошлое дает возможность «…делать соответствующие выводы из его опыта» [3] и получать знание, чего не позволяет линейное, инвариантное исследование исторического процесса. А в современном мире, не дающем права на просчет, действовать не

системно, по принципу «проб и ошибок» просто опасно, следовательно, нам необходимо извлекать знание из опыта прошлого.

К тому же в настоящее время все чаще делаются попытки ревизии тех или иных исторических событий и процессов. При этом охотно эксплуатируется альтернативный взгляд на них. В результате возникают дилетантские ретроальтернативные высказывания, гипертрофирующие те или иные категории в угоду выбранной идеологической и политической установке. Например: «Россия победила в Отечественной войне 1812 года только благодаря страшному морозу. Если бы не „генерал мороз", исход был бы совершенно другой». Нечто подобное можно встретить и в рассуждениях относительно Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в этом случае одна из целей – «используя сослагательное наклонение... подкорректировать истоки Второй мировой войны, и тем самым снизить международный авторитет России, ассоциировать и закрепить в сознании людей ее внешнюю политику с понятием агрессии, реанимировать тезис о советской военной угрозе» [4]. И это только несколько примеров. А в некоторых случаях идут дальше, смело переписывая всю историю человечества, исходя из сомнительных предположений.

Таким образом, необходимо глубже изучать прошлое, пытаться искать в нем скрытый смысл. Недостаточно просто описывать и давать характеристику событиям, нужно извлекать из них прагматическое знание, не позволяя искажать историческую реальность. Следовательно, необходим научный подход в исследовании нереализованных исторических возможностей, для обоснования которого требуется выделение онтологических оснований. Все это определяет актуальность выбранной проблематики и выводит вопрос о научной составляющей исследования несвершившегося в истории на первый план.

Итак, целью работы является ответ на вопрос: «Могут ли нереализованные исторические возможности быть объектом научно-исторического познания?» Для этого необходимо решить задачу по выявлению их онтологических оснований, т. е. объективной базы, являющейся ключевым, смыслообразующим фактором для исследования этого сложного и неоднозначного предмета.

Бесконечное разнообразие бытия, влекущее за собой альтернативность исторических процессов, порождает нереализованные исторические возможности, поэтому, говоря о них, прежде всего подразумевают некоторую совокупность исторических альтернатив. Однако категория «нереализованные возможности» требует дополнительного уточнения. В рамках заявленной тематики работы нереализованные исторические возможности – это ретроальтернативные историко-экономические возможности, умственные (мысленные) эксперименты, опирающиеся на условное контрфактическое предположение. Имеется в виду анализ развития и влияния на исторический процесс историко-экономических факторов, пошедших по иному, чем сложилось, сценарию.

Приоритет отдается историко-экономическим факторам по нескольким причинам.

Во-первых, история, являясь по своей сути междисциплинарным знанием, включена в общенаучный процесс математизации именно посредством социально-экономического знания. Это связано со стремлением преодолеть методологический кризис и кризис социальной функции истории, используя опыт дисциплин, имевших схожие проблемы.

Во-вторых, нереализованные в истории возможности – это достаточно объемное понятие, требующее локализации. Применять для их исследования исключительно естественный язык не эффективно, однако формализовать возможно далеко не все, в этом отношении нереализованные историко-экономические возможности наиболее приемлемы.

В-третьих, нельзя недооценивать значимости классических научно-исторических подходов исследования исторического процесса и влияния на него других факторов: этнонациональных, климатических, культурных, политических и так далее (как реализованных, так и нет). Однако степень их математизации (в сравнении с историко-экономическими факторами) ограничена, а иногда и вовсе отсутствует (или не имеет смысла). К тому же часто именно они вызывают соблазн вольной трактовки исторических событий.

В-четвертых, нам представляется, что именно экономические факторы если не абсолютно точно детерминируют развитие исторического процесса, то в значительной степени определяют его тенденции, главные направления и позволяют по-новому, более объективно оценивать как прошлое, так и будущее.

В-пятых, нереализованные в истории возможности – это достаточно неоднозначная категория, которую зачастую применяют для произвольного перекраивания исторической реальности и ревизионистского, субъективного взгляда на исторический процесс. Элиминировать эту проблему помогает качественная математизация данной категории, которая возможна только в рамках историко-экономической проблематики.

Нереализованные возможности относятся к отрицательной (негативной) категории бытия, но это не означает их разрыв с позитивным (т. е. реализовавшимся) бытием, а, наоборот, предполагает их диалектическую взаимосвязь в рамках единого, всеобщего понятия бытия. «Прошлое непрерывно организуется с настоящим, прошлое может ,,возрождаться", преследовать нас, существовать для нас» [5].

С первых шагов зарождавшейся философской мысли категория «бытие» служила логическим средством представления мира как целостного образования. Таким образом, философский анализ бытия не может быть сведен лишь к обобщенному описанию разных типов наличной реальности. Необходимо учитывать категории «ничто» и «небытие», которые так же реальны, как и само бытие.

Однако в истории философии данные понятия нередко сводят к абсолютному отсутствию бытия, т. е. полному лишению небытия статуса существования. «Есть бытие, а небытия вовсе нету» [6]. В этом случае картина всеобъемлющего бытия представлялась статичной и не законченной. Именно небытие является необходимой, определяющей частью бытия. И если частное проявление небытия можно представить, то абсолютное небытие, т. е. всякое отсутствие бытия как такового, представить или помыслить вряд ли возможно, а тем более исследовать. «Не допускай свою мысль к такому пути изыскания. Небытия ни познать… не сможешь, Ни в слове выразить» [7]. Все это не позволяет получить целостное представление о бытие.

Горгий (и другие софисты), а также Платон предлагали рассматривать небытие как инобытие бытия, подразумевая «не что-то противоположное бытию, но лишь иное, лишь указывающее на иное по отношению к бытию» [8]. Таким образом, отсутствие бытия не является абсолютной пустотой, а есть некоторый процесс отрицания бытия, который представляет собой переход в иное бытие посредством

осуществления отношения различия между конечными и единичными нечто. Другими словами, «небытию предшествует бытие и следует за ним, процесс самопроизвольной аннигиляции ничто приводит естественным путем к образованию мира бытия» [9]. Таким образом, «бытие существует в форме нечто на основе небытия и в единстве с ним» [10]. Небытие не тождественно, но и не противоречит бытию. Исходя из этого, неверно отождествлять с абсолютным небытием нереализованные исторические возможности, так как, являясь частью небытия (инобытия), они включены в бытие.

В таком случае необходимо понять, посредством чего они включены в бытие. В рамках философии истории данную функцию реализуют категории «действительность» и «возможность». Первая выступает как реализованное на практике прошлое. Вторая выражает наличие в историческом процессе периодов, когда имели место несколько направлений его дальнейшего развития. В общем представлении возможности можно классифицировать на абстрактные, абсолютные (фантастические), относительные, формальные и реальные. Однако «наука стремится свести любые изучаемые возможности к типу реальных» [11], т. е. тем возможностям, которым предстоит осуществиться на основе доминирующих в данной системе объективных законов, тенденций. Реальные возможности играют главную роль в определении онтологии нереализованного. С одной стороны, они представляют собой объективную форму существования действительности, а с другой – потенциальную действительность, которая еще не реализована. Следовательно, являясь дуалистической формой действительности, реальные возможности выступают онтологическим основанием нереализованного, предполагая объективность и поливариантность исторического процесса.

Данное утверждение верно, исходя из трансляции определенной совокупности возможностей в действительность, т. е. перехода количества в качество. Поскольку действительность – это одна из реализовавшихся возможностей (что не исключает обратной трансформации), постольку возможность выступает онтологической основой нереализованного в истории, определяя объективный, вариативный характер исторического процесса, и предполагает наличие в истории периодов, когда одновременно существовало множество вариантов дальнейшего развития.

Все это позволяет говорить о научно-историческом подходе в исследовании нереализованного. В настоящее время наиболее продуктивно он осуществляется в рамках теории самоорганизации (или синергетике), которая открывает «новые перспективы научного осмысления социально-исторического развития человечества» [12]. В частности, признается, что вариативность является свойством объективной реальности.

В рамках синергетического подхода в общественной системе последовательно сменяют друг друга два режима развития: равновесный и диссипативный (от лат. *dissipatio* – ‘рассеиваю, разрушаю’). Если для первого характерна оторванность от временных характеристик объекта, обратимость, инвариантность и детерминизм, то для второго ключевым признаком является хаос и энтропия. Причем имеется в виду хаос не в смысле регрессивного свойства, инициирующего деградацию, а в смысле динамичного, направленного развития от хаоса к порядку. «В случае отсутствия состояния равновесия необратимость и возникновение энтропии могут быть определены как источник порядка... Нам необходимо освободиться от идеи, что деятельность, порождающая энтропию, равнозначна деградации» [13].

Основной причиной хаоса и отсутствия порядка является случайность, порождающая флуктуации (т. е. спонтанные, необратимые изменения), что и формирует вариативность системы. Следовательно, равновесные системы являются инвариантными, а диссипативные – вариативными.

Особое значение имеет сам процесс перехода равновесной системы в диссипативную, в нем проявляется важнейшая характеристика – «точка бифуркации» (эквивалентные понятия: «историческая развилка», «узловая точка истории», «критическая точка истории»). В обыденной речи «„бифуркация" означает развилку или раздвоение (от лат. *bi* – 'двойной' и *furka* – 'развилка')» [14]. Бифуркационную фазу развития можно определить как исчезновение прежнего системного качества при несформированности нового. В этих условиях возникает «карта возможностей» системы, представляющая набор потенциальных путей выхода на новые системные качества. Она уникальна и формируется из совокупности возможных, но не реализованных вариантов развития сложившейся реальности, т. к. реализация одной возможности переводит в статус нереализованных остальные. Однако вариативность для точки бифуркации является объективным состоянием, отражающим действительность.

Таким образом, вариативность, характеризуемая нереализованными в прошлом возможностями, является объективной характеристикой диссипативной системы. Ее исследование позволяет изучать не абстрактный, субъективный, воображаемый процесс, а одно из свойств действительности. Более того, это устанавливаемое свойство, имеющее эмпирическую основу. Она проявляется в выборе одной возможности из множества под действием любого случайного (порой незначительного) фактора, и этот выбор мы можем наблюдать.

Механизм реализации одной возможности связан с понятием выбора, который делают люди и/или социальные группы. Следовательно, существует две (как минимум) распространенные точки зрения на эту проблему. Согласно первой, выбор (сознательно или бессознательно) осуществляют крупные социальные объединения: государства, политические и социально-экономические объединения, союзы, фракции и т. д. Однако существует и другое мнение, в соответствии с ним определяющую роль в выборе исторического пути играют отдельные личности, воля которых подчиняет себе судьбы мира. Необходимо отметить, что в большей степени проблема исторического выбора является психологической проблемой. Тем не менее нам важен другой момент, а именно трансляция вариативного состояния системы в инвариантное, являющаяся продуктом реализации исторических возможностей и осуществляемая благодаря выбору, сделанному реальной исторической личностью и/или крупной социальной группой, существовавшей в реальности. Таким образом, факт выбора той или иной возможности из ряда доступных (вне зависимости от понимания всех вариантов современниками) реальными лидерами и/или социальными группами также является онтологическим основанием несвершившегося в истории.

Также в рамках синергетического подхода к научно-историческому анализу несвершившегося важной является проблема дискретности во взаимодействии равновесных и диссипативных систем. По мнению ряда ученых, вариативность носит локализованный (точечный) характер. Соответственно идея дискретности исторического процесса предполагает чередование периодов равновесного состояния и диссипативного состояния системы. Иными словами, в «кризисной точке»

исторического развития имеется множество вариантов, а за ней существует только реализовавшийся вариант, знаменующий период устойчивого развития.

Однако утверждать, что в этом случае «система подчиняется детерминистическим законам до следующей бифуркации» [15], не совсем корректно. Нам представляется, что это некий относительно устойчивый коридор возможностей. Определяет его общая линия, находящаяся в мейнстриме (от англ. *mainstream* – 'основное течение') социально-экономического развития. Такое утверждение вытекает из принятого в данной работе определения нереализованных исторических возможностей и подтверждает, что «немало мостиков связывает историю с экономикой как наукой, она имеет дело с более твердыми показателями, получает оттуда проверенный инструментарий» [16]. В постбифуркационный период «...инвариантным является исторический процесс в своей главной тенденции, выражающейся в неодолимости экономического и социального прогресса общества» [17], что не означает окончательного исчезновения отвергнутых возможностей. К тому же в этот период действуют различные факторы, определяющие умеренную (в некотором смысле прогнозируемую) дискретизацию ведущей тенденции, однако они не способны поставить вопрос о ее кардинальном изменении, т. е. инициации новой кризисной точки.

Таким образом, «...синергетика позволяет преодолеть ограниченность классических подходов в истории. Она сочетает идею эволюционизма с идеей многовариантности исторического процесса» [18]. Это характеризует нереализованные исторические возможности не как остаточное явление, оседающее в глубинах мыслей исследователя, а как полноценный элемент формирования (с различной степенью аутентичности мысленному варианту) реальности, который можно и необходимо исследовать.

В результате нам удалось определить понятие «нереализованные возможности в истории», скорректировать и обосновать необходимость его сведения к историко-экономической проблематике.

Было выяснено, что отсутствие бытия не предполагает абсолютной пустоты, а есть некоторый процесс отрицания бытия, представляющий собой переход в иное бытие благодаря осуществлению отношения различия между конечными и единичными нечто. Соответственно нереализованные исторические возможности не тождественны абсолютному небытию, а являются частью бытия и включены в него посредством категорий «действительное» и «возможное». Это позволило сформулировать следующие онтологические основания нереализованных исторических возможностей. Во-первых, реальные возможности, являясь дуалистической формой действительности, обуславливают объективность и поливариантность исторического процесса, т. к. действительность – это одна из реализовавшихся возможностей. Во-вторых, вариативность, характеризуемая нереализованными в прошлом возможностями, является свойством объективной реальности. В-третьих, факт выбора той или иной возможности осуществляется реальными лидерами и/или социальными группами, т. е. реальными людьми, способными бороться за воплощение в жизнь своих идей или убеждений.

Таким образом, выделенные онтологические основания позволяют положительно ответить на вопрос о научном статусе объекта нереализованных возможностей в исторической науке. Это открывает (в рамках синергетического

подхода) новые пути в его исследовании и качественной интеграции в современное научно-историческое познание.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сахаров А. М. Методология истории и историография (ст. и выступления). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 64.

2. Бородкин Л. И. Динамика социальных перемещений в 1920-е гг.: результат имитационного моделирования // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: материалы V Всесоюз. источниковедческой конф. Киев: Изд-во КГУ им. Т. Г. Шевченко, 1990. С. 33–49.

3. Гобозов И. А. Введение в философию истории. М.: ТЕИС, 1993. С. 17.

4. 50 лет со дня начала Великой Отечественной войны: материалы воен.-ист. конф. // Воен.-ист. журн.: спец. вып. 2001. С. 12–19.

5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 139.

6. Парменид. О природе // Антология мировой философии: в 4 т. Философия древности и Средневековья / под ред. В. В Соколовой. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1. 576 с.

7. Там же.

8. Гартман Н. Познание в свете онтологии // Западная философия: итоги тысячелетия. 1997. С. 331.

9. Солодухо Н. М. Отношение бытия и небытия как исходная философская проблема. Казань: Изд-во Казан. технол. ун-та им. А. Н. Туполева, 1996. С. 57.

10. Там же.

11. Лезгина Л. М. Детерминация прогнозирования. Л.: Наука, 1983. С. 16.

12. Дебердеева Т. Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2003. С. 3.

13. Пригожин И. Р. Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 3–19.

14. Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 1. С. 3–129.

15. Рузавин Г. И. Неопределенность, вероятность и прогноз // Вопр. философии. 2005. № 7. С. 65–78.

16. Круг идей: модели и технологии исторической информатики: тр. III конф. АИК / под ред. Л. И. Бородкина, В. С. Тяжельниковой. М.: Изд-во Мосгорархива, 1996. С. 240.

17. Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопр. ист. науки. 1974. Вып. 9. С. 3–4.

18. Гомаюнов С. А. От истории синергетики к синергетике истории // Обществ. науки и современность. 1994. № 2. С. 99–106.

УДК 101.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Р. В. Икаева

THEORETICAL CONCEPTS OF SOCIAL COMMUNICATION

R. V. Ikaeva

Статья посвящена проблеме социальной коммуникации в разных аспектах теорий социальных наук. Автором осуществляется анализ теорий и концепций ряда ученых, как отечественных, так и зарубежных, рассматривается проблема сущности социальной коммуникации как общего философского понятия, необходимого в различных областях современного гуманитарного знания.

The article is dedicated to the problem of social communication in various aspects of social science theories. There is a review of theories and concepts of some scientists, both domestic and foreign, addressed to the problem of the social communication essence as a common philosophical concept which is necessary in various fields of contemporary humanities.

Ключевые слова:
субъект, коммуникация, реципиент, обратная связь, символический интеракционизм, социология, мотивация, статус, структурализм.

Keywords:
subject, communication, recipient, feedback, symbolic interactionism, sociology, motivation, status, structuralism.

В период становления информационного общества особую актуальность приобретают вопросы теории и практики коммуникации, в том числе одного из ее способов – рекламы; наряду с другими средствами коммуникации реклама обеспечивает многоканальность и вариативность коммуникационного процесса.

Представляется, что вопросы социальной коммуникации получили наиболее подробную разработку в пределах науковедения, где количественно и качественно рассмотрены такие формы общения, как публикация, дискуссия, интеллектуальное влияние и т. д. С этих позиций научная коммуникация представляет собой функциональную подсистему в рамках системы движения теоретической информации для получения нового знания.

Разные аспекты коммуникации изучаются различными науками. В настоящее время существуют многообразные концепции и дефиниции по данной проблеме. Рассмотреть их в рамках одной статьи не представляется возможным. Остановимся лишь на тех из них, которые наиболее тесно связаны с рекламой как со способом социальной коммуникации.

В философском словаре дается следующее определение коммуникации: «Коммуникация (от лат. comraunicatio – ‘сообщение, передача’), общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.; передача того или иного содержания от

одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях» [1]. В этом определении коммуникация представляет собой социальный процесс, отражающий общественную структуру и выполняющий в ней связующую функцию.

В современной науке наиболее популярной стала концепция символического интеракционизма, разработанная в социальной психологии Т. Шибутани. В основе данной концепции лежит убеждение, что «человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации», поступок индивида в ней выступает «как результат взаимных уступок людей, зависящих друг от друга и приспосабливающихся друг к другу», а субъект – «как формирующийся в процессе повседневного взаимодействия с окружающими». В силу этого, как считает Т. Шибутани, внимание исследователя «должно быть сосредоточено на взаимном обмене, который происходит между человеческими существами, поскольку они вступают в контакт друг с другом» [2].

Представляется, что в концепции данного автора проявляются и сильные, и слабые стороны интеракционистской трактовки человеческого общения. Заметим, что наиболее сильным аспектом является то, что в ней отрицается абстрактно-индивидуалистическая трактовка человека, его сознания и поведения; слабым – то, что взаимодействие людей сводится к их взаимному приспособлению, «уступкам», «зависимостям», то есть выражает отношение человека к другому не как к субъекту, а как к объекту. По утверждению Т. Шибутани, «фактически при всех групповых действиях участники выступают одновременно в двух качествах: как исполнители конвенциональных ролей и как неповторимые человеческие личности», и в силу этого природа их «взаимного притяжения или отталкивания в каждом случае различна», будучи обусловленной индивидуальными особенностями партнеров. Отсюда он приходит к выводу о необходимости отличать «конвенциональные роли» и «межличностные роли»: первые «стандартизованы и безличны», вторые «целиком зависят от индивидуальных особенностей участников, их чувств и предпочтений» [3]. Ему принадлежит также идея о том, что в действительных человеческих отношениях взаимодействуют две мотивационные системы, но данная идея остается у Т. Шибутани абстрактным тезисом, поскольку само соотношение этих двух форм человеческого взаимодействия не связывается с природой социальных отношений, в системе которых оно формируется и развивается.

Заметим, что наиболее широкую интерпретацию проблематика коммуникации получила в теории К. Черри. Он дает следующее определение: «Коммуникация является по сути своей общественным делом. Люди развернули множество различных коммуникативных систем, которые сделали возможной их общественную жизнь – общественную жизнь не в смысле жизни группами для охоты или войн, но в смысле, неизвестном животным. Наиболее значительной из этих коммуникативных систем является, конечно, человеческая речь и язык», играющий огромную роль в разных сферах социальной жизни, позволяя людям понимать друг друга и объединяться. Понятие «,,коммуникация", – продолжает свои рассуждения К. Черри, – означает буквально ,,участие", и именно в той мере, в какой вы и я в данный момент находимся в состоянии коммуникации, мы соучаствуем. Мы образуем не столько союз, сколько единство. В той мере, в какой мы друг с другом соглашаемся, мы говорим, что мы одного мнения или же что мы понимаем один другого. Это и есть единство» [4].

В силу этого, по мнению Черри, группу людей, общество, культуру правомерно определить как «людей в состоянии коммуникации». Кроме того, коммуникация предполагает отношение между передаваемым стимулом и вызываемыми ответами, а также определение характера данных стимулов с целью отграничить человеческий язык от коммуникативных средств, свойственных животным [5]. Заметим, что в данном определении отождествляются понятия «коммуникация» и «общение». При этом теоретический анализ коммуникации сводится к вопросу знаковых систем, с помощью которых она осуществляется. Коммуникация предполагает передачу любой информации, в том числе и рекламной, любых сообщений, и поэтому проблема состоит только в способах кодирования и трансляции.

Говоря о понятиях «коммуникация» и «общение», следует остановиться также на теории коммуникации, разработанной Т. Парсонсом. При анализе структуры общества он выделяет специальный элемент – «коммуникативный комплекс», разъясняя, что слово «коммуникация» употребляется «в более широком смысле, чем обычно» – речь идет именно об общении между личностями, об их взаимодействии. Уточняя свою позицию, Т. Парсонс объясняет, что общение выступает как передача информации познавательного порядка, не имеющая целью воздействовать на поведение личности, подобно передаче мнений или внушению. В этой связи он пишет: «Содержание коммуникации, ,,посланий", всегда ,,символично" и в известном смысле ,,культурно", даже деньги как средство общения становятся его ,,символическим механизмом", особого рода ,,языком"» [6]. Как видно, общение сводится к передаче разного рода информации, служащей не духовному единению людей, а управлению действием человека.

По мнению А. В. Соколова, «коммуникация есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» [7]. Но здесь ничего не говорится о различии между понятиями «коммуникация» и «общение». Попытка разграничить эти понятия содержится в философском энциклопедическом словаре [8]. В нем отмечается, что коммуникация может быть отождествлена с общением либо представлена его составляющей частью, понимаемой как передача того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях.

Подвергая критическому анализу подобный неопределенный взгляд, М. С. Каган проводит грань между общением и коммуникацией. По его мнению, данные понятия выражают две разные формы связи человека с человеком, общества с обществом, культуры с культурой. В этой связи он отмечает, что коммуникация есть только «информационный процесс – передача тех или иных сообщений, в отличие от общения, которое имеет практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный характер» [9]. Вместе с тем М. С. Каган подчеркивает, что в этих процессах различна природа самой связи взаимодействующих аспектов, ибо коммуникация есть информационная связь субъекта с тем или иным объектом, однонаправленный процесс, в то время как общение выражает взаимодействие субъекта с субъектом.

С нашей точки зрения, понимание трактовки означенных понятий усложнено отсутствием четкого и целостного представления о природе информации в современном познании. В этой связи заметим: несмотря на то, что информация – одно из основных понятий современной философии и науки, его однозначное определение

отсутствует; этимологически «информация» (лат. informatio – ‘разъяснение, изложение, осведомление’) – слово обыденного языка, относящееся к познавательно-коммуникативной сфере человеческой деятельности и обозначающее совокупность сведений о каких-либо событиях или фактах. Из данного положения вытекает, что информация в обыденном смысле есть, прежде всего, конкретное содержание, однако именно эта – содержательная – сторона информации остается в современной науке до настоящего времени наиболее неясной.

В этой связи заметим, что впервые понятие «информация» было использовано в математике и технических науках, где оно выражает меру количественного измерения сведений, распространяемых по техническим каналам связи безотносительно к содержанию этих сведений. С этих позиций информация есть сведения, сообщения, а количество информации есть мера неопределенности, устраняемая в результате получения информации. Именно в такой интерпретации информация выступает в кибернетической модели коммуникации К. Шеннона, а также в культурологической концепции А. Моля, в системной концепции общества Н. Лумана. В отличие от них А. В. Соколов считает, что информация – это умственный конструкт, связанный с информационным методологическим принципом научного познания, и отмечает, что общепринятая дефиниция информации в общественных науках как знания, сообщения, сведений сопоставима с термином «смысл» [10]. В этом плане понятие «информация» оказывается ключевым для социального познания.

Отдельные авторы считают, что в «информационном обществе» существует особый тип цивилизации, идущей на смену индустриальной, где обработка информации определяет современный способ производства. С этих позиций коммуникация и информация получают технологическое толкование как научно-информационный комплекс, включающий информационные технологии, научно-техническую информацию, а также специалистов – носителей компетентных знаний.

Так, например, Ч. Кули видит в коммуникации «механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие общественных отношений – все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени». С его точки зрения, «коммуникация включает в себя мимику, общение, жесты, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени» [11]. По мнению Ч. Кули, с рождением внешнего мира возникает система стандартных символов, предназначенная только для передачи мыслей, с нее начинается традиционное развитие коммуникации.

Другие авторы стремятся дать определение коммуникации как процесса. Так, например, Г. Г. Почепцов выдвигает следующее определение: «Под коммуникацией мы будем понимать процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы. Исторически коммуникацией было именно это: принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существенен переход от говорения Одного к действиям Другого. Именно ради этого реализуется передача значений между двумя разными автономными системами, которыми являются два человека» [12].

Из сказанного вытекает, что в современной науке коммуникация исследована в разных аспектах, где особое внимание уделяется такому ее качеству, как взаимодействие. При этом к структуре коммуникации традиционно относят: двух

партнеров-коммуникантов, обладающих сознанием и знающих нормы некоторой семиотической системы, например, языка; обстановку, которую они стремятся осмыслить и понять; тексты, проявляющие смысл ситуации в языке или элементах данной семантической системы; мотивы и цели, обуславливающие направленность текстов, т. е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу.

Проблемы теории и практики рекламы неразрывно связаны с феноменом массовых коммуникаций. В современной науке существуют различные точки зрения на проблему массовых коммуникаций. По мнению одних авторов, массовая коммуникация выступает как один из уровней коммуникации, на котором осуществляется взаимодействие массовых совокупностей людей с другими массовыми совокупностями, социальными группами и индивидуальными личностями. Согласно взглядам других, массовая коммуникация есть форма реализации коммуникаций в условиях современного мира. Они выделяют следующие ее особенности: публичный характер и открытость; ограниченный и контролируемый доступ к средствам передачи; опосредованность контактов передающей и принимающей сторон; асимметричность отношений передающей и принимающей сторон; множество реципиентов; влияние институциональных предписаний на отношения передающей и принимающей сторон [13]. Отмеченные особенности вполне соотносимы и с рекламной коммуникацией. Она также представляет собой систему, состоящую из источника сообщений и их получателя, связанных между собой каналом движения информации, обладает силой воздействия на оценки, мнения и поведения получателя.

Заметим, что во всех теориях и концепциях коммуникации центральное место занимает социальная коммуникация. Так, Г. Г. Почепцов отмечает, что нет различия между социальной коммуникацией и коммуникацией, и предлагает следующую характеристику социальной коммуникации: «Социальная коммуникация выделяется по такому основанию, как принадлежность коммуникативных явлений к социальным структурам и институтам, к жизни общества в целом» [14]. В данном определении выявляется содержание социальных коммуникаций во взаимодействии между личностями, общественными группами, социальными организациями, учреждениями, институтами, социально-культурными общностями. В этой связи заметим, что коммуникация и социальность взаимно полагают друг друга. Это обусловлено тем, что социальные системы образуются благодаря коммуникации, сохранение их преемственности возможно только на основе согласованных коммуникаций. Характеризуя данное явление, Э. Сепир подчеркивает: «Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами» [15].

Необходимо указать также на то, что коммуникация относится и к межличностному пространству. Так, например, Б. Д. Парыгин определял общение как психическое взаимодействие во всех его формах, включая и информационно-коммуникативное, и рецептивное, и суггестивное [16]. Многие исследователи подобное определение считали спорным, признавая, что понимание общения как простой суммы психических контактов оборачивается утратой специфики общения как своеобразного вида человеческих взаимоотношений и потерей представления о его целостности [17].

Другие же авторы (к ним позже примкнул и сам Б. Д. Парыгин) называют

общение не «психическим взаимодействием», а «сложным и многогранным процессом», который может выступать в одно и то же время и как «процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс их сопереживания и взаимного понимания друг друга» [18].

Но вскоре появились и другие взгляды. Так, например, в работе Я. Л. Коломинского общение рассматривается как двухсторонний процесс коммуникации и интеракции, т. е. взаимодействия. Основным понятием своего исследования автор избирает «межличностные взаимоотношения». С его точки зрения, общение – это «информационное и предметное взаимодействие, в процессе которого реализуются, проявляются и формируются межличностные взаимоотношения» [19].

Стоит отметить, что в настоящее время большинство исследователей считают, что общение – это не только речь (т. е. коммуникация), это и отражение людьми друг друга (социальная перцепция) во время взаимодействия, это и их отношение друг к другу, и поведение (интеракция), т. е. общение как социально-психологическое явление имеет три стороны – коммуникативную, перцептивную и интерактивную. В этой связи заметим, что рассмотрению структуры общения, его коммуникативного, интерактивного и перцептивного аспектов посвящена работа Г. М. Андреевой [20]. Анализируя общение человека с человеком, социальные психологи определяют его как межличностное общение, противопоставляя, например, групповому или различным видам социального общения (например, массовой коммуникации). В то же время если рассматривать межличностное общение с психологической точки зрения, то это будет личностно ориентированное общение, в противоположность социально ориентированному. Как видно, социальные различия в общении определяются его внешними условиями, психологические – различием во внутренней установке говорящего в процессе общения с одним человеком или с целой аудиторией, различием в характере необходимой обратной связи и т. п.

Заметим, что проблемы человеческого взаимодействия занимают центральное место в концепциях западной теоретической социологии: в структурном функционализме, теории конфликта, теории обмена, феноменологической социологии, теории управления впечатлениями и некоторых других направлениях. Данные течения рассматривают взаимодействие индивидов как важнейшую составляющую социальной структуры общества: структура возникает из взаимодействия индивидов, институциализируется в нем и начинает оказывать на индивидов обратное влияние.

В этой связи необходимо отметить, что если структурный функционализм, теория конфликта и теория обмена сосредотачивают свое внимание на обсуждении проблем самого общества, его структур, институтов и организаций, то феноменологическая социология естественно возможным видом социологического исследования считает изучение форм и способов межличностного взаимодействия.

С нашей точки зрения, феноменологическая социология не стремится к созданию целостной концепции общества, сводя существование социума к «запасу общих знаний». Так, с позиции Альфреда Шюца, цепь типических человеческих взаимодействий строится на основе приписывания партнерами друг другу типических мотивационных моделей, а повседневная жизнь почти полностью состоит из рациональных, понятных, разумных, предсказуемых действий [21]. Подобного же взгляда придерживается Джордж Герберт Мид, который считает, что коммуникация

возможна только на фоне универсально разделяемых индивидами значений. По его мнению, из разнообразия сочетаний общественного опыта, в границах которого происходит диалог, проистекает множество социальных ролей индивида, которые исполняются им независимо от собственной воли, в соответствии с требованиями социального сценария [22].

Представители некоторых современных отечественных социологов в своих исследованиях основное внимание уделяют рассмотрению информационной стороны общения. Следует также отметить, что отдельными учеными информационные процессы в обществе обозначаются термином «социальная коммуникация», общение же определяется как «особая разновидность социальной коммуникации, вербально осуществляемый вид деятельности, специализированный на обмене информацией» [23].

Однако большинство специалистов разделяют мнение, что в процессе непосредственного общения между людьми коммуникация, неразрывно связанная с их психологическим взаимодействием, лишь в абстракции может рассматриваться как самостоятельная информационная форма межличностного общения. Например, Л. Е. Чернова определяет межличностную коммуникацию как «взаимодействие и взаимоотношение (как непосредственное, так и опосредованное), субъектом которого является личность во всем своеобразии и индивидуальности» [24]. С этих позиций межличностная форма коммуникации обусловливает тесное переплетение обмена информацией между субъектами с их психическим взаимодействием.

Подводя итоги, отметим, что в философских концепциях общение предстает как межсубъектное взаимодействие, и многообразие его форм должно определяться возможными коммуникационными типами связи. Как видно, категория «коммуникация» разработана также при помощи методов различных наук. Однако функцию методологии наук выполняет философия, и без разработки общих философских вопросов представители других наук, изучающих коммуникацию, неминуемо будут наталкиваться на нерешенные вопросы.

Приведенный материал свидетельствует о множественности дефиниций и моделей коммуникации, базирующихся на различных концептуальных подходах. Вместе с тем для изучения частных проявлений коммуникации, в данном случае феномена рекламы, необходима некоторая единая обобщающая модель, которая бы послужила инструментом, базисом исследования. В частности, проведенный анализ позволяет рассмотреть проблему сущности социальной коммуникации как общего философского понятия и вместе с тем как содержательно конкретного понятия, необходимого для исследования различных областей современного гуманитарного знания, для которого понятие «коммуникация» выполняет интегрирующую функцию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 269.
2. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 26.
3. Там же. С. 28
4. Черри К. О человеческой коммуникации. М., 1972. С. 89–90.
5. Cherry C. On Human Communication. A Review, a Survey and a Criticism. Cambridge (Mass.) L., 1966. P. 3–7.

6. Parsons T. Structure and Process in Modern Societies. N. Y., 1965. P. 265–269.

7. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В. А. 2002. С. 24.

8. Философский энциклопедический словарь. С. 485.

9. Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. С. 116.

10. Соколов А. В. Указ. соч. С. 308.

11. Кули Ч. Общественная организация // Тексты по истории социологии 19–20 вв.: хрестом. М.: Наука, 1994. С. 379.

12. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. С. 16.

13. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 9.

14. Почепцов Г. Г. Указ. соч. С. 16.

15. Сепир Э. Коммуникация // Избр. тр. по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 211.

16. Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. М., 1965.

17. Каган М. С. Мир общения. М., 1988. С. 73.

18. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 178.

19. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности). Минск, 1976. С. 18.

20. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1996. С. 96.

21. Ионин Л. Г. Социология повседневности // Современная американская социология / под ред. В. И. Добренькова. М, 1994.

22. Мелентьева Н. В. Джордж Герберт Мид // Там же. С. 103.

23. Бурлацкий Г. В., Прилюк Ю. Д. Социология общения: журналистам о социальной природе и политических функциях общения / под науч. ред. Л. П. Буева. М., 1987. С. 22–23.

24. Чернова Л. Е. Межличностное общение: дис. … канд. филос. наук. Свердловск, 1985. С. 36.

УДК 17.022.1

ФИЛОСОФИЯ МОЛОДЕЖИ И ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ

А. А. Клещенко

PHILOSOPHY OF YOUTH AND PHILOSOPHY FOR YOUTH: EDUCATIONAL POTENTIAL OF PHILOSOPHY

A. A. Kleshchenko

В статье раскрывается воспитательный потенциал философии, необходимый для формирования полноценной мотивации здорового образа жизни. Отмечая, что это философия для молодежи, которая отличается от философии молодежи (ювентологии), автор обосновывает идею о том, что философия должна играть ключевую роль в процессе воспитания и образования современного молодого человека.

The article reveals the educational potential of philosophy, which is necessary for the formation of a healthy life motivation. Noting that it is a philosophy for youth, which differs from the philosophy of youth (yuventology), the author substantiates the idea that philosophy should play a key role in the upbringing and education of a young person.

Ключевые слова:
философия, молодежь, образование, воспитание, здоровый образ жизни, ценностная мотивация, критическое мышление.

Keywords:
philosophy, youth, education, upbringing, healthy life, axiological motivation, critical thinking.

В данной статье предполагается раскрыть *воспитательный потенциал философии*, которой мог бы самым серьезным образом быть воспринятым и усвоенным системой образования в качестве реальной методологической стратегии. Высокий культурный статус философии делает ее обязательной в преподавании. В. А. Лекторский пишет: «Сегодня ясно, что ни одна развитая современная культура не может обойтись без философских исследований и без преподавания философии в университетах, ибо философия – это высшее самосознание культуры» [1]. Также совершенно ясно, что способ преподавания философии в современных университетах совершенно не способствует раскрытию ее богатого потенциала. Нам представляется, что на этот аспект необходимо обратить самое серьезное внимание всего педагогического сообщества.

Во взаимоотношении таких понятий, как *философия и молодежь*, раскрываются следующие перспективы. Есть *философия молодежи*, и есть *философия для молодежи*. В первом случае речь идет об изучении философии с точки зрения антропологии, социологии, психологии, политологии, конфликтологии и прочих наук для создания адекватного представления о том, что такое молодежь как возрастная категория в целом. Здесь рассматриваются ценностные предпочтения

молодежи, ее социальное самочувствие и т. д. Во втором случае речь идет о том, как найти адекватную методологию преподавания философии, которая смогла бы раскрыть привлекательный образ философии для молодежи, способствующий всестороннему развитию современного молодого человека.

Прежде всего, необходимо сказать о *ювентологии* (или *ювенологии*) – направлении в исследовании молодежи как единого природного и социального целого. Показательными в этом плане являются труды В. В. Павловского, среди которых необходимо отметить монографию «Ювентология: проект интегративной науки о молодежи». В этой работе на основании признания важной роли молодежи в современном мире предпринята попытка поиска наиболее адекватных философских и теоретических концепций молодежи.

Анализируя современную ситуацию, автор справедливо отмечает, что стихийно идущий в различных научных дисциплинах процесс накопления разнопредметных знаний о молодежи в конечном счете не позволяет получить необходимый в соответствии с запросами современного общества уровень обобщения. Это не дает возможности, с его точки зрения, добиться эффективного практического и прогностического применения имеющихся знаний. Поэтому предлагается сформировать «интегративную единую целостную науку о молодежи», которая называется ювентологией [2].

Признавая важность данного направления в социальных исследованиях, необходимо отметить, что здесь все же речь не идет о педагогическом значении самой философии для молодого человека. В чем привлекательность и значимость философии для молодежи? Раскрыть это помогут воззрения Э. В. Ильенкова, которые позволяют понять *значимость философии и ее оздоравливающие возможности* воздействия на образ мысли и, соответственно, на образ жизни молодого человека. Иными словами, речь идет о прямом и непосредственном раскрытии *молодежного смысла философии*.

Прежде хотелось бы обратиться к М. Монтеню, который еще в свое время говорил об аналогичной проблеме. Глубина и оригинальность его воззрений делают их актуальными и востребованными сегодня. Примечательны такие слова, раскрывающие значимость и привлекательность философии и показывающие ошибочность суждений о ней: «Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле. Полагаю, что причина этого – бесконечные словопрения, в которых она погрязла. Глубоко ошибаются те, кто изображают ее недоступною для детей, с нахмуренным челом, с большими косматыми бровями, внушающими страх. Кто напялил на нее эту обманчивую маску, такую тусклую и отвратительную? На деле же не сыскать ничего другого столь милого, бодрого, радостного…» [3].

Особенно важно, даже провидчески, звучат слова М. Монтеня о приобщении детей к философии: «Поскольку философия учит жизни и детский возраст совершенно так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, – почему бы не приобщить к ней и детей?» Или еще важное признание: «У философии есть свои рассуждения как для тех, кто вступает в жизнь, так и для дряхлых стариков». Монтень схватывает абсолютный универсализм философии, показывая ее значимость как «учителя жизни» для всех возрастов человека, в том числе и для молодого человека, даже для детей.

Философия для детей – одно из активно развивающихся направлений в современной западной философии, которое в отечественном контексте представляет Н. С. Юлина [4]. В своих работах исследователь рассматривает теоретико-педагогические принципы международной программы «Философия для детей», подготовленной в Институте по развитию философии для детей (университет Монтклэр, США). В этой программе делается акцент на развитии с помощью философских инструментов навыков хорошего мышления в процессе обучения. Важным аспектом программы является не только выработка у детей когнитивных навыков и самостоятельности мышления, но и повышение этической грамотности, и профилактика деструктивного поведения. Таким образом, философия может быть эффективно использована в преодолении девиантного поведения, и международный опыт подтверждает это.

Остановимся подробнее на воззрениях Э. В. Ильенкова о соотношении философии и молодости. Так, в статье, написанной в 1977 году, которая называется «Философия и молодость», высказан ряд важных идей, которые, мы считаем, необходимо использовать в современном образовательном процессе. Почти что в духе Монтеня Ильенков говорит о духовной пользе философии для молодежи, развеивая миф о том, что философия – это удел «седой древности», занятие скучное, малоинтересное, противоречащее кипучей энергии, задору и оптимизму молодости. Заслуга Ильенкова в том, что, зная эту возрастную, в некотором роде «нефилософскую» черту молодежи, он показывает ее жизненно-практическую значимость. С философией, по мнению Ильенкова, рано или поздно придется столкнуться человеку, и чем раньше это произойдет, тем лучше. Поскольку философия «концентрирует в себе известный способ мышления, известную логику мышления и проясняет ее для самого мыслящего человека». Это очень важная мысль, раскрывающая *антропологическую сущность философии*, заключающуюся в умении мыслить. Мышление в философском плане отличается от интеллектуальных способностей, поскольку философское мышление не только показывает знание фактов, но и раскрывает смысл и ценность существующего. А для этого нужна культура мышления, которую дает человеку лишь философия [5].

Важное жизненное, оздоравливающее значение философии заключается в том, что она учит критическому мышлению. Это действительно важно в практической жизни. Человек, который смолоду приучен к догматическому мышлению, полагает Ильенков, будет обречен на постоянные и неприятные столкновения с жизнью. Наука с ее абстрактными формулами может стать предметом некритического слепого поклонения, а жизнь, наоборот, постоянным «поводом для истерик». Поскольку человек, не приученный смолоду самостоятельно решать сложные противоречия (чему и учит по-настоящему философия), будет в тупике между «абстрактно верной истиной» и «конкретной полнотой жизни».

Выяснив, что философия и молодость не противоречат друг другу, считаем теперь необходимым сконцентрировать внимание собственно на тех аспектах философии, которые имеют существенное воспитательное значение, на основании чего можно было бы использовать философию в педагогическом процессе более интенсивно. Так, известный российский философ Г. Л. Тульчинский в своих работах дает достаточно адекватное представление о сущности философии, которая может быть использована в педагогическом процессе.

Каким образом достичь реализации свободы самоопределения, тем самым выполнить исконное назначение философии? Г. Л. Тульчинский говорит, что от философии обычно ждут ответа на те вопросы, с которыми сталкиваются и человек, и общество. Однако если философия, как он верно замечает, берется давать ответы, то она перестает быть философией. Это скорее задача житейской морали, идеологии, религии. Задача философии принципиально иная: «…не столько давать ответы на все случаи жизни, а учить правильно ставить вопросы, чтобы самому искать и находить ответы» [6].

Отличие философии от остальных форм духовной культуры крайне важно, поскольку показывает функциональное разграничение между ними. Философия учит критическому мышлению, в этом ее главная функция и отличие от остальных форм, которые призваны как раз давать конкретные вопросы, в которых нуждается и человек, и общество. Но для этого необходимо разграничивать сферы философии и других форм духовной культуры, таких как наука, религия, искусство. Очень часто данные сферы неправомерно смешиваются.

В этом огромная воспитательная функция философии, овладевать которой крайне необходимо молодому человеку. Задача философии образования заключается в том, чтобы перевести внутрифилософскую профессиональную рефлексию на язык, понятный многим. Значимые идеи для нашей темы о *воспитывающей роли философии*, в частности и об особенностях *преподавания философии студентам*, высказывают норвежские философы Г. Скирбекк, Н. Гилье в своей монументальной «Истории философии».

Прежде всего, авторы считают, что основанием для изучения и хорошего знания философии является то, что философия есть часть нашего жизненного мира. Они раскрывают универсальную *эвристическую сущность философии*, необходимую для становления полноценного мировоззрения современного человека: «Осознаем ли мы это или нет, но философские размышления пронизывают всю нашу повседневную жизнь. Если их выявление и уточнение осуществляется отдельным человеком, то они носят личностный характер. Однако одновременно они являются и всеобщими, поскольку с их помощью открывается все более глубокое и единое понимание человеческого мира. Такого рода деятельность является философской по своей природе и можно многому научиться, зная, что думали и говорили по поводу различных жизненных вопросов философы. Вот почему необходимо „изучать философию”» [7].

Безусловно, многие частные науки отвечают на многие вопросы, и в этом их ценность и значимость. Но лишь философия, вырабатывая культуру философского мышления, дает ни с чем не сравнимую возможность человеку научиться мыслить самостоятельно; и если самостоятельное мышление выберет самостоятельно *здоровую жизненную ориентацию*, то тем самым и будет выполнена важнейшая аксиологическая функция философии.

Творческая сила философских концептов заключается в их способности конструировать реальность. Это выводит на традиционный в спорах о философии вопрос о том, обладает ли философия практической силой воздействовать на реальность и менять ее или это исключительно сфера вопрошаний и созерцаний. Иными словами, обладает ли философия практической силой изменять социальную реальность? Если обладает, то философия имеет еще одно важное воспитательное значение – формировать у молодого поколения активную гражданскую позицию.

Важной в связи с этим вопросом представляется позиция Г. Маркузе в понимании сущности и функции философии. Он полемизирует с Л. Витгенштейном, который считает, что философия – это отказ от любых теорий, это такое метафизическое занятие, которое «оставляет все как есть». Маркузе сторонник деятельно-познавательного понимания философии, которое делает ее не бесполезным с социальной точки зрения занятием. Он говорит: «Философ – не врач; его дело – не лечить индивидов, а познавать мир, в котором они живут – понимать его с точки зрения того, что он сделал и что он может сделать с человеком. Ибо философия – это (в историческом отношении) противоположность тому, чем делает ее Витгенштейн» [8].

В конечном счете философия обладает «терапевтической силой», считает Маркузе, поскольку «показывает действительность такой, какой она есть на самом деле», что дает знание о «неизувеченной действительности». Разоблачение манипулятивной сущности существующего «универсума обыденного языка», который цементирует сознание потребительской идеологией, есть важнейшая терапевтическая задача философии, которая способствует критическому мышлению и духовному росту личности, освобождая мышление от «порабощения существующим универсумом дискурса и поведения».

В этом смысле идеи Маркузе о терапевтической сущности философии крайне важны, особенно для молодого поколения, которому необходимо овладевать философией, чтобы развивать в себе *критическое мышление* по отношению к существующему порядку вещей. Об этом очень точно сказал Ю. А. Шрейдер: «Философия в принципе не имеет догматов. На любые исходные положения она имеет право и даже обязана смотреть критически, сделав предметом своей рефлексии» [9].

Воспитательная значимость философии заключается в том, что философия обладает значительным интеллектуальным, духовным, нравственным потенциалом, способным в современной аномичной социальной ситуации содействовать исправлению девиантного поведения молодежи. Представляется, что данные возможности философии вообще даже и не рассматриваются современной системой образования в качестве серьезной методологической стратегии. И это происходит во многом потому, что ценность философии в контексте образования находится на очень низком уровне, как по мнению преподавателей, так и с точки зрения студентов.

Исходя из этого, представляется необходимым расширить существующую парадигму философии образования за счет осмысления педагогического потенциала самой философии в контексте образовательной стратегии. Философия образования сегодня должна вырабатывать те эпистемологические принципы, которые смогут инкорпорировать саму философию в качестве главного предмета преподавания и в средней, и в высшей школе. Императив здорового образа жизни требует в максимально полной мере использовать возможности философии в формировании *здорового образа мысли*, что является насущной задачей для всего педагогического сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лекторский В. А. О настоящем и будущем (размышление о философии) // Вопр. философии. 2007. № 1. С. 11.
2. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М., 2001. С. 42.
3. Монтень М. Опыты // Избр. произведения: в 3 т. М.: Голос, 1992. Т. 1. С. 177.
4. Юлина Н. С. Философия для детей: обучение навыкам разумного мышления. М., 2005.
5. Ильенков Э. В. Философия и молодость // Философия и культура. М., 1991. С. 18.
6. Тульчинский Г. Л. Философская культура России 1970–1990-х // Философский век: альм. Вып. 24: История философии как философия. Ч. 1. СПб., 2003. С. 286.
7. Скирбекк Г., Гилье Н. Зачем нужно изучать философию? // Там же. С. 24.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 241.
9. Шрейдер Ю. А. Загадочная притягательность философии // Вопр. философии. 1996. № 7. С. 178.

УДК 101.1

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. Ю. Колосова

TRANSFORMATIONAL SOCIAL PROCESSES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

O. Yu. Kolosova

В статье показывается, что трансформационные социальные процессы представляют собой один из аспектов проблемы общественного развития, создание в нем образов и смысла будущего. По мнению автора, в эпоху глобализации они содержат в себе особенность общественного воспроизводства, конструирование и проектирование, общение, формирование социальных норм, контекст социальных ожиданий, символизацию, способ организации и ряд иных сторон существования социума. Глобализация влияет на дальнейшее развитие социальной реальности, на обстоятельства и потенциал для личностной самореализации, а также социальных групп и всего общества.

The article shows that transformational social processes are one of the aspects of the problem of social development, the creation of images and meaning of the future in it. According to the author, in the age of globalization, they contain the feature of social reproduction, construction and design, communication, the formation of social norms, the context of social expectations, symbolization, the method of organization and a number of other aspects of the existence of society. The globalization has an influence on the further development of social reality, on the circumstances and the potential for personality self-realization as well as social groups and the whole society.

Ключевые слова:
глобализация, глобальные проблемы, глобальное социокультурное пространство, глобальные трансформации, мировая цивилизация, новая социальная реальность, трансформации социальных структур и институтов.

Keywords:
globalization, global problems, global sociocultural space, global transformation, world civilization, a new social reality, the transformation of social structures and institutions.

Эпоха глобализации, как правило, рассматривается ученым сообществом как «наше время», как то, что происходит с нами в данный момент. В силу отсутствия «исторической дистанции», масштабности и новизны перемен для человечества в целом, что заложено уже в названии эпохи, поиск ее сущностных характеристик выводит на обсуждение не только текущих, но также назревающих и ожидаемых проблем, в предельном выражении – проблем постчеловеческого существования [1]. В этой связи уместно обратиться к работам М. Кастельса, выдвигаемого современным ученым сообществом, несмотря на множество критических замечаний в его адрес, в один ряд с такими выдающимися мыслителями, как К. Маркс, М. Вебер.

М. Кастельсом отмечаются усиление неравномерности развития территорий и регионов, увеличение риска потерять всякую важность с точки зрения системной логики, когда, с одной стороны, наблюдается гигантское высвобождение производительных сил, вызванное технологической революцией и информационными технологиями, с другой – концентрация «черных дыр» человеческой нищеты в глобальной экономике. Глобализация, неотъемлемой частью которой являются информационные технологии, открывает дорогу для более динамичного развития отдельных секторов экономики регионов и территорий, так же как и для исключающего, закрывающего технологического развития многих других. Глобализация, наряду с интеграцией, рассматривается как усиливающаяся фрагментация и сегментация общества [2].

Формирование глобальной технологической цивилизации связано с превращением техники и технологии в абсолютные ценности. Современная техногенная цивилизация породила такие условия, процессы, явления, которые поставили человечество перед угрозой подрыва самих основ его бытия. Общество столкнулось с проблемами, глобальными по своим масштабам. При всем их разнообразии и внутренних различиях эти проблемы обладают следующими общими чертами: носят планетарный общемировой характер и в силу этого затрагивают жизненные интересы всех народов, всех государств; в случае, если не будет найдено их решение, угрожают гибелью цивилизации как таковой или серьезным регрессом в условиях жизни, в развитии общества; требуют для своего решения коллективных усилий всех государств, всего мирового сообщества.

Сегодня мало сказать, что глобализация стремительно развивается, на наших глазах она коренным образом меняет геополитическую и культурно-цивилизационную картину мира. Человечество вступает в новую эпоху – эпоху глобального социокультурного пространства.

Суть современного этапа глобализации состоит в том, что это активно развернувшийся и стремительно ускоряющийся процесс преодоления естественных и искусственных границ между народами и государствами, формирующий единое и целостное пространство земной цивилизации, обеспечивающий расширение свободы

для перемещения людей, материальных и духовных ценностей, коммуникацию и взаимодействие в планетарной среде обитания.

Глобализация в социальном аспекте означает изменения в структуре занятости. В аспекте управления глобализация определяется как совокупность непредсказуемых в своем развитии процессов.

Происходящие в мире глобальные трансформации затрагивают человека как биопсихосоциальное существо, изменяют его духовную сферу. «Социально обусловленный непрерывный поток информации извне – необходимое условие связи человека с общественной средой, фактор его духовного развития» [3]. Происходит модификация социального самосознания как отдельного человека, так и человечества. Векторы этой эволюции до конца не ясны, что порождает поле неопределенности, в рамках которого затрудняется коррекция социально-экономического, духовного, культурного, социального развития человечества. Выявление сущности, тенденций, условий становления культуры социального самосознания как одного из условий устойчивого развития человечества в ситуации нарастания глобальных проблем становится задачей всей науки и философии.

В современных общественных науках ведутся споры о преимуществах и недостатках глобализации. Говоря о положительных моментах, как правило, подчеркивают тот факт, что глобализация вызвала обострение международной конкуренции. Конкуренция и расширение рынка ведут к углублению специализации и международного разделения труда, стимулирующих, в свою очередь, рост производства не только на национальном, но и на мировом уровне. Экономия на масштабах производства потенциально может привести к сокращению издержек и снижению цен, а следовательно, к устойчивому экономическому росту.

В целом преимущества глобализации позволяют улучшить свое положение всем партнерам, получающим возможность, увеличив производство, повысить уровень заработной платы и жизненные стандарты. Конечным результатом глобализации должно стать общее повышение благосостояния в мире. Хотя, как показывает опыт, один из постулатов неолиберализма «просачивания капитала» не работает в современной ситуации. Страны «севера» продолжают богатеть, а страны «юга» катастрофически беднеть.

Вместе с тем процесс глобализации чреват негативными последствиями и потенциальными проблемами. Так, например, М. Д. Интрилигейтор в работе «Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции» отмечает, что несправедливое распределение благ глобализации порождает угрозу конфликтов на региональном, национальном и интернациональном уровнях: возникает потенциальная региональная или глобальная нестабильность из-за взаимозависимости национальных экономик на мировом уровне; безработица, подрыв системы социальной защиты в экономически развитых странах с высоким уровнем заработной платы; разрушение традиционных укладов в бедных станах. Кроме того, глобальные взаимосвязи чреваты глобальными экологическими бедствиями [4].

На сегодняшний день, пытаясь найти выход из экономического, политического, экологического, нравственного кризиса, человечество стоит перед выбором: насилие над Человеком и Природой, что, по мнению П. Моисеева, В. В. Нахимова и многих других исследователей, равноценно гибели, самоуничтожению, или осознание и реализация принципиально отличной альтернативы.

Для человечества проще, опираясь на архетипы, пойти по пути преодоления «кризиса неравновесия за счет повышения уровня неравновесия», то есть избавления от агрессивности окружающей действительности за счет роста человеческой агрессии, как отмечает в своей работе «Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры» А. П. Назаретян [5].

Основной путь развития мировой цивилизации должен быть нацелен не столько на традиционные экономические меры, сколько на ограничение потребления ресурсов и обоснование этой рациональности не экономической целесообразностью, а совершенно иными принципами. То есть необходимо ориентироваться на «нетрадиционные методы». К таковым можно отнести экологизацию сознания, формирование экологической культуры.

Формирование нового типа человека, человека новой социальной реальности, сопряжено с конструированием самой этой реальности, с формированием новой социальной логики. По мнению П. Бергера и Н. Лукмана, социальная реальность сложным образом конструируется через систему коллективных представлений [6].

Говоря о глобализации, необходимо также говорить о социальных трансформациях, о трансформации социальных структур и институтов, об изменении логики социального развития. Можно согласиться с мнением Д. А. Лушникова, который в работе «Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности» отмечает, что «в период социальной дезорганизации социальная система претерпевает существенные изменения в составе, структуре, функциях, системных границах, в системном окружении». А глобализация неизбежно порождает волны социальной дезорганизации, что в свою очередь способствует запуску процесса самоорганизации и выводу социальной системы на новый уровень [7].

Так, З. Бауман в своей работе «Глобализация: последствия для человека и общества» отмечает, что «глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, она разобщает, объединяя, – расколы происходят по тем же причинам, что и усиление единообразия мира» [8]. Разобщение он связывает с феноменом «локализации», с явлением резкой дифференциации условий существования населения, сегментов этого населения как отдельных стран, регионов, так и континентов. З. Бауман доказывает: экономическая глобализация приводит к тому, что такая абсолютная ценность неолиберализма и западного варианта глобализации, как мобильность, становится главным фактором расслоения позднесовременной эпохи. Он подчеркивает, что «локальность в глобализируемом мире – это знак социальной обездоленности и деградации» [9]. Локальность уже не является синонимом чего-то самобытного, уникального, традиционного, а выступает обозначением того, что данное пространство попало в сферу тех интересов и действий, которые не поддаются объяснению и контролю со стороны того или иного локального (местного) сообщества. И, более того, они попадают в зависимость от направляющих и объясняющих операций тех акторов, которые вырабатывают смыслы и формируют ценности, причем сами эти агенты экстерриториальны и свободны от местных ограничений.

С точки зрения З. Баумана, мобильность как ценность в условиях глобализации присуща лишь небольшой части населения глобализирующегося мира. Она приобретается теми, кто инвестирует. Мобильность и возможность распоряжаться деньгами и капиталом для инвестирования порождают невиданный по своим размерам разрыв между властью и обязательствами, позволяют одним получить возможность

сверхобогащения, а другим нищенского существования в рамках своей локальности. «Возникает новая асимметрия между экстерриториальной природой власти и по-прежнему территориальной „жизнью в целом", которую власть, снявшаяся с якоря и способная перемещаться мгновенно и без предупреждения, может свободно использовать, а затем оставить наедине с последствиями этого использования», – пишет З. Бауман [10].

Глобализация, приводящая к аннулированию пространственно-временных расстояний, также не способствует установлению единообразия условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поляризации. Это объясняется тем, что не у всех людей есть реальная возможность воспользоваться техникой глобализации, а также в короткое время освоить новое пространство, и не только освоить, но и адаптироваться к нему, интегрироваться в нем. По этому поводу З. Бауман пишет, что глобализационные тенденции «освобождают некоторых людей от территориальных ограничений и придают экстерриториальный характер некоторым формирующим общество идеям – одновременно лишая территорию, к которой привязаны другие люди, ее значения и способности наделять их особой идентичностью» [11]. Для одних это начало освобождения от физических препятствий, ведущее к появлению способности перемещаться и действовать удаленно от любой территории, а для других, с одной стороны, отчуждение от своего локального физического пространства, а с другой – невозможность освоения новой территории, хотя на старой может наблюдаться социальный, экономический, экологический распад.

Все эти социальные тенденции, привнесенные в реальность глобализацией, порождают такое новое свойство власти, как «де-физикализация», то есть обретение независимости от территории и возможность распространять свое влияние на любые пространства. Власть, по мнению З. Баумана, приобретает «подлинную экстерриториальность, даже если физически остается „на месте"» [12].

Все это порождает два пути развития будущего: установление порядка, гарантирующего безопасность детерриторизированой власти, или стремление к локализации в ее подлинном смысле через регионализацию.

Так, безопасность детерриторизированой власти сопряжена с более жесткой структуризацией территории, появлением «запретных пространств» с «целью превращения социальной экстерриториальности, не связанной с местностью элиты, в материальную, физическую изоляцию от местного окружения».

В свою очередь, глобализационные тенденции, вызывающие социальную дезорганизацию, приводят, по мнению Д. А. Лушникова, к запуску процесса самоорганизации и тем самым уводят социальную систему от гибельной черты [13]. Стремление к локализации через регионализацию сопряжено с появлением таких «новых» социальных движений, как «антиглобалистское», «антикапиталистическое», «экологическое», «пацифистское». Именно глубина разрушения социальной структуры и ценностно-нормативной системы дает большую возможность социальным движениям в утверждении собственного образа социального порядка как наиболее жизнеспособного проекта интеграции общества в условиях кризиса.

Таким образом, говоря о глобализации, необходимо помнить о социальных трансформациях, о трансформации социальных структур и институтов, об изменении логики социального развития, о том, что глобализация неизбежно порождает волны социальной дезорганизации, что в свою очередь способствует запуску процесса самоорганизации и выводу социальной системы на новый уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.
3. Гончаров В. Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитар. и социал.-эконом. науки. 2006. № 3. С. 106–110.
4. Интрилигейтор М. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 6. С. 26.
5. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры: синергетика исторического прогресса. Изд. 2-е. М.: Наследие, 1996.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
7. Лушников Д. А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005.
8. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. С. 19.
9. Там же С. 46
10. Там же С. 54.
11. Там же С. 76.
12. Там же С. 87.
13. Лушников Д. А. Указ. соч.

УДК 101.1::316

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ МЕТАФОР В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. С. Православский

SOCIO-TECHNOLOGICAL PERSPECTIVES OF SOCIO-PHILOSOPHICAL METAPHORS IN THE INFORMATION SOCIETY

S. S. Pravoslawsky

В статье рассматривается концептуальное содержание современных социально-философских образов общества, возникающих в условиях развития информационных технологий; анализируются теоретические особенности социально-философских подходов, основанных на данных образах (так называемых социально-философских метафорах) к рассмотрению проблем микро- и макроуровней общества.

This article focuses on the conceptual points of modern socio-philosophical images of society, which appear with the development of information technologies. In the article we make an attempt to analyze theoretical features of socio-philosophical approaches based on these images (so called socio-philosophical metaphors) to considering the problems of macro and micro levels of society.

Ключевые слова:
Киборг, Организм, Сеть, Система, социальность.

Keywords:
Cyborg, Organism, Network, System, sociality.

В современных условиях активного внедрения информационных технологий во все сферы общественной жизни все более актуальной становится проблема взаимного соответствия, соразмерности, соизмеримости технологического и гуманистического компонентов социальной сферы. Возможности конструкции и реконструкции социального пространства, которые предоставляет развитие технологической составляющей современной цивилизации, возрастают стремительно. Это делает достижимой реализацию проектов, которые казались неосуществимыми (биометрическая идентификация личности, централизованная система уличного наблюдения, дистанционное образование и работа, интернациональное научное сотрудничество и т. д.).

Реализация подобных проектов затрагивает как отдельные компоненты социальной сферы, так и всю сферу в целом, меняя привычный облик социальной реальности. От того, будут ли эти проекты учитывать человеческий аспект при разработке и человеческий фактор при функционировании, будут зависеть структура и качество жизни всего социума.

В своих предельных основаниях эти социально-технологические инициативы опираются на определенный образ общества, социально-философскую метафору, которая служит для построения методологии и стратегии применения конкретных решений к общественной реальности. Социально-философская метафора является сложным образно-концептуальным комплексом, где ключевую роль играет перенесение черт центрального образа метафоры на социальную действительность.

Как показывает наше исследование, одними из самых актуальных в современной общественной мысли социально-философских метафор являются образы общества как Системы (N. Luhmann, 2006), Организма (E. Grosz, 2003), Сети (S. Fuchs, 2001) и Киборга (M. Gandy, 2005).

Каждая из этих метафор подразумевает свои ключевые теоретические точки, исходя из которых может выстраиваться практическое социально-техническое решение. При этом непонимание концептуальной основы, беспорядочное смешение теоретических предпосылок или отказ от анализа стратегии внедрения конкретного технического решения ведет к работе с общественной сферой вслепую, наугад и приводит к хаотичным последствиям на том или ином уровне осуществления проекта, а также к несогласованности между технологическим и гуманистическим аспектами.

Рассмотрим несколько подробнее выделенные нами социально-философские метафоры и попытаемся выявить некоторые возможные последствия их использования в качестве концептуальной основы социально-технологических решений.

Первым в нашем ряду является образ Системы. Представление о социуме как о системе и о социальности как о системном качестве в современной социальной мысли наиболее ярко выражено Н. Луманом: «Система создает себя как цепь операций. Различие между системой и средой возникает только потому что операция производит последующую операцию того же типа» [1]. Центральным моментом здесь является постоянное воспроизведение различия между системой и средой. Второй опорной точкой в системном подходе выступает представление о несводимости системного качества к совокупности качеств составляющих ее элементов.

Интересующей нас особенностью Системы как социально-философской метафоры является ее сосредоточенность вокруг оптимальности функционирования и рационально обоснованной, формализуемой внутренней структуры системы. На микроуровне это означает, что индивид как элемент социальной системы должен соответствовать определенному набору формальных критериев, чтобы его существование и деятельность были признаны функциональными и служащими оптимизации функционирования всей системы. При этом функционировать внутри системы индивид может в составе определенной структуры, подсистемы, то есть через возможности и инструменты этой конкретной подсистемы.

На макроуровне указанная нами выше особенность приводит к тому, что система как целое стремится оценить собственную оптимальность (или же оптимальность оценивается внешним наблюдателем) в виде какого-либо итогового показателя. К примеру, в рамках развивающегося социально-синергетического подхода выдвигаются различные идеи о возможности использования в качестве такого показателя, например, соотношения скорости, с которой носитель жизни (общество) вырабатывает выходную свободную энергию (низкого качества), и скорости, с которой он потребляет входную свободную энергию (высокого качества) [2]. Открытым здесь остается вопрос о том, что именно считать свободной энергией в рамках оценки эффективности общественных процессов. Но нас интересует сама тенденция к поиску подобного формализуемого показателя, а не ее конкретные воплощения различной степени разработанности и обоснованности.

Также на макроуровне проявляется акцент на рациональную структуру подсистем общества, что выражается в распределении внимания системы (ее наблюдения) по узловым точкам ее подсистем, причем наблюдаемым может стать только то, что может быть формализовано и представлено в виде кода, воспринимаемого наблюдающими инстанциями системы. Как отмечает S. Fuchs, «если машина функционирует, она стремится ,,машинизировать" свое окружение, так как машина может иметь дело только с тем, что является машинно-совместимым или может быть сделано таковым. Моралисты рассматривают машинизацию как ,,отчуждение"; рабочие поглощаются ритмом машины и становятся ее дополнениями» [3]. Таким же образом и связь между целым и частями в рамках системного подхода может осуществляться только в условиях заранее оговоренного пространства коммуникации, где существуют специальные инстанции и общая система кодирования.

В этих условиях нам становятся ясны те характеристики системного подхода, которые являются принципиально уязвимыми и могут потенциально приводить к нежелательным последствиям при внедрении социально-технических решений, основанных на социально-философской метафоре Системы.

Во-первых, неадекватно введенный показатель оптимальности

функционирования системы – в условиях, когда он недостаточно продуман или когда право на формулировку понятия оптимальности оказывается у некомпетентной группы – может привести к нежелательным или катастрофическим результатам для общества. На микроуровне проявляется потенциальная уязвимость сосредоточенности системы на узлах собственной структуры, учитывающих только информацию, кодированную определенным образом. В этом случае из системного поля зрения выпадает все «несистемное», иррациональное, неформализуемое, короче говоря, большая часть из того, что называется человеческим. Социально-технические инициативы, не учитывающие эту уязвимость, рискуют стать проводниками общественной организации, при которой индивид будет выслушан обществом только в том случае, если будет неотличим от машины, запрашивающей только производственные ресурсы и техническое обслуживание.

На макроуровне неадекватные манипуляции с показателем оптимальности функционирования общественной системы могут привести к последствиям такого масштаба, примеры которых будет излишним приводить. Возможны колебания от трансформации общества в предельно замкнутую тоталитарную структуру (при внедрении определенных показателей оптимальности функционирования технических средств) до дезинтеграции общественных институтов (при непропорциональном оптимизировании одних общественных структур в ущерб другим).

Теперь нам стоит обратиться к социально-философской метафоре Организма, тесно связанной с метафорой Системы. Органическое понимание общества было развито еще до системного подхода и имеет в качестве своего истоки чуть ли не всю историю европейской философии, а в качестве кульминации – учение Г. Спенсера. Но в современную социальную философию органическая метафора входит при большом участии Т. Парсонса, и именно в контексте развития системного подхода. Как отмечает Д. Г. Кукарников, «идея системы приводит нас к, пожалуй, решающей аналогии в теории Т. Парсонса: между биологическим организмом (или живой системой) и обществом. Это даже больше, нежели просто аналогия: Т. Парсонс не просто уподобляет социальную жизнь живой системе, он утверждает, что она и есть живая система особого типа» [4]. В современной социальной философии данная метафора является весьма популярной по целому ряду причин. Это и тяга к эстетической красоте параллели между обществом и организмом, и сами собой напрашивающиеся аналогии между общественными и органическими процессами, и долгая история данной метафоры в мировой мысли.

Однако такая популярность не означает несомненной полезности и истинности и часто ведет к смешению органической и системной метафор. Но для наших целей важно их разграничить. В отличие от системной метафоры, метафора Организма делает акцент на «живом целом», на естественных связях между клетками и органами, а не на механическом целом системы, искусственных связях между ее элементами. Речь, конечно, может идти и о «живых» или «естественных» системах, но это будет уже перенесением системной метафоры в область органического. Нас же интересует перенесение органической метафоры в область общественного.

На микроуровне рассмотрение общества как Организма предполагает восприятие индивида как клетки или органа, естественным образом соединенного с окружением. Однако современные версии органического подхода (которые также имеют название «нео-органицистских») расширяют понятие естественного

и включают в круг органических явлений связи организма и среды посредством новых технологий. Так, E. Grosz в связи с развитием городских технологий отмечает: «Тело субъекта не будет больше разрозненно подключенным к случайным объектам согласно пространственно-временной схеме города, но скорее будет моделироваться и задаваться посредством телекоммуникаций» [5]. Здесь имеется в виду процесс развития инфраструктуры общества, при котором индивид уже не может считаться полноценным участником общественных процессов (даже полноценным субъектом), если он отделен от ключевых технологий, задающих ритм и модус современной цивилизации.

Социальный организм, таким образом, мыслится как соединение пространственно-временного континуума современного города и человеческого индивида посредством стремительно развивающихся технических решений.

На макроуровне применение органической социально-философской метафоры ведет к рассмотрению структуры города и общества по образцу структуры живого существа и к созданию структур и институтов, целенаправленно использующих данную аналогию. Это ведет к появлению социальных и культурных явлений нового типа: «Город создается и переделывается по образцу (симулякру) тела, и тело, в свою очередь трансформируется, ,,ситифицируется", урбанизируется» [6].

Принципиальной уязвимостью органического подхода является нечеткое содержание понятия «естественность» и потенциальная узурпация права определять, что естественно, а что нет, какой-либо некомпетентной социальной силой. Также стоит обратить внимание и на то, что некритический перенос черт организма на общество может приводить к упущению или игнорированию тех процессов и свойств общественной жизни, которые не укладываются в органическую аналогию или противоречат ей. Вопрос также заключается и в том, какая органическая форма должна выступать образцом в конкретном начинании. Конструкторам социального пространства может показаться наиболее «естественной» для человеческого общества форма, к примеру, улья, со всеми вытекающими социальными последствиями, которые нетрудно предвидеть. Но не стоит забывать и о положительном потенциале метафоры Организма, который заключается в ее связи с гуманистическим аспектом общественного развития.

Одним из наиболее перспективных направлений развития социально-философской мысли является также и осмысление общества, основывающееся на метафоре Сети.

Ключевым моментом для сетевого подхода служит перенесение акцента с иерархически упорядоченной и рационально осмысленной системной структуры на образ хаотически переплетающихся сетевых связей и узлов многомерного сетевого пространства. Под сетевым здесь следует понимать не виртуальные сети и не Интернет (хотя они являются наиболее ярким примером сетей), но сам принцип организации и структурирования, исходящий из сетевых связей и сетевых узлов как своих элементов. В отличие от органической метафоры, кладущей в основу структурно-функциональную аналогию и модель метаболизма, сетевая метафора состоит в перенесении на общество черт нейронных структур, обменивающихся информационными импульсами. Такой подход стал особенно востребованным в условиях скоростного развития и распространения информационных технологий.

Важным теоретико-методологическим моментом сетевого подхода

является принципиально антиэссенциалистское видение социальности. Иными словами, общество не является чем-то сущностным, а индивиды не являются больше элементами, обладающими собственными качествами. Скорее, наоборот, индивид предстает как результат наблюдения одних сетей над другими, общество – как совокупность множества сетевых отношений с изменчивыми параметрами, а социальность – как зависимая переменная, которая может обладать различными значениями. Как отмечает в этой связи S. Fuchs, «для сети необязательно связывать только личности. Это только один из случаев, и личности никогда не связываются сетью как полностью индивидуальные сущности. Личности и индивиды не являются сущностями или естественными видами, но происходят из отношений и конструкций. Не все сети готовы и обладают необходимым оснащением, чтобы наблюдать личности или индивидов. Личности наблюдаются наблюдателем, для которого такая „идентичность" существует в некоторой ситуации, при определенных условиях и до того как условия могут измениться» [7]. Ключевым здесь, как мы видим, является понятие «наблюдение», означающее способность сетей оценивать свое окружение и себя самих через призму тех конститутивных особенностей, которые заложены в ядре каждой отдельной сети.

Таким образом, на микроуровне социально-технические инициативы, исходящие из сетевой метафоры общества, могут быть уязвимы для искажения с точки зрения наличия у той или иной сети достаточного инструментария для наблюдения человека в необходимой для него конфигурации характеристик. Можно легко представить себе сети, которые наблюдают человека как производственную единицу, машину потребления, экологического паразита, генетический материал, «человеческий ресурс», короче говоря, как что угодно, но не как человека. Соответственно, любая социально-техническая инициатива, в которую будет заложена совокупность норм и принципов ядра какой-либо из подобных сетей, при своей реализации воплотит и закрепит нормы данной сети в материальных и духовных структурах общества.

На макроуровне сетевой подход сталкивается с всеобщим релятивизмом сетей и безразличием к объективности. Поскольку наблюдение над сетью может производиться только из какой-либо точки внутри сети, оно будет обусловлено характеристиками данной сети и не будет объективным. Если же наблюдение над одной сетью будет производиться из точки, расположенной в другой сети, то оно будет обусловлено уже характеристиками этой другой сети и также не будет объективным. При таком подходе крайне сложным становится оценивать те или иные общественные явления, поскольку наложение и переплетение сетей, полная относительность любой точки зрения и невозможность абстрагироваться от норм собственной сети делают наблюдение и оценку скорее процессом влияния и убеждения, нежели доказательства и объяснения.

Положительный потенциал сетевой метафоры может быть реализован при закладывании в социально-технические инициативы норм «наблюдения», учитывающих гуманистический аспект общественных процессов, не упускающий из поля зрения индивида и специфику социальных отношений.

Последней в нашем ряду социально-философских метафор является метафора Киборга. Данный образ стоит очень близко к органической метафоре, что неудивительно, так как киборг и является особым видом организма. Основной

акцент здесь делается на соединение организма и технологических решений с целью повышения качества функционирования индивида и социального целого. M.Gandy говорит о специфической близости киборга и органической метафоры, возникающей из переосмысления идей «старого» органицизма, уступающего место «нео-органицизму»: «Метафора киборга не только переосмысливает озабоченность индустриального города XIX века метаболизмом, но также расширяется до современного тела идей, что мы можем назвать понятием „нео-органицизм", учитывая приложение биофизических метафор для интерпретации социальной и пространственной сложности» [8].

На микроуровне метафора Киборга предполагает активное переосмысление идеологии и философии человеческого тела. В случае органической метафоры мы сталкивались в основном с проведением условных границ, которое расширяло тело индивида до масштабов города и делало город частью человека, а человека частью социального организма, заключенной в городских технологических структурах. Здесь же мы имеем дело с прямым вторжением машины в область социального на всех уровнях общества, начиная с отдельного человеческого тела.

На макроуровне данные процессы ведут к включению машинного компонента в смысловое поле социальности на новом уровне. Если в XIX веке машина вторгалась в социальное как внешний фактор, оказывающий то или иное влияние на общественную жизнь, то теперь машина становится активным участником конструирования социального пространства, встраиваясь в цепочки осуществления социальности, места в которых ранее были закреплены за людьми. Это приводит к изменениям конфигурации социального поля, масштаб которых нарастает с распространением и повышением эффективности технологии.

Социально-технические инициативы, исходящие из метафоры Киборга, подвержены риску пренебрежения живым компонентом связи «человек – машина» в пользу неживого. Причем отрицательные последствия для человека могут состоять как в столкновении с «недружественными интерфейсами», когда взаимодействие с машиной будет непродуктивным или контрпродуктивным (или доступным только привилегированной группе, выступая фактором социальной сегрегации), так и в попадании в зависимость к «сверхдружественным» машинам, способствующим атрофии социальных (или физических) навыков, выступающим поставщиками альтернативных реальностей.

Процессы, лежащие в основе становления метафоры киборга, по отношению к социальной реальности носят, как отмечает M. Gandy, эволюционный, почти естественный характер: «Био-политические динамики современного города зародились при расширении гибридных отношений между телом, природой и городским пространством, так что структура города стремится к киборгическому синтезу между физиологическими нуждами человеческого тела и физической инфраструктурой города» [9]. Однако здесь следует помнить, что научно-технический прогресс во многом отменяет естественную эволюцию, и вектор дальнейшего движения технологии, преобразующей социальное пространство, зависит уже не от природы, а от конкретной социальной силы, занимающейся внедрением социально-технических инициатив.

Отсюда становится очевидной необходимость разработки нового социально-философского синтетического концептуального подхода, который был бы способен

интегрировать ключевые предпосылки новейших достижений общественной мысли и выстраивать на их основе теоретико-практическую архитектуру внедрения социальных технологий. Основными аспектами такого подхода должны стать теоретическая гибкость, т. е. отсутствие догматизируемого ядра, возможность монтирования и демонтажа концептов без ущерба для целого, интеграция социально-философского содержания теоретических и практических достижений в различных областях научной мысли.

Таким образом, становится возможным сделать социально-философские концепции актуальными для социума, повысить теоретическую гибкость и эффективность решения концептуальных проблем в самой социальной философии, а также способствовать упорядоченному, а не хаотичному внедрению новых технологий в жизнь общества. Важнейшую роль в этом должен играть анализ основных социально-философских метафор и последствий выведения из них практических социально-технических инициатив. По сути, эти метафоры являются теоретическими набросками возможного устройства социальной сферы. И некритическое использование целостных образов общества или их фрагментов при современном уровне технологического обеспечения в долгосрочной перспективе может привести к непредсказуемым последствиям. Здесь и выходит на первый план необходимость обращения внимания социума на теории социальной философии прежде, чем на возможности социальной технологии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Luhmann N. System as Difference // Organization. Vol. 13 (1). January 2006. P. 46.
2. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-традиция, 2009. С. 44.
3. Fuchs S. Against Essetialism: A Theory of Culture and Society. Harvard: Harvard University Press, 2005. P. 305.
4. Кукурников Д. Г. Теория общества в XX в.: от Парсонса до Гидденса: моногр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 21.
5. Grosz E. Bodies-Cities // The Feminism and Visual Culture Reader. London: Routledge, 2003. P. 510.
6. Ibid. P. 512.
7. Fuchs S. Op. cit. P. 16.
8. Gandy M. Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. Vol. 29. P. 29.
9. Gandy M. Zones of Indistinction: Bio-political Contestations in the Urban Arena // Cultural Geographies. 2006. Vol. 13. P. 504.

УДК 130.2

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК СПОСОБ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Е. Черникова

DIALOGUE OF CULTURES AS THE MODE OF SOCIAL AND CULTURAL INTERACTION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

V. E. Chernikova

В статье рассмотрены особенности диалога культур как способа социокультурного взаимодействия в условиях глобализации. Автором подчеркнуто, что с развитием культурных коммуникаций диалог обеспечивает все большее понимание между народами, и сделан вывод о том, что в осуществлении диалога культур современной России важным звеном является консолидация, основанная на объединении и сплочении культур с учетом их этнокультурных особенностей.

The article reveals the peculiarities of cultures' dialogue as specific mode of social and cultural interaction in the context of globalization. It is underlined, that in connection with the development of cultural communications the dialogue promotes understanding between nations. There is the conclusion that consolidation is the main form of dialogue of cultures in modern Russia. The consolidation is based on joining and unity of cultures taking into account their ethnocultural specifics.

Ключевые слова:
глобализация, диалог культур, диалог цивилизаций, консолидация, интеграция, этнокультурный диалог.

Keywords:
globalization, dialogue of cultures, dialogue of civilizations, consolidation, integration, ethnocultural dialogue.

Интенсивное взаимодействие различных культур, активный обмен материальными и духовными ценностями, формирование глобальной культуры при одновременном усилении национально ориентированных настроений актуализировали проблему диалога культур. Особой темой в полемике глобализации является судьба не только общемировой культуры, но и локальной. Не вызывает сомнений, что «одинаковость» культуры не лучший спутник человека на пути в будущее. По мнению В. И. Толстых, «единство как единообразие (унификация) норм, стимулов и способов действий и поведения, возможно, и обеспечивает цели экономического и технологического прогресса, но в сфере духовной культуры это не так. Здесь законом и принципом развития является многообразие, нетождественность национальных культур, традиций и ценностей» [1]. В. И. Толстых также отмечает, что многообразие культурных альтернатив не является препятствием для единения и интеграции миров, оно не только возможно, но и необходимо человечеству, чтобы сохранить себя и выстоять перед лицом нынешних и грядущих глобальных

проблем и вызовов. Глобализация – внутренне противоречивый процесс, в котором одновременно наблюдаются как тенденции к унификации, т. е. уменьшению культурного разнообразия, так и тенденции диверсификации, т. е. отстаивания своего культурного своеобразия, самостоятельности, культурной локальности.

В конце XX – начале XXI века принятие самоценности любой существующей на Земле культуры и необходимости сохранения локальных культур, защиты от глобальной культурной агрессии требует новых видов культурного взаимодействия. Самым перспективным представляется диалог между существующими культурами с его имманентной установкой на равенство и партнерство, обеспечение миропорядка, культурной стабильности. По мнению В. И. Толстых, в современных условиях «нужна новая идеология диалога, которая может быть выработана путем перекрестного консенсуса двух господствующих ныне мировоззренческих ориентаций и типов мышления – антропоцентричного („западного") и космоцентричного („восточного"). Первый зиждется на логике обладания и господства, второй – на логике мудрости» [2].

Проблема диалога культур в условиях глобализации отражает актуальные формы социокультурного взаимодействия, отличительным свойством которого является усиление универсальных мировых культурных связей. Одна из наиболее характерных черт современного развития человечества состоит в усилении тенденции к интеграции и взаимовлиянию, интернационализации мировых процессов. Такой поворот общечеловеческой истории связан в первую очередь с жизнедеятельностью европейской цивилизации, существование которой требовало постоянного самовоспроизводства, расширения вглубь и вширь.

Диалог – это средство поиска соответствия между различными семантическими структурами или, напротив, обнаружения невозможности такого согласования. В этом смысле говорят о диалоге культур и цивилизаций. В процессе диалога напряжение конфронтации ослабевает и в идеале стремится к тождеству позиций субъектов взаимодействия.

Ситуация, сложившаяся в современной культуре, носит амбивалентный характер. С одной стороны, существует представление о множественности равноправных культур, их самоценности и уникальности, с другой – необходимо возникает мысль об интегрирующем начале, создающем культурное единство, без которого невозможно существование человечества в начале XXI столетия. Что же может служить основой, которая создает связи между культурами, делает межкультурное взаимодействие принципиально возможным? Опираясь на мнение Л. П. Карсавина, можем ответить так: «духовно-душевная деятельность человечества», лишенная «пространственной разъятости», имманентно содержащая в себе элементы «всеединства», теряющая всякую ограниченность «в высшей сфере духовности» [3]. Идеи Л. П. Карсавина имеют научную ценность сегодня, ибо в них заложена основная мысль, которая определяет современное понимание диалогичности культур. Он рассматривает культуру и ее составляющие как отличные друг от друга «субъекты», обладающие независимостью по отношению к другому и в то же время внутренней готовностью к постижению сути другого.

Генезис диалоговой составляющей культуры уходит в отдаленное прошлое и непосредственно связан с развитием языка и понятийного мышления. Нет такой культуры, в которой бы отсутствовали диалоговые формы. Если принять проводимое некоторыми авторами разграничение культур на современные (модернистские) и

традиционные, то очевидно, что диалог преобладает в первых. Начало модерна обычно связывают с эпохой Возрождения, но исходный импульс этой традиции следует искать в Античности. Индивидуализм как цивилизационная доминанта, как главное, сущностное начало социализации, способствовал формированию радикально свободных индивидуальных сознаний, выработке уникального соотношения приватности и публичности. Такое качество общественной жизни неразрывно связано с интенсивными формами диалога.

Закономерно, что именно античная культура выработала высокоразвитые формы культуры диалога – обсуждение политико-правовых проблем в народном собрании, моделирование публичных форм диалога в античном театре и классическую философию Древней Греции. Философия Сократа и Платона имеет принципиально диалоговую природу. Аристотель придает диалогу упорядоченный вид, формулирует начала научной критики и становится родоначальником того, что впоследствии станет академической традицией. Для критического, диалогизирующего сознания не существует никаких запретов, оно уникально свободно для своего времени. Мораль, религия, общество и государство становятся предметом свободного исследования.

В эпоху Возрождения диалог вновь становится важным контекстным элементом общественной культуры, а в Новое время европейская философская мысль развивается преимущественно как антитеза монологичному христианскому мировоззрению. В истории философской мысли XIX века генезис внутреннего диалога философской культуры трансформируется под влиянием преодоления универсально-идеального начала. Человек определяется в реальности, воспринимает и анализирует факты конкретного чувственного опыта, опираясь на некие предыдеи, которые организуют этот чувственный опыт. В XX веке проблематика диалога культур приобретает самостоятельное значение. Над концептуализацией понятия «диалог» работал М. М. Бахтин, который понимал его как универсальный метод исследования не только человеческой личности, но и культуры, когда культурная основа делает диалог живой потребностью повседневного бытия людей. Основными положениями методологии Бахтина можно назвать следующие требования: исходить из целостного понимания культуры и учитывать ее специфику; использовать комплексный подход в изучении сущности культуры; учитывать аксиологическую составляющую различных культурных процессов и ориентироваться на гуманистические ценности при оценке поступка; стремиться познать внутренний мир феномена культуры посредством диалога с ценностно значимым текстом [4]. Можно выделить два основных вида диалоговых отношений в культуре: внутренний и внешний диалог. Внутренний диалог – это диалог, развертывающийся в культуре, в состав которой входит две, три и более субкультур, испытывающих потребность во взаимных контактах. М. М. Бахтин, а затем В. С. Библер убедительно показали, что диалог может происходить не только между разными социальными субъектами, он идет и внутри каждого социального субъекта, в том числе в сознании каждого отдельного человека, где присутствуют две разные позиции сознания. «Другое» сознание возникает в процессе освоения норм культуры, в результате которого часть из них становятся «моими», частицей моего «Я», часть же – не принимаются, отвергаются и закрепляются в сознании как «чужое».

Внешний диалог осуществляется на границе с другим культурным смыслом. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила, мы ищем

в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [5].

Современная интерпретация диалога требует рассмотрения его как сущности и основы социокультурного взаимодействия человека с позиции социосинергетической методологии. Данный подход позволяет рассматривать как межличностный диалог, так и диалог в культуре с учетом вариативности личностного начала и степени глобализации культуры. Диалог призван преодолеть деструкцию, энтропию, минимизировать возможности социальных катастроф. В ракурсе социосинергетической методологии диалог представляется инвариантной сущностью социокультурного взаимодействия, то есть диалог реализует свойство структурного самоподобия на всех уровнях социокультурной реальности. Исходя из методологической установки, предложенной А. Назаретяном [6], предлагаем рассматривать диалог как социальный фрактал. Название «фрактал» получили объекты, обладающие свойством структурного самоподобия. Фракталы активно используются для описания структуры физического пространства в силу следующих свойств: фрактал не имеет определенного начала и завершения, имеет структурную организацию, обладает свойствами самоорганизации, не имеет выделенного центра. Аналогичные свойства можно определить и у диалога. Диалог никогда не может быть принципиально завершен, он может происходить между культурами, государствами, группами, личностями или даже в мыследеятельности одной личности. Диалог имеет четкую структуру, которая повторяется на всех уровнях социального бытия: субъекты, предмет диалога, пространство диалога и взаимосвязи между этими тремя элементами. Сущность диалога как принципа взаимодействия остается неизменной со времен становления человеческого общества. Он неизменен на Западе и на Востоке, в периоды Античности и Нового времени, среди мужчин и женщин, и в этой глобальной неизменности коренится максимальная вариативность. Диалоги разных культур и народов приобретают особенности социокультурного контекста, но сущностное ядро, заключающее в себе все основные признаки своих конкретных реализаций, остается неизменным.

Диалог содержит в себе как потенциал упорядоченности, так и потенциал хаоса, что позволяет социальной системе, находящейся в диалогическом взаимодействии, быть в состоянии стабильного поступательного развития, а не статического застоя. Диалог принципиально децентричен, то есть совершается между равными субъектами, в процессе реализации диалога центр переходит от одного к другому; диалог актуализирует переход потенциального бытия в актуальное, что осуществляется во взаимодействии.

В диалоге мы выделяем те же черты, что и у фрактала, и предполагаем, что диалог, являясь социокультурным фракталом, соответственно способен организовывать социокультурное взаимодействие как фрактальный процесс, то есть создавать возможность и способность взаимодействия человека; сохраняя инвариантную структуру, осуществляться в различных масштабах, видах и типах. Утверждение диалога как социокультурного фрактала ведет к тому, что возможно, рассмотрев диалог и его свойства на одном уровне социокультурного бытия,

спроецировать данное знание на более сложные и трудно поддающиеся анализу уровни. Фрактальная трактовка диалога предполагает его атрибутирование именно как социокультурного процесса, как переходного состояния социокультурной системы, когда вариативность личностного начала предопределяет бифуркационность каждой реплики диалога, а объективно заданная людям социальная система обеспечивает стабильность. Таким образом, в диалоге хаотичность, нестабильность посредством структурной организации и наличия свойства самоорганизации постепенно эволюционирует к устойчивому, упорядоченному целому.

Естественно, что время существования устойчивости имеет вероятностные характеристики: чем активнее личностное начало, тем чаще будет воспроизводиться цикл «хаос – порядок». Надо отметить, что для социокультурной системы продуктивным является частая цикличность, а не долгие периоды застоя, а потом резкие скачки, приводящие к разрушительным последствиям.

Современная культура может вступать в диалог только как целостность, характеризуемая единством смысла, его завершенностью, определенностью. Даже если культура в периоды кризиса «ищет» новую парадигму своего существования, она и поиск этот осуществляет в «своей манере», на своем языке. Подобно тому как человек не может личностно состояться в пределах «глухоты к другому», культура не живет вне вечного поиска «другого», сравнения и сопоставления с ним. Потребность общения с другими культурами, отражения себя в них и отражения чужой культуры в себе составляет глубокую сущностную потребность всякой культуры. Культура как субъект диалога несет в себе не только свою сущностную основу, но и то множество выражений, которые актуализированы в определенных ее исторических состояниях. Речь идет об исторически уникальном «семантическом поле» культуры. Действительный синтез души культуры и смысловых ценностей таковой, характеризующих ее частное, дискретное существование, воплощен в уникальном «жизненном мире культуры». «Жизненный мир культуры» – это осуществленная взаимосвязь ее глубинного содержания и того поля значений, которое является доминирующим и определяющим специфику культурного содержания на конкретном отрезке ее существования.

Современная Россия вступает в диалог с Западом, и это совсем не та Россия, которая предстала перед изумленными взорами в эпоху петровских времен; различны Северный Кавказ XIX века и сегодняшний Северный Кавказ. Однако можем ли мы оспаривать, что, несмотря на историческое своеобразие и мировоззренческие проблемы, Россия остается Россией? Субъектность культуры и является нам через отстаивание последней своего содержания, своей духовной самостоятельности как ее конкретно-исторического существования.

Таким образом, рассматривая культуру как субъект диалога, необходимо учитывать не только уникальность ее семантического поля, взятого в определенный период, но и специфику исторической жизни в целом. Специфика исторического движения предполагает восприятие культуры в единстве ее исторической судьбы, содержания ее исторического выбора.

В условиях глобализации особое звучание приобретает тема диалога цивилизаций как диалога культур Запада и Востока. Человечество вступает в эпоху глобальной цивилизации, в которой многочисленные локальные цивилизации будут взаимодействовать, конкурировать, сосуществовать и приспосабливаться друг к

другу. Каждая из локальных цивилизаций вливается в мощный поток глобальной цивилизации, и данный поток является для каждого общества источником цивилизационного развития. Это порождающее воздействие мировой цивилизации и возросшее взаимодействие между локальными цивилизациями облегчает процесс модернизации, передачу технологий, ценностей, знаний и институтов из одного общества в другое.

Под диалогом цивилизаций мы имеем в виду взаимодействие различных социокультурных миров, каждый из которых осознает необходимость переосмысления собственных оснований и перспектив бытия перед лицом другого мира и относится к последнему как к расширяющемуся горизонту собственных практик. Диалог цивилизаций означает равенство народов и их позитивное сотрудничество. Диалог возможен только тогда, когда каждый из его участников уважает другого и относится к нему как к равному. Л. В. Мантатова отмечает, что «конкретные формы, которые примет цивилизация в процессе дальнейшей эволюции, будут зависеть от степени развития стратегического партнерства разных стран, общественных сил, локальных цивилизаций. Здесь сопоставляют различные интересы и ценности. И объединить их может общезначимая для всего человечества единая идея, или программа цель. Такой идеей может быть идея устойчивого (жизнестойкого) цивилизационного развития, то есть идея долговременного (в перспективе – бесконечного) существования человеческой цивилизации в гармонии с природой, окружающей средой, космосом» [7].

Основное содержание современного цивилизационного развития определяется диалогом цивилизаций Востока и Запада. Отношения между Востоком и Западом можно трактовать с точки зрения культуры, прежде всего как отношения философии Востока и Запада; с точки зрения возможности встречи западного и восточного мировоззрения; с точки зрения отношения католичества (Запада) и православия (Востока). Наконец, проблему отношений «Запад – Восток» можно поставить как вопрос о связях между Византией и Древней Русью внутри православия. Проблема «Запад – Восток» существует, так же и как внутренняя проблема русской культуры, как попытка определить исторический путь развития страны.

Так оказывается, что встреча Востока и Запада представляет собой событие мирового масштаба, в которое вовлечены и коэкзистируют различные культуры. Жизнь опрокидывает мифы о несовместимости цивилизаций Востока и Запада – развивается процесс «Великого Синтеза». Суть этого процесса можно проиллюстрировать на примере стратегии устойчивого развития Китая, которая ориентирует китайский народ на соединение материальной культуры Запада с духовной культурой Китая.

Если основное содержание современного цивилизационного развития определяется диалогом цивилизаций Востока и Запада, то именно России, как «Востоку-Западу» (Н. А. Бердяев), в силу своей уникальной исторической судьбы «суждено образовать новый социокультурный тип цивилизационного развития на основе синтеза противоположностей (технологической и экологической культуры, материального и духовного начала, капитализма и социализма, традиционных и либеральных ценностей и т. д.). Историческая миссия России состоит в том, чтобы реализовать этот ,,Великий Синтез”» [8]. Таким образом, диалог в данном контексте выступает как «синтез» культур Востока и Запада, направленный на становление нового интегрального типа цивилизационного развития.

Как известно, цивилизационная природа России оценивается и определяется исследователями неоднозначно. Так, О. А. Платонов говорит о «русской духовной цивилизации», противопоставляя ее западному потребительскому обществу [9]. В. Я. Пащенко употребляет термин «евразийская цивилизация» для характеристики российской идентичности [10]. Достоинство данного определения, по сравнению с понятием русской цивилизации, состоит в том, что оно, во-первых, отражает многонациональный и поликонфессиональный характер России, во-вторых, фиксирует положение России как связующего звена между Востоком и Западом в рамках единого евразийского континента. На наш взгляд, Россия представляет собой самостоятельную цивилизацию, занимающую достойное место среди других цивилизаций Запада и Востока. У нас своя историческая судьба, свои духовные ценности. Возникает вопрос: что может предложить миру Россия в ходе диалога цивилизаций? Прежде всего, продукты духовного производства, новые идеи и технологии. «Положительную роль мог бы играть духовный фактор, – писал Н. Н. Моисеев, – система российских традиций, позволяющая сочетать многие особенности европейского Запада и тихоокеанского Востока. Разумное использование обеих этих возможностей может открыть для нашей страны достаточно оптимистические перспективы» [11]. Именно Россия в силу многонациональности и поликонфессиональности может предложить миру пути разрешения межцивилизационных конфликтов и противоречий.

Диалог между культурами осуществлялся всегда. В последний период в связи с развитием культурных коммуникаций он стал носить более противоречивый характер, что находит выражение в конфликте двух тенденций. С одной стороны, культура каждого народа, определяя его духовную уникальность, выражая его творческие силы и способности, одновременно становится в связи с интенсивным развитием коммуникативных процессов и технологий достоянием всего человечества. Осуществляемый в различных формах диалог обеспечивает все большее понимание между народами, способствует выявлению его духовной уникальности. С другой стороны, культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и диалогу стали в последнее время одной их ведущих причин межэтнических войн и международных конфликтов. Характер современных мировых межкультурных отношений определяет многоуровневое взаимодействие глобальных региональных систем: Север – Юг, Восток – Запад, Запад – Запад.

Основными способами взаимодействия между культурами, определяющими их диалоговый характер, являются консолидация, ассимиляция и интеграция. Наиболее яркое проявление этих форм культурного диалога можно найти у народов Северного Кавказа, изучение культурного наследия которого позволило выявить особенности и специфику культурного диалога. На ранней стадии развития культуры доминировали интеграционные процессы, в результате произошло слияние локальных культур и образование общих культурных традиций. Включение в местную кавказскую автохтонную среду многочисленных внешних импульсов (военные контакты, распространение христианства и ислама) способствовало ассимиляции культур и народов. В результате этого население региона начало представлять собой пеструю мозаику как в языковом, этническом, культурном, так и в антропологическом отношении.

Если до XVIII века культура Северного Кавказа развивалась благодаря внешним культурным контактам, то с XVIII века активизируется внутрикультурный

диалог. Основным результатом его было формирование горской культуры – как пример единения этнических культур Кавказа. Диалогичность горской и русской культур осуществлялась в следующем направлении: интерес и стремление русской культуры понять культурные традиции Северного Кавказа, что выразилось в просветительской и художественной деятельности; обогащение русской культуры кавказской тематикой.

В осуществлении диалога культур модернизирующейся России важным звеном является консолидация, основанная на объединении и сплочении культур с учетом их этнокультурных особенностей. Специфика современного диалога состоит в том, что восприятие культуры отдельным народом имеет универсальный характер, хотя шкала ценностей отличается вариативностью, а диалоговые формы выражают культурную особенность этноса. Значительную роль в процессе консолидации могут сыграть: религия с ее способностью к этноконфессиональной толерантности; ритуальность этнокультуры как своеобразный механизм поддержания общности и единства культуры; поликультурное воспитание, от совершенствования которого во многом зависит эффективность процесса оптимизации межкультурного диалога. Основной принцип поликультурного воспитания и образования заключается в диалоговом обучении, которое рассматривает человека не только как субъекта воспитания, но и как уникальный мир культуры. Здесь в диалогическое взаимодействие вступают конкретные культуры, национально-этнические образования во всей совокупности форм и содержаний. Культура, таким образом, выступает в роли субъекта взаимодействия (диалога) с другой культурой, прежде всего как самобытная этническая традиция, самостоятельное культурное образование. Этика толерантности и свободы, а также приобщение к общечеловеческим ценностям составляют основу данного процесса.

Человечество неоднородно в национальном отношении. Эта разность, разделенность, с одной стороны, есть источник непонимания, отчуждения, напряженности и сложности в отношении между людьми, с другой – основа познания и самопознания, понимания и взаимообогащения. «Тоска по мировой культуре» (О. Мандельштам) предполагает постоянную духовную работу и поиск духовного отклика, способного преодолевать культурные границы, устанавливать единое духовное содержание. Но только через признание полноты индивидуальных воплощений культуры.

В заключение отметим, что в современном социокультурном бытии принцип диалога распространяется не только на межличностные отношения, но и на отношения между культурами и цивилизациями. Это значит, что главная задача современного человечества – радикальное изменение жизненной позиции человека в сторону «„воли к диалогу” со всем, что его окружает в мире, равно как и с самим собою» (М. С. Каган).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Толстых В. И. Будущее цивилизации в контексте диалога культур // Диалог культур в глобализирующемся мире. М., 2005. С. 173.
2. Там же. С. 168.
3. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ, 2007. С. 97–98.

4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 7.
5. Там же. С. 354.
6. Назаретян А. П. Взаимодействие культур и социумов в контексте всемирной истории. М.: ЛКИ, 2007.
7. Мантатова Л. В. Стратегия развития: ценности новой цивилизации. Улан-Удэ, 2004. С. 235.
8. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации: путь разума. М.: Языки славян. культур, 2000. С. 254.
9. Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 9.
10. Пащенко В. Я. Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003.
11. Моисеев Н. Н. Указ. соч. С. 249–250.

УДК 101.1:316

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ СЕМЬИ КАК СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

А. А. Чуприна

FAMILY AS CONSTANT EXISTENTIAL AREAS OF SOCIAL LIFE

A. A. Chuprina

В статье предпринята попытка социально-философского осмысления экзистенциальных констант семьи, объясняющих ее онтологическую значимость как важнейшей составляющей жизнедеятельности человека и общества; рассмотрены основные уровни проявления экзистенциальных оснований семьи как сферы социального бытия.

The article attempts to social and existential philosophical interpretation of the constants of the family, explaining its ontological significance as a major component of human life and society. There are main manifestations of the existential grounds' levels of the family as a sphere of social existence.

Ключевые слова:
семья, сфера социального бытия, социальная сущность, экзистенциальные константы.

Keywords:
family, sphere of social existence, social essence, existential constants.

Обращение к социально-философскому опыту, накопленному отечественной и зарубежной наукой в процессе становления и развития ее теоретического базиса и методологического аппарата в области семьи и семейных отношений, направлено на выявление его значения и возможностей более глубокого изучения и использования для решения практических задач с учетом современных условий общественного

развития. Это актуализирует необходимость изучения экзистенциальных констант семьи как сферы социального бытия, что приобретает исключительно важное значение в условиях социальных трансформаций и противоречий современного этапа общественного развития. Повышение роли и значения семьи как одного из факторов социальной стабильности в обществе требует философского осмысления ее значимости как сферы бытия личности и общества.

Суть данной работы заключается в том, чтобы понять, каким образом семья, как наличествующая сущность, утверждает себя во всех областях жизни человека и общества в качестве сферы социального бытия, в качестве необходимого «предприятия». В такое «предприятие» входит больше, чем просто образ жизни, взаимодействия, методы воспитания, принципы отношений, ибо всякое предприятие заранее уже нуждается в раскрытой сфере для своего развертывания и функционирования. Но именно раскрытие такой сферы, осмысление экзистенциальных констант ее функционирования и есть основополагающий шаг к пониманию сути проблемы.

В связи с этим представляется важным анализ фундаментальных экзистенциальных оснований семьи как сферы бытия человека и общества. Такая ориентация предполагает использование интегративного подхода к осмыслению данной проблемы с приоритетным вниманием к процессам сознательного активного формирования человеком своего внутреннего мира. Здесь имеется в виду, прежде всего, восприятие и оценка человеком социальных явлений, своего места в них, социальных перспектив, места и роли в этом процессе семьи, выстраивание и корректировка ценностных предпочтений, сознательный выбор жизненной стратегии.

Проблема исследования экзистенциальных констант семьи относится к такому разделу философского знания, как антропология. Изучение семьи как сферы социального бытия – приоритетная область онтологии. Но в рамках интегративного подхода к рассмотрению поставленной проблемы следует заметить, что антропология в своем развитии необходимо выливается в онтологию, а онтология всегда имплицитно содержит антропологию. Следовательно, семейные условия в решающей степени предопределяют жизненный путь человека. Кроме сознательного, целенаправленного воздействия, которое оказывает непосредственно на человека семья в лице родителей и других ее членов, на личность воздействует вся внутрисемейная атмосфера, духовная составляющая семьи. Причем «*эффект этого воздействия накапливается с возрастом и преломляется, в дальнейшем, в структуре личности*» [1]. Можно сказать, что семья обеспечивает условия субъективного мировосприятия личностью себя и окружающей действительности, задавая совершенно четкие и определенные установки и позиции в дальнейшей жизнедеятельности человека и реализации себя в обществе.

Семья, выступая сферой жизнедеятельности человека и общества, аккумулирует в себе в той или иной степени весь спектр общественных отношений, реализуя свою социальную сущность. Поэтому представляется целесообразным выделить следующие уровни проявления экзистенциальных констант семьи: духовный, материальный, социальный, творческий.

В духовном плане семья выступает как сфера реализации чувств, устремлений и сил человека. Теоретическое осмысление и практический опыт изучения семьи как важнейшей сферы формирования духовности человека, семейных отношений в контексте социальных процессов в философской науке явно недостаточен.

Этот вопрос развивался преимущественно в трудах православных богословов и мыслителей религиозной философии, видевших свое служение в педагогической деятельности. Проблемы семьи и семейных отношений в философском осмыслении нашли отражение, прежде всего, в трудах Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, И. А. Ильина, В. С. Соловьева.

На материальном уровне семья характеризуется как «первичная ячейка» общества, ведущая совместное хозяйство и выступающая составной частью всей экономической системы общества. Понятно, что экономическое положение семьи обусловливается степенью развития труда общества и возможностями пользования средствами производства.

В социальном плане семья представляет собой социокультурную ценность, особого рода социокультурный феномен, подчиняющийся государству, и поэтому в семейных отношениях присутствуют политика и идеология, относящиеся к компетенции государственных органов. Семейные отношения являются отражением культурных, нравственных, социально-этических норм общества, представляющих собой систему воспроизводства энергии с участием природных, экономических и технических факторов.

В аспекте творческой сущности семья проявляет себя как сфера реализации индивидуальных, субъективных возможностей и особенностей человека, транслируемых в социум с целью культурного и духовного обогащения общества в плане его устойчивого развития и функционирования.

Понятно, что социальное бытие многомерно, а человеческая предметность имеет особый характер. Предметное бытие человека не совпадает с его телесным бытием. Бытие же человеческих предметов не тождественно их вещественности. Эти особенности предметного бытия людей обусловлены тем, что их предметность живет по законам полифонического социального процесса. Каждое субъективированное человеческое бытие и каждое бытие человеческого предмета оказываются точкой пересечения многих траекторий человеческой деятельности, разных связей человеческого взаимодействия.

Что касается сферы непосредственного опыта, то здесь человек постоянно имеет дело с дискретными актами, вещами, индивидами. Суть же социального процесса заключается в его постоянном возобновлении. Поэтому человек никогда не есть, он всегда «становится» и в процессе становления, по закону диалектики, меняет этот мир. Если бы социальный процесс не возобновлялся в своих дискретных моментах, то он не мог бы сохранять и свою континуальность (непрерывное многообразие). Эта непрерывность обеспечивается тем, что социальный процесс протекает в обособленных вещах и человеческих индивидах. Он обнаруживается и в тех и в других, хотя и различным образом. Эта специфика действия социального процесса в обособленных индивидах и предметах является единственным объяснением взаимообусловленности таковых при отсутствии их непосредственных контактов. Но именно благодаря этой взаимообусловленности и изменениям и сохраняются те экзистенциальные константы, к которым всегда стремится человек и которые могут быть обретены только в семье, как сфере социального бытия, создаваемой человеком, но проявляющей себя в социуме.

Проблема дальнодействия в социальном процессе до сих пор недостаточно оценена и осмыслена, хотя многие вопросы практического, теоретического и

культурного характера связаны именно с ней. По мнению исследователей (Н. Гартман, А. Нилогов, М. Томпсон и другие), *по мере того как сохранение социальной связи на дистанциях пространства и времени будет обретать смысл для все большего числа людей, осмысление этой проблемы станет перемещаться из сферы сугубо методологической в сферу повседневных человеческих забот* [2]. Там, где мы оказываемся перед нестандартной продукцией человеческого созидания, каковой является семья, а следовательно, и перед задачей реализации различных аспектов деятельности индивида, его личностных качеств и способностей, – там требуется переработка этого представления с тем, чтобы придать ему содержательную глубину и выявить его конкретную многомерность.

Социальное бытие было первоначально обнаружено в объекте, в его движении, взаимодействии с другими объектами. Социальные свойства объекта разворачиваются во времени, как форме человеческой деятельности, выступая ее представителями, обнаружениями этого процесса. Обнаружение социальных констант семьи предполагает конкретное человеческое усилие, согласование деятельных способностей индивидов с формой, приданной предмету действиями другого человека. Даже в актах потребления данный созидательный момент обязательно присутствует. И человеку необходимо иметь развитые духовные силы, чтобы все это открывать и использовать для себя. Именно духовность, как свойство человека, определяет возможности и качественные характеристики экзистенциальных констант семьи и семейных отношений. Если духовные силы ослаблены или не сформированы в достаточной степени, индивид обнаруживает свою неспособность к жизнедеятельности в данной сфере социального бытия и, по сути, оказывается в положении ребенка, который может существовать только с помощью взрослого, то есть развитого человека. В таком случае человек оказывается неспособным на прочные длительные нравственные отношения с одним партнером. А семья, как известно, в сущности своей представляет длительный, а в идеале – пожизненный союз с одним партнером. Таким образом, семья, как сфера социального бытия, одновременно и отражает, и обеспечивает условия формирования экзистенциальных констант, без которых полноценная жизнедеятельность и социально-личностная реализация человека невозможны.

Семейные отношения представляют собой весьма убедительные формы человеческого общения, сопрягающие чувства, желания, умения и силы людей. Они обнаруживают эту метафизическую способность, как только включаются в живое движение деятельности, раскрывая свою многомерность, попадая в жизненный процесс развивающейся личности ребенка и взрослого. Именно в отношении к развитию личности семья на микроуровне выявляет связность своих функциональных, социальных, межчеловеческих, физических измерений, выполняя как специфические, так и неспецифические функции в обществе.

Но в этом же отношении обнаруживаются, с учетом конкретно-исторических условий, и диссонансы функциональных, социальных и физических измерений, неспособность социальных стандартов выразить сущностные метафизические характеристики семьи. По мнению философов, *только в причастности к семье, как сфере социального бытия, человек оказывается способным понять, что является «мерой всех вещей», что многогранность мира, раскрывающаяся в потоке переплетенных человеческих деятельностей, этим потоком не исчерпывается,*

что именно причастность к данной сфере бытийности обеспечивает личности возможность осуществления своих контактов с миром [3]. Данное утверждение объясняет онтологический характер наличествующей ценности семьи как сферы социального бытия.

Творческая константа семьи проявляется в способности человека открывать и воссоздавать в своей жизнедеятельности социальные свойства, что предполагает в нем носителя и творца подобных же свойств. Он овладевает социальной формой предмета потому, что владеет социальной формой своего собственного предметного бытия, находится в этой форме, выявляет ее границы, преодолевает их.

В рамках социологизаторского подхода специфически человеческое бытие складывается из ряда форм, которые взаимопредполагают, взаимообусловливают друг друга и не находятся в отношении субординации. К ним относятся индивидуальное, семейное, социальное и духовное бытие, проявляющиеся в формах общественного сознания, одной из которых является семья. Как отмечает Б. С. Шалютин, в социальном бытии происходит *«самоусреднение» человека, его самоограничение*. *«Человек загоняет себя, свою неповторимую индивидуальность в ту ровную и круглую стандартную форму, в какой его объективно только и может принять социальный механизм. Получается, что социальное бытие представляет собой сферу ,,самоограничивающую" и ,,самозажимающую" сущностные проявления индивида. В противоположность этому, семейное бытие есть бытие свободное. Социум – область необходимости. Семья же – область свободы»* [4]. Только в семье человек становится самим собой во всей полноте своих сущностных сил и устремлений. И в то же время индивид сам создает эту сферу бытия.

Социальный мир по отношению к человеку есть мир, к которому человек применяется, приспосабливается как к данности. Семья же есть мир, который человек строит сам. Таким образом, семья становится *«сферой творческого бытия человека, причем творчества не отвлеченно интеллектуального, как, например, наука или искусство, а, прежде всего, личностного, то есть, наиболее цельного, выражающего человеческую сущность в ее полноте и целостности»* [5].

Определение процесса человеческого бытия в терминологии чувственного и сверхчувственного рассматривается классической наукой и философией, которые концентрируют описание бытия вокруг чувственных данных человеческого познания, сводя трактовку бытия к границам чувственного познания. Одно из древнейших изречений греческой мысли о бытии сущего гласит: *«Мышление и бытие есть то же самое»* [6]. В этом выражении Парменида говорится о том, что принадлежит бытию, ибо оно требует и обусловливает внимание к сущему. Сущее есть то возникающее и самораскрывающееся, что своим присутствием захватывает человека как присутствующего при нем, то есть такого, который сам открывается присутствующему, выслушивая его. У Аристотеля в «Этике Никомаховой» находим: *«Совершенное счастье есть некая теоретическая действенность, то есть, такая теория, которая одновременно есть полнота действительности, ,,энергия"»*. Плотин еще больше заостряет эту мысль: *«Практика есть то, во что сползает человек, обессилевший душой для теории. Люди, когда у них перестает хватать силы для мысли, начинают заниматься тенью мысли – практикой»* [7].

Продолжая эти размышления, можно сказать, что экзистенция человека определяется не через его противопоставление сверхчувственного чувственному.

За этим скрываются процесс, организованность, развернутость в пространстве и во времени человеческих деятельных сил, их кристаллизации в формах предметности, их функционирование в виде социальных связей, их композиции, закрепляющиеся в разных социальных институтах, одним и наиболее важным среди которых является семья.

Следуя логике дальнейших рассуждений, стоит заметить, что в философской науке существует традиция противопоставления сверхчувственного чувственному по аналогии с тем, как противопоставляется духовное и телесное, сознание и бытие. Сверхчувственное оказывается формой бытия, а сознательное и духовное – выражениями сверхчувственной сложности человеческого бытия, его континуальности. Здесь же обратим внимание на взгляды М. Хайдеггера, который указывал, что *«сущее становится сущим не от того, что человек его наблюдает в смысле представления рода субъективной апперцепции. Скорее, сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе»* [8]. В этом плане семья оказывается связующим звеном обособленных социальных предметных и индивидных аспектов деятельности, открытием неявных связей человеческого процесса. Она становится организующей силой человеческой деятельности именно потому, что вводит в самоотчет человека наличие дальнодействующих в пространстве и времени актов человеческого бытия, включает их в формирование его поступков. В этой связи представляется возможным вспомнить Аристотеля, утверждавшего, что *«быть сущим – значит принадлежать к определенной иерархической ступени сотворенного бытия и в таком подчинении отвечать творящей первопричине»* [9].

Далее находим у М. Хайдеггера: *«…и для того, чтобы осуществить свое существо, человек должен собрать, спасти, принять на себя раскрывающееся ему, сберечь его, каким оно открылось»* [10]. Причем у Аристотеля смысл этого близок к христианскому пониманию «спасения»: вернуть вещи и надежно сохранить за нею полноту ее существа. Примечательны в этом отношении слова С. Л. Франка: *«Всюду, где человек пытается замкнуться от трансцендентальной реальности, жить только в себе и из себя самого, силою своего субъективного произвола, – он гибнет, становясь рабом и игрушкой трансцендентных сил, именно темных, губительных сил. И притом, именно в этом положении, в опыте рабства, подчиненности чуждым силам, с особенной болезненностью и жуткостью узнается чистая трансцендентность – сверхчеловечность и бесчеловечность этих сил. Ибо именно тогда, когда трансцендентная сила, как бы, насильно врывается в замыкающийся от нее и мнимо замкнутый внутренний мир чистой субъективности, она врывается как чуждая, враждебная, порабощающая нас, чисто трансцендентная нам сила, которая лишена успокоительного, утешительного момента ее имманентности мне самому, ее интимного сродства со мной и сопринадлежности глубочайшему средоточию моего личного бытия»* [11].

Это напрямую относится к проблеме понимания экзистенциальных оснований семьи как сферы бытийности человека и смысла его существования.

Таким образом, экзистенциальные константы семьи, характеризующие ее как сферу социального бытия, объясняют онтологическую специфику семьи как важнейшей составляющей порядка людей и вещей. Это обеспечивает протекание повседневной жизни людей, их взаимодействия, особенностей непосредственного личностного бытия. В области социально-философского исследования изучение

экзистенциальных констант семьи как сферы социального бытия приобретает сегодня все большую актуальность, особенно с учетом реальных процессов современной действительности в условиях трансформирующегося российского общества и имеющих место тенденций переоценки традиционных ценностей и объективных условий цивилизационного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Петровский А. В. Семейная среда и жизненный путь ребенка // Петровский А. В. Дети и тактика семейного воспитания. М., 1981. С. 277.

2. Гартман. Н. К основоположению онтологии. М.: Наука, 2003. С. 64; Кто сегодня делает философию в России / сост. А. Нилогов. М.: Поколение, 2007. С. 576; Томпсон М. Философия науки / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 304.

3. Хубиев Б. Б. Семья в современном обществе // Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека: моногр. Нальчик, 2007. С. 63–70.

4. Шалютин Б. С. Об оппозиции семейного и социального: к постановке проблемы // Личность – семья – общество: социальные проблемы, тенденции, прогнозы: материалы докл. обл. науч.-практ. конф. Курган. 1994. С. 145–146.

5. Там же.

6. Агамов А., Горшков В. А. История древней и средневековой философии. Кн. 1. Ставрополь, 1994. С. 77, 98, 145–146.

7. Там же.

8. Аристотель. Никомахова этика // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 50, 154.

9. Там же.

10. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 52.

11. Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 405.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАЮКОВА Амина Борисовна, соискатель кафедры теории и истории социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова
Адрес: 360007, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

АБДУСАЛАМОВ Магомед-Паша Балашович, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, кандидат исторических наук
Адрес: 367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Атаева, 5

АВДЕЕВА Елена Сергеевна, аспирант кафедры логопедии Московского педагогического государственного университета
Адрес: 117452, г. Москва, ул. Азовская, 25, к. 4

АДАЯН Татьяна Алексеевна, аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

АРЗУМАНЯН Санта Суреновна, аспирант кафедры психологического консультирования Пятигорского государственного лингвистического университета, преподаватель психологии Пятигорского медицинского колледжа
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Бернардацци, 2

БАЛАЕВА Асет Рамзановна, старший преподаватель Чеченского государственного педагогического института, кандидат исторических наук
Адрес: 364051, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33

БАРАНОВА Юлия Михайловна, аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина
Адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

БОЧКАРНИКОВ Сергей Николаевич, соискатель кафедры социологии и психологии Нижегородского института управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46

БУЧАЕВ Мурад Гаджиевич, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, кандидат исторических наук
Адрес: 367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Атаева, 5

ВАНИНА Валентина Викторовна, аспирант кафедры социологии, социальной работы и молодежной политики Института международных социально-гуманитарных связей г. Москвы
Адрес: 123317, г. Москва, ул. Антонова-Овсеенко, 6, стр. 1

ВАНЯН Кристина Джибановна, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат юридических наук
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56

ВАСИЛЬЕВА Инна Анатольевна, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат социологических наук
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56

ГАЗИЗОВА Регина Расиховна, ассистент кафедры педагогики и психологии Стерлитамакской государственной педагогической академияи им. Зайнаб Биишевой
Адрес: 453103, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, 49

ГОНЧАРОВ Вадим Николаевич, профессор кафедры математических и естественно-научных дисциплин Ставропольского института экономики и управления им. О. В. Казначеева (филиал) Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, доктор философских наук, доцент
Адрес: 355047, г. Ставрополь, ул. Октябрьская, 184

ГРЕБЕНЮК Александр Викторович, соискатель кафедры социологии и политологии Адыгейского государственного университета, доцент кафедры туризма Кавминводского института сервиса (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса в г. Пятигорске

Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, б-р Гагарина, 1, к. 1

ГУРИН Максим Владимирович, аспирант кафедры философии, культурологии и этнологии Пятигорского государственного лингвистического университета

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

ДИБЦЕВА Наталья Алексеевна, соискатель кафедры теории и методики профессионального образования Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, методист Муниципального казенного образовательного учреждения дополнительного образования детей

Адрес: 369220, Карачаево-Черкесская Республика, с. Коста Хетагурова, ул. Советская, 12

ДОРОДНОВ Евгений Александрович, аспирант кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института

Адрес: 140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30

ДОЦЕНКО Наталья Васильевна, преподаватель Ставропольского краевого института развития образования и повышения квалификации работников образования

Адрес: 355000, г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, 60

ЖУПАНИН Святослав Олегович, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ИБРАГИМОВ Мовсур Муслиевич, профессор кафедры истории России Чеченского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Адрес: 364015, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Мельничная, 24

ИБРАГИМОВ Муса Муслиевич, заведующий кафедрой политологии и социологии Грозненского государственного нефтяного технического университета, доктор исторических наук, профессор
Адрес: 364015, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Нурадилова, 33

ИКАЕВА Роксолана Викторовна, аспирант кафедры теории и истории социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова
Адрес: 360007, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

ИЛЯСОВА Александра Арамовна, преподаватель кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9

КАЛИНКОВСКАЯ Светлана Борисовна, доцент кафедры дошкольного образования Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, кандидат педагогических наук, доцент
Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

КЕКЕЕВА Зинаида Очировна, декан факультета педагогического образования и биологии Калмыцкого государственного университета, доцент кафедры психологии, кандидат педагогических наук
Адрес: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

КИЛЬБЕРГ-ШАХЗАДОВА Надежда Васильевна, профессор кафедры теории и истории социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, доктор философских наук
Адрес: Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

КЛЕЩЕНКО Александр Александрович, преподаватель кафедры физического воспитания Воронежской государственной лесотехнической академии
Адрес: 394043, г. Воронеж, ул. Чехова, 71

КОЗЛОВА Надежда Алексеевна, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат исторических наук
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56

КОЙЧУЕВ Аскербий Дагирович, профессор кафедры отечественной истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, доктор исторических наук, профессор
Адрес: 369202, Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29

КОЛОСОВА Ольга Юрьевна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Ставропольского института экономики и управления им. О. В. Казначеева (филиал) Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, доктор философских наук, доцент
Адрес: 355047, г. Ставрополь, ул. Октябрьская, 184

ЛЯЩУК Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры туризма Кавминводского института сервиса (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса в г. Пятигорске, кандидат социологических наук
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, б-р Гагарина, 1, к. 1

МАСЛОВ Елисей Борисович, аспирант кафедры психологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой
Адрес: 453101, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49

МАЗУРЕНКО Андрей Петрович, доцент кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат юридических наук, доцент
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56,

ПАНИНА Елена Евгеньевна, доцент кафедры менеджмента туризма Владимирского института туризма и гостеприимства
Адрес: 600020, г. Владимир, ул. Михайловская, 63

ПРАВОСЛАВСКИЙ Стефан Сергеевич, аспирант кафедры истории зарубежной философии Воронежского государственного университета
Адрес: 394000, г. Воронеж, пр. Революции, 24

РАКАЧЕВ Вадим Николаевич, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук
Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

СТАРОДУБЦЕВА Татьяна Александровна, аспирант кафедры педагогики Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, ассистент кафедры иностранных языков Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации
Адрес: 432011, г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4

СТЕПАНЕНКО Наталья Викторовна, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат социологических наук
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56

ТИТЕНКО Юлия Александровна, доцент кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат юридических наук, доцент
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56

ТРУЖЕНИКОВА Людмила Анатольевна, доцент кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX века Дагестанского государственного университета, доктор исторических наук
Адрес: 367012, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Коркмасова, 8

ЧАПЛАШКИН Николай Владимирович, аспирант кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, главный специалист управления координации научных исследований ФУ
Адрес: 125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49, к. 221

ЧЕРНИКОВА Валентина Евгеньевна, профессор кафедры философии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук, профессор
Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

ЧУПРИНА Анжела Анатольевна, доцент кафедры философии и культурологи Ставропольского государственного педагогического института, кандидат философских наук
Адрес: 355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 а

ШАВЛОХОВА Елена Сергеевна, профессор-консультант кафедры истории, философии и правовых учений Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, доктор исторических наук, доцент
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т 40-лет Октября, 56

ШЕПЕЛЕВ Максим Владимирович, старший научный сотрудник кафедры физической и коллоидной химии Ивановского государственного химико-технологического университета, кандидат химических наук
Адрес: 153000, Ивановская область, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7

ЭННС Елена Александровна, старший преподаватель кафедры психологии филиала Российского государственного социального университета в г. Пятигорске
Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, Черкесское шоссе, 5

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ
(ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ)

Редакция журнала «Научные проблемы гуманитарных исследований» принимает к печати авторские рукописи по всем отраслям социально-гуманитарного знания, ранее нигде не публиковавшиеся.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через единичный интервал (все поля по 2 см), объемом не более 1 п. л. (22 с.). При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта Times. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая. Нумерация – по мере упоминания в тексте в квадратных скобках. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры и вуза); рабочий адрес (индекс); адрес (индекс) для рассылки авторского экземпляра; адрес электронной почты; контактные телефоны; 4) внешняя рецензия на статью; 5) шифр специальности и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах) необходимо отправить по адресу: 357500, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56.

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом, электронной почтой (red-inst@mail.ru).

Научно-теоретический журнал

НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск 4

Подписано в печать 20.04.2012.
Формат 178х250. Усл. печ. л. 35,2. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 64.

Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами,
в типографии ФГБОУ ВПО
«Пятигорский государственный гуманитарно-технологический университет».
Отдел оперативной полиграфии.
357500, Ставропольский край, г. Пятигорск,
ул. Октябрьская / пр. 40 лет Октября, 38/90.
Тел. 8 (8793) 39-04-89